

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

1979

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

Настоящий сборник — четвертый выпуск «Источниковедения отечественной истории» — посвящен источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. В статьях разрабатываются проблемы ленинского теоретического наследия в области источниковедения, вопросы истории первой русской революции, содержания и сохранности материалов акционерных компаний России, истории пореформенного крестьянства, разрядных книг как источника об организации обороны Русского государства и др. Впервые введен раздел «Публикации».

Редакционная коллегия:

БУГАНОВ В. И. (главный редактор),

БЕСКРОВНЫЙ Л. Г., БОВЫКИН В. И.,

БУЛЫГИН И. А., ЗИМИН А. А.,

КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., КУТЬЕВ В. Ф. (ответственный секретарь),

ЛИТВАК Б. Г., ПАШУТО В. Т., ЧЕРЕИНИН Л. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая вниманию читателей очередной сборник «Источниковедения отечественной истории», редколлегия считает необходимым отметить, что указанное издание, начиная с этого, четвертого выпуска, будет посвящено источниковедению истории СССР дооктябрьского периода¹.

В основном настоящее издание продолжит разработку тех направлений отечественного источниковедения, которые были намечены его редколлегией при подготовке и публикации первого выпуска².

Кроме того, редколлегия предполагает помещение в издании статей, посвященных другим специальным историческим дисциплинам. Предполагается также публикация уникальных источников, а также библиографических работ по источниковедению и специальным историческим дисциплинам. В соответствии со сказанным структура настоящего издания включает следующие разделы: общие проблемы источниковедения, конкретно-источниковедческие исследования, источниковедение и другие специальные исторические дисциплины, публикации.

В двух статьях первого раздела настоящего выпуска («Общие проблемы источниковедения») разрабатываются проблемы ленинского теоретического наследия в области источниковедения. В одной из них (автор Г. М. Иванов) критически рассматриваются буржуазные концепции исторического источника, характеризуются основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника (объяснение природы последнего, его отношения с исторической действительностью и историческим исследованием); автор другой статьи (М. А. Варшавчик), рассмотрев взгляды историков по поводу так называемой внешней и внутренней критики источника, предлагает для обсуждения специалистами соображения об иной структуре источниковедческой критики, включающей два ее вида: аналитическую (ее объект — отдельные источники, цель — получение отдельных фактов) и

¹ Советскому периоду посвящено специальное издание: Источниковедение истории советского общества. М., 1964. Вып. 1; 1968. Вып. 2; 1978. Вып. 3.

² Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1; то же, 1975. М., 1976; то же, 1976. М., 1977.

синтетическую (изучение комплексов источников и получение совокупности фактов).

В разделе «Конкретно-источниковедческие исследования» помещено 10 статей. Три из них так или иначе связаны с источниковедением истории первой русской революции: дается анализ большевистской газеты «Киевское слово» за август—ноябрь 1905 г. (В. Г. Сарбей), открытого письма рабочих (1908 г.) по поводу повести М. Горького «Мать» (И. С. Розенталь), «черных книг» фабрики «Э. Циндель» (В. В. Ложкин). К ним прилегают статьи с характеристикой источников по истории Московского «Рабочего союза» — первой социал-демократической организации в Москве (В. Ф. Кутьев), архивов и коллекций материалов русских акционерных обществ и их предприятий с приложением списка архивов СССР, где хранятся фонды акционерных обществ, и указанием общего количества этих фондов по отраслям промышленности (А. Г. Голиков).

В статье В. А. Виноградова на основе анализа крестьянских жалоб, прошений, а также записей о слухах и толках среди народа, антицаристских высказываний делается попытка охарактеризовать значение этих материалов как источников для изучения идеологии русского крестьянства после реформы 1861 г. О. Н. Бурдина, изучив и сопоставив ряд статистических источников второй половины XIX—начала XX в., показывает их значение для исследования исторических судеб дарственников — категории крестьян, появившейся в результате проведения той же реформы.

В. И. Недосекин анализирует дворянские и купеческие наказы в Уложенную комиссию 1767 г., подчеркивая их классовый характер, тенденциозность, показывает их значение для изучения социально-экономических процессов в стране, в частности развития капиталистических отношений. В статье В. И. Буганова дается оценка разрядных книг XV—XVII вв. как исторического источника, показано их значение для исследования вопроса о системе пограничной обороны в России указанного времени.

Итоги развития специальных исторических дисциплин за последние 10—15 лет подводятся в статье Н. А. Соболевой, отмечающей существенные сдвиги, изменения в постановке и решении ряда важнейших проблем (вопросы теории, терминологии, методики и др.).

В разделе «Публикации» помещена не изданная до сих пор часть писцовой книги Бежецкой пятины конца XV в., представляющая собой уникальный источник по социально-экономической истории. Редколлегия приносит глубокую благодарность всем ознакомившимся с рукописью сборника и сделавшим ряд ценных замечаний, которые учтены при его подготовке к печати. Научно-организационная работа по сборнику проведена О. Н. Бурдиной.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Г. М. Иванов

Творческая разработка теоретических проблем источниковедения является необходимым условием не только его дальнейшего развития и совершенствования, но и марксистско-ленинской методологии истории и историографии. Особенно важное значение в этом плане имеет всестороннее исследование вопросов теории исторического источника, привлекающих все большее внимание советских историков и философов¹.

Теорию исторического источника можно рассматривать как совокупность концептуально единых и систематизированных знаний, объясняющих его происхождение и сущность, закономерности отражения в нем действительности, а также его гносеологическую функцию в системе исторического познания. «Определение сущности источника, — по справедливому замечанию С. О. Шмидта, — должно стать задачей специального исследования, а точнее — комплекса исследований»². Эти исследования должны включить в себя рассмотрение исторического источника

¹ См., напр.: *Каштанов С. М., Курносое А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения. — Исторический архив, 1962, № 4; *Варшавчик М. А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. — Вопросы истории, 1968, № 10; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Устьянцев В. Б.* Исторический источник как специфическая форма отражения действительности. — В кн.: Ленинская теория познания и современная наука. Саратов, 1970; *Терешко М. Н.* Философские вопросы источниковедения в современной польской методологии истории: Автореф. канд. дис. Томск, 1971; *Антипов Г. А.* Исторический источник как средство познания и некоторые методологические проблемы источниковедения: Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973; *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973; *Беляевский И. Г., Пронштейн А. П.* Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках. Изв. Северо-Кавказск. науч. центра Высшей школы. Сер. общ. наук, 1974, № 1; *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения: Автореф. докт. дис. М., 1975.

² *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, с. 28.

в свете марксистской концепции истории и человеческой деятельности, ленинской теории отражения и гносеологии, основных понятий семиотики и теории информации. При этом следует иметь в виду, что эффективность научной разработки теории исторического источника находится в прямой зависимости прежде всего от тех или иных философских оснований, которые выступают в качестве исходных общеметодологических принципов изучения его природы.

В настоящей статье, не претендующей на исчерпывающее решение поставленных в ней вопросов, мы попытаемся, во-первых, показать методологическую ограниченность буржуазных концепций исторического источника и, во-вторых, раскрыть основополагающие принципы марксистско-ленинской теории исторического источника, позволяющие правильно объяснить и понять его сложную природу, его отношение, с одной стороны, к объективной исторической реальности, а с другой — к самому процессу исторического познания.

В так называемом классическом буржуазном источниковедении, основные принципы которого были разработаны в первой половине XIX в. немецкими историками Б. Г. Нибуром, Л. Ранке и их последователями, вопрос о природе исторического источника не составлял особой проблемы и решался сравнительно просто. Исходя в своих теоретико-познавательных взглядах из наивного исторического реализма, Л. Ранке рассматривал исторические источники как «остатки жизни», как отражение реальных событий прошлого, несколько не сомневаясь в объективном характере их содержания³. Вместе с тем присущее Л. Ранке метафизическое понимание соотношения субъекта и объекта исторического познания приводило в конечном итоге к недооценке творческой роли мышления историка, к преклонению перед источниками, перед эмпирическими фактами, которые историк согласно требованиям повествовательной истории, ориентированной на преимущественное изучение политических событий, не столько исследовал и обобщал, сколько по возможности точно описывал, опираясь главным образом на сравнительно узкий круг письменных документов официального происхождения.

Многие слабые стороны исторического метода Л. Ранке стали особенно очевидными в связи с возникновением марксизма и развитием во второй половине XIX в. так называемой социально-экономической истории, расширившей проблематику исторического исследования и соответственно его источниковую базу. Тем не менее разработанные Нибуром и Ранке принципы научной критики исторических источников явились основой дальнейшего развития буржуазной источниковедческой мысли в трудах не только последователей ранкеанской школы, но и ее противни-

³ Подробно о взглядах Л. Ранке см.: *Смоленский Н. И.* Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования. — В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1966, вып. 4, с. 270—311.

ков в лице историков-позитивистов, стремившихся превратить историю в «точную», «позитивную» науку путем создания более совершенной методики источниковедческого анализа. Гносеологические основания позитивизма наряду с характерным для него пренебрежением к философии в определенной мере способствовали тому, что сложившиеся ранее наивно реалистические представления о природе исторического источника и отношении к историческому мышлению воспринимались большинством историков, несмотря на различия в их методологических позициях, как нечто само собой разумеющееся. В сочетании с идеями исторического идеализма эти представления в той или иной степени повлияли на формирование источниковедческих концепций И. Г. Дройзена, Э. Бернгейма, Э. Фримана, Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбоса⁴, благодаря трудам которых источниковедение превратилось к концу XIX в. в самостоятельную науку с собственным предметом и специфическими методами исследования.

Характерное как для позитивистской, так и для неокантианской методологии идеалистическое понимание истории как «психологического» в основе своей процесса деятельности людей неизбежно ограничивало попытки буржуазных источниковедов Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбоса, А. С. Лаппо-Данилевского⁵ и других раскрыть социальную и гносеологическую природу исторического источника. Абсолютизация роли «психологического» фактора в историческом процессе определила общий для представителей буржуазного источниковедения принцип «психологизма» в изучении источников, понимание последних как «психофизических» в своей сущности результатов прошлой человеческой деятельности. Считая первопричиной возникновения исторических источников психику человека, буржуазные источниковеды не смогли увидеть в них своеобразное общественное явление, обусловленное теми конкретно-историческими условиями, которые сами в конечном итоге определяют формирование человеческой психики и через ее посредство находят свое отражение в историческом источнике. Принцип «психологизма» в области источниковедения фактически сводил содержание исторических источников к выраженному в них индивидуальному или коллективному сознанию как главному предмету изучения историка.

Вместе с тем, придерживаясь «классических» представлений об исторических источниках, основоположники буржуазного источниковедения, как правило, еще не решались ставить под сомнение традиционный тезис о том, что они представляют в целом более или менее надежную «материальную верификацию реальности» соответствующего событию исторического факта. Исто-

⁴ *Droysen I. G. Grundriss der Historik. Leipzig, 1868; Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893; Ланглау Ш.-В., Сеньбос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899; Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908.*

⁵ *Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II.*

рические документы считались совершенно «автономными» и независимыми от историка чувственно данными «вещами» или «следами», сохранившимися от прошлого и являющимися единственной «осязаемой» предпосылкой исторического познания. «Нет документов, нет и истории» — такова была разделяемая большинством буржуазных историков формула французских историков-позитивистов Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, утверждавшая безусловный приоритет исторических источников над историческим мышлением. В соответствии с наивно реалистическими и метафизическими представлениями о соотношении объекта и субъекта роль самого исторического мышления, как правило, низводилась до уровня «пассивного регистратора» исторических фактов, находящихся, по мнению историков-позитивистов, в «полуготовом» виде «внутри документов», главным образом письменных, из которых историку остается только извлечь их с помощью методов «внешней» и «внутренней» критики. Каждый отдельно взятый документ, подвергшийся предварительной критике, рассматривался как абсолютно адекватный тому или иному засвидетельствованному в нем историческому факту.

Сложившиеся в конце XIX в. источниковедческие концепции вполне удовлетворяли буржуазных историков до тех пор, пока они не занимались теорией исторического познания и не задумывались серьезно над природой исторических обобщений и ролью мышления в их построении, считая основной целью своих исследований простое описание извлекаемых из документов исторических фактов, соответствующих единичным, однократным событиям прошлого, получивших более или менее непосредственную и целостную констатацию в одном или нескольких источниках. Однако начавшийся в конце XIX в. общий кризис буржуазной историографии⁶, обусловленный в конечном итоге социально-экономическими причинами и сопровождавшийся усиленным распространением идей исторического субъективизма и релятивизма, закономерно привел и теорию буржуазного источниковедения к глубокому идейно-методологическому кризису, главным выражением которого явился начатый еще В. Дильтеем и продолженный Б. Кроче и современными неоидеалистами «критический пересмотр» традиционных наивно реалистических представлений о природе исторического источника и исторического факта⁷.

В методологическом плане «критический пересмотр» «классических» концепций исторического источника был обусловлен теми существенными изменениями, которые произошли в результате

⁶ О кризисе буржуазной историографии см.: *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Ирибаджакс Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972.

⁷ Характеристику взглядов В. Дильтея и Б. Кроче см.: *Кон И. С.* Вильгельм Дильтей и его «критика исторического разума». — В кн.: *Критика новейшей буржуазной историографии.* Л., 1967; *Иванов Г. М.* Кризис позитивистской концепции исторического источника и Б. Кроче. — *Вопросы истории,* 1974, № 1.

развития самой внутренней логики исторической науки. В связи с расширением предмета исторической науки за счет включения в него социально-экономической проблематики, увеличением числа привлекаемых источников и совершенствованием методики их изучения, в том числе использования нового для истории статистического метода, были выявлены новые, более сложные аспекты решения проблемы отношения исторического источника, с одной стороны, к исторической реальности, а с другой — к самому процессу исторического познания.

Во-первых, усложнение предмета и задач исторического исследования показало, что исторический источник не является абсолютно адекватным историческому факту, поскольку данные, свидетельствующие о наличии в прошлом какого-либо структурно сложного социально-экономического или политического явления или процесса, не содержатся, как правило, в том или ином отдельном источнике, а как бы «рассредоточены», «рассыпаны» в массе различных источников. Каждый из этих источников, являясь свидетельством, достаточно определенным по отношению к тому или иному отдельному элементу социально-экономического или политического процесса, оказывается в то же время весьма неопределенным по отношению к данному процессу в целом. Отсутствие целостного отражения сложных процессов и отношений в том или ином историческом источнике заставляет буржуазных историков отказаться от прежнего представления об источнике как о «вместилище» готового факта. Соответственно изменяется и само понятие исторического факта⁸.

Становится очевидным, что установление того или иного исторического факта, особенно в области социально-экономической истории, возможно лишь «окольным» путем, путем детального изучения большой массы источников и их статистической обработки, которая обязательно предполагает синтезирование сведений, разбросанных в многочисленных источниках. Поэтому установление исторического факта оказывается результатом исследования, содержащего в себе определенный уровень обобщения, в котором преодолевается неизбежная ограниченность, неполнота исторического источника и фиксируется знание, адекватное событию прошлого. Однако если для марксистской историографии относительность, релятивность содержания исторических источников и исторических фактов никогда не означали отрицания внутренне присущего им момента абсолютной истинности, без которого вообще не может быть научного исторического познания, то для представителей идеалистической методологии истории выявление этого нового качества источников и фактов послужило толчком к нигилистическому разрушению самих объективных оснований исторической науки под предлогом «освобож-

⁸ Подробно об этом см.: *Иванов Г. М.* К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. — *Вопросы истории*, 1969, № 2.

дения» ее от «документального рабства», от «фетишизма документов» и «культы фактов».

Во-вторых, совершенствование методики исторического исследования за счет использования методов статистики и вспомогательных исторических дисциплин привело к значительному увеличению объема извлекаемой из источников информации и существенно изменило сам стиль исторического мышления, сделав его подход к источникам более интегральным и глубоким. Вооруженное более точными и эффективными методами исследования, историческое мышление оказалось способным превращать бесчисленные разнообразные «остатки» прошлого, мимо которых прежде равнодушно проходил историк, в источники и свидетельства достоверности новых исторических знаний. Обогащенный этими знаниями историк получил возможность извлекать из уже известных и, казалось бы, вполне изученных источников гораздо больше информации, чем это представлялось раньше. Само накопленное историческое знание становилось в свою очередь как бы «источником», основой и средством получения нового исторического знания. Оказалось, что чем большими знаниями располагает историк, тем больше информации он может извлечь из источников. Выявление такого рода «обратной зависимости» между имеющимися знаниями и документами свидетельствовало о возрастании творческой роли исторического мышления как в исследовании документов, так и в установлении и обобщении фактов. Тем самым становилась очевидной ограниченность «классической», и прежде всего позитивистской, концепции исторического источника, опиравшейся на представление о пассивности исторического мышления.

Однако начавшаяся в этой связи критика методологических установок позитивистской историографии со стороны представителей так называемого неидеализма, или «критической философии истории», не вышла за пределы положенных в ее основание идеалистических посылок и потому с самого начала оказалась неспособной дать правильное решение проблемы соотношения исторического источника и исторического мышления. Направленный против «фетишизма документов» и «культы фактов» критический пересмотр идейного багажа позитивизма привел неидеалистов к «фетишизму мышления» историка и тем самым к отрицанию тезиса о независимости исторических источников от исторического мышления. Выступая против «интеллектуальной близорукости» позитивистов и их «иллюзий» о возможности постижения объективной исторической истины, высмеивая «наивные» представления о «полуготовом» историческом факте, добываемом из документов с помощью «ножниц и клея», и всячески спекулируя на специфике исторического познания, неидеалисты пытаются обосновать более «рациональные», а по существу более субъективистские концепции исторического знания, построенные на абсолютизации роли личности историка и его мышления в познании прошлого и направленные в конечном итоге не только и

не столько против исторического позитивизма, сколько главным образом против исторического материализма.

Идущее от В. Дильтея и неокантианцев и развитое Б. Кроче и немецкими экзистенциалистами субъективно-идеалистическое понимание соотношения объекта и субъекта исторического познания выступает в качестве общей методологической основы, опираясь на которую современные неоидалисты ведут наступление на ленинскую теорию отражения, являющуюся научной основой правильного понимания природы исторического источника и исторического познания. Придавая решающее значение роли познающего субъекта в реконструировании прошлого, западногерманские историки Г. Риттер, Э. Ротакер, П. Кири и другие объявляют понятие отражения не совместимым с пониманием познания как творческой деятельности историка. По их мнению, историческое познание является не отражением какой-либо действительности, а «свободным» «творческим актом», предполагающим «слияние» субъекта и объекта познания. Ставя содержание исторического источника в полную зависимость от познающего субъекта, они пытаются доказать, что исторический источник не является отражением исторической реальности, что в нем отсутствует «оригинал», который можно было бы сопоставить с историческим представлением для того, чтобы установить «сходство» или «несходство» между ними⁹.

Свойственная западногерманским историкам-неоидалистам субъективистская трактовка проблемы соотношения исторического источника и исторического мышления проводится также в трудах таких известных французских представителей «критической философии истории», как Р. Арон, А.-И. Марру, П. Рикер и др.¹⁰ Исходя из характерного для немецкой буржуазной историографии понимания исторических источников как воплощения активности «духа», они считают, что источники существуют только в «духовном мире и через него» и что поэтому единственно возможным способом их интерпретации является «психологическое понимание», «внутреннее проникновение», «погружение» историка в чуждый ему мир прошлого. Пользуясь методом «понимания», историк как бы «пробуждает дух», заключенный в памятнике, делая его

⁹ *Ritter G. Leistungen, Probleme und Aufgaben der Internationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte (16—18 Jahrhundert).* — *Sintesi Generali di Orientamento XXVII. Relazioni del X Congresso Internazionale di Science Storiche.* Firenze, 1955, vol. VI, s. 320, 325; *Rothaker E. Die Wirkung der Geschichtsphilosophie auf die neuere Geschichtswissenschaften.* — XI *Congres International des Sciences Historiques. Rapports.* 1. Göteborg—Stockholm—Uppsala, 1960, s. 11—13; *Kirn P. Einführung in die Geschichtswissenschaft.* 3. Aufl. Berlin, 1963, s. 70—80.

¹⁰ Характеристику теоретических позиций указанных историков в области источниковедения см.: *Медушевская О. М. Вопросы теории источниковедения в современной французской буржуазной историографии.* — *Вопросы истории*, 1964, № 8; *Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание*, с. 84—95.

частью своего сознания¹¹. История, таким образом, является результатом «творческого усиления историка», а сами документы оказываются в своей сущности «не реальным материалом», а всего лишь «функцией» мыслительной деятельности историка, который «учреждает» документы посредством их наблюдения. Документы, по их мнению, являются документами лишь постольку, поскольку историк может и умеет что-то понять в них. Вне этого «понимания» документов фактически нет¹². В свете концепции неидеализма документы теряют свою «определенность», «осязаемость», становятся чем-то расплывчатым и туманным. Так, абсолютизация релятивности документов оборачивается их «дематериализацией», отрицанием их объективности, их независимости от исторического мышления. Не случайно в своих конечных выводах неидеалисты ставят под сомнение самую возможность постижения объективной исторической истины, утверждая, что истина имеет силу только для самого историка, что она «обязательно является субъективной» и что поэтому историческое познание «не является наукой в собственном смысле этого слова»¹³.

Анализ методологических основ буржуазного источниковедения показывает, что ни позитивистская концепция исторического источника, опирающаяся на метафизическое противопоставление объекта и субъекта исторического познания и рассматривающая источники в качестве только чувственно данных историком «вещей», внутри которых находятся «полуготовые» исторические факты, ни неидеалистическая концепция исторического источника, отождествляющая объект и субъект исторического познания и рассматривающая источники как «состояния» или «функции» сознания, в равной мере не могут быть приняты научной историографией в силу ограниченности их методологических оснований, исключающих правильное решение вопроса о природе исторического источника.

В противоположность буржуазным источниковедческим концепциям марксистско-ленинская методология истории рассматривает природу исторического источника в свете диалектико-материалистического понимания соотношения объекта и субъекта как в самой исторической действительности, так и в отражающем ее историческом познании. Социальная природа исторического источника может быть выявлена только в том случае, если, исходя из указаний К. Маркса, мы будем саму обуславливающую источники историческую действительность рассматривать не просто «в форме объекта или в форме созерцания», но также «субъективно», в форме «субъекта», как предметную деятельность человека, постоянно имея в виду, что «общественная жизнь явля-

¹¹ Aron R. Introduction to the Philosophy of History. An essay on the limits of historical objectivity. Boston, 1961, p. 85, 289.

¹² Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris, 1955, p. 75—76, 83; Ricoeur P. Histoire et vérité. Paris, 1955, p. 28—30.

¹³ Marrou H.-I. Op. cit., p. 143.

ется по существу *практической*»¹⁴. Именно понимание исторической действительности как деятельности и самой деятельности как предметной, практической создает возможность преодолеть и «созерцательное» представление об источнике как просто о «вещи» и субъективистскую интерпретацию источника как «элемента сознания». Проведенный К. Марксом анализ процесса труда, как основной формы человеческой деятельности, показывает, что социальная природа продукта деятельности обусловлена сложным диалектическим характером отношений целеполагающей деятельности человека к предмету и результату деятельности. Без анализа диалектики этого отношения невозможно понять действительную социальную природу исторического источника как продукта деятельности человека, как общественного явления.

Процесс человеческой деятельности, рассматриваемый как практическое взаимодействие субъекта с предметами окружающей его природной и социальной реальности, характеризуется, как известно, двумя противоположными, но неразрывно связанными между собой моментами: субъективацией предметов реальности и объективацией человека в продуктах деятельности. В субъективации находит свое выражение осуществляемое субъектом выделение из окружающей объективной реальности тех или иных предметов, их включение в сферу его деятельности и тем самым их превращение в предметы (объекты) и средства (орудия) деятельности. Процесс субъективации протекает в различных формах, которые вовсе не обязательно выливаются в предметные формы продуктов труда. Вовлеченные в сферу человеческой деятельности предметы природы первоначально становятся предметами деятельности — объектами практического и теоретического освоения со стороны субъекта. В данном случае предмет деятельности — это еще не продукт деятельности, но это уже и не просто предмет природы, а предмет для человека, «очеловеченный», «субъективированный предмет». Поскольку предмет деятельности становится таковым благодаря деятельности, постольку он в определенном смысле является, конечно, «продуктом», результатом этой деятельности. Именно в сфере практической деятельности предмет природы «преобразуется» в предмет деятельности, приобретает, помимо своего природного бытия, бытие социальное, становясь «общественным предметом». Однако это «преобразование» носит не субстанциональный, а функциональный характер, так как оно в данном случае выражается не в качественных изменениях самой природной формы предмета, а в его практическом использовании для удовлетворения той или иной потребности человека. «Общественный предмет» функционален постольку, поскольку он играл или играет определенную роль в жизни человека, практически употреблялся или употребляется для удовлетворения каких-либо потребностей человека. Функция

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1, 3.

предмета — это определенность предмета через его практическое использование в деятельности человека. Опосредованное деятельностью людей общественное употребление предмета, его функция выступают как объективное свойство, выражающее его общественное бытие¹⁵.

В процессе создания исторического источника, как всякого продукта труда, происходит не только и не просто субъективация предметов природной и социальной реальности, но и объективация (опредмечивание) самого субъекта, его материальной и духовной деятельности. В своей предметной деятельности человек, по выражению К. Маркса, «удваивает себя уже не только интеллектуально (как это имеет место в сознании), но и реально, деятельно и созерцает самого себя в созданном им мире»¹⁶. Мир искусственно созданных субъектом вещей оказывается своеобразной «проекцией» субъекта вовне, его «второй» природой, его «удвоением», опредмечиванием в вещах, имеющих смысл и значение лишь в отношении к субъекту и в то же время существующих независимо от него как объективная реальность, как составная часть социальной действительности.

Рассматриваемый как продукт прошлой человеческой деятельности исторический источник оказывается двойственным по своей природе, представляя собой противоречивое единство объективного и субъективного. Он объективен прежде всего в том смысле, что существует в форме «внешнего предмета, вещи» независимо от создавшего его человека. Вместе с тем исторический источник, поскольку он является продуктом труда, включает в себя субъективное, выражающее человека, его потребности, его особенности, его сознание. Однако это субъективное объективировано, представлено в форме «предметного бытия человека». В историческом источнике как продукте труда объект субъективирован, а субъект объективирован. Объективное и субъективное в источнике образуют неразрывное единство, они взаимопроникают друг в друга, не существуют друг без друга. Нельзя поэтому сказать, что исторический источник есть в своей сущности только «объект» (в смысле «вещь», независимая от человека) или только «субъект», некая «духовная сущность». Именно присущее историческому источнику диалектическое единство объективного и субъективного является наиболее глубоким выражением его социальной природы, делает его общественным явлением, сущность которого не сводима ни к «вещественному», ни к «психическому», ни к их механическому соединению в форме «психофизического» образования. Социальная природа исторического источника как результата прошлой человеческой деятельности представляет собой реальность особого рода. Эта реальность не тождественна ни реальности непосредственно осязаемой вещи, ни мистифицирован-

¹⁵ Об объективности функциональных свойств предметов см.: Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М., 1971, с. 64—68.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, М., 1956, с. 566.

ной реальности «объективного духа». Вещественный субстрат исторического источника является лишь материализованной формой идеального, носителем объективированных сознательных целей человека. Но идеальное, будучи воплощенным в материальную форму, «угасает» в ней, перестает быть психическим феноменом. Поэтому социальная природа исторического источника может быть понята только как реальность «общественного предмета», т. е. предмета, имеющего определенный социально выработанный способ употребления, закрепленный за ним. Другими словами, реальность социальной природы исторического источника имеет функциональный характер, поскольку она выражается не столько в его вещественных свойствах, сколько в его целеопределенности, в его «функциональном бытии», в той его общественной значимости, которая была опосредована прошлой человеческой деятельностью.

Таким образом, исторические источники, рассматриваемые как продукты целеполагающей деятельности человека, представляют собой явления общественной жизни, формы предметного бытия субъекта, понимаемого как общество, класс, социальная группа, личность, как единство материальной и духовной деятельности людей. В источниках опредмечены «сущностные силы человека», объективирована материальная и духовная деятельность людей прошлого. Именно благодаря объективированной в них общественной сущности человека, его деятельности исторические источники с самого начала своего возникновения с необходимостью приобретают черты социального явления, становятся «общественными предметами», воплощающими в себе диалектическое единство объективного и субъективного, несущее человеческое, общественное содержание.

Отсюда следует, что для историка первостепенное значение имеет не вещественная сторона исторического источника, а его функциональная характеристика как социального явления, как продукта прошлой деятельности людей. Археолог, например, не должен превращать свое исследование в простое «эмпирическое вещеведение». Рассматривая вещественные остатки как продукты труда, он получает возможность проникнуть в тайны прошлой материальной и духовной жизни общества, познать «образ жизни» самих производителей¹⁷. Эта возможность изучения прошлого «образа жизни» определяется социальной природой самих вещественных источников как продуктов труда, как предметных воплощений жизнедеятельности человека и его сознания. В историческом источнике, как во всяком продукте целеполагающей деятельности, за материальной, вещественной формой «просвечивает» его общественное и вместе с тем идеальное содержание, являющееся выражением и отражением объективных социальных отношений.

¹⁷ Захарчук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного об-

Материалистическое понимание исторического источника как общественного явления открывает верный в научном отношении путь к исследованию гносеологической природы источника. Этот путь предполагает рассмотрение исторического источника не только в аспекте его генетической связи с прошлой человеческой деятельностью, в процессе которой он формировался как своеобразная социальная форма отражения действительности и как материальный носитель информации о событиях прошлого, но и в аспекте его связи с познавательной деятельностью историка, в сфере которой совершается функциональное преобразование социального реликта как объекта познания в источник исторического знания, в средство познания прошлого.

Всякий исторический источник, поскольку он является продуктом прошлого взаимодействия субъекта с объектом, необходимо рассматривать не только как выражение творческой мысли, сознания, индивидуальности субъекта, создававшего источник, но и как отражение в той или иной вещественной форме тех объективных конкретно-исторических условий, которые сами в конечном итоге определяют сознание субъекта и, преломляясь в нем, так или иначе находят свое отражение в историческом источнике. Поэтому ленинская теория отражения является важнейшим методологическим принципом объяснения природы исторического источника¹⁸. В свете этой теории отражение действительности в историческом источнике выступает как своеобразный вид отражения, возникающий лишь на социальном уровне организации материи со всеми вытекающими отсюда особенностями. Своеобразие данного отражения определяется в конечном итоге самой социальной природой исторического источника как продукта прошлой человеческой деятельности, как общественного явления. Объективация субъекта в создаваемом им предмете наделяет последний теми «таинственными» свойствами, в которых отражаются сами общественные отношения людей. Следовательно, своеобразие отражения действительности в исторических источниках состоит прежде всего в том, что он (источник) представляет собой самоотражение субъекта — личности, социальной группы, класса, общества на данном этапе их исторического развития. В данном случае отражение субъектом самого себя (самоотражение) представлено не в его сознании, а вне его, вследствие чего оно выражается не в идеальной, а в предметной, вещественной форме, которая, будучи создана субъектом, существует уже независимо от него как объективная реальность. Именно благодаря тому, что исторические источники представляют собой вещественные формы отражения прошлого, становится возмож-

щества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 13; *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965, с. 137.

¹⁸ О понимании исторического источника в свете ленинской теории отражения см. указанные выше работы Л. Н. Пушкарева, М. А. Варшавчика, В. Б. Устьянцева, О. М. Медушевской, Г. М. Иванова и др.

ным получение объективно истинного знания о событиях прошлого. Конечно, поскольку отражение действительности в исторических источниках опосредовано деятельностью субъекта и часто дается сквозь призму его классовых интересов, постольку степень достоверности и фактической ценности источников является весьма различной. Поэтому степень достоверности того или иного источника, степень адекватности отражения в нем прошлого можно определить только в том случае, если проводимый историком тщательный конкретный анализ каждого данного источника, предполагающий сопоставление содержащейся в нем информации с информацией других источников, относящихся к данному сюжету, опирается на общеметодологические принципы познания, вытекающие из самой сущности материалистического понимания истории. Марксистская критика источника должна, в частности, руководствоваться ленинским указанием о том, чтобы «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов», «доискиваться *классовой реальности*»¹⁹.

Свойство отражения, присущее всем «общественным предметам», составляет объективную основу возможности их функционирования в качестве исторических источников. Исторический источник — это любой материальный продукт прошлой человеческой деятельности, характеризующийся со стороны выполняемой им в процессе ретроспективного познания функции отражения прошлого. В гносеологическом плане функция отражения является основной функцией исторического источника, поскольку она предполагает рассмотрение источника со стороны воплощенных в нем знаний о событиях прошлого. Трудность, однако, состоит в том, что сама форма воплощения знаний в источнике, как правило, не имеет ничего общего с отраженными в нем событиями прошлого. Отсутствие «фотографического сходства» большинства источников, особенно письменных, с событиями прошлого порождает у части буржуазных историков сомнение в отражательной природе источников. Преодоление указанной трудности возможно в том случае, если, исходя из ленинской теории отражения, рассматривать исторический источник как форму функционального отражения действительности²⁰. При таком подходе понятие отражения свя-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47; т. 37, с. 293. В этой связи необходимо подчеркнуть, что принципы конкретно-исторического и классового анализа источников являются важнейшими методологическими принципами марксистско-ленинского источниковедения.

²⁰ «Функциональное отражение определяется не физическими или химическими связями между объектами (такие связи могут быть, а могут и не быть), а той ролью, которую одни явления выполняют в отношении других. В качестве таковой и выступает функция объектов представлять, или репрезентировать, содержание других объектов. Понятно, что отношение представительства определяется не особенностями физического или химического взаимодействия предметов, а той ролью, которую оно играет для людей в процессе их деятельности.

зывается прежде всего с социально обусловленной способностью источника представлять такое содержание, которое отличается от содержания его вещественного субстрата тем, что обнаруживает существенное сходство с репрезентируемыми событиями прошлого. Благодаря именно этому сходству исторический источник выступает как форма функционального отражения, как средство передачи и получения информации о событиях прошлого. Вместе с тем рассматриваемый вне его связи и отношения к деятельности субъекта исторический источник остается не более чем «мертвой вещью», «немым» памятником прошлого, поскольку заключенная в нем потенциальная информация никак не актуализирована и не «распредмечена», т. е. не выделена функционально и не соотнесена с соответствующей предметной областью. Выделение и соотнесение этой информации возможны лишь тогда, когда социальный реликт вовлекается в сферу познавательной деятельности историка как объект его исследования и одновременно используется им в качестве источника знания и средства познания прошлого, приобретая тем самым гносеологическую функцию. Необходимость мысленного соотнесения выделяемого историком содержания, не имеющего ничего общего с вещественным субстратом источника, затушевывает объективную обусловленность его репрезентативной функции и порождает у представителей исторического субъективизма иллюзию о том, что исторический источник является не более чем «функцией» самого исторического мышления. Конечно, понятие исторического источника не тождественно понятию «вещи», но и не является абсолютно противоположным ему. Уточняя понятие исторического источника в гносеологическом аспекте, можно, очевидно, сказать, что оно обозначает не только и не просто некоторую «внешнюю вещь», но и определенное функциональное свойство этой «вещи», выражающееся в ее практическом использовании в целях познания отраженного в ней исторического прошлого²¹. Вместе с тем практическое использование той или иной «вещи» в качестве исторического источника не беспредельно и в конечном итоге определяется объемом и ценностью заключенной в ней информации. И хотя процедура извлечения этой информации во многих отношениях зависит от историка, он тем не менее может извлечь из источника только то, что там есть, только ту информацию,

Отношение объектов, вытекающее из их функции представлять содержание других явлений, и лежит в основе того, что одни объекты становятся носителями содержания других» (*Жоршунув М. А., Полторацкий А. Ф.* Знак как форма функционального отражения. — Вестник МГУ, 1966, № 1, с. 30).

²¹ В этом плане можно согласиться с утверждением, что «историческим источником становится каждая вещь с момента, когда эта вещь подвергается наблюдению с исторической точки зрения, т. е. в целях получения эмпирических данных для познания исторического факта, который мы взяли за предмет исследования» (*Moszczeńska W.* Wstęp do badań historycznych. Warszawa, 1960, s. 66).

которая там имеется. Именно как материально зафиксированный результат прошлого взаимодействия субъекта с объектом информация исторического источника не зависит от сознания и намерений историка, всегда оставаясь надежным объективным основанием истинности тех знаний, которые добываются исторической наукой. Поэтому в процессе ретроспективного познания историк не создает, не «творит» источник, а лишь практически использует объективные возможности того или иного социального реликта, как материального носителя потенциальной информации, выступать в функции своеобразного средства познания прошлого.

Таким образом, исторический источник, всегда оставаясь материальным «остатком» прошлой эпохи, существующим независимо от познающего его субъекта, в то же время функционально неотделим от исторического познания, а оно в свою очередь немислимо без исторических источников как «внешних вещей». Функциональная природа исторического источника отнюдь не поглощает его материальное бытие, ибо он в любом случае остается «вещью», объективной реальностью, существующей вне и независимо от исторического мышления. Безусловное признание объективной реальности исторического источника является краеугольным камнем его материалистической концепции, единственно верной теоретической основой понимания его связи как с исторической действительностью, так и с отражающим ее историческим мышлением, которое при всей своей творческой активности всегда остается зависимым от источников.

Понимание исторического источника как формы функционального отражения действительности показывает, что отношение источника к событиям прошлого имеет весьма сложный характер, который не может быть полностью выражен в рамках упрощенной трактовки источника как только «непосредственного отражения» действительности²². Отражение прошлых событий в источнике всегда опосредовано деятельностью субъекта, создававшего источник, его мировоззрением, уровнем его культуры, его интересами, его психическим состоянием и т. п. Уже в силу этих обстоятельств образ объекта в сознании никогда не является исключительно «непосредственным» отражением, но представляет собой более или менее сложную систему непосредственно-опосредствованного отражения внешнего мира. Поэтому и исторический источник, будучи определенной формой субъективного образа объективной реальности, отражает как непосредственно, так и опосредствованно различные стороны прошлой общественной жизни. Поскольку сама историческая действительность представ-

²² Вместе с тем следует иметь в виду, что характеристика исторического источника как «непосредственного отражения» является вполне обоснованной и целесообразной постольку, поскольку она позволяет отличить источник от исторического исследования (пособия). См., напр.: *Варшавчик М. А.* Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967, с. 12—13.

ляет собой диалектическое единство и взаимодействие объекта и субъекта, постольку опредмеченное в источнике непосредственное отражение объекта в той или иной степени включает в себя опосредствованное отражение субъекта и, наоборот, непосредственное отражение субъекта так или иначе включает в себя опосредствованное отражение объекта. То, что в одном отношении представляется «непосредственным отражением», в другом отношении можно рассматривать как «опосредствованное отражение»²³. Поэтому было бы более правильным рассматривать исторический источник как единство непосредственного и опосредствованного отражения действительности, т. е. как более или менее сложную отражательную систему, состоящую из множества взаимосвязанных информационных структур различного уровня, каждый элемент которых несет в себе как прямые, так и косвенные сведения о различных сторонах исторической действительности.

Наряду с предметностью информации (т. е. ее соотносительностью с определенными эмпирическими объектами) не менее важной в методологическом отношении характеристикой содержания исторического источника является так называемая «модальность отображения, или качественная разнородность информации»²⁴, соответствующая качественному разнообразию отражаемой исторической реальности, а также воплощенному в ней разнообразию явлений общественного сознания. Поскольку сам объективный исторический процесс выступает как деятельность общественного субъекта, реализующего в создаваемом им социальном мире свои духовные потенции, постольку содержание исторического источника, отражающее этот процесс, включает в себя не только информацию, соответствующую объективно реальным событиям прошлого но и информацию, относящуюся к различным явлениям общественного сознания, объективированного в материальных продуктах деятельности людей прошлого. В этом отношении содержание любого исторического источника всегда выступает как единство объективного и субъективного разнообразия, обусловленного спецификой самого отражаемого в источнике объекта, органически включающего в себя субъект, его материальную и духовную деятельность. Указанная особенность содержания исторического

²³ Думается, что, раскрывая относительный характер непосредственности отображения действительности в источнике (см.: *Пушкарев Л. Н.* Указ. соч., с. 63—64), необходимо более глубоко осознавать то важное обстоятельство, что с точки зрения диалектики непосредственное и опосредствованное внутренне связаны таким образом, что взаимопроникают друг в друга: одно содержит другое. Относительный характер непосредственности отображения в том и выражается, что непосредственность содержит вместе с тем и элементы опосредствования, и наоборот. Не случайно В. И. Ленин считал глубоко правильным замечание Гегеля, согласно которому «нет... ничего, что не содержало бы вместе и непосредственности и опосредствования...» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 92).

²⁴ *Тюхтин В. С.* Отражение и информация. — Вопросы философии, 1967, № 3, с. 46.

источника ставит перед историком одну из сложнейших источниковедческих проблем, смысл которой заключается в том, чтобы в ходе «внутренней критики» источника было выявлено качественное различие между объективной и субъективной информацией, составляющей содержание источника.

Однако выполнение этой задачи в конкретном источниковедческом исследовании связано с преодолением целого ряда существенных трудностей, вытекающих из самого факта определенного тождества объективного и субъективного в историческом источнике.

Во-первых, объективная информация источника, т. е. информация, соответствующая объективно реальным событиям прошлого, в той или иной степени включает в себя также субъективную информацию, соответствующую тем явлениям общественного сознания, которые органически вплетаются в ткань самой объективной исторической действительности и находят свое воплощение в тех или иных реальных событиях прошлого, вследствие чего они не могли не находить свое отражение в исторических источниках. Вместе с тем информация о реальных событиях прошлого несет на себе неизгладимую печать «субъективности» уже потому, что сам процесс ее запечатления в источнике был так или иначе обусловлен деятельностью субъекта, вследствие чего перед историком, изучающим объективную историческую действительность, всегда возникает задача, связанная с преодолением, «снятием» этой «субъективности» и вычлениением из содержания источника именно той информации, которая соответствует реальным событиям прошлого.

Во-вторых, субъективное в содержании исторического источника не тождественно субъективному в самом сознании, где оно выступает как идеальное образование. В источнике субъективное всегда опредмечено, воплощено в вещественном субстрате, и в этом смысле оно выступает уже как объективное выражение субъективного, представленного в содержании источника информацией, соответствующей разнообразию зафиксированного в нем сознания. Такая информация субъективна в том отношении, что она характеризует разнообразие не объекта, а именно сознания, получившего свое запечатление в источнике. Но, с другой стороны, содержащаяся в источнике информация о сознании является объективной в смысле ее независимости от историка, который, извлекая ее из источника, получает тем самым вполне достоверные сведения о различных явлениях общественного сознания прошлой эпохи.

Наконец, в-третьих, сама информация о сознании, поскольку она в конечном счете всегда детерминирована объективной исторической реальностью, является информацией объективной в той степени, в какой она соответствует отраженным в этом сознании объективным событиям прошлого. В той степени, в какой она была обусловлена в момент создания источника самим сознанием субъекта и зависела от его восприятий и представлений, она субъективна.

Таким образом, содержание исторического источника включает качественно разнородную информацию, представляющую собой результат отраженного тождества и различия объективного и субъективного в самой исторической действительности. Каждый конкретный аспект исторического исследования требует от историка строго однозначного определения характера заключенной в источнике информации путем ее соотношения с соответствующим объектом отражения.

Итак, адекватное объяснение социальной природы исторического источника и его гносеологической функции возможно лишь в свете марксистской концепции человеческой деятельности и ленинской теории отражения, выступающих в качестве основополагающих методологических принципов марксистско-ленинской теории исторического источника. Творческое использование всего богатства и всей глубины идей, содержащихся в этих принципах — актуальная задача дальнейшего развития советской источниковедческой мысли.

О СТРУКТУРЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ КРИТИКИ

М. А. Варшавчик

Анализ структуры источниковедческой критики может способствовать разработке теоретических аспектов и практическому применению последней. Понимание критики как системы методов и приемов изучения источников позволяет рассматривать ее в различных структурных разрезах. В настоящей статье мы остановимся на двух вопросах: об основных видах критики источников и о связи методологии и методики в источниковедческой критике.

Еще буржуазное источниковедение, как известно, выработало понятия «внешней» и «внутренней» критики источников. И хотя в трактовке их задач и содержания встречались некоторые оттенки, в целом под первой понималось рассмотрение вопросов, связанных с происхождением источника, второй отводилось изучение его содержания. Внешняя критика считалась подготовительной, предшествующей критике внутренней. Источниковеды прошлого внесли значительный вклад в выработку приемов изучения источников. Но на самом подходе к содержанию и задачам исторической (т. е. источниковедческой) критики сказывалась неспособность даже лучших историков прошлого подняться до понимания источника как продукта определенных общественных, прежде всего социально-классовых, отношений и, следовательно, раскрыть его смысл во всей глубине.

В советской исторической науке задачи и границы источниковедческой критики необычайно расширились. В центр изучения происхождения источника поставлено выяснение влияния условий социальной среды на его появление, в центр критики содержания — изучение его социальной, идейной направленности. Тем самым советское источниковедение отказалось от традиционного понимания сущности этих двух этапов исторической критики. Да и само представление об их последовательности, очередности не выдержало проверки практикой. И главным образом потому, что выяснение именно социального происхождения источника, как правило, приходится начинать с изучения его содержания.

Это побудило многих советских источниковедов усомниться в целесообразности, правомерности деления критики источников на «внешнюю» и «внутреннюю». Едва ли не первым в начале

30-х годов подобную мысль высказал С. Н. Быковский¹. В 1957 г. необходимость пересмотра в свете марксистско-ленинской методологии содержания понятий «внешней» и «внутренней» критики, изучения и уточнения представлений о соотношении между ними была подчеркнута в докладе А. Ц. Мерзона на научном совещании, посвященном критике исторических источников. В ходе обсуждения доклада некоторые участники совещания сочли нужным вовсе отказаться от деления критики на «внешнюю» и «внутреннюю»². В начале 60-х годов это деление стало одним из предметов другой источниковедческой дискуссии, и снова приводились аргументы в пользу отказа от него³. Но наряду с этим, возможно, как дань традиции, понятия «внешней» и «внутренней» критики (конечно, в обновленном и расширенном содержании) встречаются во многих работах⁴.

Еще в ходе упомянутых обсуждений высказывалось мнение о несущественности спора насчет правомерности деления критики источников на «внешнюю» и «внутреннюю»⁵, нашедшее поддержку впоследствии⁶. И с этим мнением, наверное, можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство, в первую очередь указывающее на недостаточность даже усовершенствованных представлений об источниковедческой критике, как «внешней», так и «внутренней». Дело в том, что и та и другая не простирают своих задач далее изучения отдельных источников, каждый из которых может дать исследователю лишь единичный, фрагментарный научный факт. Конечно, факты могут быть более или менее значимыми, они сами могут иметь сложную структуру, включать множество составляющих. Но даже крупные факты, взятые сами по себе, не могут представить исторический процесс, как и отдельные источники, даже бесспорные в своей достоверности, не могут служить базой для изучения сложных процессов развития. Для получения совокупности фактов нужно комплексное использование не единичных источников, а оптимального их множества. Из принципиальной методологической установки о необходимости совокупности научных фактов очевидно вытекает целесообразность выделения такого вида источниковедческой критики, который позволяет эту совокупность получить и который не укладывается

¹ *Быковский С. Н. Методика исторического исследования*. М., 1931, с. 65.

² *Вопросы истории*, 1957, № 5, с. 201—203; *Исторический архив*, 1957, № 5, с. 281—287. В более развернутом виде взгляды А. Ц. Мерзона на содержание и структуру источниковедческой критики были изложены в его брошюре «Основные задачи критики исторических источников» (М., 1958, ротапринт).

³ *Исторический архив*, 1962, № 4, с. 183, 195.

⁴ См., например, один из последних вузовских учебников: *Источниковедение истории СССР*/ Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, с. 7—12.

⁵ *Исторический архив*, 1962, № 4, с. 195.

⁶ *Пронштейн А. П. Методика исторического исследования*. Ростов н/Д, 1971, с. 13; *Он же. Методика исторического источниковедения*. Ростов н/Д, 1976, с. 14.

в рамки «внешней» и «внутренней» критики. И вся структура источниковедческой критики видится по-другому. Она складывается из двух видов критики:

аналитической, имеющей объектом отдельные источники и целью — получение отдельных фактов, и

синтетической, имеющей объектом комплексы источников и целью — получение совокупности фактов.

Задачи и приемы аналитической критики (критического анализа) источников разработаны с большой полнотой, в частности, потому, что в значительной мере совпадают с задачами и приемами «внешней» и «внутренней» критики, понятых, конечно, по-новому. Подход к самому источнику как к историческому явлению, историческому факту предполагает изучение источника в его первичной, служебной субстанции. Источники, как правило, не создаются специально, как таковые, они при создании предназначаются для выполнения определенных общественных, служебных функций и лишь впоследствии, попадая в поле зрения историка, приобретают вторичную субстанцию, выступают как носители исторической информации, становятся собственно источниками. Но правильно понятым и истолкованным источник может быть только тогда, когда выяснены его функции «в жизни», его служебная субстанция, конкретно-исторические причины и условия его появления. В выяснении этих моментов и состоит основная задача изучения происхождения источника. Ее решению способствует выяснение подлинности источника; времени и места его создания; вопросов, связанных с его авторством (атрибуция, выяснение классовой, политической позиции автора, притом именно во время появления источника, места автора в событиях, степени его осведомленности и силы его авторского зрения, его психического состояния и т. п.); побудительных мотивов создания, назначения, от которых зависит вид и содержание источника; текстологическая работа с ним и установление его основного текста.

При общей разработанности задач критического анализа некоторые из них нуждаются в дальнейшем изучении. Сложным моментом, например, является обнаружение причин встречающегося несовпадения между классовым происхождением источника и его содержанием. Зачастую содержание источника определяют не сознательные классовые мотивы автора (коллектива или лица), а внесознательная социальная психика, досознательные представления, настроения и т. п. Без учета этого нельзя, в частности, правильно оценить классовую природу и условия появления таких документов, как принимавшиеся после февраля 1917 г. резолюции многочисленных митингов трудящихся, проявивших «доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам»⁷, зараженных «добросовестным оборончеством».

Или так же, например, недостаточно разработан вопрос об основном тексте источника, имеющий, в частности, серьезное зна-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

чение в археографии, но решающийся чисто источниковедчески. Распространенное представление о том, что основным текстом следует считать последнюю авторскую редакцию, не всегда оправданно. Исследователь может встретиться с несколькими редакциями текста, причем каждая из них может выступать основным текстом на определенном этапе развития событий и для изучения определенного момента развития. Так, нередко выступления общественных деятелей на различных собраниях впоследствии дорабатываются и используются для выступлений в печати. И для изучения факта собрания основным текстом будет «выступление», хотя автор и продолжал дальше над ним работать. Таким образом, основным текстом следует признавать функциональную редакцию текста, т. е. ту, в которой источник «в жизни» осуществлял свою функцию в соответствии с конкретным назначением. В разработке и детализации нуждаются и некоторые другие вопросы изучения происхождения источников.

Завершающей задачей и конечной целью аналитической критики источника выступает установление его достоверности и полноты, объективной ценности (притом для данного конкретного исследования) и, следовательно, получение из источника достоверного научного факта.

Понятие достоверности весьма емко. Оно включает фактическую достоверность — отражение источником действительно имевшего место исторического явления и объективно истинное отражение последнего. Достоверность источника неразрывно связана с его полнотой. В. И. Ленин, заботясь о ценности, правдивости информации, не отделял ее достоверность от полноты. «Нам нужна, — писал он, — *полная правдивая информация*»⁸. Полнота — это отражение источником реального явления в его существенных чертах, его основного содержания. Вольное или невольное выпячивание автором источника на первый план частных и второстепенных подробностей и уход от существенного оборачиваются внешним правдоподобием, а в документах политической истории — идейной недостоверностью источника. Таким образом, фактическая и идейная достоверность — понятия связанные, но не тождественные: первая не всегда совпадает со второй.

Для установления достоверности и полноты источника исследователь сопоставляет его с другими, опирается на всю совокупность добытых ранее сведений о его происхождении. Здесь мы сталкиваемся с синтезом определенного уровня, с синтезированием всех имеющихся сведений об источнике и целостным его рассмотрением, с привлечением других источников для проверки изучаемого. Но все эти операции не выходят за рамки задачи получения из определенного источника достоверного научного факта, т. е. за рамки аналитической критики, как мы ее понимаем.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 446.

Вопрос о синтетическом изучении источников не нов в литературе; более того, он уже выступал как предмет дискуссий, носящих методологический характер. Но синтез понимается различными авторами по-разному и далеко не всегда трактуется как особый вид источниковедческой критики.

Еще в классическом труде корифеев буржуазного источниковедения Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» вся работа историка делилась на два этапа — аналитический и синтетический. Под анализом источников понимался источниковедческий этап, под синтезом — собственно историческое построение, т. е. последующая исследовательская работа историка. Иначе: источниковедение сводилось лишь к анализу источников, и начисто отрицалась его способность к синтезу, обобщению. Уже некоторые современные буржуазные историки поняли ущербность, недостаточность отрицания обобщающего этапа в работе с источниками и считают необходимым после аналитического разложения источника вернуться к его синтетической оценке. Однако ее они видят в интуитивном проникновении в существо источника, в воспроизведении психологического состояния его автора, мотивов создания источника⁹.

В советской литературе мысль о том, что изучение источников слагается из критики аналитической и критики синтетической, впервые, кажется, была высказана тем же С. Н. Быковским¹⁰. Отметим попутно, что его книга может служить иллюстрацией мудрости древнего изречения «И книги имеют свою судьбу». Сразу же после выхода она была подвергнута резкой и не во всем справедливой критике¹¹, а затем вовсе надолго исчезла из научного обихода. В последние же годы редкий автор, прослеживающий становление и развитие советского источниковедения, обходится без ссылок на нее. Однако объяснение содержания синтетической критики, данное Быковским, не представляется сейчас удовлетворительным. Считая, что объектом синтетической критики выступают «целые группы исторических источников», он не выводил ее задачи за пределы определения достоверности фактов путем «сопоставления самих фактов, сообщаемых различными источниками»¹², не ставил задачи получения совокупности фактов. Причину этого, очевидно, нужно видеть в недостаточном освоении ленинского методологического наследия, в частности ленинского положения о совокупности фактов. Статья В. И. Ленина «Стати-

⁹ Медушевская О. М. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография. — Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1967 т. 25, с. 108—109.

¹⁰ Быковский С. Н. Указ. соч., с. 66.

¹¹ См., напр.: Томсинский С. Г. За марксистско-ленинское источниковедение. — Ленинская учеба, 1931, № 1.

¹² Быковский С. Н. Указ. соч., с. 67.

стика и социология», в которой это положение развернуто особенно широко, была опубликована лишь в 1935 г., и понадобился ряд лет, понадобился подъем советской исторической науки на новую ступень развития, чтобы было понято огромное значение этого положения для исторической науки в целом, для источниковедения в частности.

О. М. Медушевская, аргументированно критикуя как отказ от синтетического изучения источника историками «старой школы», так и попытки рассматривать его, хотя и «собранным» путем синтеза в единое целое, лишь как индивидуально-психическое, а не социальное явление, доказывает необходимость введения этапа синтетического изучения источника, разъясняя сущность этого этапа так: «Понимание источника в целом, достигаемое предшествующим анализом его частей, его оценка, более глубокое понимание источника как историографического, идеологического, психологического явления своего времени, выявление его связей с другими источниками — вот содержание этой стадии работы. Работа источниковеда идет по спирали — от общего ознакомления с источником, его текстом, происхождением, авторством, историй создания к детальному анализу содержания и затем, на более высоком уровне, вновь к оценке содержания и значения источника в целом»¹³. Подчеркивание мысли о необходимости целостного («синтетического») подхода к источнику как к социальному явлению, весьма ценно. Но заметим, что под синтетическим изучением здесь понимается целостное изучение отдельного источника как индивидуального явления.

По-иному говорят о синтезе источников С. М. Каштанов и А. А. Курносков. «Синтез, — пишут они, — имеет целью характеристику всего комплекса типов, родов, видов и разновидностей источников определенной эпохи как фактов истории в их естественной связи и обусловленности, т. е. раскрытие закономерностей существования специфических для каждой эпохи комплексов источников, различий в их удельном весе и значении, вытекающих непосредственно из социальной и политической структуры общества»¹⁴. Снова же никакого спора о плодотворности такого изучения источников той или иной эпохи быть не может. Но здесь синтез источников понимается не как этап их критики в целях использования в исторических исследованиях, а как теоретико-источниковедческая задача.

Не приводя других высказываний, более или менее совпадающих с переданными, остановимся еще на точке зрения В. И. Стрельского на синтез источников. Он выделяет две (двух уровней) задачи этого синтеза. Во-первых, отмечается недостаточность привлечения фрагментарных источников и исторических фактов и подчеркивается, что «марксистско-ленинская методоло-

¹³ Медушевская О. М. Указ соч., с. 108.

¹⁴ Каштанов С. М., Курносков А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. — Исторический архив, 1962, № 4, с. 185.

гия исторического исследования включает требование широкого синтеза источников, так как источники, взятые изолированно от других, могут повести исследователя по дороге субъективизма в трактовке фактов, в освещении объективных явлений истории». Во-вторых, В. И. Стрельский обращает внимание на значение синтеза источников для установления достоверности и полноты каждого из них¹⁵. Первая из этих задач — более широкая, выходит за границы традиционного понимания синтеза. Однако В. И. Стрельский в то же время признает деление критики источников на «внешнюю» и «внутреннюю», поэтому место синтеза в структуре источниковедческой критики остается недостаточно ясным.

В целом же прав А. Г. Тартаковский, который, характеризуя задачи источниковедения и отмечая, что «речь идет при этом об установлении не одного или нескольких фактов, а их системы, о формировании эмпирико-фактической базы исследования на основе всей совокупности информации источников», одновременно считает, что «вопрос об источниковедческом синтезе в общеметодическом плане разработан слабо»¹⁶.

Цель синтетической критики, как этапа и вида источниковедческой критики, состоит в получении на основе комплекса источников совокупности научных фактов. И естественно, задача построения источникового комплекса определяется содержанием ленинского понятия совокупности фактов как основы для достоверных выводов. Эта совокупность должна включать факты: во-первых, достоверные, проверенные; во-вторых, все, без единого исключения; в-третьих, взятые в их существенных связях.

Связи и зависимости входящих в совокупность фактов многообразны. Но, логически упорядочивая факты, мы можем расположить их прежде всего по двум принципам — одновременности и разновременности¹⁷. Складываются два ряда частей, составляющих целое, — синхронический и диахронический. Первый выражает структурные связи явлений, второй — генетические и трансформационные (под последними понимаются связи явления с последующими ступенями его развития). Таким образом, реализуется важнейшая методологическая установка В. И. Ленина о том, «чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁸.

Учитывая сказанное, мы можем сформулировать общие требования к комплексу источников. Он должен: а) включать достоверные, проверенные в процессе критического анализа источники,

¹⁵ Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1976, с. 121, 125.

¹⁶ Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6, с. 57.

¹⁷ Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961, с. 81.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

б) содержать источники в объеме, оптимальном для получения совокупности всех научных фактов, без единого исключения, в) охватывать источники, позволяющие установить структурные, генетические и трансформационные связи фактов, относящихся к изучаемому предмету. Комплекс источников, таким образом, выступает не как неупорядоченное их множество, а как система, организованная в соответствии с объективными связями между источниками. Установление этих связей позволяет, кроме всего другого, с одной стороны, увидеть пробелы, провалы в источниках, а с другой — обнаружить чужеродные источники, искусственно привлеченные без учета «исторической конкретной обстановки отдельных случаев»¹⁹.

Связи между источниками не конструируются исследователем произвольно, искусственно. Эти связи — отражение объективных связей между зафиксированными источниками реальными явлениями. Как связаны между собой явления, так связаны отражающие их источники. Историк лишь обнаруживает, очищает, воссоздает эти связи, выделяет из них существенные, необходимые, отделяет от них несущественные, случайные и если не отбрасывает последние вовсе, то определяет их подлинное место. Существующие объективных связей между источниками составляет одну из основных закономерностей отражения ими реального исторического процесса. На сознательном учете этой закономерности и строится, собственно говоря, вся синтетическая критика источников.

В выработке объективных критериев полноценности источникового комплекса состоит важный практический аспект разработки вопроса о синтетической критике. Конечно, применительно к задачам отдельных отраслей исторической науки и задачам изучения отдельных исторических проблем эти критерии должны конкретизироваться. Но общим остается: состав и логика расположения источников в комплексе должны соответствовать диалектике развития реального исторического процесса.

Существуют известные трудности в определении места анализа и синтеза в структуре источниковедческой критики. В исследовательской практике эти виды работы неминуемо сочетаются, перемежаются. Переноса данную О. М. Медушевской схему изучения отдельных источников на изучение их комплексов, можно сказать, что изучение последних также идет по спирали. Уже в результате выявления и отбора источников образуются их множества, соответствующие теме исследования. Они далее разлагаются на единичности, каждый источник подвергается анализу, по мере которого находится место для источника, обнаруживаются его связи с другими, создаются источниковые комплексы. «Извлечение» фактов из источников и сведение фактов в совокупность идут параллельно с процессом образования источниковых комплексов и завершаются на основе их целостного изучения. Так представ-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

ляется исследовательский процесс при историческом подходе к нему. Но логически анализ и синтез выступают как два вида источниковедческой критики, означающих различные уровни источниковедческой практики, имеющих свои определенные цели и задачи.

* * *

Являясь этапом исторического исследования, источниковедческая критика в то же время выступает как метод получения совокупности научных фактов. При этом она — наиболее общий метод источниковедения, преломление требований марксистско-ленинской методологии в работе с историческими источниками. И здесь выдвигается вопрос, имеющий отношение к пониманию структуры критики, вопрос о связи в ее рамках методологии и методики исторического исследования. В пределах этого вопроса намечается еще один, частный — о наличии в методике «технических» и «нетехнических» приемов изучения источников.

Проблема соотношения методологии и методики в источниковедении в последние годы привлекла к себе внимание исследователей. И это вполне закономерно: развитие источниковедения, его самоопределение в специальную отрасль научных исторических знаний, выход его на передовые позиции фронта идейной борьбы в исторической науке — все это делает очень важной разработку категорий методологии, логики, методики науки. Вместе с тем некоторые исходные тезисы для решения этой проблемы, распространенные в источниковедческой литературе, нуждаются, на наш взгляд, в дальнейшем обдумывании.

Прежде всего что такое методология и что такое методика источниковедения? Л. В. Черепнин, отвечая на этот вопрос²⁰, в целом соглашался с С. О. Шмидтом в том, что методика источниковедения — «это совокупность определенных приемов и правил их использования в работе источниковеда» и что методология источниковедения — «это учение об этих методах, об основных принципах источниковедческого познания»²¹. Это определение методологии Л. В. Черепнин дополняет разъяснением, что обоснование приемов познания источников методология источниковедения строит на общем понимании теории исторического процесса, на учении о законах общественного развития²², подчеркивая тем самым связь методологии источниковедения и методологии исторической науки в целом.

²⁰ Черепнин Л. В. Проблемы соотношения понятий «методология» и «методика» источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, с. 32—36.

²¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 17—18.

²² Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 32.

При дальнейшем рассмотрении понятия «методология источниковедения» возникают прежде всего два вопроса: 1) существует ли особенная методология источниковедения, правомерно ли вообще вести о ней речь и 2) является ли методология источниковедения лишь учением о принципах и методах источниковедческого познания, или она есть наряду с этим, их совокупность. В рамках настоящей статьи можно попытаться наметить только некоторые контуры разговора на эту тему.

Для марксистских историков бесспорно признание диалектико-материалистической методологии, исторического материализма всеобщим методом познания общественных, включая исторические, явлений. Важнейший вывод нашего источниковедения о том, что источник сам есть исторический факт, продукт определенных социальных отношений, имеет то принципиальное методологическое значение, что позволяет распространить на его (источника) изучение общие марксистско-ленинские принципы и методы познания общественных явлений. И в силу этого общая марксистско-ленинская методология и есть методология источниковедения.

Однако ни в одной частной (по отношению к философии) науке диалектика не применяется в «чистом виде», ни в одну науку, дисциплину, область знания диалектика не переносится извне. Ее законы, категории, принципы — не калька, не клише, которые накладываются на изучаемые той или иной наукой явления. Эти законы и принципы познания в каждой науке наполняются ее конкретным содержанием, которое отражает реальные закономерности, познаваемые данной наукой. Отражение и обобщение закономерностей определенной области развития есть теория соответствующей науки. Таким образом, методология исторической науки в целом, методология отдельных исторических наук, областей исторического знания, каждая из которых имеет свой предмет в виде очерченного круга закономерностей реального развития и, следовательно, свою систему теоретических положений и выводов, складываются на основе всеобщей марксистско-ленинской диалектико-материалистической методологии и на основе теории самой науки. Поэтому методология каждой частной науки входит в ее систему как органический составной элемент.

Теоретические положения и выводы той или иной науки в процессе развивающегося познания приобретает методологическую функцию, становятся регулятивными познавательными принципами и придают методологии этой науки «индивидуальное», особенное содержание. Если говорить об источниковедении, то оно, имея своим предметом закономерности образования источников и отражения ими реальной исторической действительности, выработало свою систему теоретических выводов и положений, стоящих в дальнейшей работе с источниками регулятивными принципами, т. е. методологическими правилами познания источников. Теория источника становится теорией познания источников — методологией источниковедения. Между прочим, этим под-

тверждается единство теории и метода не только в философии, но и в каждой частной науке. Так, уже упоминавшееся коренное положение теории источника, гласящее, что он сам есть продукт определенных общественных отношений, обязывает изучать его в связи с этими отношениями, выяснять их влияние на его содержание и форму (вид). Ленинское положение о том, что только совокупность фактов может служить основой для достоверных выводов, становится методологическим принципом, которым руководствуется историк при выявлении и отборе источников. Положение о том, что между источниками существуют объективные связи, адекватные связям между отражаемыми ими явлениями, выступает методологической установкой при построении комплексов источников и т. д.

На первый взгляд может показаться, что между утверждением о том, что методологией источниковедения является всеобщая методология познания исторического процесса, и о том, что существует частная методология источниковедения, имеется противоречие. В действительности же противоречия тут нет. Вернее, если и есть, то противоречие диалектическое, всегда присущее отношению содержания и формы. Это противоречие было отмечено еще Ф. Энгельсом, который указывал, что в методологии частных наук философия одновременно преодолена и сохранена, «преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»²³.

Такое «преодоление по форме» означает, что в частных науках методология выступает не в теоретико-философской абстрагированной форме общего, а в конкретной форме особенного как единства общего и единичного. Общее здесь — исходные принципы марксистско-ленинской методологии, единичное — частные принципы и методы познания тех явлений, которые изучаются данной наукой. Собственно говоря, только в такой форме, только как особенная и может выступать всеобщая методология в процессе познания тех или иных конкретных явлений. И имея в виду, что все это не различные методологии, не «отдельные», «самостоятельные» методологии в каждой из частных наук, в отдельных областях научных знаний, а единая методология, рассматриваемая на различных уровнях — общефилософском, общесторическом, еще более конкретном (источниковедческом), мы с полным правом можем вести речь об особенной методологии источниковедения.

Если на общефилософском уровне методология выступает как учение о принципах и методах познания и преобразования мира, как всеобщая «теория методов», то на уровнях различной степени конкретности, как органический компонент частных наук, она есть не только теоретическое учение о методах, но и совокупность принципов и методов научного познания, реализуемых в исследовательской практике. Методология стоит не в стороне от практической работы историка, а пронизывает всю ее, от начала до

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 142.

конца. Подобно тому как в источниковедении можно логически выделить теорию источниковедения и источниковедческую практику, так и в методологии можно выделить учение о методах (теоретическую методологию) и методологическую практику, причем (как бывает и в других науках) практическое применение принципов и методов исследования нередко обгоняет их теоретико-логическое осмысливание. Итак, методология источниковедения — это диалектико-материалистическая теория познания источников, совокупность принципов и методов их использования в научных исторических исследованиях.

Методику же, очевидно, следует рассматривать как совокупность исследовательских операций, приемов, с помощью которых в работе с источниками реализуются требования и возможности методологии источниковедения. Заманчиво рассматривать методику как практическую, прикладную методологию (а такой вывод напрашивается, если видеть роль методологии только в обосновании методических приемов), но это не так. Во-первых, методология и сама, как мы отмечали, имеет прикладную сторону. Во-вторых, и методика, взятая как научно-вспомогательная дисциплина, имеет свои теоретические аспекты. Например, разговор о сущности методики, о ее отношении к методологии, который мы сейчас ведем, уже есть теория методики. Методология и методика имеют один общий предмет — объективные закономерности процесса научного познания, в нашем случае — познания источников. В таком понимании их предмета — основа научного подхода к ним, основа понимания их единства, неразрывности, взаимопроникновения. Но если методология имеет дело с общими принципами и методами изучения источников (например, установление зависимости содержания источника от конкретных социальных условий его возникновения), то методика имеет дело с частными приемами (например, приемы установления авторства, или состава текста источника, или времени и места его создания и т. д.).

Сложность вопроса о соотношении методологии и методики состоит не только в сложности определения стыков между ними. Нелегко объяснить следующее: если методика зависит от методологии, то чем можно объяснить, что первая включает ряд приемов изучения источников, выработанных еще немарксистским источниковедением? И вообще-то проблема соотношения методологии и методики если не возникла в литературе, то во всяком случае приобрела остроту именно в связи с вопросом об отношении к источниковедческому наследию крупных буржуазных ученых — А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова и др. Возникла потребность объяснить, почему при явно ошибочных мировоззренческих — теоретических и методологических — позициях эти ученые могли разработать методики, во многом сохраняющие свою ценность и восприятые советским источниковедением.

Объяснение этому явлению дается различное. Л. В. Черепнин в статье, на которую мы ссылаемся, выделял в источниковедческой литературе последних лет две точки зрения по этому поводу.

Одна состоит в утверждении относительной независимости методики от методологии. Примеры такого решения вопроса, приводимые Л. В. Черепниным, можно было бы умножить. Другая точка зрения состоит в утверждении неразрывности методологии и методики. Так, А. П. Пронштейн, хотя и соглашается с Б. Г. Литваком в том, что методика и техника исследования сохраняют «известную автономию по отношению к методологической позиции исследователя»²⁴, подчеркивает: «... методика исторического исследования (сюда входит и методика изучения источников) находится в неразрывной связи с методологией, причем последняя определяет не только задачи методики, но и всю совокупность ее приемов»²⁵.

Сторонники тезиса о зависимости методики от методологии по-разному объясняют приемлемость для советского источниковедения многих исследовательских приемов, выработанных буржуазными историками. Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт, А. П. Пронштейн учитывают соображение о том, что наука своей «технической» стороной развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам преемственности познавательной²⁶ (соображение если не спорное, то недостаточно раскрытое). Чаще же всего приводится то объяснение, что методика при всей своей зависимости от методологии включает в себя и какую-то совокупность технических приемов, от методологии независимых. Л. В. Черепнин, подчеркивая, что он является сторонником решительного признания зависимости методики от методологии, и обосновывая свою позицию доказательным материалом, взятым из разных вспомогательных исторических дисциплин, в то же время указывал, что «методика источниковедения состоит из двух компонентов: один — это комплекс приемов, направленных к решению задач, подсказанных непосредственной методологией... другой... — это то, что можно отнести к области техники и что к методологии прямого отношения не имеет»²⁷.

В. Т. Пашуто, также в принципе отстаивающий точку зрения о зависимости методики от методологии, вместе с тем даже не просто констатирует наличие в методике технических элементов, но вообще разделяет ее на «техническую», независимую от методологии, и «историческую», которая от методологии зависит. Первая, по мнению В. Т. Пашуто, относится к форме источника, а вторая — к его содержанию²⁸.

²⁴ Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, с. 103.

²⁵ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения, с. 9.

²⁶ Вербин А. И., Серцова А. П. Исторический материализм и некоторые методологические вопросы исторической науки. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., 1966, с. 340.

²⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 36.

²⁸ Пашуто В. Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, с. 65.

Иначе говоря, приемы «внешней» критики рассматриваются как техническая методика, приемы «внутренней» — как методика историческая.

Пожалуй, здесь мы встречаем едва ли не единственную попытку объяснить, чем же «технические» элементы методики отличаются от «нетехнических». Но это объяснение, как нам кажется, лишь усиливает сомнения в обоснованности такого деления методики.

Например, атрибуция источника — это задача «внешней» критики, следовательно, по приведенной схеме, она может быть решена приемами «технической» методики. Но известно, что не меньшее, чем формальные признаки, если не большее значение для атрибуции в ряде случаев имеет социальный анализ источника. Тем более если под атрибуцией понимать не просто установление физического авторства, но и политической физиономии автора, его места в событиях и т. п. Да и вообще изучение формы источника, как правило, неотделимо от изучения его содержания. Сам В. Т. Пашуто вполне справедливо пишет, что «текст нельзя оторвать от того, что в тексте, от его социального смысла»²⁹. Но как же тогда отделить «техническую» методику, относящуюся к форме источника, от «исторической», относящейся к его содержанию?

В общем, как бы и чем бы ни обосновывалось выделение в методике «технических» и «нетехнических» элементов, за этим в конце концов видится стремление объяснить приемлемость для нас приемов, выработанных буржуазными учеными: то, что выработано ими, есть лишь техника, самостоятельная по отношению к методологии (между прочим, автор этих строк тоже несколько раз писал о «технических достижениях» буржуазных ученых)³⁰.

Очевидно, изучение механизма зависимости методики от методологии (мы вполне признаем эту зависимость) не только не исчерпывается, но и не облегчается делением методики на «техническую» и «нетехническую». Возможен и другой ответ на этот вопрос. Он подсказывается всей историей развития науки и культуры. Достижение практических результатов в науке и культуре шло нередко вопреки исходным концепциям ученых. Этот процесс свойствен и исторической науке. Особенно значительными могут быть достижения буржуазных ученых в отдельных специальных областях науки (как, например, в актовом источниковедении у Лаппо-Данилевского, в летописном источниковедении у Шахматова и т. п.).

²⁹ Там же, с. 71.

³⁰ И здесь и далее мы говорим об исследовательских приемах, отнесенных к «технике», а не о действительно существующих технических способах фиксации, обработки данных и т. п. Об этом нужно условиться, иначе и переход от гусиного пера к шариковой ручке или фломастеру может рассматриваться как аргумент в пользу существования «технической» методики.

И здесь очень интересно было бы попытаться найти обобщающий ответ на вопрос: какие же достижения буржуазных ученых оказываются приемлемыми для нас? Иначе: есть ли какой-нибудь общий признак, общее свойство у тех методических приемов, которые мы не отбрасываем, а воспринимаем? Обратимся для поиска ответа к известным словам В. И. Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»³¹. Приводя эти ленинские слова, С. О. Шмидт справедливо отметил, что они «оказались неосвоенными должным образом»³². Но, чтобы их «освоить», нужно, очевидно, понять, чем же именно, при каких же именно условиях «умный идеализм» может быть близким нам. В. И. Ленин разъясняет это, продолжая процитированную мысль и указывая, что он имеет в виду диалектический идеализм и его преимущества перед метафизическим, неразвитым, грубым, мертвым материализмом³³. И мы воспринимаем от прошлых исследователей, хотя они стояли на позициях не материалистического, а идеалистического понимания истории, те наблюдения, которые объективно отражают диалектику реального исторического процесса, которые, если можно так выразиться, объективно диалектичны. Это относится, например, к приемам сравнительно-текстологического изучения летописей в той мере, в какой они отразили реальную диалектику развития летописания, к приемам палеографического, хронологического, метрологического и тому подобного анализа. Вряд ли только нужно, объясняя их приемлемость для нас, квалифицировать их как сугубо «технические». Ведь никому же не приходит намерение называть «техническими» достижения гегелевской диалектики (а именно ее имел в виду В. И. Ленин в приведенных выше строках), оправдывая их восприятие материалистической диалектикой.

Конечно, говоря о наследовании источниковедческих достижений прошлого, нельзя не видеть ограниченность возможностей буржуазной науки и ее методики. Здесь имеется в виду не намеренный отказ буржуазных ученых от науки, использование лакеями буржуазии заведомо фальсификаторских приемов, которые ничего общего с наукой не имеют. Речь идет о добросовестных исследователях, которые в силу ограниченности своего классового видения ограничивали и свой методический арсенал. Они не могли выдвинуть те задачи исследования, которые выдвинула марксистско-ленинская историческая наука, не могли разработать и методику, пригодную для их решения. Так, лишь реализация ленинского методологического требования опираться в выводах на совокупность фактов выдвинула необходимость разработки приемов синтетической критики источников.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 248.

³² Шмидт С. О. Указ. соч., с. 55.

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 248.

Более того, когда методические наблюдения буржуазных ученых приходят в столкновение, противоречие с их методологией, нам приходится тогда как бы «защищать» этих ученых самих от себя же, «защищать» Шахматова от Шахматова, его приемы сравнительно-текстологического изучения летописей от его порочной методологии. В анализе такого противоречия видится один из важных аспектов изучения историографического наследия буржуазных ученых. При этом, естественно, «защищая» те или иные приемы, мы вовсе не берем на себя обязательства сохранять их в нетронутом виде, не совершенствуя или заменяя их новыми в свете требований марксистско-ленинской методологии. В советском источниковедении вся методика строится на основе марксистско-ленинской методологии, определяется и оплодотворяется ею.

Так в различных структурных разрезах (видовом и методолого-методическом) представляется структура источниковедческой критики.

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КИЕВСКОЕ СЛОВО» В 1905 Г.

В. Г. Сарбей

В Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве в фонде царского цензурного ведомства хранится дело «Об издании газеты „Киевское слово“, относящееся к 1905 г. В нем содержатся документы, указывающие на неоднократные нарушения газетой цензурных правил и даже на самовольное печатание запрещенных цензурой статей и заметок¹. Каких-либо подробных сведений об указанной газете, в том числе материалов ее редакции, в архивах СССР не обнаружено, однако в Центральной научной библиотеке АН УССР в Киеве хранится комплект «Киевского слова» за 1905 г., позволяющий проанализировать ее содержание.

Хотя советские историки разных поколений единодушны в политической оценке названной газеты периода подъема революции 1905 г. как «полуофициального» или «неофициального» органа тогдашней Киевской объединенной организации РСДРП², «Киевское слово» пока еще не было предметом специального рассмотрения по истории КПСС, истории СССР, источниковедению и историографии. Между тем специалисты каждой из указанных отраслей советской исторической науки могут найти в статьях «Киевского слова» осенних, наполненных бурными революционными событиями месяцев 1905 г. немало полезного и интересного для освещения истории первой русской революции.

Воссозданию истории самой газеты помогают мемуарные источники и некоторые опубликованные документы. Из них мы узнаем, что к началу революции 1905 г. газета «Киевское слово», принадлежавшая тогда профессору-экономисту Киевского университета

¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 294, оп. 1, д. 384, л. 5, 11 об.

² Манилов В. Киевский Совет рабочих депутатов в 1905 г. Киев, 1926, с. 23; Шморгун П. М. Большевистские организации Украины в годы первой русской революции. Киев, 1955, с. 157; Деренковский Г. М. Серьезные недостатки одного исследования. — История СССР, 1962, № 3, с. 167, 170, и др.

А. Я. Антоновичу и занимавшая ультраправые идеологические позиции, вошла в полосу глубокого идейного и финансового кризиса: ее тираж едва достигал 900 экземпляров, основной контингент подписчиков составляло духовенство, а содержание газеты базировалось главным образом на перепечатке материалов из реакционнейших «Московских ведомостей»³.

Жена собственника газеты, она же официальный издатель ее, В. М. Антонович попыталась «вливать новое вино в старые меха» и пригласила на должность редактора присяжного поверенного В. З. Финна, которому вскоре «Киевское слово» было продано⁴. Не принадлежавший ни к одной партии, но весьма сочувственно относившийся к революционному движению масс, новый редактор-издатель полностью предоставил право определять политическое и литературное направление газеты группе своих ближайших сотрудников — социал-демократов⁵. Их имена мы находим в объявлении о подписке на газету, которое периодически публиковалось на первой странице, начиная с 12 октября до насильственного прекращения ее издания 1 декабря 1905 г.⁶ В этом же объявлении указано, что «под новой редакцией» и «при совершенно обновленном составе сотрудников» «Киевское слово» выходит с 16 августа. Да и в номере газеты за 17 августа напечатана небольшая заметка «От редакции», в которой сообщается, что «Киевское слово» «вступает под новой редакцией в период полного реформирования как внутреннего, так и внешнего», и высказывается обещание приложить усилия, чтобы возможно скорее «Киевское слово» «предстало перед обществом с совершенно определенной внутренней и внешней физиономией».

И действительно, с 16 августа по 1 декабря 1905 г. ведущее направление в «Киевском слове» определялось в основном публикациями материалов, принадлежавших перу социал-демократов. По образному выражению одного из них — В. В. Вакара, «Киевское слово» этого периода представляло собой «сплошную прокламацию»⁷, которая воспринималась массами как воззвание к революционной борьбе. Под своими собственными фамилиями или под псевдонимами в газете выступали известнейшие участники революционных событий 1905 г. в Киеве — большевики А. Г. Шлихтер, В. В. Вакар, А. Н. Мельницкий, Л. М. Кнунянц, Н. П. Козеренко.

Выходившая одновременно с 27 октября 1905 г. в Петербурге при непосредственном участии и руководстве В. И. Ленина

³ Сидоров А. В. Киев: (Из воспоминаний бывшего цензора). — Голос минувшего, 1918, № 7/9, с. 139—140.

⁴ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 294, оп. 1, д. 384, л. 9; Новая жизнь, 1905, 1/14 декабря.

⁵ М. К. Большевики в 1905 г. в Киеве: (По материалам вечера воспоминаний). — Летопись революции, 1925, № 4, с. 46.

⁶ По старому стилю, которым датировалось «Киевское слово» и который мы сохраняем в данной статье.

⁷ Правдин В. Эпоха неслыханной смуты на Киевщине. — Летопись революции, 1925, № 2, с. 103—104.

легальная большевистская газета «Новая жизнь» в одном из своих номеров положительно оценила деятельность «Киевского слова», подкрепив свою оценку следующим многозначительным выводом: «Литературная деятельность социал-демократии не отстает от деятельности практической»⁸. Среди девяти киевских адресов, которые содержала нелегальная адресная книжка редакции «Новой жизни» (в то время фактически общероссийского руководящего центра большевиков), фигурировал и адрес газеты «Киевское слово»⁹. Редакция ее помещалась рядом с древнейшим историческим памятником Киева — Золотыми воротами, по улице Владимирской, 43.

Активно пропагандируемые В. И. Лениным на страницах «Новой жизни» теоретические положения об авангардной роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, о создании и укреплении союза рабочего класса и крестьянства, призывы к массам разворачивать народную революцию до полной победы находили отражение в материалах «Киевского слова», которое в наше время именно с этой стороны и представляет наибольший интерес для историка-источниковеда. Изучение большевистских публикаций на страницах «Киевского слова» позволяет дать более полное, чем имеется в исторической литературе, представление о месте и роли киевских большевиков в революции 1905 г., о пропагандировавшихся ими в массах революционных идеях. Напомним указание В. И. Ленина о том, что все вопросы, из-за которых в тот период шла вооруженная борьба масс, «можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати»¹⁰.

Уже выход в свет первого номера «Новой жизни» «Киевское слово» встретило следующими словами своей передовой статьи под заглавием «Привет началу „Новой жизни“»: «27 октября 1905 г. — день новой эры русского печатного слова. Не „с того берега“, не на далекой чужбине, а в культурном центре страны зазвучало мощное слово органа — выразителя „политических и экономических интересов рабочего класса“ — „Новой жизни“. Свое свободное слово несет он на службу пролетариату России. Его аудитория — те мускулистые, мозолистые руки, под ударами которых рушится обветшавший строй; его аудитория — те мужественные сердца, кровью которых скрепляется обновляемая страна, его аудитория — те пытливые, в которых ни ужас застеньков, ни мрак и холод тундры, ни шум и грохот отупляющих машин не вытравляли жажды борьбы за право угнетенных и обездоленных, за интересы международного пролетариата в братском союзе с социалистической армией всего мира»¹¹.

«Киевское слово» активно поддержало новорожденную газету

⁸ Новая жизнь, 1905, 20 ноября/3 декабря.

⁹ Адресная книжка большевистской газеты «Новая жизнь» (1905 г.). — Вопросы истории КПСС, 1975, № 3, с. 111.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 9.

¹¹ Киевское слово, 1905, 30 октября.

в ее борьбе против полицейско-цензурных преследований, которые применяли царские власти повсеместно, несмотря на провозглашенные манифестом 17 октября демократические свободы, в том числе свободу печатного слова. Учитывая эфемерность царской «свободы печати» (в одной из перепечаток из «Новой жизни» сообщалось, что, согласно новому закону о печати, даже иллюстрированные издания должны подвергаться предварительному цензурованию¹²), «Киевское слово» ориентировало своих читателей и на использование нелегальной революционной периодической печати. Например, в номере от 12 ноября содержится перепечатанное из «Новой жизни» сообщение о том, что ЦК РСДРП решил продолжить нелегальное издание газеты «Пролетарий» «для полного, решительного и ясного изложения тех взглядов и лозунгов социал-демократии, которые недоступны и теперь так называемой свободной печати». Здесь уместно вспомнить бичующие самодержавие пламенные ленинские строки, которые были напечатаны в номере «Новой жизни» от 13 ноября: «Различие между нелегальной и легальной печатью, — это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, — начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что „Известия Совета Рабочих Депутатов“ печатаются „нелегально“». «Центральный Орган Российской социал-демократической рабочей партии, „Пролетарий“, все же остается за дверью самодержавно-полицейской России»¹³. Характерно, что встречающиеся едва ли не в каждом номере «Киевского слова» перепечатки хроникальных информации «Новой жизни» (с прямыми ссылками на нее, имевшими также и популяризаторское назначение) «прикрыты» текущими материалами, взятыми из различных органов дворянско-буржуазной или мелкобуржуазной прессы, таких, как «Русь», «Русские ведомости», «Сын Отечества», «Наша жизнь» и др.

Информационные материалы «Киевского слова», подготовленные собственными корреспондентами, не оставляли без внимания полицейские акции против «Новой жизни», где бы они ни применялись — в Петербурге или Киеве. Именно в «Киевском слове» можно найти сообщение, из которого видно, что больше всего полиции в Киеве напугало приложение к первому номеру «Новой жизни» — Программа РСДРП, принятая на II съезде, который положил начало большевистской партии. Перед заглавием этой Программы был напечатан революционный интернационалистский призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹⁴. Многочисленные хроникальные материалы «Киевского слова» рассказывают об обысках в типографии, где печаталась «Новая жизнь», об арестах ее сотрудников¹⁵. В ряде номеров опубликованы протесты редакции

¹² Там же, 17 ноября.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 99, 100.

¹⁴ Киевское слово, 1905, 1 ноября.

¹⁵ Там же, 1, 7, 8, 24, 29 ноября.

«Новой жизни» и письма читателей против конфискации из типографии напечатанных ежедневных тиражей газеты или против изъятия из продажи отдельных ее номеров. Среди таких материалов обращает на себя внимание перепечатка из «Новой жизни» письма «жителей города Конотопа» и письмо киевских рабочих в редакцию «Киевского слова»¹⁶.

Информационно-хроникальные материалы «Новой жизни», перепечатанные в «Киевском слове», затрагивали самые разнообразные общественно-политические события бурного времени подъема революции 1905 г. Здесь разоблачались репрессии царизма, завуалированные лживыми демагогическими обещаниями помещичье-буржуазного правительства, коррупция царского бюрократического аппарата и деятелей капиталистических компаний, клеймилась политика лавирования, колебаний и соглашательства деятелей буржуазно-либеральных партий с силами монархическо-дворянской реакции¹⁷. Из перепечаток «Новой жизни» можно получить достаточно полное представление об обстоятельствах и характере деятельности впервые рожденных революционным творчеством масс в 1905 г. Советов рабочих депутатов в Петербурге, Москве, Киеве, Ростове-на-Дону и других городах страны¹⁸.

В номере «Киевского слова» от 18 ноября содержится публикация под названием «Воззвание Совета рабочих депутатов». Это полный текст написанного В. И. Лениным Постановления Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов. В номере «Новой жизни» от 15 ноября оно напечатано в информационной статье (без подписи) «Заседание Исполнительного Комитета Совета рабочих депутатов». На основе публикации «Новой жизни» это Постановление вошло в четвертое и пятое издания ленинских сочинений. Здесь оно опубликовано под редакционным заглавием «Постановление Исполнительного Комитета Петербургского Совета рабочих депутатов 14 (27) ноября 1905 г. о мерах борьбы с локаутом».

Своим содержанием Постановление выходило далеко за рамки местных проблем петербургских рабочих и касалось социально-экономических и политических интересов всего многонационального пролетариата России. Ленинский документ информировал о насильственных мерах, произволе предпринимателей, поддержанных царскими властями, вследствие которых свыше ста тысяч рабочих Петербурга и других городов лишились работы; призывал всех рабочих страны сплотиться вокруг их столичных братьев по классу и, не поддаваясь на провокации царизма, организованно готовиться «к всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы»; подчеркивал насущную необходимость «объединить всю борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота»¹⁹.

¹⁶ Там же, 1, 5 ноября.

¹⁷ Там же, 5, 6, 14, 18, 21, 28, 29 ноября.

¹⁸ Там же, 8, 14, 18, 26 ноября.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 106—107.

Знаменательно, что это пламенное обращение вождя большевистской партии к революционным массам было опубликовано «Киевским словом» в тот день, когда в городе вспыхнуло вооруженное восстание военных частей местного гарнизона, поддержанное политическими митингами и стачками рабочих. Восстание заранее готовилось киевской военно-революционной организацией РСДРП²⁰. Благодаря довольно значительному для того времени тиражу «Киевского слова» (не менее 15 тыс. экземпляров!)²¹ следует считать, что публикация в нем написанного В. И. Лениным Постановления Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов — документа большого революционно-практического значения — является самой массовой в 1905 г. на Украине²².

Ленинские призывы ко всем трудящимся сплотиться в революционной борьбе вокруг рабочего класса отражены и в других материалах этого же номера «Киевского слова», где в отделе «Хроника» перепечатано сообщение «Новой жизни» о стачке домашней прислуги в Петербурге, а в передовой под названием «Граждане, бойкотируйте киевскую думу!» указывается: «Пролетариат, ставший во главе освободительного движения, показал всей России путь к свободе, и к его рядам с каждым днем присоединяются новые и новые силы».

Источниковедческий интерес с точки зрения отражения в «Киевском слове» положений работ В. И. Ленина, написанных в период первой русской революции, представляет также письмо в редакцию за подписью «Тов. Д. Цирилин»²³. В нем содержится прямая ссылка на высокий политический авторитет В. И. Ленина и зовущие к активным революционным действиям строки из опубликованной немногим раньше «Новой жизнью» ленинской статьи «О реорганизации партии»: «Подполье рушится. Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами»²⁴.

В «Киевском слове» имелась даже специальная рубрика «Из партийной жизни», освещавшая на основе местной информации и перепечаток из «Новой жизни» внутрипартийные проблемы РСДРП. В частности, под указанной рубрикой 14 ноября 1905 г. было опубликовано Обращение ЦК РСДРП ко всем парт-

²⁰ Кирилленко С. П. Пролетариат Киева в революции 1905—1907 гг. — Украинский исторический журнал, 1975, № 12, с. 74—75.

²¹ Правдин В. Указ. соч., с. 103.

²² Впервые о данной публикации нами было рассказано в «Украинском историческом журнале» (1977, № 4). Ранее зафиксирован факт распространения этого же ленинского документа отдельной листовкой, напечатанной 10-тысячным тиражом Объединенным Одесским Комитетом РСДРП (см.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. 1905—1912. М., 1971, с. 200; Видання творів В. І. Леніна на Україні (1894—1970): Бібліографічний покажчик. Харків, 1971, с. 40, 543).

²³ Киевское слово, 1905, 16 ноября.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 86.

организациям и ко всем рабочим социал-демократам о созыве IV съезда партии. Насущная необходимость созыва IV съезда РСДРП для обсуждения практических задач развертывания партийной работы в массах, повышения руководящей роли членов партии в революционной борьбе трудящихся подчеркивалась и в ряде других материалов «Киевского слова». Вот, например, передовая номера от 31 октября под заголовком «К знамени». В нее почти полностью была вмонтирована опубликованная в первом номере «Новой жизни» статья П. Румянцева «„Большинство“ и „меньшинство“», а оригинальный авторский текст составлял лишь несколько вводных и заключительных фраз. Концовку передовой («К знамени! К тому знамени, которое горделиво высилось над могилой Баумана, на котором пролетарская рука начертала: „Да здравствует единая социал-демократическая партия!“») можно понять и правильно оценить, лишь учитывая тогдашние требования революционных масс рабочего класса, вполне разделявшиеся большевиками, о созыве IV (Объединительного) съезда РСДРП.

С помощью материалов «Новой жизни» «Киевское слово» последовательно и настойчиво пропагандировало идеи пролетарского интернационализма, призывало к объединению усилий трудящихся всех национальностей в борьбе за свержение царского самодержавия. Ценную информацию содержат многочисленные перепечатки из «Новой жизни» о революционных событиях 1905 г. в Польше, Финляндии и на других «окраинах» царской России. Примечательна заметка «Новой жизни», напечатанная в постоянной рубрике газеты «Киевское слово» «Внутренняя хроника». В ней рассказывается о ярком проявлении классовой пролетарской солидарности — встрече на железнодорожной станции Тайга в Сибири освобожденных революцией политических ссыльных и приехавших в Россию рабочих социал-демократов из Голландии. Встреча завершилась дружным пением «Интернационала»²⁵. Русский текст международного пролетарского гимна мы также находим в «Киевском слове»²⁶. Правда, данная публикация показательна и с точки зрения вскрытия лицемерной сущности «свободы печати» в условиях не ликвидированного революцией 1905 г. царского строя. В тексте «Интернационала» имеются существенные изъяны: вместо «разрушим» напечатано «разроем», вместо «избавленья» — «обновленья», а в строке «Ни бог, ни царь и ни герой!» опущены слова «ни царь» без указания отточием о пропуске части текста.

Литературно-художественные произведения — стихотворения, рассказы, которые также встречаются на страницах «Киевского слова», как правило, своим содержанием были тесно связаны

²⁵ Киевское слово, 1905, 17 ноября.

²⁶ Там же, 6 ноября.

с актуальными общественно-политическими проблемами, выдвинутыми революцией 1905 г. Деятельность газеты, в которой активно сотрудничали киевские большевики, вполне отвечала задаче, сформулированной В. И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература» (впервые напечатана в «Новой жизни» 13 ноября 1905 г.): «...организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением»²⁷. В этом плане обращает на себя внимание опубликованная в тот же день в «Киевском слове» сказка «Звериный бюджет»²⁸, представляющая большой интерес для специалистов истории украинской классической литературы, а также истории отечественной журналистики. Речь идет об анонимном русском (наверное, первом) переводе остросатирического произведения великого украинского революционно-демократического писателя И. Я. Франко. Специалистам литературного источниковедения небезынтересно было бы проанализировать данный русский перевод произведения, разоблачающего антинародную сущность всякой дарованной «сверху» монархической властью конституции, которое читатели «Киевского слова» в ноябре 1905 г. наверняка воспринимали как явный намек на провозглашенный Николаем II манифест 17 октября. Тем более что опубликованная в этом же номере «Киевского слова» передовая посвящена критике возникших на основе указанного манифеста «конституционных порядков», при которых, по характеристике газеты, еще больше усиливается контроль над печатью со стороны охранных отделений и отдельного корпуса жандармов, запрещаются союзы, «угрожающие общественному порядку и общественной нравственности и явно революционные». Прямо указывая, что «конституционное» правительство тянет народ «в бездну реакции, застоя, бездну гнета и насилия», передовая снова подчеркивает авангардную роль пролетариата России в революции, доказавшего «всему миру зоркость своего взгляда, силу своей воли и решительность своих действий».

Для определения классовой характеристики газеты «Киевское слово» и показа того, как и какие теоретические положения учения марксизма-ленинизма популяризировала она, значительный интерес представляют материалы, опубликованные в постоянной рубрике «Библиография». Помимо многочисленных списков преимущественно общественно-политической литературы, выпущенной в свет в 1905 г. издательствами, которые либо находились под полным контролем большевиков («Вперед», «Демос», Марии Малых), либо активно использовались ими («Буревестник», «Донская речь», «Молот», О. Н. Поповой, Е. А. Алексеевой, М. С. Козмана и др.)²⁹, здесь систематически встречаются по-

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

²⁸ Киевское слово, 1905, 13 ноября.

²⁹ Иоффе А. М. Издательская деятельность большевиков в 1905—1907 гг. М., 1971, с. 66, 72, 87, 88, 89, 92, 94, 98, 110, 115, 116, 122.

пуляризаторские рецензии на произведения основоположников марксизма-ленинизма, их соратников и учеников, работы отечественных и иностранных авторов революционно-демократического направления.

Как бы введением к этим разбросанным по многим номерам библиографическим заметкам служит «Политический фельетон», напечатанный в номере «Киевского слова» от 21 августа. Это не фельетон в сегодняшнем понимании его литературного жанра, а историко-публицистическая статья, освещающая историю западноевропейского социал-демократического движения на основе учения К. Маркса и Ф. Энгельса, призывающая активно использовать теоретическую сокровищницу этого учения для практики революционной борьбы в России. Главное назначение статьи — обратить внимание читателей на пропагандирующие революционные идеи научного социализма многочисленные издания общественно-политической литературы на русском языке, вышедшие в свет в 1905 г.

«... У нас появилась невиданная доселе переводная брошюрная литература, — пишется в этой статье со столь неопределенным (может быть, тут сыграли роль и цензурные соображения) заглавием. — Появились новые издательства, поставившие себе специальные задачи. Впереди других по времени стоит „Донская речь“, по количеству изданий — одесские фирмы „Молот“, „Буревестник“, „Демос“, Козмана, Алексеевой.

Столичные фирмы в самое недавнее время издали и выпустили много изданий как больших, так и популярных брошюр.

Преимущественным источником, из которого черпают издатели, являются обширное наследие Маркса, его собственные работы, написанные им лично и вместе с Энгельсом специально для народа, работы высокоталантливых их пуляризаторов».

Как видим, статья не только пропагандировала труды основоположников научного социализма и их учеников, но и облегчала читателю поиски нужной литературы, адресуя его к определенным издательствам. В наше время эта рекомендация имеет историкоисторическое значение для историков русской революционной печати. Историкоисторическо-книговедческий интерес представляет сделанная в «Политическом фельетоне» «Киевского слова» попытка классифицировать общественно-политические издания 1905 г. по следующим категориям: 1) посвященные изучению экономических явлений и особенно марксизму; 2) знакомящие с личностью вождей нового движения; 3) исследующие формы правового государства и технику политической жизни; 4) поставившие своей целью выяснение социальных и политических прецедентов. Многозначительны заключительные строки статьи: «Ничьему произволу нельзя приписать распространение этих книг. Они явились, они имеют спрос только потому, что они необходимы». Уместно напомнить, что, как подчеркивал В. И. Ленин, именно рабочие в 1905 г. предъявили «необыкновенно силь-

ный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы»³⁰.

Рецензиям «Киевского слова», посвященным столь актуальной литературе, была присуща тесная связь с практикой революционной борьбы масс периода 1905 г. Как правило, в этих рецензиях логический мостик перебрасывался от проблемы исторического прошлого к тогдашней современности. Как наставление внимательно изучать уроки прошлого с тем, чтобы избежать серьезных ошибок в тактике современной революционной борьбы, очевидно, воспринимались читателями 1905 г. следующие строки, которыми начиналась рецензия «Киевского слова» от 30 сентября на брошюру К. Маркса «Исторические очерки. I. Германия 1848—1850 гг.»:

«Светлые мысли, блестящее изложение — вот как можно наиболее верно охарактеризовать лежащую перед нами брошюру. Не приходится говорить, что ее появление в свет в переживаемый нами исторический момент весьма желательно и своевременно. В самом деле, перед нами встает глубоко трагическая картина почти полного крушения сильнейшего общественного движения. Мы видим, как все почти уже было выиграно, как сдавался уже враг и как плоды побед, доставшихся дорогой ценой человеческих жизней, были потеряны без всякого осязательного результата. Мы видим даже причины этого трагизма».

Далее, базируясь на содержании марксовой работы, рецензент противопоставляет геройство и энергию народных масс в революционной борьбе предательской контрреволюционной роли буржуазии, ярко выразившейся в деятельности франкфуртского парламента и прусского учредительного собрания в период западноевропейской революции 1848 г. Уроки истории звучали предупреждающе по отношению к широким народным массам — активным участникам первой русской революции, вниманию которых прямо адресовал труд К. Маркса рецензент «Киевского слова».

Ведь и В. И. Ленин в этот же период со страниц «Новой жизни» указывал на те же поучительные примеры из исторического прошлого. В статье «Революционная канцелярщина и революционное дело» он заявлял: «История революций знает такие примеры, когда собрание числилось учредительным, а на деле реальная сила и власть были не в его руках, а в руках старой самодержавной власти. Так было во время германской революции 1848 г., и потому „учредительное“ собрание той эпохи, пресловутый франкфуртский парламент, и приобрело позорную репутацию презренной „говорильни“: это собрание болтало о свободе, декретировало свободу, а реальных мер к устранению учрежденной власти, уничтожающих свободу, не принимало. Вполне есте-

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 104.

ственно, что это жалкое собрание жалких болтунов либеральной буржуазии бесславно сошло со сцены»³¹.

Точно так же в рецензии «Киевского слова» на изданные в Киеве и Одессе работы Ф. Энгельса «К аграрному вопросу на Западе» и «Крестьянский вопрос во Франции» подчеркивалось, что они принадлежат к таким изданиям, «которые теперь с такой жадностью впитываются и разносятся по самым далеким уголкам России», что они вместе с произведениями русских теоретиков марксистской аграрной программы (среди них первым назван Владимир Ильин, т. е. В. И. Ленин) «разгоняют густой туман современной бернштейниады и имеют поэтому очень большое общественное значение»³². Нелишне заметить здесь, что после поражения первой русской революции царские власти приговорили издания работ Ф. Энгельса по крестьянскому вопросу к уничтожению, так как усмотрели в их содержании «суждение, возбуждающее к ниспровержению существующего в государстве общественного строя и классовую вражду между отдельными частями населения...»³³.

В «Киевском слове» от 12 октября мы находим еще одну рецензию, касающуюся творческого наследия Ф. Энгельса. Речь идет об изданной в 1905 г. в Киеве брошюре Энгельса «Сила и экономика при создании современной Германской империи». Рецензент характеризовал автора как опытного хирурга, умело срывающего с буржуазии фиговый листок патриотизма, которым она прикрывала свои экономические интересы, подчеркивал поучительность, полезность и содержательность изданной брошюры.

В рекомендательных списках новинок общественно-политической литературы встречаются упоминания также следующих работ К. Маркса: «Кэри и Бэстия», «Заработная плата, цена и прибыль», «Из биографии лорда Пальмерстона»³⁴. А работа К. Маркса «Гражданская война во Франции», выпущенная в свет одесским издательством «Буревестник» с предисловием к ее первой публикации, написанным Ф. Энгельсом, и под редакцией В. И. Ленина³⁵, упоминается в двух номерах «Киевского слова» (правда, без упоминания фамилии редактора)³⁶. Даже цензурный запретительный циркуляр в отношении данного и некоторых других изданий редакция «Киевского слова» использовала для их популяризации. В номере за 22 сентября была опубликована такая заметка:

«Редакция по независящим от нее обстоятельствам не могла дать отзыв о следующих книгах: Бебель, „Грехи центра“, изд. М. С. Козмана; Вальян, „Кризис и безработица“, изд. „Молот“;

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 120.

³² Киевское слово, 1905, 8 октября.

³³ Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса. — Историк-марксист, 1935, кн. 8/9, с. 86.

³⁴ Киевское слово, 1905, 10, 20 сентября, 3 ноября.

³⁵ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 2, с. 154.

³⁶ Киевское слово, 1905, 10, 22 сентября.

Маркс, „Гражданская война во Франции“, изд. „Буревестник“; Арну, „Мертвецы Коммуны“, того же издания; Либкнехт, „Воспоминания о Карле Марксе“, того же издания; Каутский и Шенланк, „Идеи марксизма в германской рабочей партии“, того же издания». Для источниковеда эта заметка интересна с точки зрения изучения методов борьбы большевиков с царской цензурой. Публикации рекомендательских списков общественно-политических изданий 1905 г. представляют интерес для историков книги, большевистской печати и т. п. В «Киевском слове» популяризировались русские издания 1905 г. работ известных западноевропейских социалистов А. Бебеля, Ш. Дикштейна, К. Каутского, П. Лафарга, В. Либкнехта, Ж. Лонге, К. Цеткин и др.³⁷ Газета помогает выяснить действительное время выхода в свет некоторых изданий периода первой русской революции. Например, в номере за 29 сентября 1905 г. упоминаются книги, датированные 1906 г. (в том числе: А. Коллонтай, «К вопросу о классовой борьбе»; А. Бебель, «Женщина и социализм» и др.). Учет этого расхождения между датой на обложке и действительной датой выхода в свет книги позволит избежать многих ошибок в изучении отдельных конкретно-исторических проблем, событий, явлений, биографий исторических лиц и т. п.

Рецензии «Киевского слова» современному историку или литературоведу помогают также обнаружить принудительные или упреждающие, вызванные цензурными притеснениями изменения в текстах изданных в 1905 г. книг. В частности, в рецензии на составленный соратником В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевичем (псевдоним В. Ольховский) литературно-поэтический сборник «Родные песни» прямо указывается на пропуски, «что, быть может, объясняется цензурными условиями»³⁸. В рецензии на изданные работы французского марксиста Жана Лонге «Общественное движение в Японии» приведено настоящее авторское ее название — «Социализм в Японии»³⁹.

Здесь же находим еще более знаменательную для источниковеда-архивоведа, специалиста по истории архивного дела в СССР, перепечатку из «Новой жизни». В данном случае руководимая В. И. Лениным газета использовала информацию из Парижа о подготовке к изданию многотомной экономической истории французской революции конца XVIII в. для того, чтобы привлечь передовую общественность к собиранию и сохранению вещественных, печатных и рукописных материалов по истории первой русской революции. И вот этот же пламенный призыв находим на страницах «Киевского слова» в таком изложении: «Нам, русским, участникам нашей великой революции, пишет „Новая жизнь“, следует позаботиться о будущих историках и выдвинуть вопрос

³⁷ Там же, 23 августа, 5, 9, 10, 12, 16, 22, 23, 27, 29 сентября, 10, 12, 30 октября, 3 ноября. Большинство этих работ вскоре запретила царская цензура (см.: Литературное наследство, 1935, № 22/24, с. 616).

³⁸ Там же, 23 октября.

³⁹ Там же, 30 октября.

общего музея и архива революции, тем более что его зачатки были уже положены в Женеве».

Таким образом, большевики активно популяризировали сделанное ими за год до начала первой русской революции начинание в организации центрального партийного архиво- и книгохранилища. «Положение о библиотеке и архиве при ЦК РСДРП» подписано В. И. Лениным, и он же является автором первого официального обращения от имени ЦК партии к широким кругам «всех товарищей и сочувствующих этому давно назревшему делу оказать посильное содействие нашим товарищам, взявшим на себя труд организовать это сложное и важное дело»⁴⁰. Последнее возникло в противовес меньшевикам, которые «бойкотировали работу архива и библиотеки»⁴¹. Безусловно, это обстоятельство следует принимать во внимание при определении роли большевиков в «Киевском слове», сообщившем своим читателям об антимиеньшевицком мероприятии. Как видно из информации первого же номера «Бюллетеня библиотеки и архива РСДРП», архивные материалы, поступившие из Киева, составляли значительное количество, а в числе переданных В. И. Лениным на хранение книг значилась и очень тогда популярная среди масс трудящихся работа «Революционные дни в Киеве. (История Киевской стачки)», изданная в Женеве в начале 1904 г. при активном содействии Владимира Ильича⁴². Псевдоним автора работы В. Правдин скрывал фамилию активного сотрудника «Киевского слова» 1905 г. В. В. Вакара.

Большую источниковедческую ценность в наше время как для наиболее точной общественно-политической характеристики «Киевского слова» периода подъема революции 1905 г., так и для наиболее полного раскрытия деятельности сотрудничавших в этой газете большевиков представляют их публицистические статьи. Конечно, не все (даже публично объявленные на страницах «Киевского слова» его сотрудники) большевики — члены Киевского комитета РСДРП активно публиковались на страницах этого органа, что можно объяснить субъективными факторами — наличием журналистского таланта, чрезмерной загрузкой практической работой или требованиями конспирации. В конечном счете не это определяет место той или иной личности в общественно-политических и революционных событиях своего времени. К тому же для атрибуции авторства в «Киевском слове» достаточно полный материал отсутствует: многие псевдонимы не расшифрованы, ряд важных по затронутым в них проблемам статей опубликован без всяких подписей. Оговариваем все это для того, чтобы признать предварительный характер наших выводов о сте-

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 163, 530.

⁴¹ Бюллетень Библиотеки и Архива РСДРП, № 1 (6 октября 1904 г.), № 2 (15 декабря 1904 г.).

⁴² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 32, оп. 1, д. 3, л. 1—11; Ленинский сборник VIII, с. 266; Вакар В. [Правдин В.] Накануне 1905 года в Киеве. (Июльская стачка 1903 г.). Киев, 1925, с. 12.

пени участия того или иного большевистского автора в публикациях «Киевского слова».

В настоящее время наиболее активными авторами из большевиков, сотрудничавших в «Киевском слове», нам представляются В. В. Вакар, Л. М. Кнунянц и А. Н. Мельницкий. Первый из них — Владимир Викторович Вакар (1878—1926 гг.) — заметная фигура в социал-демократическом и рабочем движении Киева начала XX в., член Киевского комитета РСДРП, переписывавшийся и лично встречавшийся с В. И. Лениным⁴³, корреспондент ленинской «Искры» и редактор местного периодического издания искровского направления «Киевский социал-демократический листок» (1902—1903 гг.). После известия о том, что на II съезде РСДРП произошел раскол, Вакар встал на большевистскую платформу, хотя и не проявил достаточной твердости в отношении полного идейного размежевания с киевскими меньшевиками, так как не сразу уяснил мелкобуржуазную сущность меньшевизма⁴⁴. Эту свою позицию сам Вакар впоследствии оценивал весьма критически: «Должен сказать, — вспоминал он, — что тогда многие киевские большевики были сторонниками такой примиренческой тактики, и даже член ЦК т. Кржижановский, отличаясь большой терпимостью, тоже не мог быть причислен к числу так называемых тогда «твердокаменных» большевиков и стремился к внутрипартийному миру»⁴⁵.

Эту характеристику тогдашнего отношения к меньшевикам большинства членов ЦК РСДРП, находившихся в Киеве, подтверждают и новейшие фундаментальные исследования историков партии⁴⁶. Что же касается непримиримого отношения к меньшевикам со стороны П. А. Красикова и А. Г. Шлихтера, которых называли «твердокаменными» большевиками, то, как публично уже в советское время признал Вакар, их позицию полностью оправдали «дальнейшее развитие событий и в особенности Октябрьская революция и связанное с ней разложение меньшевизма»⁴⁷.

Впрочем, и у самого Вакара примиренческие настроения по отношению к меньшевикам были непродолжительными. 24 июля 1904 г. один из киевских меньшевиков в своем письме в редакцию меньшевистской «Искры» вынужден был с разочарованием констатировать о Вакаре, «что этот человек мягко стелет — жестко сплет»⁴⁸. Руководитель киевских большевиков на-

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 216, 257, 352, 469, 580; Ленинский сборник VII, с. 88, 90—91; Ленинский сборник VIII, с. 265, 266, 321; Вакар В. Воспоминания о т. Ленине (Двадцать лет тому назад). — Коммунистическая мысль, 1924, № 1/2, с. 41—45.

⁴⁴ М. К. Указ. соч., 45; Вакар В. Киевская с.-д. организация в 1902—1904 гг. — Літопис революції, 1928, № 5, с. 89.

⁴⁵ Вакар В. Киевская с.-д. организация..., с. 89.

⁴⁶ Юрченко О. Т. В. І. Ленін і більшовицькі організації України. Київ, 1970, с. 103.

⁴⁷ Вакар В. Киевская с.-д. организация..., с. 89.

⁴⁸ Кокошко Ст. Більшовики у Києві напередодні революції 1905 р. — Літопис революції, 1930, № 6, с. 91.

кануне и в период первой русской революции А. Г. Шлихтер отмечал, что хотя тогда у Вакара и проявлялись колебания и нерешительность, но он оставался большевиком, «продолжал при чрезвычайно тяжелых условиях борьбу с меньшевиками в самом комитете» и что его имя «войдет в историю нашей партии как имя одного из тех революционеров-подпольщиков, отдавших партии все свои силы в первые годы борьбы за организацию большевиков после раскола РСДРП на втором партийном съезде в 1903 г.»⁴⁹.

Когда же с конца 1904 г. в Киевском социал-демократическом комитете возобладали меньшевики, Вакар понял необходимость организационного разрыва с ними и накануне первой русской революции вышел из состава комитета⁵⁰. В феврале 1905 г., когда в Киеве образовалась группа ленинской газеты «Вперед», Вакар вошел в нее⁵¹. Царская охранка в своих секретных донесениях отмечала приверженность Вакара к большевизму, обращая особенное внимание на «конспиративную переписку с известным своей политической деятельностью Владимиром Ульяновым и женой его, урожденной Крупской»⁵².

В период революции 1905 г. Вакар вместе с другими большевиками Киева вел большую революционную работу в районных и низовых социал-демократических организациях⁵³. В письме к Вакару от 21(8) января 1905 г. Н. К. Крупская просила сообщить надежный адрес в Киеве, по которому можно было бы беспрепятственно вести переписку и регулярно высылать центральный печатный орган большевиков — газету «Вперед»⁵⁴. После III съезда РСДРП в переписке с киевскими большевиками Н. К. Крупская интересовалась, получает ли Вакар новый центральный печатный орган — «Пролетарий», который ему различными конспиративными путями отправлялся регулярно⁵⁵. За участие в газете «Киевское слово» после ее закрытия царскими властями Вакар был осужден Киевским окружным судом на год тюремного заключения⁵⁶.

В большевистской публицистике «Киевского слова» его публикации наиболее весомы и проблематикой, и глубиной ее разработки, и талантливым ее изложением. Здесь Вакар специали-

⁴⁹ О. Г. Шлихтер про В. В. Вакара. — Пролетарська правда, Киев, 1926, 23 июня.

⁵⁰ Шморган П., Корольов Б., Кравчук М. Київ у трьох революціях. Київ, 1963, с. 13.

⁵¹ Історія Української РСР: У 8-ми т., 10-ти кн. Т. 4. Україна в період імперіалізму (1900—1917). Київ, 1978, с. 94.

⁵² Вакар В. Накануне 1905 г. в Киеве, с. 15.

⁵³ Бондаренко И. Н. Большевики Киева в первой русской революции (1905—1907 гг.). Киев, 1960, с. 97.

⁵⁴ Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.): Сб. документов и материалов. Киев, 1964, с. 490.

⁵⁵ Суярко Л. Осаяні «Іскрой»: Друкована пропаганда і агітація іскрівських організацій на Україні. Київ, 1967, с. 110.

⁵⁶ Киевлянин, 1906, 14 декабря.

зировався як автор соціологічно-теоретических і історико-публіцистических статей. В своїх історико-мемуарних роботах, написаних і опублікованих уже в советське время⁵⁷, іменно он розказав про діяльність «Київського слова» в осєнніє місяці 1905 г. В некролозі Вакару, поміщенном в центральном органе Комуністическої партії газеті «Правда», спеціально отмечались найбільша освітаність і літературне дарованіє этого більшовістського історика-публіциста⁵⁸. Кстаті, і В. І. Ленін, як об этом свідечествуєт его письмом к Г. М. Кржіжановському, написанном в період острої внутріпартійної боротьби после II з'їзду РСДРП, високо цінив літературний талант Вакара. В числі заходів, направлєних на розоблачєніє оппортунізму мєншьєвіков, Владимир Ильич предлагав випустити от імени Центрального Комітєта партії спеціальніє листовки, а для написання их текстів привлєчь В. В. Воровського і В. В. Вакара⁵⁹. Нами уже зроблена спроба охарактеризувати творчєський вклад Вакара в дослідваніє історії робочєго класу⁶⁰.

Однако его публикации в «Київському слові» еще не подвергались ни источниковедческому, ни историографическому анализу. Таких публикацій за підписом «В. Вакар» нами обнаружєно 12. Их тематика концентруєтся вокруг критики царського самодержавія, его державного апарату принужденія (армії, поліції, судєбних устанєвєнїє і т. п.), угнетатєльської політики царських властей, направлєнной на сохранєніє і увековєчіваніє бесправія трудящїхся во всех сферах общєствєнно-політїчєскої жїзни; розоблачєніє соглашатєльських по отношению к царизму и предательських по отношению к народным массам контрреволюціонных действий либеральной буржуазии; роз'ясненія правомєрності авангардної ролі робочєго класу в революціонном процесє. Содержаннє статей Вакара базирєтся на теоретических положєніях произведєний основоположников учєнія научного социализма, ісходит из практичєских лєнінських устанєвок курсу на розвертываніє народної революції, определєнных III з'їздом РСДРП, во многом перекликаєтся с содержанієм и направлєнієм публіцистических матеріалєв, печатавшихся в 1905 г. в центральних органах більшовістської партії, в частности в «Новой жїзни», найбільше близько звязанної с «Київським словом».

Как известно, на страницах «Новой жїзни» В. І. Ленін и его соратники резко розоблачали соглашатєльську політику либеральной буржуазии, ее стремлєніє к сделке с самодержавієм. В частности, в лєнінській статтє «Революціонная канцєлярщина

⁵⁷ *Правдин В.* Указ. соч.; *Вакар В.* Жовтнєві дні року 1905 у Києві. — В кн.: 1905 р. у Києві та на Київщині. Київ, 1926.

⁵⁸ *Правда*, 1926, 23 іюня.

⁵⁹ См.: *Лєнін В. І.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 352.

⁶⁰ *Сарбєй В. Г.* В. В. Вакар — перший більшовіцький історик революційної боротьби кївських робітників у дожовтнєвий період. — В кн.: *Історичні дослідженія. Вітчизняна історія*. Київ, 1975, вип. 1, с. 145—158.

и революционное дело» указано на противоречивость и нелепость формулы «Государственная дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя»⁶¹. Этой же разоблачительной теме посвящена статья Вакара «Конституция с сохранением самодержавия»⁶². Автор выступает в ней против конституционных иллюзий в самодержавном государстве, заявляет, что в «Киевском слове» проповедь «конституции с сохранением самодержавия», откуда бы она ни исходила, «всегда встретит резкий отпор», ибо «нельзя влить новое вино в мехи старые» и «в любой период государственной жизни страны, а тем более в период учредительных работ теоретически мыслима лишь одна верховная власть; и она может принадлежать или народу, или короне».

Весьма созвучны слова Вакара высказываниям Ленина об учредительном собрании. Они базируются на соответствующем требовании Программы РСДРП, принятой в 1903 г. В вышеупомянутой ленинской статье находим следующие строки: «Чтобы окончательно смести остатки старых, крепостнических учреждений самодержавной России, чтобы определить порядок новой, свободной России, нельзя себе представить иного цельного и последовательного пути, кроме созыва всенародного учредительного собрания»⁶³. А вот аналогичное рассуждение из вакаровской статьи «Конституция с сохранением самодержавия»: «Только учредительное собрание, созданное на основах всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права, сможет во всей полноте воплотить идею народного суверенитета и под давлением рабочего класса выкует новое, демократическое правительство»⁶⁴.

В. И. Ленин походя разоблачил «проделки» либералов с лозунгом учредительного собрания, в частности продемонстрированные на съезде 1905 г. земцев и горожан (кадетов) в Москве⁶⁵. Вакар же по поводу того же съезда написал специальную статью под красноречивым названием «Рабья политика»⁶⁶, в которой дал обобщенную историческую сводку грехов русского либерализма, который сначала с трудом выговаривал слово «конституция», затем в затушеванной форме пропагандировал идею «конституции с сохранением самодержавия», но произнести слова «учредительное собрание» так и не решился. Резкую критику либералов за соглашение с царизмом на почве манифеста 17 октября содержит статья Вакара «Мир с правительством, война с пролетариатом», напечатанная в двух номерах «Киевского слова»⁶⁷. Подчеркивая ведущую роль пролетариата в политических событиях революции 1905 г. и тем самым решая выдвинутую В. И. Лениным тогда,

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 120.

⁶² Киевское слово, 1905, 3 ноября.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 119.

⁶⁴ Киевское слово, 1905, 3 ноября.

⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 120—121.

⁶⁶ Киевское слово, 1905, 16 ноября.

⁶⁷ Там же, 7, 8 ноября.

в том числе и на страницах «Новой жизни», задачу «сплочения сил пролетариата, организации его, политического обучения и воспитания рабочего класса»⁶⁸, Вакар высоко поднимал роль интернационалистской партии российского пролетариата. Специально раскрытию авангардной роли пролетариата в развитии революции посвящена статья Вакара «*Sie volo, sie inbeo*» («Верховный повелитель») ⁶⁹.

Несколько статей было посвящено армии: «Беспартийность армии», «Маньчжурская армия и русская революция», «Агония отживающего режима». В 1905 г. это тоже была весьма актуальная тема, ибо от позиции армии во многом зависело то или иное развитие революции. В. И. Ленин в статье «Войско и революция», опубликованной в «Новой жизни», показал несостоятельность лицемерных речей прислужников самодержавия «о нейтралитете армии, о необходимости держать армию в стороне от политики и пр.»⁷⁰.

Как и В. И. Ленин, Вакар заявлял, что о «„беспартийности“ армии... не может быть и речи...», и отмечал, что лучшая часть армии становится на путь революционной борьбы⁷¹. Как известно, В. И. Ленин в этой связи на страницах «Новой жизни» приводил конкретные факты выступлений армии в поддержку революционной борьбы народных масс, в том числе в Киеве, заключая, что «вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством»⁷².

Специального источниковедческого рассмотрения заслуживает военно-историческая проблематика «Киевского слова». Здесь следует указать на небольшую заметку о восстании черноморских моряков под руководством лейтенанта Шмидта и на обстоятельную историческую статью о восстании на броненосце «Потемкин» (оба материала опубликованы анонимно)⁷³. Построенная на информации «Новой жизни» статья «Киевского слова» о расправе царизма над участниками восстания на военном корабле «Прут» имеет следующую пафосную концовку:

«Матросы умерли героями. Матрос Петров, выдающаяся личность и социал-демократ по убеждениям, перед смертью сказал, обращаясь к начальству: «Вы этой казнь ничего не сделаете — вместо нас на борьбу встанут тысячи!».

Если так могут умирать, замечает «Новая жизнь», за свободу люди из народной массы, то это значит, что народ завоеует свободу. Если до такого утонченного зверства дошли представители самодержавного режима, то это значит, что режим этот уже давно отжил свой век»⁷⁴.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 132.

⁶⁹ Киевское слово, 1905, 6 ноября.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 113.

⁷¹ Киевское слово, 1905, 30 октября.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 123.

⁷³ Киевское слово, 1905, 4, 17 ноября.

⁷⁴ Там же, 14 ноября.

Две статьи Вакара («Врачу, исцелися сам» и «Две нации») специально касались национального вопроса в России, по-ленински разъясняли позицию российской социал-демократии в отношении борьбы трудящихся за национальное равноправие на интернационалистской основе их единения против эксплуататорского строя, разоблачали контрреволюционную, антинародную сущность националистической идеологии, клеймили шовинистическую политику самодержавия, черносотенные погромы и демагогию местных царских властей о равенстве всех перед законом. В первой из названных статей автор прямо заявлял, что «уравнение всех перед законом, предоставление гражданам всех национальностей одинаковых прав являются одним из основных требований той партии, для которой существуют только две нации — эксплуатируемых и эксплуатирующих и на знамени которой написано: борьба со всяким гнетом — политическим, экономическим или национальным!»⁷⁵.

Эти же мысли о «двух нациях» в каждой национальности классово антагонистического общества и о борьбе социал-демократии против всех видов угнетения человека человеком подробно и аргументированно изложены в уже упомянутой статье Вакара «Две нации», опубликованной месяцем позже. Здесь же Вакар коснулся и вопроса об отношении к религии, указывая, что социал-демократия отстаивает невмешательство в религиозные дела, но выступает против каких-либо принудительных ограничений⁷⁶. Эта позиция автора полностью совпадает с той, которая была высказана в ленинской статье «Социализм и религия», опубликованной двумя днями позже в «Новой жизни»⁷⁷.

Особенно интересны в источниковедческом отношении с точки зрения изучения проявления марксистско-ленинских идей и теоретических положений в творческом наследии большевистских историков-публицистов рассуждения Вакара о путях предотвращения «национально-сепаратистских стремлений». Он считал, что лучшим способом предохранения от этого является введение широкой демократии во все стороны общественно-политической жизни: «...всеобщее избирательное право как базис единого учредительного собрания и автономное самоопределение народностей»⁷⁸. Прямо ссылаясь на Маркса и Энгельса, которые, как он пишет, «ратуя против бисмарковской политики „железа и крови“... признавали в то же время громадное значение крупных государственных единиц и были, в частности, горячими приверженцами объединения Германии», Вакар в статье «Две нации» поддерживал интернационалистскую сущность национальной Программы РСДРП, принятой на II съезде.

Как известно, большевики были принципиальными сторонни-

⁷⁵ Там же, 1 ноября.

⁷⁶ Там же, 1 декабря.

⁷⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 142--147.

⁷⁸ Киевское слово, 1905, 1 декабря.

ками крупных, централизованных (но, безусловно, демократических) государств, в которых гораздо успешнее, чем в мелких, решаются задачи развития производительных сил и борьбы пролетариата с буржуазией⁷⁹. В. И. Ленин при каждом удобном случае публично напоминал об этой неизменной позиции марксистов-большевиков, всегда предпочитающих, при прочих равных условиях, крупные государства мелким. Подробное обоснование это марксистское положение нашло и в основополагающем ленинском труде «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.)⁸⁰.

В статье Вакара «Две нации» едва ли не более всего впечатляет точность изложения марксистско-ленинского понимания принципов отношения социал-демократии к крупным, централизованным государствам. «В равной мере, — писал автор, — помимо тактических соображений и из соображений принципиальных, партия, — на знамени которой написано: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — не может считать прогрессивным явлением усиление националистических и шовинистических течений и образование мелких самостоятельных государственных единиц. Решительно протестуя против всех способов образования крупных государственных организмов путем «железа и крови» и отрицая за этим способом всякое значение как объединяющей разные народности силы, социал-демократия тем не менее признает, что существование крупных государственных организмов является благоприятным явлением в деле развития социализма»⁸¹.

Источниковед, изучающий формы и методы пропаганды большевиками марксистско-ленинских идей в период первой русской революции, не может пройти мимо упомянутой выше статьи Вакара «Маньчжурская армия и русская революция». Здесь автор не только обращает внимание на то, что «революция, совершаемая русским пролетариатом в стране, вызывает грозную революцию в армии» и что «пролетарии в военных мундирах протягивают уже свои руки пролетариям в блузах», не только критикует «представителей либеральной буржуазии», «учетчиков» революции, которые все пытаются подвести ей итог, удовлетворившись уступками 6 августа и 17 октября, но и пропагандирует материалистическое понимание истории, по словам Вакара, дающее возможность осуществлять строго научный анализ действительности и вооружить политическую партию предвидением, гарантирующим от политических ошибок. Заканчивается статья популяризацией принципов общественно-политического устройства страны на основе положений программы-минимум, принятой на II съезде РСДРП: «Наиболее полно осуществленная демократизация государственного устройства с самой широкой областной автономией —

⁷⁹ Бурмистрова Т. Ю. Национальная политика партий большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. Л., 1962, с. 57.

⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 143, 144.

⁸¹ Киевское слово, 1905, 1 декабря.

вот государственное устройство, к которому Россия идет, подчиняясь железным законам исторического развития»⁸².

Среди публикаций Вакара в «Киевском слове» имеются и такие, которые по содержанию относятся к событиям 1905 г. в Киеве, критикуют местные царские власти («О благоразумии «реальных политиков», «Две демонстрации», «Степень соучастия»). Большинство же вакаровских статей в «Киевском слове» затрагивали общегосударственные и общепартийные проблемы периода революции 1905 г.

Таковы же по содержанию и значимости статьи в «Киевском слове», принадлежащие перу профессионального революционера, большевистского журналиста Людвиг Минаевича Кнунянца (1876—1951 гг.), который в дооктябрьский период вел активную партийную работу, главным образом в Баку и Киеве, а в советское время как специалист инженер-нефтяник занимал руководящие должности в высших государственных учреждениях нефтяной и газовой промышленности⁸³. Его брат Богдан Минаевич Кнунянец (1878—1911 гг.) — также профессиональный революционер, большевик, сподвижник В. И. Ленина, принимавший активное участие в деятельности Бакинского, Московского и Петербургского комитетов большевиков, член Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г., автор и сотрудник ленинской «Новой жизни»⁸⁴. В бурные дни осени 1905 г. на киевской квартире Л. М. Кнунянца проходили собрания местных большевиков, а главным штабом их массовой агитационно-пропагандистской деятельности был Киевский политехнический институт — «альма-матер» Л. М. Кнунянца⁸⁵.

Первая по времени зафиксированная нами статья Л. М. Кнунянца в «Киевском слове» — «Нефтяной голод» — опубликована 5 сентября 1905 г. под псевдонимом «Л. Кирияк». Кроме того, в других номерах газеты нами обнаружены за подписью «Л. Кнунянец» еще три статьи: «Экономические последствия современной смуты на Кавказе», «1901—1905 гг.», «Неотложные задачи»⁸⁶.

Так характеризовал Кнунянец развитие классового самосознания российского пролетариата: «Стоит только беглым взглядом окинуть историю борьбы российского пролетариата за последнее пятилетие, — читаем в статье «1901—1905 гг.», — чтобы убе-

⁸² Там же, 13 ноября.

⁸³ *Инджикян О. Г.* Богдан Кнунянец. Ереван, 1961, с. 38.

⁸⁴ *Кнунянец Б. М.* Избр. произв. 1903—1911 гг. Ереван, 1958, с. 4—8.

⁸⁵ 1905 рік у Києві та на Київщині, с. 315—316; *Алексеев Ф.* Спогади про 1905 рік у Києві. Київ, 1930, с. 22—23.

⁸⁶ Киевское слово, 1905, 13, 16, 18 сентября. См. об этом подробнее: *Сарбей В. Г.* Большевистская публицистика Людвиг Кнунянца на страницах «Киевского слова» в 1905 году. — В кн.: Исторические связи и дружба армянского и украинского народов. Ереван, 1971, вып. 3, с. 145—157; *Он же.* Більшовицька публіцистика Людвіга Кнунянца на сторінках «Киевского слова» в 1905 р. — Український історичний журнал, 1967, № 8, с. 61—71.

даться, как постепенно под грохотом орудийных выстрелов, под свистом пуль и ударами казацких нагаек росло и крепло классовое самосознание рабочих масс, как постепенно частичные забастовки переходили во всеобщие стачки, как уличные демонстрации становились все грандиознее, как местами готовились и происходили попытки восстания, как весь этот процесс борьбы развил настоящую классовую солидарность, пример которой мы видели во всероссийской поддержке петербургских рабочих в начале текущего года и еще недавно в стачке железнодорожных служащих и рабочих».

Отдельно останавливаясь на восстании на броненосце «Потемкин», Княнунц оценивает это событие полностью в духе соответствующих ленинских положений. Как известно, В. И. Ленин в статье «Революционная армия и революционное правительство», которая была 10 июля (27 июня) 1905 г. опубликована в центральном печатном органе большевистской партии газете «Пролетарий», указывал на то, что впервые крупная часть военной силы царизма — целый броненосец — перешла открыто на сторону революции и что этот переход запечатлен перед всей Россией, перед всем миром как попытка образования ядра революционной армии⁸⁷. О том же событии Княнунц писал в «Киевском слове»: «Одно из самых крупных боевых судов — гигант броненосец «Потемкин» перешел на службу русской революции и вместе с одним миноносцем оказывал помощь забастовавшему одесскому пролетариату, наводя панику своими грозными пушками на одесские власти». И далее уверенно заявлял, что имена матросов-героев «Потемкина» навсегда впишутся в историю освободительной борьбы нашего народа.

Наконец, позволим хотя бы в общих чертах охарактеризовать публикации в «Киевском слове» его наиболее активного сотрудника Андрея Николаевича Мельницкого. Известный большевик, участник событий революции 1905 г. Н. П. Козеренко свидетельствовал в своих воспоминаниях, что Мельницкий, определенно стоявший на стороне большевиков, не дождался Советской власти и умер в 1911 г.⁸⁸ Из воспоминаний В. В. Вакара мы узнаем, что Мельницкий, происходивший из семьи рабочего-текстильщика одной из подмосковных мануфактур и умерший молодым, уже накануне революции 1905 г. принимал активное участие в социал-демократическом движении, после II съезда партии примкнул к «большинству», пользовался общей любовью товарищей и был одним из деятельных и талантливых пропагандистов и журналистов⁸⁹.

Обращаемся к архивному фонду Киевского губернского жандармского управления. Вот полицейская характеристика из когда-то совершенно секретного документа, датированного 3 февраля 1906 г.:

⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 336, 337.

⁸⁸ 1905 рік у Києві та на Київщині, с. 4.

⁸⁹ Вакар В. Наказує 1905 г. в Києве, с. 123, 130, 131.

«Андрей Мельницкий состоит членом Киевского комитета РСДРП и известен своей революционной деятельностью еще с 1903 г. Будучи неоднократно привлекаем к дознаниям при Киевском и Санкт-Петербургском губернских жандармских управлениях, Мельницкий состоял под особым надзором полиции и по распоряжению Санкт-Петербургского генерал-губернатора был выслан впредь до особого распоряжения из пределов Санкт-Петербургской губернии.

По прибытии в Киев в июле месяце 1905 г. Мельницкий, войдя в состав местного комитета, продолжил свою преступную работу, ведя пропаганду и агитацию среди рабочих за устройство всеобщей политической забастовки и уличных вооруженных беспорядков.

Ввиду сего Мельницкий был арестован 15 октября 1905 г., причем по обыску у него были обнаружены нелегальные издания.

По освобождении из-под стражи по амнистии Мельницкий вновь принялся за преступную деятельность, почему предназначался к аресту в ликвидацию 11 декабря, но за нерозыском тогда арестован не был и был задержан на улице лишь 30 декабря»⁹⁰.

Полную подпись «А. Мельницкий» в «Киевском слове» мы обнаруживаем только под одной публикацией — «К. Каутский о профессиональных союзах и массовой стачке»⁹¹, представляющей собой изложение напечатанной в журнале «Neue Zeit» статьи одного из лидеров германской социал-демократии, авторитет которого среди членов РСДРП в то время был достаточно высок. Вспомним, что в те годы и В. И. Ленин переводил лучшие работы Каутского, редактировал их, писал к ним свои предисловия⁹². Прореферированная Мельницким на страницах «Киевского слова» статья Каутского также представляла практический интерес для участников первой русской революции, в ходе развития которой появились первые профсоюзы и широкое распространение получили различные формы забастовочной борьбы трудящихся, в том числе массовая стачка.

Неполной подписью «А. М-цкий» подписаны две публикации «Киевского слова» — «Бакалейщики и их приказчики» и «Внимание почтово-телеграфных служащих»⁹³. Значительный интерес для историка-исследователя представляет первая из названных статей. Здесь автор на основе собственных наблюдений и обобщения документальных материалов санитарно-гигиенических инспекций показывал ужасную картину условий труда и быта приказчиков, основной контингент которых, по словам Мельницкого, составляли дети и подростки в возрасте от 8 до 17 лет. Статья имеет

⁹⁰ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 275, оп. 1, д. 678, л. 70—71.

⁹¹ Киевское слово, 1905, 6 ноября.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 353—354.

⁹³ Киевское слово, 1905, 28 августа, 8 ноября.

острую социальную направленность против рассказней, оформленных даже в виде официальных жалоб правительствующему сенату, владельцев бакалейных магазинов о том, будто бы сокращение рабочего дня их приказчиков «чего доброго может привести и к коммуне». «Вся подоплека мелкого буржуа выступает здесь во всей своей наготе, — дает классовую оценку этим жалобам Мельницкий, далее саркастически высмеивая их нелепость. — Чего-чего тут только нет! Тут и анархизм, и социализм, и коммунизм, и прочие жупелы наших Кит Китычей. Право, если почтять побольше такой, с позволения сказать, литературы, то будет серьезно казаться, что от сокращения рабочего времени у приказчиков Российскому государству грозит неизмеримо большая опасность, чем от войны с какими-нибудь японцами».

Псевдонимом «Будущий»⁹⁴ подписаны публицистические статьи Мельницкого, помещенные в рубрике «Дела и люди». Таких статей с уточняющими темы подзаголовками или без них мы насчитали в «Киевском слове» 18⁹⁵. В частности, в номере, где помещена его статья «Бакалейщики и приказчики», в рубрике «Дела и люди» находим его же статью «Каторжный дом для детей». Обе статьи посвящены одной проблеме — показу детства, обездоленного эксплуататорским строем. Описав труд и быт одного из киевских детских приютов, в котором «все принадлежности каторжного дома — и работы, и наказания», автор так отвечает на вопрос о «вине» малолетних заключенных: «Они виноваты тем, что родились в пролетарской среде, от родителей-пролетариев. Этого достаточно. Там, где царит капитал, пощады не существует. Эти родители не послушали ученого защитника буржуазии Мальтуса и народили детей. Они должны за это нести наказание, и не только они, но и дети их»⁹⁶.

Труду и быту разных категорий взрослых рабочих Мельницкий, по-видимому, собирался посвятить отдельную серию очерков, также основанных на его личных наблюдениях и документах различных комиссий и совещаний. Но удалось опубликовать в «Киевском слове» лишь два таких очерка — о днепровских плотовщиках и бакинских нефтяниках⁹⁷. Обобщенный достоверный материал о труде и быте первых ценен и как исторический источник, так как «общая печать до сих пор совершенно не затрагивала эту область», в которой были заняты многие тысячи рабочих из различных категорий сельского пролетариата преимущественно Минской, Могилевской и Черниговской губерний. Так же ярко описан труд и быт бакинских нефтяников, причем автор заключал: «В своих скитаниях мне приходилось знако-

⁹⁴ Масапов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956, т. 1, с. 172.

⁹⁵ Киевское слово, 1905, 21, 24, 28, 31 августа, 4, 7, 9, 18 и 25 сентября, 2, 9, 11, 31 октября, 1, 5, 6, 12, 13 ноября.

⁹⁶ Там же, 22 и 29 августа.

⁹⁷ Там же.

миться с такими разными отраслями труда, но нигде я не видел такой ужасной, такой ненормальной жизни рабочих». В статье подчеркивалась классовая солидарность бакинского многонационального пролетариата, исключая межнациональную рознь и особенно проявившаяся в декабре 1904 г. (имеется в виду руководимая большевистским комитетом массовая стачка, закончившаяся победой рабочих⁹⁸).

Ряд очерков Мельницкого, опубликованных в «Киевском слове» под рубрикой «Дела и люди», вскрывают антинародную сущность деятельности представителей различных звеньев государственного аппарата царизма на местах, его идеологических защитников. С этой точки зрения были подвергнуты критике мероприятия киевской думы, опубликованная в «Московских ведомостях» статья одного из черниговских реакционеров против демократических свобод, социального и национального равноправия, погромные призывы церковных реакционеров и деятелей черносотенного «Союза русского народа», идеологов бешеного шовинизма вроде редактора газеты «Киевлянин» Пихно, жестокие расправы с трудящимися, проводимые царскими генералами типа Трепова⁹⁹, и многое другое. Комментируя последствия грабдиозных пожаров на бакинских нефтепромыслах, Мельницкий обрушился на буржуазную и мелкобуржуазную прессу, особенно на меньшевистскую газету «Наша жизнь», которая, по его словам, с сочувствием подсчитывала убытки капиталистов, но даже не вспомнила о том, «сколько погибло народу и сколько его еще может погибнуть вследствие той безработицы, какая произойдет благодаря отсутствию нефтяного топлива»¹⁰⁰.

С точки зрения выдвинутой тогда В. И. Лениным и пропагандируемой в разных аспектах в его статьях на страницах «Новой жизни» важной идеологической задачи вскрыть лицемерно прикрывавшиеся буржуазной идеей беспартийности классовые интересы политических партий, их печатных органов, общественных учреждений и т. п. большой источниковедческий интерес представляет статья Мельницкого «Во тьме». В. И. Ленин в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» («Новая жизнь», 26 ноября и 2 декабря 1905 г.) так характеризовал эту мнимую беспартийность: «Все и вся как будто „беспартийно“; все и вся как будто свивается в одном „освободительном“ (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет „социализма“, особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе»¹⁰¹.

Такие же мысли развивались в названной статье Мельницкого. Автор констатировал, что для широкой публики газеты

⁹⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 22.

⁹⁹ Киевское слово, 1905, 21, 24 августа, 7, 9, 25 сентября, 31 октября.

¹⁰⁰ Там же, 4 сентября.

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 136.

разных классовых направлений («Коммерческая Россия», «Наша жизнь», «Киевская газета», «Образование») представляются как органы прогрессивные, либеральные, даже радикальные, и выдвигал задачу вскрывать классовую принадлежность каждой из них, показывать, «выразителями взглядов и стремлений какого класса населения служат те или другие»¹⁰². В заключение Мельницкий признавал, что в условиях жесточайшей цензуры и «Киевское слово» не имеет возможности четко высказаться о своей классовой программе: «И все же на чьей же стороне мы стоим, чьи интересы защищаем? Надеемся, что на эти вопросы читателей нашей газеты не может быть двух мнений, ибо читатель-друг сумеет понять и недосказанное».

Подводя итоги источниковедческого рассмотрения большевистских материалов «Киевского слова», следует заметить, что в публично объявленных списках авторов фигурировали также фамилии и таких киевских большевиков, как Н. П. Козеренко, К. К. Чекеруль-Куш¹⁰³, А. Г. Шлихтер. Однако каких-либо публикаций под этими фамилиями нам обнаружить не удалось, за исключением «Открытого письма гг. гласным киевской думы» Шлихтера¹⁰⁴, который в написанной в советское время автобиографии сам засвидетельствовал сотрудничество в «Киевском слове» как свое, так и других большевиков, работавших в то время в Киеве¹⁰⁵.

Всего с 16 августа по 1 декабря 1905 г. вышло в свет 104 номера «Киевского слова». Помимо большевиков, в ней печатались также меньшевистские и беспартийные авторы. Но здесь, как и в тогдашней объединенной организации РСДРП в Киеве, не было мирного «сожительства»¹⁰⁶. По-видимому, только в результате острой политической борьбы внутри редакции статьи большевистских авторов и перепечатки из «Новой жизни» публиковались из номера в номер, последовательно отстаивая классовые интересы российского пролетариата. Марксистско-ленинской принципиальностью и высокоидейной пролетарской выдержанностью они выделялись в газете и идеологически превалировали над всеми другими опубликованными здесь же материалами. Известный советский историк КПСС П. М. Шморгуни отмечает: «Опубликованные в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь» и местной легальной — «Киевское слово» корреспонденции свидетельствуют о том, что большевики Киева вели острую борьбу с меньшевиками по всем важнейшим вопросам революции»¹⁰⁷.

Новые открытия в этом направлении могут быть сделаны дальнейшими источниковедческими исследованиями.

¹⁰² Киевское слово, 1905, 18 сентября.

¹⁰³ Вакар В. Накануне 1905 г. в Киеве, с. 154.

¹⁰⁴ Киевское слово, 1905, 4 ноября.

¹⁰⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 1, д. 2169, л. 19.

¹⁰⁶ М. К. Указ. соч., с. 45—46.

¹⁰⁷ Шморгуни Б., Корольов Б., Кравчук М. Київ у трьох революціях, с. 30.

**«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО» РАБОЧИХ
ПО ПОВОДУ ПОВЕСТИ
М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»***

И. С. Розенталь

В августе 1908 г. петербургский журнал «Труженик» опубликовал «Открытое письмо М. Горькому» — первый появившийся в печати отклик рабочих на повесть «Мать»¹. Выступление рабочих не осталось тогда незамеченным. Нельзя отнести этот документ и к числу забытых: напротив, по крайней мере с середины 30-х годов в советском горьковедении без ссылок на него не обходится почти ни одна характеристика «Матери». Однако литературоведы не обращались еще к архивному подлиннику письма²; его текст подчас цитируется даже не по первой публикации, а по работам С. В. Касторского, в которых оно несколько раз, но не полностью и не во всем точно воспроизводилось³. Между тем вопреки установившемуся мнению содержание «Открытого письма» далеко не исчерпывается ни оценкой книги Горького, ни тем более приветствием по случаю ее выхода в свет (именно так аннотируется оно в соответствующих справочно-библиографических изданиях)⁴. Авторы этого документа затронули широкий круг вопросов, волно-

* Автор выражает признательность Э. Л. Ефременко и В. Г. Зыкину за помощь в разыскании материалов.

¹ Труженик, 1908, № 13/14, с. 37—38.

² Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/2.

«...Подлинник («Открытого письма») был отослан Вам», — писал в 1915 г. М. Горькому С. В. Малышев. В сборнике «М. Горький. Материалы и исследования» (Л., 1934), где было опубликовано письмо Малышева, после этих слов стоит вопросительный знак (с. 421), отсутствующий, однако, в автографе (Архив А. М. Горького, КГ-нп/а, 16-36/3; *Горький М.* Полн. собр. соч. М., 1970, т. 8, с. 483). С. В. Касторский отмечал, что редакция «Труженика» выбросила из «Открытого письма» «наиболее сильные, яркие места» (*Касторский С. В. Повесть М. Горького «Мать», ее общественно-политическое и литературное значение.* Л., 1954, с. 5—6), из чего можно заключить, что сам он был знаком с подлинником, но ни в одной из его работ эти места не приводились.

³ См., кроме указ. соч.: *Касторский С. В. «Мать» М. Горького: Творческая история повести.* Л., 1940, а также ряд его статей в журналах «Литературная учеба» (1937, № 6), «Звезда» (1946, № 5/6; 1949, № 3; 1957, № 3) и др.

⁴ *Балузатый С.* Критика о М. Горьком. М., 1934, с. 196; *Балузатый С., Мурагова К. М.* Горький. Справочник. Л., 1938, с. 122; *Мурагова К. Д.* Семинарий по Горькому. Л., 1956, с. 55; Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958, вып. 2, с. 46.

вавших передовых рабочих после поражения первой русской революции. То обстоятельство, что эти вопросы рассматривались в «Открытом письме» через призму главным образом литературных явлений, не меняет его отчетливо выраженной политической направленности. Письмо появилось на исходе начавшейся еще во время революции бурной полемики вокруг пьесы «Враги» и повести «Мать» Горького. «Даже не революция, а русская социал-демократия сжевала Горького без остатка», — издевательски заявляли критики-декаденты, провозглашая «конец» Горького как художника⁵. Поход на Горького явился лишь частью наступления контрреволюционных сил, целью которого было дискредитировать революцию и революционеров, демократические и социалистические идеи. «На русский рабочий класс, — писал в 1908 г. В. И. Ленин, — поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения»⁶. Эту важнейшую задачу эпохи решали и книга Горького (написанная в 1906 г., но пришедшая к читателю в годы реакции), и письмо петербургских рабочих, недвусмысленно выразивших в связи с оценкой книги свое отношение к революции и контрреволюции.

В работах историков упоминания об «Открытом письме» единичны, ценность его как источника остается нераскрытой. Известно, что период реакции — время, когда не было массовой социал-демократической печати, — наименее обеспечен современными ему и исходящими от самих рабочих источниками, позволяющими судить о духовном развитии пролетариата под влиянием революции. Тем не менее письменная фиксация рабочими своих взглядов и настроений происходила и в эти годы. Это было следствием интенсивного «переваривания» опыта революционных лет, значительного расширения и углубления духовных запросов рабочих, повышения их культурного уровня. Коллективные обращения рабочих, публиковавшиеся в нелегальных и легальных изданиях, а также отдельными листовками, занимают среди источников такого рода особое место: нередко это документы партийных организаций. Значение их для исследования механизма «внедрения» революционных традиций очевидно. Однако сплошь и рядом сведения о происхождении, авторстве, времени написания писем рабочих минимальны или вовсе отсутствуют. В данном же случае мы имеем редкую возможность проследить всю историю возникновения и публикации документа, причем опираясь не только на воспоминания⁷, но и на относительно синхронное сви-

⁵ *Крайний Антон [В. Н. Гиппиус]*. Братская могилка. — Весты, 1907, № 7, с. 58—59. См. подробнее: *Горький М.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 487—495; *Семеновский О.* Марксистская критика о Горьком. Кишинев, 1969.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 40; см. также: т. 16, с. 24—26.

⁷ *Шотман А. В.* Как из искры возгорелось пламя. М., 1935; *Малышев Сергей.* Наша большевистская юбилейша газета «Правда». — Известия,

детельство — сопроводительное письмо, посланное Горькому вместе с подлинником «Открытого письма» в том же 1908 году⁸.

Кем было написано «Открытое письмо»?

В литературе отмечается, что к Горькому обратилась «группа рабочих» (иногда — «рабочих и работниц»). Биографы С. В. Малышева именуют ее «группой рабочих-большевиков, организованной Малышевым»⁹. Еще двух участников выступления — М. И. Калинина и А. В. Шотмана — назвала Т. П. Бондаревская¹⁰. В статье В. и И. Лейберовых инициатором выступления назван наряду с ними Д. А. Павлов; здесь же сообщается, что «по конспиративным соображениям подписи М. И. Калинина и Д. А. Павлова под этим письмом не были поставлены»¹¹. Последнее утверждение повторено в комментариях к академическому собранию сочинений Горького, но с некоторым уточнением: о Калинине и Павлове здесь говорится, что их подписи были опущены «в печатном тексте письма»¹².

В «Труженике» под «Открытым письмом» стоят десять подписей: «Рабочие: Ив. Белянчиков, Сергей Малышев, Владимир Привалов, Александр Правдин, К. Бедняков, Ив. Ставский, А. Шотман, Ник. Юников, т. Фома. Работница: П. Матвеева»¹³. Те же подписи, за исключением двух последних, мы находим в посланной Горькому рукописи «Открытого письма»: «т.т. Фома и работница П. Матвеева», объяснял в сопроводительном письме Белянчиков, «по независящим причинам» не смогли подписать письмо собственноручно¹⁴. «Фома» — партийная кличка А. П. Смирнова, упомянутого Малышевым в перечне авторов «Открытого письма», что согласуется с фактами его биографии: 14 мая 1908 г. он бежал из ссылки и до нового ареста 28 сентября находился в Петербурге¹⁵. Очевидно, этот арест и имел в виду Белянчиков, употре-

1927, 5 мая; *Он же*. М. Горький в рабочем движении. — Прожектор, 1928, № 13.

⁸ Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/1. Письмо подписано криптонимом «И. Б.» и, так же как подлинник «Открытого письма», является автографом И. С. Белянчикова (в подлиннике «Открытого письма» имеется его полная подпись).

⁹ *Пряжков А.* Писатели из народа. Ярославль, 1958, с. 26; *Астафьев А.* Секретарь «Правды». — В кн.: Солдаты революции. Ярославль, 1963, с. 127. Источник такого мнения, по всей вероятности, один — концовка «Открытого письма» в передаче С. В. Касторского: «Рабочие: Сергей Малышев и др.» (*Касторский С. В.* «Мать» М. Горького, с. 10; *он же*. Повесть М. Горького «Мать»... , с. 7).

¹⁰ *Бондаревская Т. А.* В. Шотман. М., 1963, с. 30.

¹¹ *Лейберова В., Лейберов И.* Сормович Дмитрий Павлов — питерский пролетарий. — Нева, 1963, № 11, с. 158.

¹² *Горький М.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 482.

¹³ *Труженик*, 1908, № 13/14, с. 38. В тексте две опечатки: «Шатман» и «Т. Фома». Полностью подписи приводились в кн.: *Кубиков И. Н.* Комментарий к роману М. Горького «Мать». М., 1934, с. 65.

¹⁴ Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/1.

¹⁵ Даты, сообщаемые Смирновым в автобиографии (Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд., т. 41, ч. III, стб. 69), уточнены по данным Госархива Вологодской обл. (ф. 18, он. 2, д. 2969).

бив принятое тогда для подобных случаев обозначение — «независящие причины». Письмо, следовательно, было написано не раньше конца мая, а послано Горькому не раньше октября, т. е. после опубликования в «Труженике».

Фамилий Калинина и Павлова нет ни в рукописи «Открытого письма», ни в сопроводительном письме. Ссылка на конспиративные соображения мало что объясняет: известно, что Павлов легализовался в Петербурге еще в начале 1907 г.¹⁶; под своей фамилией жил и Калинин, уехавший к тому же из Петербурга вскоре после увольнения с завода Рейхеля за демонстративный невыход на работу 1 мая 1908 г.¹⁷ Но, как будет показано ниже, тем самым еще не снимается вопрос о причастности рабочих, не подписавших «Открытого письма», к его созданию. Малышев впоследствии утверждал, что письмо написали двадцать рабочих. Скорее всего, это естественная ошибка памяти, но характерно, что Калинина называли в своих воспоминаниях как Малышев, так и Шотман¹⁸. Во всяком случае, речь идет о видных партийных работниках, принимавших активное участие в событиях 1905—1907 гг. в Петербурге, Москве, Костроме, Ярославле, Одессе¹⁹. Это следует подчеркнуть и потому, что в литературе о Горьком их иногда отождествляют с теми рабочими, о которых говорил Горькому В. И. Ленин: «Много рабочих участвовало в революционном движении не сознательно, стихийно, и теперь они прочитают „Мать“ с большой пользой для себя»²⁰. Но В. И. Ленин в 1907 г. имел в виду рабочих, только что разбуженных революцией, тогда как А. В. Шотман, Н. Н. Юников и С. В. Малышев участвовали еще в «Обуховской обороне», И. И. Ставский был одним из руководителей Ростовской стачки 1902 г.; вступив в революционное движение в конце 90-х годов, они и их товарищи успели до революции пройти через социал-демократические кружки, школу ленинской «Искры» и тюремные «университеты». Достаточно ознакомиться с «Открытым письмом», чтобы отнести его авторов к рабочей интеллигенции, т. е. к тем, по их собственному выражению, «высоко-сознательным рабочим», черты которых Горький типизировал в образе Павла Власова. Помимо основного содержания письма, об этом красноречиво свидетельствуют особенности стиля (в частности, употребление крылатых выражений из «Манифеста Ком-

¹⁶ Орлов С. А. Митя Павлов. Горький, 1964, с. 63.

¹⁷ М. И. Калинин и питерские рабочие. Л., 1947, с. 237.

¹⁸ В воспоминаниях Шотмана названы Калинин, Правдин, Бедняков, Беляничков, Привальев (Привалов), Юников; в воспоминаниях Малышева — Калинин, Смирнов, Шотман, Правдин, Тараев (последний — явно ошибочно, так как в 1905—1909 гг. его не было в Петербурге. См.: Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, с. 626—628; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1900, л. 6 об.).

¹⁹ В нашем распоряжении нет каких-либо сведений лишь о П. Матвеевой.

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч. М., 1974, т. 20, с. 9. Ср.: Семеновский О. Указ. соч., с. 106; Бурсов Б. Роман М. Горького «Мать» и вопросы социалистического реализма. М., 1955, с. 117.

мунистической партии»), ссылки на «Эрфуртскую программу», на взгляды Н. К. Михайловского и т. д.

Не менее существенно и то, что «группу» не нужно было «организовывать», ее участники давно знали друг друга по работе на одних и тех же предприятиях, по совместной партийной деятельности. К этому же кругу петербургских рабочих-большевиков принадлежали М. И. Калинин, И. М. Тараев, А. А. Митревич, И. Д. Иванов и др.²¹

Общим для них и достаточно давним был и интерес к творчеству Горького. Еще в 1903 г. М. И. Калинин выступал в петербургских «Крестах» перед товарищами по заключению — среди них были Малышев, Белянчиков, Тараев — с рефератом о произведениях Горького²². Некоторые из будущих авторов «Открытого письма» — Шотман, Малышев, Юников, Смирнов, а возможно, и другие — знали Горького лично, как участника революционного движения и большевика. Летом 1905 г. Шотман и Малышев провели с ним целый день в Куоккале²³. 6 декабря в Петербурге Шотман был приглашен к Горькому. Во время встречи Горький сообщил гостям, что едет в Москву, чтобы принять участие в восстании. В этой поездке его и М. Ф. Андрееву сопровождал рекомендованный Шотманом «надежный товарищ» — Юников²⁴. Явно на этот эпизод намекал, обращаясь в 1908 г. к Горькому, Белянчиков: «В заключение позвольте через Вас передать привет всем общим знакомым, а от товар[ища] Юникова (помните, Москва) особый привет и Вашей супруге»²⁵. Наконец, в дни V (Лондонского) съезда РСДРП беседовал с Горьким А. П. Смирнов²⁶.

Специфические условия реакции — упадок массового движения, разгул провокаций — привели к усилению роли личных связей в жизни нелегальных партийных организаций. Одной из таких организаций становится в 1907—1908 гг. кружок Калинина, Малышева, Правдипа и их товарищей. «Мы очень часто сходились и беседовали о былом...» — вспоминал А. А. Митревич;

²¹ Выходцами из других городов, переехавшими в Петербург после революции, были И. И. Ставский (осенью 1907 г.; см.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1843, л. 7) и И. Г. Правдин (в феврале 1908 г.; см.: Шотман А. В. Указ. соч., с. 151), но обоим некоторые члены группы знали еще раньше.

²² Малышев С. Встречи с Лениным. М., 1933; Прожектор, 1928, № 13, с. 12.

²³ Шотман А. В. Указ. соч., с. 119—121; Малышев С. Боевые странички 1905 г. Л., 1926, с. 27—33; Архив А. М. Горького, КГ-нп/а, 16-36/5.

²⁴ Шотман А. В. Указ. соч., с. 140. О призыве Московской конференции большевиков к вооруженному восстанию Горький узнал утром 6 декабря от приехавшей за ним М. Ф. Андреевой (*Деревковский Г. М.* О второй встрече В. И. Ленина с А. М. Горьким. — Исторические записки, 1969, т. 83, с. 223—224). Следовательно, Шотман точно датирует собрание (не упомянутое, кстати, в «Летописи жизни и творчества Горького»), утверждая, что оно состоялось за день до отъезда Горького в Москву, т. е. вечером 6 декабря.

²⁵ Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/1.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 163; Горький М. Полн. собр. соч., т. 20, с. 9, 538; ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 1, д. 38.

участники кружка, по его словам, «отчасти руководили» состоявшими из молодых рабочих партийными ячейками в культурно-просветительных кружках и технических школах на заводах²⁷. Примерно так же пишет о кружке Шотман: «... хотя мы работали по заводам Питера, отдаленные друг от друга многими километрами, мы почти каждое воскресенье, каждый праздник все же встречались и строили планы на будущее»²⁸. Как видно из «Открытого письма», «планы на будущее» были тесно связаны с воспоминаниями «о былом», т. е. о революции. Итогом этих встреч, в том числе таких, где шла речь о «Матери» Горького²⁹, и явилось «Открытое письмо» — показатель интенсивности духовной жизни подобных «рабочих партийных гнезд» и характера их влияния на новое поколение рабочих-революционеров.

То обстоятельство, что письму предшествовало неоднократное обсуждение поставленных в нем вопросов, объясняет, почему и Малышев и Шотман уверенно включали в список его авторов Калинина. Сам М. И. Калинин вспоминал в связи с 50-летием Горького, как «в эпоху царизма каждое произведение великого писателя являлось для передового авангарда рабочего класса целым политическим событием, вызывавшим страстные споры и вдохновлявшим к новой борьбе»³⁰. При всей обобщенности это свидетельство, несомненно, автобиографично. Участники кружка рассматривали «Мать» именно как политическое событие; из этого они исходили, решив выступить в легальной печати, чтобы «заявить открыто „победителям“, что мы, рабочие, хотя и побеждены, но побеждены не окончательно, что мы за Горького, что мы вместе с героем повести Павлом, а не с „героями“ Арцыбашева»³¹.

Сопроводительное письмо еще раз подтверждает, что потребность в отпоре реакции, в открытой защите идеалов пролетариата испытывали в это время многие группы передовых рабочих. Как сообщал Белянчиков, «идея этого письма („Открытого письма М. Горькому“. — *И. Р.*) зародилась в двух пунктах — в Петербурге и в Вологодской ссылке»³². Как тут, так и там ее инициа-

²⁷ Мигревич А. Воспоминания о революционном рабочем движении. — Пролетарская революция, 1922, № 4, с. 249.

²⁸ Шотман А. В. Указ. соч., с. 160. Некоторые сведения о деятельности кружка содержатся также в письмах Шотмана и Правдина, перлюстрированных охранкой. В одном из них (от 16 октября 1908 г.) Шотман писал: «Кроме работы в Союзе металлистов, идет настоящая работа, которая меня больше интересует...» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1908, д. 5, ч. 54, т. 2, л. 70).

²⁹ В России повесть печаталась с апреля 1907 г. по апрель 1908 г. в сборниках товарищества «Знание» (т. XVI—XXI); участники рабочих кружков располагали и ее заграничными полными изданиями (см.: Маширов А. Пролетарские писатели и Максим Горький. — Ленинградская правда, 1928, 29 марта.)

³⁰ Жизнь искусства, 1919, 29 марта.

³¹ Шотман А. В. Указ. соч., с. 160.

³² Ссылку в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии отбывал А. П. Смирнов. В 1907—1908 гг. там действовала группасылных большевиков, связанная с Петербургским комитетом РСДРП (Энци-

торами были рабочие с[оциал]-д[емократы]... большевики. При сличении текста писем выяснилось, что и идеи, легшие в их основу, были почти во всем сходны между собой»³³. Составление окончательного варианта поручили Белянчикову. По свидетельству Шотмана, через неделю текст был готов и после нового обсуждения и доработки («кое-что сократили, кое-что прибавили») разослан «по всем более или менее либеральным газетам»^{33а}.

Ни одна из них письмо не напечатала. Вероятно, у авторов — членов Петербургского союза металлистов — были какие-то надежды на журнал союза «Кузнец», но в марте 1908 г. он был запрещен; сменивший его в середине мая «Вестник рабочих по обработке металла» через две недели подвергся той же участи. В конце концов письмо «согласился поместить небольшой журнальчик, посвященный пропаганде идеи кооперации, „Труженик“, да и то в урезанном виде, но что же делать, — добавлял Белянчиков, — мы были этому рады»³⁴.

Впрочем, судя по обычному содержанию «Труженика», получить его согласие было не простым делом: до этого журнал не выходил за пределы кооперативной тематики и в отличие от рабочей профсоюзной печати не подвергался преследованиям. Есть веские основания предполагать, что помог рабочим Н. А. Скрыпник. С осени 1907 г. он вел нелегальную партийную работу в Петербурге, был членом Петербургского комитета РСДРП и одновременно входил в правление рабочего кооператива «Трудовой союз», а в апреле 1908 г. принимал участие в работе Первого Всероссийского кооперативного съезда в Москве³⁵. Среди делегатов съезда был и С. В. Малышев. Свою статью о съезде, напечатанную в «Пролетарии», Скрыпник подписал криптонимом «Г. Е.»³⁶ — от имени Г. Г. Ермолаев, под которым он жил в 1907—1909 гг.; еще более прозрачные псевдонимы явно того же происхождения — «Г. Ерв.» и «Георгий Ерв.» — мы находим в «Труженике»³⁷. Известно также, что Скрыпник был давно (с 1902 г.) знаком с ре-

клопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. 1, стлб. 124; ч. 3, стлб. 43; *Чупров В. И.* Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века. Сыктывкар, 1974, с. 28).

³³ Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/1.

^{33а} Шотман А. В. Указ. соч., с. 160—161.

³⁴ Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/1. В воспоминаниях Шотмана и указанной статье Т. Бондаревской журнал назван «Кооператором» (у Шотмана — «кажется, „Кооператор“»).

³⁵ Скрыпник М. О. Моя автобиография. Харьків, 1932, с. 14—15; *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. М.; Л., 1929, с. 435; *Бабко Ю., Білокобильский І.* Микола Олексійович Скрыпник. Київ, 1967, с. 74—76.

³⁶ Г. Е. Кооперативный съезд и рабочие кооперативы. — Пролетарий, 1908, 10 (23) июля.

³⁷ Труженик, 1908, № 1, с. 8, 12; № 3, с. 7. Псевдонимом «Георгий Ерв.» подписаны также статьи о рабочей кооперации в большевистском сборнике «О веяниях времени» (СПб., 1908) и о съезде фабрично-заводских врачей, делегатом которого был Скрыпник-Ермолаев, в московском большевистском журнале «Рабочее дело» (1909, № 1); об этом съезде он публиковал статьи за подписью «Г. Е.» в «Социал-демократе» (1909, № 3) и в «Пролетарии» (1909, № 46).

дактором «Труженника» М. Л. Хейсиным. Вопрос об «Открытом письме» мог быть решен в таком случае незадолго до отъезда Скрыпника в Женеву, т. е. не позднее начала июля 1908 г., что согласуется со сказанным выше о времени составления письма — не раньше конца мая — и с датой публикации — 15 августа (по возвращении через полтора месяца в Россию Скрыпник работал в Москве).

Из письма Белянчикова видно, что рабочие продолжали пытаться напечатать «Открытое письмо» полностью. Новая неудача постигла их в «Русском богатстве», после чего они и обратились к Горькому с просьбой подействовать в публикации письма в одном из сборников «Знания». Эта попытка также не увенчалась успехом. Зато вскоре его перепечатала большевистская легальная газета «Бакинский рабочий». Правда, авторы письма не имели отношения к перепечатке, иначе тексты «Труженника» и «Бакинского рабочего» не были бы идентичны³⁸; инициативу проявила на этот раз редакция газеты — в нее входили руководители бакинских большевиков С. Г. Шаумян, С. С. Снандарян, П. А. Джапаридзе. В 1909 г. отклики на «Открытое письмо», в основном сочувственные, появились также в легальных социал-демократических сборниках³⁹.

Вынуждены были высказаться и буржуазные газеты. Раньше других выступила петербургская «Газета-копейка». В первые месяцы существования «Копейки» в ней сотрудничали И. Г. Правдин и В. Е. Привалов, надеявшиеся превратить ее в массовую рабочую газету⁴⁰. От них, видимо, и исходила информация об «Открытом письме»: об этом говорит положительная оценка («письмо интересно резким осуждением современной литературы, заполняющей собой все журналы и сборники под громким названием «модернизма»⁴¹) и быстрота отклика. С другой стороны, трудно допустить, чтобы Правдин и Привалов не пытались добиться большего — опубликования письма целиком. Вероятно, поэтому в виде уступки редакция газеты поместила в следующем номере на первой полосе новую заметку, частично процитировав характеристику творчества Горького и пересказав концовку «Открытого письма»⁴².

Через «Копейку» авторы письма рассчитывали привлечь внимание рабочих к сравнительно малоизвестному «Труженнику». По-видимому, им это удалось. Уже десять дней спустя газета «Слово» сообщила, что «письмо это, как говорят, заинтересовало

³⁸ Бакинский рабочий, 1908, 27 сентября, № 7/8, с. 5—6. Разночтение есть лишь в одном месте: там, где в «Труженнике» напечатано «появлением класса буржуазии», в «Бакинском рабочем» исправлено — «усилением».

³⁹ Луначарский А. В. Двадцать третий сборник «Знания». — В кн.: Литературный распад. СПб., 1909, кн. 2, с. 88; Львов-Розачевский В. Максим Горький. — В кн.: На рубеже. СПб., 1909, с. 172—173.

⁴⁰ Мигревич А. Указ. соч., с. 217—218.

⁴¹ Газета-копейка, 1908, 15 августа.

⁴² Там же, 1908, 16 августа.

широкие круги рабочего населения и под ним собираются подписи в различных городах»⁴³. Достоверность сообщения не вызывает сомнений: вряд ли В. А. Поссе — автор статьи, отрицательно оценивавшей «Открытое письмо», стал бы преувеличивать интерес к нему рабочих. Не исключено, что подписи собирались под списками с рукописи письма.

Насколько существенны различия между печатным текстом и рукописью? Пропуски были оговорены в публикации и могли быть вызваны цензурными соображениями. Возможно и другое. Сами авторы письма не были вполне удовлетворены его формой: «При всем старании, — писали они Горькому, — мы не могли легче и короче выразить свои мысли»⁴⁴. Не следует ли отсюда, что редакция «Труженика» ограничилась литературной правкой?

Номер с «Открытым письмом» не подвергся репрессиям; отредактированный вариант удовлетворил, таким образом, требования цензурного ведомства. Но с другой стороны, у нас нет оснований считать, что эти требования заведомо игнорировались рабочими. Если сравнить рукопись с материалами, сходными по идейной направленности, но не рассчитанными на легальное распространение, например с открытым письмом рабочих Лефортовского района Москвы (1908—1909 г.), легко увидеть главное отличие: московские рабочие прямо относили себя к РСДРП («Теперь социал-демократическая партия стала сердцем и умом пролетариата, и уничтожить ее — значит уничтожить весь рабочий класс...»⁴⁵), авторы же письма Горькому писали о партии и о своей партийности завуалированно. В 1909 г. в ходе дискуссии о возможности постановки в России ежедневной рабочей газеты признавалось, что «некоторым нашим выражениям придется придать более „благообразный“ вид»⁴⁶; в какой именно степени это будет необходимо, мог показать лишь практический опыт. Известно, что как раз после опыта с «Открытым письмом» петербургские большевики, и в том числе авторы письма, умножили свои усилия, направленные на создание ежедневной газеты, будущей «Правды»⁴⁷.

Что же касается предположения о чисто литературном редактировании, то оно отпадает при сравнении первых же строк в двух вариантах письма⁴⁸: *«Алексей Максимович! В момент разгула реакционных сил, полной подавленности истинно демократических масс, политического крохоборства и лакейской трусости буржуазии; в момент возбуждения прислужниками состоятельных классов низменных инстинктов человека под видом проповеди всесто-*

⁴³ Поссе В. Рабочие об интеллигенции. — Слово, 1908, 27 августа.

⁴⁴ Архив А. М. Горького, КГ-рл, 3-8/1.

⁴⁵ Пролетарий, 1909, 24 июля. Первоначально письмо распространялось в виде листовки (Дружинин Н. История Пролетарской (б. Рогожско-Симоновской) большевистской организации 1906—1916 гг. М., 1931, с. 83).

⁴⁶ Единство, 1909, № 9, с. 6.

⁴⁷ Подробнее см.: Розенгаль И. С. На пути к «Правде». — Вопросы истории КПСС, 1972, № 5.

⁴⁸ Далее места, не вошедшие в печатный текст, выделены курсивом, опущенные нами при цитировании — отточием.

ронного развития потребностей индивидуума и свободы личной жизни, в момент полного духовного разложения в среде тех общественных групп, кого мы привыкли называть интеллигенцией, — лишь за исключением некоторой ее части, оставшейся верной старым заветам, — Вы написали свое произведение „Мать“ и вывели в литературе тип высокосоциального рабочего Павла».

Выброшенное начало несло большую смысловую нагрузку. В результате сокращения оказалась утраченной многоплановость характеристики реакции; и здесь и далее под видом устранения длиннот изымались наиболее острые политические формулировки. При этом была намеренно ослаблена сквозная тема письма — разоблачение контрреволюционного либерализма, «веховских» настроений, отречения от революции ее недавних попутчиков.

Авторы «Открытого письма» уделили много места анализу типичных для духовной атмосферы периода реакции проявлений деградации буржуазной культуры; разрыв буржуазной интеллигенции с традицией служения народу, моральный нигилизм и порнография под лозунгом раскрепощения личности нашли в письме решительное осуждение. В этой части оно перекликается с блестящими статьями В. В. Воровского на ту же тему («В ночь после битвы», «О „буржуазности“ модернистов» «Базаров и Санин» и др.), отражая устойчивый интерес к ней передовых рабочих⁴⁹. В «Открытом письме» отмечалось, что партийная печать еще «недостаточно энергично» борется «с проповедью жажды и полноты чувственных наслаждений как смысла жизни». В свою очередь редакция «Труженика» «исправляла» письмо с тех же позиций, с каких осуждала статьи Воровского меньшевистская критика: за «резкость» характеристики декадентов, за выявление связи декадентства с поворотом либеральной буржуазии от демократизма к контрреволюционности. Пропуски в этой части «Открытого письма» особенно велики.

Выступая с позиций верности революционным идеалам, авторы письма пытались вскрыть корни ренегатства как общественного явления. «Они, — писали рабочие о ренегатах революции, — как будто в порыве дикого вандализма глумятся и мстят той идеологии, тем идеалам и красоте, которые во время оно⁵⁰ оторвали их, юных сердцем, от «бессердечного чистогана» их отцов и дали возможность хоть на минуту взлететь соколом в небо, хоть на мгновение стать бесстрашными буревестниками и носиться над стихией исторического гнева. Они как бы стыдятся своего увлечения, хотя с корнем вырвать все, что связывает их с этим

⁴⁹ Горький М. Собр. соч. М., 1953, т. 24, с. 522; Накоряков Н. На пятом партийном съезде. — В кн.: М. Горький в эпоху русской революции 1905—1907 годов. М., 1957, с. 124; Авангардная роль пролетариата в революционном движении России. М., 1973, с. 96.

⁵⁰ В «Труженике» вместо «во время оно» напечатано «еще так недавно».

порывом, и в исступлении плюют на «красные тряпки»⁵¹, великие лозунги...

Исходя из... материалистического понимания истории, мы, конечно, знаем, что во все эпохи исторического развития господствующие классы, захватив в свои руки всю полноту политической власти, всегда провозглашали чувственное наслаждение высшим смыслом жизни, формулируя его словами кафешантанной песенки: «лови, лови часы любви, минуты наслажденья», а в тех случаях, когда этому захвату предшествовала революционная борьба, то победитель не только «ловил часы любви», но и опошлял все, во что верил, что читл, чему поклонялся побежденный, опошлял с целью доставить ему, помимо физической боли, еще и нравственную пытку.

Точно так же произошло и у нас в России. Если наша отечественная буржуазия и не захватила еще в свои руки всей полноты политической власти, то во всяком случае значительно двинулась вперед к этому захвату. Зато, с другой стороны, она в союзе с дворянством парализовала революционную борьбу пролетариата. Боязнь перед последним и свое недостаточное производственное развитие толкают ее в объятия «конституционного самодержавия» и принуждают пока согласиться на обладание половиной власти. Успокоившись за свою прибыль и провидя в будущем портфели министров, буржуазия могла предаться и чувственному наслаждению тела.

Формулировке и обоснованию этого принципа жизни немало способствовали те «критически мыслящие личности» интеллигенции, которые во время оно дали повод Н. К. Михайловскому взвалить на их плечи всю тяжесть борьбы за прогресс, а в действительности которые, торгуя своими знаниями и умом, всегда продают их тому, кто купит их не по «справедливой», а по наивысшей оценке.

Одни из них, поняв эту махинацию давно, другие — усваивая ее постепенно и видя, с одной стороны, «успокоенный» пролетариат, а следовательно, «разбитыми» и его идеалы, с другой — наблюдая усиление буржуазии, открывавшуюся арену парламентаризма, постепенное превращение дворянско-самодержавного правительства в «комитет, выбранный для заведования общественными делами буржуазии», усиленный спрос на ученых, теоретиков-специалистов, чиновников, журналистов и проч., необходимых для правильного ведения этих дел — интеллигенция резко изменила курс своего поведения и как раньше курила фимиам перед «Его Величеством пролетариатом Всероссийским», так теперь становится на задние лапы перед новым «работодателем» и робко-умиленно лепечет «алла, алла».

⁵¹ Слова в кавычках принадлежат П. Н. Милюкову (февраль 1907 г.) Ср. их оценки, данные В. И. Лениным (Полн. собр. соч., т. 14, с. 383) и А. М. Горьким (Собр. соч. М., 1955, т. 29, с. 14; т. 24, с. 75).

Переход на новую службу, конечно, предполагает забвение всех старых увлечений, а выражение верноподданнических чувств новому повелителю — предание анафеме всех старых. И вот усиливается сжигание прежних кораблей, глумление над минувшим «святое святых»...

В области политики указанное протитуирование интеллигенции всего полнее и откровеннее выполняют руководящие идеологи кадетов, а в сфере этики декаденты (берем их вкуче) далеко-далеко обгоняют кадетов.

Если первые настойчиво добиваются своей политической реабилитации и ратуют за право буржуазии на эксплуатацию наемного труда при «справедливой» его оценке⁵², то вторые берут на себя задачу доводами науки оправдать право буржуазии на наслаждение жизнью...

Как домашние философы капиталистов-меценатов, они проникаются взглядами и вкусами своих господ и начинают опошлять все, чему поклонялся враг их господина, затем провозглашают высшей ценностью мира желания и хотения последнего. Все блага, все красоты, верования и идеи превращают в покупной товар, а жизнь уподобляют универсальному базару, где продается все, что бы ни пожелала пресытившаяся душа капиталиста. Как блюдолизы и люмпен-оборванцы, живущие подаянием от сороковки до огурца на закуску, от бесцензурной ругани до половых оргий, они заражают гниением и разрушают все, что способно творить здоровые формы жизни. Как жалкие клоуны, они и в своем падении ничтожны, и в области опошления не могут создать ничего серьезного, кроме балаганного кривлянья и кликушества.

Но как бы не отрецировались от своего прошлого кадеты, не писали дифирамбы сладострастию декаденты, как бы не крепла буржуазия, она все же не чувствует себя настолько сильной, чтобы надолго быть уверенной за свою власть и благополучие. Хотя и поверженные, но все же грозные призраки Павлов не дают ей покоя⁵³. И вот усиливается темп погони за сладострастием, лихорадочная жажда удовольствий...»

Ряд важных замечаний — о причинах контрреволюционности буржуазии, о третьейюнском режиме («конституционном самодержавии») и его непрочности — в результате редактирования полностью выпал из текста. Но изменить коренным образом звучание письма не удалось. Письмо следует рассматривать как известный итог не только теоретического, но и психологического освоения рабочими опыта революции и контрреволюции, результатом которого должна была стать, по выражению В. И. Ленина, тройная ненависть к буржуазии и решимость к борьбе против нее, тройное презрение к мелкобуржуазной дряблости и неустойчи-

⁵² В «Труженике» напечатано: «...добиваются свидетельства о своей политической благонадежности, называя теперь „красной тряпкой“ то, чему они недавно поклонялись».

⁵³ Так в рукописи.

ности. Теоретические истины, подчеркивал В. И. Ленин, «войдут в плоть и кровь» рабочих лишь тогда, когда к ясному сознанию классовой природы буржуазных партий «прибавится непосредственная реакция пролетарской психики на все обличье» этих партий, на конкретные факты их поведения. В этом В. И. Ленин видел существенный момент подготовки пролетариата к грядущей социалистической революции⁵⁴.

Меньшевики из редакции «Труженика» пытались очистить письмо от «идеологии», от явных признаков большевизма, свести его к эмоциональным оценкам литературных явлений. Но такая операция могла удалиться лишь отчасти. Совпадая с общим умонастроением пролетариата («погодите, придет опять 1905 год»⁵⁵), настроения передового слоя рабочих были уже органически связаны с взглядами, составлявшими идейный стержень их революционности. Сознательные рабочие, отмечал в 1912 г. В. И. Ленин, «непреклонно верны» социализму, принципам РСДРП и республиканским убеждениям, и «речь идет не о призыве, не о лозунге, а о верности убеждениям»⁵⁶.

Эти убеждения — источник революционного оптимизма, которым проникнуто «Открытое письмо», — наиболее рельефно выражены в тех его местах, где говорится о «Матери»⁵⁷. Книга Горького дала возможность рабочим противопоставить проповеди аморализма и равнодушия к общественным интересам нравственную высоту и гуманизм вдохновлявших авангард пролетариата социалистических идеалов. «В лице Павла в русской литературе, можно сказать, впервые выступает рабочий, проникшийся всеми фибрами души духом того идеала, который несет освобождение от оков жизни не только рабочему классу, но и всему человечеству; выступает и борется с тиранией и эгоизмом, а через них и с пошлостью старого мира — на новую»⁵⁸ гармонично-красивую, свободно-радостную жизнь всеобщего счастья.

⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 65—66.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 40; см также: т. 21, с. 480.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 112.

⁵⁷ Согласно воспоминаниям М. Ф. Андреевой, первые отзывы рабочих о повести относятся ко времени V (Лондонского) съезда РСДРП: «Делегаты съезда во время перерывов много говорили о книге Горького „Мать“. Рабочим она нравилась...» и т. д. (Мария Федоровна Андреева. М., 1968, с. 122). Это свидетельство лежит в основе утверждений, будто повесть была на съезде «у всех на устах» (*Бялик Б.* Властители дум и чувств. М., 1970, с. 28), и ряда других далеко идущих выводов. Между тем свидетельство Андреевой не находит подтверждения ни в переписке Горького, ни в воспоминаниях Горького и делегатов съезда. В. И. Ленин, как известно, прочитал повесть в рукописи; другие делегаты едва ли могли успеть познакомиться даже с началом «Матери»: сб. XVI «Знания» поступил в продажу в Петербурге 14 апреля 1907 г., когда они уже покинули Россию или готовились к отъезду. За границей (в Берлине) книга вышла после окончания съезда, в июне.

⁵⁸ В «Труженике» вместо «на новую» напечатано «который рисует нам...». В рукописи явная описка: должно быть «за новую».

В лице матери в литературе появляется тип женщины, вышедшей из низов простонародья, *такой же высокий, чистый, как и тип ее сына пролетария Павла, по голосу всестороннего чувства перед обновляющейся жизнью также несущий знамя пересоздания жизни и торжества социалистических начал*⁵⁹.

Нам, рабочим и работницам, вышедшим, как и Павел, из омута тупого равнодушия и беспросветной тьмы на свет *социалистически сознательной жизни, обнимающей своим миропониманием всю вселенную, всю историю человечества в прошлом, настоящем и будущем ее развития; все страны, все производственные отношения людей друг к другу* и ставшей в центре бытия свободного гармонично развитого человека — творца и властелина, было обидно видеть «позор и мерзость запустения на месте, некогда святом...»

Видимо, не случайно в «Открытом письме» не был затронут занимавший многих критиков вопрос о точности отражения в книге Горького конкретных реалий кануна первой революции. Авторы письма увидели здесь «доподлинную» свою «жизнь того периода» — об этом они писали позднее Горькому⁶⁰, — но для созревшего после революции нового поколения сознательных рабочих этот вопрос не мог иметь существенного значения. Как и В. И. Ленин, Малышев, Шотман и их товарищи оценили повесть с точки зрения задач воспитания участников революции, особо подчеркнув своевременность книги. Заслуга писателя, по их мнению, прежде всего в том, что он изобразил рабочих социал-демократов как лучших представителей своего класса. «...На фоне растущей мерзости и опошления мать и ее сын Павел стоят живым укором для одних — *павших, призраком грозного могильщика для других* — *наильников жизни и образом совершенства для третьих, способных воспринять мораль и этику Павла, его правила, смысл и цель жизни, идти на его зов... становиться таким же чистым...*⁶¹ Нас, подписавших это письмо, не много, но мы глубоко уверены в том, что и *остальные*⁶² наши товарищи *присоединят*⁶³ к нам свой голос и *вместе с нами скажут: «Да здравствуют Матери и их сыновья Павлы!»*

Так же позднее оценивали значение творчества Горького для периода реакции делегаты Пражской конференции и члены петербургских рабочих клубов⁶⁴ (среди них были, вероятно, не-

⁵⁹ В «Труженике» вместо опущенных строк этого абзаца напечатано «тип матери, несущей перед обновляющейся жизнью идею пересоздания жизни».

⁶⁰ М. Горький. Материалы и исследования. Л., 1934, с. 420.

⁶¹ В «Труженике» вместо опущенных строк напечатано «и идеалом для других».

⁶² В «Труженике» вместо «остальные» напечатано «многие».

⁶³ В «Труженике» вместо «присоединят» напечатано «присоединили бы».

⁶⁴ О подготовке Пражской конференции РСДРП. — Исторический архив, 1958, № 5, с. 20; Открытое письмо Максиму Горькому. — Правда, 1913, 22 марта.

которые из авторов «Открытого письма» 1908 г., в частности К. Н. Бедняков, возглавлявший рабочий клуб Выборгского района «Сампсониевское общество образования») ⁶⁵. Под письмом делегатов Пражской конференции стоят подписи А. И. Догадова и Л. П. Серебрякова, в прошлом членов Усть-Сысольской большевистской группы, где родилась мысль, реализованная в 1908 г. в Петербурге.

«Открытое письмо М. Горькому» раскрывает, таким образом, прямую связь характерного для этого времени повышенного интереса рабочих к мировоззренческим и этическим вопросам с наследством 1905 г. Оно дает исследователю ценный материал для характеристики большевистской «рабочей интеллигенции» и выяснения ее роли в создании предпосылок нового революционного подъема.

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 149, л. 6.

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ «ЧЕРНЫХ КНИГ» КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX В.

В. В. Ложкин

В большом комплексе исторических источников, отражающих положение и борьбу российского пролетариата в конце XIX—начале XX в., до сих пор источниковедческому анализу не подвергались так называемые черные книги и черные журналы, которые велись на многих предприятиях царской России. Сведения, содержащиеся в них, используются в литературе, как правило, лишь для иллюстрации причин увольнения рабочих¹, а между тем их значение как исторического источника значительно шире, что мы и попытаемся показать на примере анализа одного «черного журнала».

«Черные журналы» хранятся в музеях и архивохранилищах. Так, в Музее истории комбината «Трехгорная мануфактура» им. Ф. Э. Дзержинского имеется «черная книга» за 1882—1899 гг.² В Центральном музее Революции СССР есть фотокопия «черной книги» Коломенского завода — «Книги для наблюдения за мастерами и рабочими, коим не дозволено поступление на работы»³, хранятся «черный список» московской фабрики Мюр и Мерилиз (1910, 1914, 1915 гг.)⁴ и «черный журнал» фабрики «Э. Циндель» в Москве за 1876—1910 гг.⁵ Последний и является объектом нашего исследования.

Фабрика Э. Цинделя (теперь Первая ситценабивная) была одним из крупнейших текстильных предприятий столицы. На рубеже XIX и XX вв. там насчитывалось около 2500 рабочих⁶, которые имели славные революционные традиции борьбы с царизмом и капитализмом. В годы первой русской революции эта фабрика была одним из революционных центров Замоскворечья.

¹ См., напр.: *Кураганов В. М.* Первая ситценабивная. М., 1960, с. 14—15; Ситцевый поток: Страницы истории Первой Московской ситценабивной фабрики. М., 1973, с. 18.

² Музей истории комбината «Трехгорная мануфактура» им. Ф. Э. Дзержинского (МИТ), инвентарная книга № 18.

³ Центральный музей Революции СССР (ЦМР), главная инвентарная книга (ГИК) № 16116/2, Д9-4Ад.

⁴ Там же, ГИК № 16541, Д10-4Аб.

⁵ Там же, ГИК, № 18200.

⁶ Двадцатипятилетие товарищества Ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве. 1874—1899 гг.: Историко-статистический очерк. М., 1899, с. 24.

Положение и борьба рабочих фабрики «Э. Циндель» были в значительной степени типичными для всех текстильщиков, которые составляли «главную массу русских фабрично-заводских рабочих»⁷. В 1905 г. текстильные рабочие, представлявшие, по оценке В. И. Ленина, «самую отсталую, хуже всех других оплачиваемую массу, которая часто еще не порвала окончательно своей связи со своей крестьянской родней в деревне», превращались «в течение немногих месяцев в армию политических борцов»⁸. Поэтому при изучении положения и борьбы московского пролетариата анализ «черного журнала» этой фабрики представляет большой интерес.

Сохранились два экземпляра «черного журнала» фабрики «Э. Циндель»: один, как уже отмечалось, — в экспозиции Центрального музея Революции СССР, другой — в Центральном Государственном архиве (ЦГА) г. Москвы. Первичным из них является документ Музея Революции, так как на экземпляре ЦГА г. Москвы, который имеет примерно такой же формат и внешний вид, но потолще, есть пометка на титульном листе, что он переписан в 1910 г.⁹ Внешний осмотр и выборочное сравнение записей подтверждают, что второй экземпляр является копией первого. В 1910 г. первый экземпляр из-за нехватки места переписали в другую книгу, которую продолжали вести до 1917 г.

В настоящей статье анализируется экземпляр Музея Революции СССР. 35 лет, отраженные в нем, дают достаточный материал для характеристики этого типа источников.

Внешне «черный журнал» представляет собой специально, по заказу, изготовленную книгу размером 24×36 см, толщиной 3 см. На переплете, покрытом серой тканью, черной краской, типографским шрифтом отпечатано заглавие: «Черный журнал» рабочих товарищества «Эмиль Циндель», рассчитанных с замечаниями».

Внутри, без титульного листа, сразу начинается алфавит от «А» до «Я». Каждый разворот (2 страницы) имеет одну нумерацию, напечатанную типографским способом. Хорошая фирменная бумага в линейку. Водяной знак свидетельствует, что она изготовлена в Риге акционерной компанией рижских писчебумажных фабрик.

Вверху каждого разворота красным цветом, типографским способом отпечатаны следующие графы, которые заполнялись от руки: 1) год, месяц; 2) число; 3) какой мастерской; 4) № книжки; 5) имя, отчество, фамилия; 6) звание, губерния, уезд, волость и деревня; 7) за что именно.

Записывались рабочие в алфавитном порядке по имени¹⁰. Первой записана 28 мая 1876 г. Аграфена Капитонова, крестья-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 388.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314, 315.

⁹ ЦГА г. Москвы, ф. 774, оп. 1, д. 32-б.

¹⁰ Лишь в качестве редкого исключения — по фамилии.

янка Веневского уезда, с Мягкого. Того самого тульского села, о крестьянах которого говорили, что без них не было бы и цинделевской мануфактуры. «Они ее создали, на них она и держится»¹¹. Из этого села было так много рабочих, что конторщики при записи в фабричные книги пользовались специальным штампом: «Крестьянин Веневского уезда, Узуновской волости, села Мягкого».

Последняя запись помечена 13 августа 1910 г. Всего в книжке 160 листов (разворотов). От частого употребления листы загрязнены, буква «И», на которую записаны многочисленные Иваны, от многократного раскрытия этой страницы сорвана. В рубрике «Звание, губерния...» у 65% рабочих указан возраст, в рубрике «Имя, отчество, фамилия» иногда записан номер паспорта. Записи, как правило, велись каллиграфическим почерком (долгое время одним человеком), черной тушью или чернилами заполнялись все графы.

В первые годы велись более подробные, конкретные записи причин увольнения, а позже — скупер и однообразнее. Записи 1905 г. выделяются и от предыдущих и от последующих лет. Они велись торопливо, карандашом, уже без всякого соблюдения каллиграфии.

Являлся ли «черный журнал» обязательным документом, вводимым по указанию властей, или он был плодом частной инициативы предпринимателей? Русское фабричное законодательство устанавливало обязательное ведение на предприятиях следующих книг: именных списков рабочих; общих счетов с рабочими; сверхурочных работ; взысканий с рабочих; прихода и расхода штрафных денег; о несчастных случаях; для записи малолетних рабочих; амбулаторных больных; врачебных осмотров; ревизионных замечаний чинов фабричной инспекции; для паровых котлов и ряд других¹². Упоминаний о «черных журналах», «черных книгах» в сборниках по фабричному законодательству мы не обнаружили.

Косвенное подтверждение тому, что «черные журналы» вводились по инициативе предпринимателей, мы находим при рассмотрении вопроса о соотношении «черных списков» и «черных книг». Эти два вида документов чрезвычайно близки по своему функциональному назначению, но не тождественны. Если «черные книги» не тиражировались и велись на предприятиях в единичных экземплярах, то «черными списками» хозяева обменивались,

¹¹ Кураганов В. М. Указ. соч., с. 7.

¹² Устав о промышленном труде. С правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей с разъяснениями к ним Правительствующего Сената/ Сост. В. В. Громан. Пг., 1915, с. 164, 165, 424 (см. также: Свод Законов, 1913, т. XI, ч. 2, 1913, ст. 1—228, 541—597); Министерство финансов. Отдел промышленности: Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции. СПб., 1902, вып. III, с. 71—72. Эти книги, кстати говоря, ждут своего источниковедческого анализа и более широкого привлечения исследователями.

борясь с рабочим движением. «Черные списки» получили особенно широкое распространение в период и после первой русской революции.

28 июня 1912 г. Общество заводчиков и фабрикантов приняло конвенцию, направленную против рабочего движения. В ней, в частности, говорилось: «Не принимать рабочих с бастующих фабрик и заводов, согласно рассылаемым спискам забастовщиков, впредь до получения уведомления об упразднении списка.

В том случае, если рабочий с бастующей фабрики или завода будет принят на работу до получения списка, немедленно по получении списка объявить такому рабочему расчет через две недели.

В случае возобновления работы сообщать совету (Общества заводчиков и фабрикантов. — В. Л.) список тех рабочих, которых заводууправление не сочло возможным обратно принять на работу»¹³.

Видимо, в прямой связи с этой конвенцией в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель» в марте 1915 г. был включен «черный список», введенный московскими текстильными фабрикантами. В графе, где указывалось название цеха, мастерской, откуда был увольняемый, появилась такая запись: «фабричные конторы с других фабрик» (каких — не указано). Дата сделанной записи — 1915 г., но напротив фамилий указана дата увольнения: июль — сентябрь 1913 г., март, октябрь — декабрь 1914 г., январь 1915 г. Всего эти «черные списки» московских текстильщиков, включенные в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель», содержат 147 фамилий. Из них 17 человек «уволены после забастовки», 27 — как «подстрекатели к забастовке», 1 — «руководитель забастовки», 4 — «деятельные участники демонстрации и стачки», 5 человек — за «неосновательную жалобу фабричному инспектору и отказ от работы». Кроме того, за отказ от работы вместе с другими причинами («дурное влияние на товарищей», «не уплатил долг заводу», «не сдал инструмент») занесено 12 человек, за грубость, оскорбление мастера, чинов фабричной администрации — 13 рабочих¹⁴.

Записи в «черных книгах» отличаются от «черных списков», как правило, тем, что они велись на протяжении многих лет и содержат более подробные данные, хотя последнее отличие весьма относительно. В «черном списке фабрики Мюр и Мерилиз», который, правда, и по объему (36 листов), и по внешнему виду (тетрадь) приближается к «черной книге», за 1910 г. записано 10 рабочих, за 1914 г. — 169, за 1915 г. — 46 человек, всего 225 рабочих, в том числе по социально-политическим причинам 119 человек¹⁵. В этом списке содержатся почти те же данные

¹³ ЦМР СССР, экспозиция, 5 зал.

¹⁴ ЦГА г. Москвы, ф. 774, оп. 1, д. 32-б, л. 20—21, 31, 46, 52, 68, 81, 111, 117, 136, 151, 158, 176, 195, 204, 220, 234.

¹⁵ ЦМР СССР, ГИК № 16541, Д10-4Аб. — Подсчеты наши.

(фамилия, имя, отчество, откуда он родом — губерния, уезд, волость, деревня, профессия, время и причина увольнения), что и в «черной книге» рабочих «Трехгорки». В отличие от последней здесь не указаны только цех и номер расчетной книжки. В других «черных списках» содержится меньше данных. Например, в фондах управления Забайкальской железной дороги имеется большое количество «черных списков» железнодорожников почти за все годы, с 1905 по 1917 г.¹⁶, в которых указаны лишь фамилия, имя, отчество, место службы (ж.-д. участок), должность и причина увольнения. Как правило, уволенные даже за один год содержатся не в одном, а в нескольких списках.

«Черные списки» представляют большой интерес для исследователей революционного движения. Они содержат данные для анализа состава активных борцов против самодержавия и капитализма, дают материал о борьбе царизма против революционного движения. В упомянутых «списках забайкальских железнодорожных рабочих, уволенных за проступки в 1905 г.» среди 168 человек значится 5 женщин, 90 человек уволены «за продолжительный невыход на работу», 15 — «по требованию жандармской полиции». Среди уволенных было 42 слесаря, 42 чернорабочих, 5 плотников и т. д. В 1908 г. из 535 человек, значащихся в «черных списках», «по требованию жандармской полиции» уволено 35 рабочих, «по случаю ареста» — 23, за предъявление иска к дорожной администрации — 15 человек¹⁷.

Управления дорог, так же как и отдельные капиталисты, обменивались «черными списками». Так, в управлении Забайкальской железной дороги хранятся «Списки бывших служащих Риги-Орловской железной дороги, уволенных за причастность к железнодорожным беспорядкам и забастовкам 1905 г.» на 30 человек и «Список лиц, уволенных в разное время со службы на Ташкентской жел. дороге» на 124 человека. Во второй список 14 человек занесено «за участие в забастовке», 62 — «по требованию жандармской полиции уволены за агитацию с целью устроить забастовку», 4 — «за вывоз на тачке мастера», 6 — «за участие в железнодорожном Союзе», 7 — «за принадлежность к боевой организации», 29 — «по политической неблагонадежности». В сопроводительном письме к этим спискам предписывалось проверить состав рабочих и служащих Забайкальской дороги, помещенных в «черные списки» лиц на работу не принимать, а работающих «уволить неотлагательно»¹⁸.

Сам факт существования «черных списков» и «черных журналов» являлся одним из проявлений полного бесправия русского пролетариата, о котором В. И. Ленин писал: «Рабочий же класс страдает вдвойне: и от бесправия всего русского народа,

¹⁶ Гос. архив Иркутской области, ф. 72, оп. 1, д. 124; Гос. архив Читинской области (ГАЧО), ф. 206, оп. 1, д. 6.

¹⁷ ГАЧО, ф. 206, оп. 1, д. 6, л. 2—11, 140, 159, 168, 171, 199 и др.

¹⁸ Там же, л. 99—102.

и от угнетения рабочих капиталистами, которые заставляют правительство служить их интересам»¹⁹. Записи «черных журналов» показывают антирабочий характер царского фабричного законодательства и произвол капиталистов на своем предприятии. Вот лишь несколько примеров причин увольнений рабочих.

«2 января 1890 г. Алексей Иванов Косяков, кр. Калужской губ., Малояросл. у., Спасской вол., с. Трехсвятского — как ненадежный человек, многознающий»²⁰.

Увольняли рабочего «за кражу», а по суду его оправдывали²¹. Нередки были такие основания для увольнения: «его жена попала в краже» (л. 16, 60, 70, 91), «раньше жил и подозревался в краже, на фабрику больше не брать» (л. 141). Только по подозрению в краже на фабрике «Э. Циндель» было уволено и занесено в «черный журнал» 54 человека. Положение «Устава о промышленности», само по себе являвшееся антигуманным, о возможности расторжения договора найма предпринимателем «вследствие обнаружения у рабочего заразной болезни»²², трактовалось предпринимателями еще более широко. Большого рабочего не просто выбрасывали с предприятия, но и записывали в «черный журнал», чтобы больше не принять никогда. К тому же увольняли не только из-за заразной болезни, но и по таким причинам, как «страдает неврастимой грыжей» (л. 137), «по случаю падучей болезни» (л. 129) и т. п. Фабриканты часто применяли и предоставлявшееся им законом право увольнять рабочего, не являвшегося на работу без уважительных причин более трех дней²³. Более того, при увольнении его также заносили в «черный журнал», в котором формулировка «за самовольный уход с работы» встречается довольно часто. Бесправие рабочих могут иллюстрировать и такие записи об увольнении: «за отказ от работы в обеденное время», «за самовольную отлучку, разбирательство было, но его оправдали» (л. 122).

Нередки в «черном журнале» такие формулировки: «за самовольное оставление работы был осужден М. С. (мировым судьей. — В. Л.) на 7 дней к аресту» (л. 10) или по той же причине «на месяц под арест» (л. 26). А затем этих рабочих изгоняли без права поступления на предприятие. Так фабрикант в союзе с властями добивался подчинения рабочих и создавал капиталистическую дисциплину труда.

«Законным» было и увольнение «вследствие дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 252.

²⁰ МИТ, инвентарная книга № 18, «черная книга с пасхи 1882 г.» Листы книги не нумерованы.

²¹ ЦМР СССР, ГИК № 18200, л. 38, 99. Далее ссылка на лист «черного журнала» фабрики «Э. Циндель» дается в скобках в тексте статьи.

²² Фабричные законы: Сборник законов, распоряжений, разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства/ Сост. М. Балабанов. СПб., 1909, с. 26—27.

²³ Там же, с. 28.

интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц фабричного управления или наблюдающих за работами»²⁴. Это положение ст. 105 «Устава о промышленности» получило в решениях Гражданского кассационного департамента правительствующего сената от 1890, 1907, 1908 и 1910 гг. исключительно широкое толкование. Под понятие «дерзость и дурное поведение» как причин для расторжения договора о найме подходили, например: «порча или остановка машин по неосторожности рабочих, ослушание последних, произнесение ими бранных слов»; «отказ рабочего, явившегося на работу и тем самым как бы заявляющего о готовности работать, приступить на самом деле к работе, определенной в правилах внутреннего распорядка»; «отказ рабочих скопом исполнить законное требование заводууправления»; «требование рабочих об удалении мастера» и т. п.²⁵ Естественно, что диапазон формулировок, подводимых под это понятие, в «черном журнале» очень широк — от конкретной записи в 1895 г. — «за дерзость. „Мало стекол у вас побили“, — сказал он» (л. 124) до общей формулы «дурное поведение» (л. 52, 129, 133), которая конкретизировалась иногда так: «за грубость и дерзость старшим» (л. 26), «за грубость и дерзость, ни под каким видом более не брать» (л. 83). Увольняли «за умышленную порчу товара» (л. 45), «за передачу секретов фабрики» (л. 50), «за брак в работе» (л. 122), «за леность» (л. 12, 123), «за подстрекательство других рабочих к нарушению порядка, угрожающего имущественным интересам фабрики» (л. 26). Выбрасывали с предприятия «по приказу К. И. Циндель» (л. 155), «по приказу мастера» (л. 96) или просто «за безобразие» (л. 4, 20, 55, 98, 109, 116, 130, 136, 140). Значительное количество увольнений было связано с нарушениями правил внутреннего распорядка фабрики, пропускной системы, казарменных «правил на спальнях» и т. д. В «черный журнал» попадали «за передачу пропуска другой женщине пройти на спальню» (л. 51), «за самовольное оставление ночевать знакомых» (л. 15), за то, что «курил в мастерской» (л. 98), «за ослушание» (л. 48).

В инструкции для жандармов и сторожей говорилось, что «все рабочие обоего пола, а также члены семей и родные рабочих... должны быть при входе и выходе тщательно обыскиваемы; без обыску же ни коим образом никого не впускать и не выпускать»²⁶. Поэтому если молодой рабочий «перелез через забор» (л. 61, 94, 121), его включали в «черный журнал».

Интересы хозяев преданно защищали мастера и члены фабричной администрации, в большинстве своем иностранцы. «Мастер был для нас почти как хозяин: он сам нанимал и рассчитывал, делал что угодно с нами», — вспоминал рабочий К. П. Трашин. В памяти его сохранились издевательства мастера Кольбе.

²⁴ Там же, с. 27.

²⁵ Устав о промышленном труде, с. 58.

²⁶ ЦГА г. Москвы, ф. 774, оп. 1, д. 1427, л. 70.

«Иностранцы-мастера делали с рабочими все, что хотели, — подтверждал рабочий В. Ф. Щавелев, поступивший на фабрику в 1902 г. — Они могли любого заставить таскать воду себе домой, мыть полы или собак, которых все держали. Если кто отказывался, немедленно получал увольнение...»²⁷

Не удивительно, что значительная часть записей в «черном журнале» была вызвана конфликтами с чинами фабричной администрации и мастерами. Увольняли «за угрозу и грубость мастеру» (л. 82), «за грубость мастеру и настойчиво требовал расчета» (д. 85), «за скандал в мастерской и угрозы мастеру» (л. 15), «за неприятности с директором мануфактуры» (л. 81), просто «по подозрительному поведению с администрацией» (л. 95), «за скандал и буйство в главной конторе» (л. 26, 41, 59, 76), «не принял штраф» (л. 129), «при расчете кричал на все фабричные порядки и принуждал кричать других» (л. 56), «хотел все разбить и выражал недовольство порядками фабрики» (л. 121). Очень часты записи в журнал «за преждевременный расчет» (л. 138, 139 и др.)

«Всякий рабочий знает, — писал В. И. Ленин, — что жалобы, особенно на инспектора, им почти вовсе недоступны»²⁸. «Черный журнал» показывает, как решительно карались рабочие за жалобы фабричному инспектору и в суд. Увольнялись «с замечаниями» «за неправильную жалобу инспектору» (л. 136), за то, что «подавал жалобу на г. Кольба» (л. 155), или «разочтен за поданную жалобу на г. директора» (л. 120), «подали мировому и обер-полицмейстеру, больше на фабрику не брать» (л. 122). Из записи иногда понятна причина жалобы: «Подавал к мировому об истребовании паспорта и расчета, больше не брать» (л. 107). Участие в суде даже свидетеля на стороне рабочих каралось, не говоря уже о тех, кто осмеливался судиться с администрацией. Против нескольких фамилий фигурирует такая причина увольнения: «Свидетель по делу с Медером, более на фабрику не брать» (л. 2, 25).

59 рабочих попало в «черный журнал» «за беспорядки» (забастовку) летом 1894 г. Записывали подробно: «За то, что участвовал в беспорядках 26 июня и 15 августа, у ворот нагрубил сторожам и выразился так, что беспорядки еще будут, сам он поведения весьма дерзкого. На фабрику его больше никогда не принимать, записан по приказанию Н. Ф. Арендс» (л. 9). В этих записях указаны и арестованные рабочие, высланные из Москвы административным порядком за участие в забастовке (л. 29).

Рабочих увольняли за участие в забастовке и сразу после нее, и много лет спустя. Так, 29 января 1905 г. был уволен «главный агитатор забастовки рабочих в январе 1905 г.» (л. 105), в записи от 9 октября 1908 г. в «черном журнале» читаем, что слесаря Ивана Яковлева Еремичева, крестьянина Тульской губернии,

²⁷ Ситцевый поток, с. 27.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 41.

Одоевского уезда, Покровской волости, деревни Валуевой, 23 лет, уволили «за участие в забастовке в 1905 г.» (л. 71). Есть и такого рода записи: «Арестован полицией 4 августа 1906 г.» (л. 127), «за именование запрещенных книг» (л. 124), «за непристойное выражение против царской особы» (л. 36, 100). В период первой русской революции увольняли также «за прокламации» (л. 127), за то, что «был депутатом» (л. 15, 39, 100, 131).

Таким образом, даже краткий обзор конкретных причин увольнений, записанных в «черном журнале», показывает, что в этом виде источников кроются большие возможности для исследователя, в частности, истории первой русской революции.

При изучении социально-политической истории рабочего класса этот документ, конечно, должен рассматриваться в сочетании с полицейскими материалами и другими источниками. Нередко прослеживается прямая связь между полицейскими документами и теми записями в «черный журнал», которые отражают борьбу рабочих фабрик против царизма и капитализма. Так, 15 ноября 1905 г. и. о. пристава 2-го участка Пятницкой части в рапорте московскому градоначальнику доносил, что на фабрике «Э. Циндель» рабочие Петр Петров, 18 лет, Антон Харитонов Глазков, 24 лет, и Андрей Михайлов Каргухин, 20 лет, «занимаются преступной пропагандой, проповедуя, что фабрика должна перейти в собственность рабочих и проч., вызывая подобным между рабочими брожения»²⁹. А уже 17, 18 и 19 ноября 1905 г. все эти рабочие были занесены в «черный журнал» (л. 15, 116). 6 февраля 1906 г. во время обыска в спальнях фабрики «Э. Циндель» у рабочего С. П. Огнева обнаружили 30 экземпляров социал-демократических прокламаций³⁰. В тот же день его уволили, занеся в «черный журнал» (л. 127).

В фонде Московского охранного отделения хранится не датированный «список лиц, замеченных в агитации рабочих фабрики Цинделя». В этом списке первым значится Е. П. Ильичев, третьим — П. М. Портнов³¹. П. М. Портнов записан в «черный журнал» 19 декабря, Е. П. Ильичев — 22 декабря 1905 г. (л. 53, 116). 19 декабря 1905 г. рабочий отделочной мастерской «Алексей Никифоров Цепляев, крестьянин Рязанской губернии, Пронского уезда, Соболевской волости» записан в «черный журнал» с таким обоснованием: «на фабрику не брать как депутата» (л. 15). А в деле московской охранки он стоит первым в «списке лиц, задержанных на фабрике Цинделя в ночь на 20 декабря 1905 г.», которых потом выслали в ссылку в Архангельскую губернию³².

Записи в «черном журнале» в ряде случаев существенно дополняют сведения, имеющиеся в других источниках. Так, об упо-

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 63, 1905, т. 10, д. 773, л. 306.

³⁰ Там же, ф. 58, оп. 2, 1906, д. 266/224, л. 3.

³¹ Там же, ф. 63, оп. 14, д. 99, л. 7.

³² Там же, л. 29 об.

мянутом А. Н. Цепляеве только «черный журнал» сообщает, что он был депутатом рабочих и в каком цехе работал. В воспоминаниях цинделевских рабочих, опубликованных к 20-летию первой русской революции, называются фамилии наиболее активных борцов за рабочее дело, и среди них «Портнов — организатор боевой дружины, Цепляев — его помощник»³³. Ничего больше о них не сказано, не указываются даже инициалы. Так же как об А. Н. Цепляеве, «черный журнал» дает сведения и о Петре Михайловиче Портнове. Здесь указаны его имя, отчество, мастерская (отделочная), где он работал, сказано, что он из крестьян Рязанской губернии, Пронского уезда, Чернобаевской волости, деревни (название неразборчиво. — В. Л.) Слободы, дата увольнения и табельный номер, который может помочь при дальнейших поисках данных о нем в архиве фабрики «Э. Циндель» (например, его заработков, штрафов и т. д.).

Конечно, в некотором отношении полицейские документы дают неизмеримо больше сведений о политической борьбе рабочих фабрики, чем в общем-то лаконичные записи «черного журнала». Например, на С. П. Огнева, уволенного «за прокламации», в Московском губернском жандармском управлении было заведено целое дело, в котором, в частности, есть очень подробные «сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого», содержащие ответы на 29 вопросов³⁴. В деле московской охранки «О 9-ти лицах рабочих фабрики «Э. Циндель», в том числе и о А. Н. Цыпляеве³⁵, содержатся чрезвычайно важные для истории революционного движения сведения³⁶.

Достоверность записей в «черный журнал» причин увольнения рабочих, адекватность их действиям, конечно, проверить трудно.

Выборочная сверка некоторых записей на уволенных в 1905 г. по политическим мотивам показывает, что «черный журнал» не фиксировал многих моментов политического обвинения, содержащихся в полицейских документах. Например, в ноябре 1905 г. рабочие были уволены с такими записями: «за слушание больше на фабрику не брать» (П. Петров), «на фабрику не брать за учиненную дерзость мастеру Доброхотову и подстрекательство (А. Х. Глазков), «за насилие над другими рабочими на фабрику не брать» (А. М. Карпухин) (л. 15, 116). А полицейские власти обвиняли всех их «в преступной пропаганде», в распространении идеи обобществления фабрики. «Кроме того, — как сказано в полицейском документе, — Петров нанес оскорбление мастеру», и против него было возбуждено судебное преследование, «остальные же потребовали расчет на пасху и, несмотря на разъяснение фабричного инспектора о незаконности этого требования, настаи-

³³ Замоскворечье в 1905 г. М., 1925, с. 139.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 58, оп. 2, 1906, д. 266/224, л. 3.

³⁵ В полицейских документах и «черном журнале» разное написание фамилии.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 14, д. 99, л. 119.

вают на своем...»³⁷ В списках охранного отделения Т. С. Панков значится как «депутат, подстрекатель и забастовщик»³⁸, а в «черном журнале» против его фамилии стоит запись: «как депутата на фабрику не брать» (л. 131).

Выборочный анализ показывает, что этот источник дает далеко не полные сведения даже о наиболее ярких проявлениях протеста и борьбы рабочих фабрики. Казалось бы, арестованные полицией рабочие фабрики все должны были попадать в «черный журнал». Но на деле этого не было. Например, в декабре 1905—январе 1906 г. были арестованы первая большевичка на фабрике А. Лобанова и другая активная работница — М. Корябочкина³⁹. Их мы не находим в «черном журнале».

Управляющий фабрикой «Э. Циндель» в заявлении на имя пристава сообщал о том, что рабочий А. Г. Степанов «замечен в подстрекательстве» к забастовке «и угрозах по отношению к мастеру»⁴⁰, но в «черный журнал» его не записали. Из 9 арестованных рабочих в ночь на 20 декабря 1905 г. в «черный журнал» попал только один, из 8 арестованных 23 декабря 1905 г.⁴¹ — ни один, хотя все они уволены с предприятия. Из 17 рабочих — «подстрекателей забастовки», «депутатов», «дружинников», «бунтовщиков» с фабрики «Э. Циндель», которых московская охранка требовала уволить⁴² (и нет оснований думать, что это требование не было выполнено), в «черный журнал» был занесен лишь один человек.

По имеющимся в литературе сведениям, 31 декабря 1905 г. за активное участие в забастовках, революционной борьбе администрация уволила сразу около 500 человек⁴³. А в «черном журнале» за декабрь 1905—январь 1906 г. записано всего 47 человек. Видимо, бурные события революции, широта и массовость движения не позволяли вести полную регистрацию, да и вести журнал было в то время не так безопасно, как раньше. Говоря о полноте отражения периода 1905—1907 гг., надо отметить, что записи в это время стали глуше, более общими, менее тщательными. Так же как и раньше, записывались почти у всех рабочих цех, фамилия, имя, отчество, у 65% записанных указан возраст, у 70% — откуда родом, в то время как в целом по журналу губерния, уезд, волость, деревня указаны более чем у 90% рабочих.

И все же этот источник представляет большой интерес для исторической науки. Его значение можно рассматривать по крайней мере в двух основных аспектах.

³⁷ Там же, оп. 10, 1905, д. 1773, л. 306.

³⁸ Там же, оп. 14, д. 99, л. 10.

³⁹ Ситцевый поток, с. 34.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 14, д. 90, л. 17, 19.

⁴¹ Там же, л. 9.

⁴² Там же, л. 10.

⁴³ *Кураханов В. М.* Указ. соч., с. 42; Ситцевый поток, с. 49.

Во-первых, этот документ ярко отражает положение рабочего класса, его бесправие, произвол капиталистов. Во-вторых, записи в «черном журнале» будучи массовыми, отражают в основном состояние различных групп рабочих, передовых и отсталых слоев, некоторые формы протеста, основные тенденции борьбы рабочего класса.

Его уникальность в том, что он сосредоточивает в себе за многие годы записи о социально опасных для капиталиста рабочих и содержит ряд основных их характеристик (пол, возраст, профессию, «географию» прихода на фабрику, причину увольнения). Особая ценность его в комплексности этих сведений.

Это качество источника дает возможность с помощью его статистической обработки получить данные, характеризующие как бесправное положение рабочего класса, так и наиболее социально активную его часть. Нами был произведен обсчет записей журнала фабрики «Э. Циндель» с помощью перфокарт типа К-5. Для каждого рабочего на перфокарту в определенной ее зоне были закодированы: время увольнения, пол, из какой мастерской, из какой губернии (для 1905—1907 гг. и из какого уезда), возраст, причины увольнения.

Были закодированы отдельно: каждый год с 1876 по 1910 (для 1905—1907 гг. и месяц увольнения), пол (мужчина, женщина), мастерские, на которых они работали, — запарная, красильня, кладовая, модельная, прессовальная, плюсовальная, складальная, сушильный барабан, набивная, отделочная, отбельная, работники «по двору», вместе медники, кузнецы, слесари и отдельно прочие подразделения. Таким образом, на перфокarte по зоне, определяющей цех, было выделено 14 позиций. На фабрике «Э. Циндель» в 1899 г. 93,6% рабочих происходили из Рязанской, Тульской, Московской и Смоленской губерний⁴⁴, поэтому были закодированы на перфокарты именно эти губернии, а также «прочие губернии» и «губерния не указана», всего 6 позиций. На перфокарты рабочих, уволенных в 1905—1907 гг., были закодированы уезды Рязанской губернии: Спасский, Михайловский, Пронский, Ряжский, Данковский, Егорьевский, Скопинский, Раненбургский, Рязанский; Тульской губернии: Веневский, Одоевский, Ефремовский, Епифанский, Толстовский; Московской губернии: Дмитровский, Каширский, Бронницкий, Серпуховский, Подольский, Можайский, Богородский, Волоколамский; Смоленской губернии: Рославльский, Сычевский, Биатский, Дорогобужский, Бельский, Гжатский, Ельнинский. В каждой из губерний выделены «прочие уезды». Кроме того, закодированы встречающиеся по записям в журнале Мценский уезд Орловской губернии, Дашковский, Переяславский и Покровский уезды Владимирской губернии, Козельский и Медынский уезды Калужской губернии.

⁴⁴ Шестаков П. М. Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмпль Циндель» в Москве: Статистическое исследование. М., 1900, с. 20.

И наконец, одна позиция фиксирует рабочих, выходцев из с. Мягкого Веневского уезда. Всего для 1905—1907 гг. по зоне «откуда родом» закодированы 42 позиции.

По возрасту рабочие кодировались по семи группам: до 17 лет, 18—20, 21—25, 26—30, 31—40, свыше 40 лет и «возраст не указан».

Кодирование причин увольнений — наиболее сложная задача. В основу шифра был положен числовой код. Каждому числу соответствовала определенная причина или группа причин: 1) уволены за участие в забастовке, 2) в том числе за забастовку 26 июня 1894 г., 3) за подстрекательство к стачке, к нарушению порядка, 4) за грубость, оскорбление мастера, чинов фабричной администрации, 5) за преждевременный расчет, 6) за самовольный уход с работы, 7) за отказ от работы в обеденное время, 8) за жалобу фабричному инспектору, обращение в суд, участие в суде свидетелем, 9) за выражение недовольства порядками на фабрике, 10) за грубость, оскорбление жандармов, пристава и других чинов государственного аппарата, 11) за оскорбление царя, 12) за избрание рабочим депутатом, 13) негодные артельные старосты, 14) без указания причин с пометкой «на фабрику не брать», 15) прочие причины социально-политического характера, 16) кража у фабриканта, 17) кража у другого рабочего, 18) подозрение в краже, 19) покушение на кражу, 20) драка, 21) пьянство, 22) убийство, 23) прочие причины уголовного характера, 24) «буйство», «скандал», «безобразия», 25) другие неопределенные причины. Наконец, закодирован такой признак: кто из занесенных в журнал «прощен» и взят вновь на работу.

Как правило, на перфокарту в каждой зоне заносился один признак, в том числе в зоне причин увольнения. Например, увольнение «за буйство у ворот, причем ударил по лицу жандарма, отсидел 3 недели под арестом, более на фабрику не брать» (л. 155) дано не в 24-й группе (там неопределенное «буйство»), а в 10-й — «оскорбление жандармов».

Таким образом, на перфокарту были закодированы не все показатели источника, а лишь основные. При обсчете не учитывались такие данные, как месяц (кроме 1905—1907 гг.) и число увольнения, фамилия, имя, отчество (при кодировании их возможно, например, установление родственных связей уволенных), уезд (кроме 1905—1907 г.), волость, деревня (что в сочетании с материалами земской статистики позволило бы углубить исследование), табельный номер рабочего. Тот факт, что возраст кодировался по заранее определенным возрастным группам, ограничивал возможности составления новых группировок по возрасту.

Всего было изготовлено 1695 перфокарт, на каждой из которых было закодировано 89 показателей, а на перфокартах записей 1905—1907 гг. за счет детализации ряда социально-политических причин, указания месяца увольнения и уездов было закодировано 112 показателей.

Остановимся кратко на общих данных, полученных при обсчете. Всего в журнал занесено за 35 лет 1695 человек⁴⁵. За годы первой русской революции (с 1 января 1905 г. по 3 июня 1907 г.) в журнал было записано 234 человека, значительно больше, чем в среднем за год (48 человек).

Подавляющее большинство занесенных в журнал — мужчины. Их 1433 человека (84,6%), женщин 262 (15,4%). В период революции 1905—1907 гг. мужчин 206 (88%), женщин 28 (12%). Процент женщин значительно ниже, чем их доля на фабрике⁴⁶. Рабочие в возрасте до 20 лет составляли 36,7% уволенных, а в возрасте до 30 лет — почти 80%. В период революции удельный вес последних был еще большим. Эти цифры свидетельствуют о том, что репрессивные меры в виде увольнений с записью в «черный журнал» обрушивались в первую очередь на рабочую молодежь, особенно в период революции.

Большинство «уволненных с замечаниями» — выходцы из Рязанской губернии. Их 47,3% от числа рабочих, у которых указана губерния. Тульских — 19,7%, московских — 12,7%, смоленских — 9,5%. Обрацает на себя внимание, что процент уволенных рабочих — выходцев из Московской губернии выше, чем их доля на фабрике «Э. Циндель»⁴⁷. Среди уволенных в 1905—1907 гг. рязанские составляли 54,9%, тульские — 23,8%, московские — 8,5%, смоленские — 4,9%. По мастерским (цехам) уволенные распределяются так: отбельная — 223 человека, красильня — 149, набивная и отделочная — по 146, плюссовальня — 79, сушильный барабан — 68, запарная — 65, складальня — 64, по двору — 57, медники, кузнецы, слесари — 49, кладовая — 44, прессовальня — 28, прочие мастерские (подразделения) — 365 человек.

Наибольший интерес представляет анализ причин увольнения рабочих. Из всех причин мы вычленим ясно выраженные социально-политические и получаем следующую картину занесения в «черный журнал» накануне, в период и после первой русской революции (табл. 1).

Может возникнуть вопрос, насколько правомерно включать в группу уволенных по социально-политическим мотивам рабочих, записанных в журнал без указания причин, с пометкой «на фабрику не брать». Сам факт такого заполнения графы, «за что

⁴⁵ В литературе неверно указывается цифра 1760 (Ситцевый поток, с. 18). Авторы исходили из записи карандашом на обложке «черного журнала», там, где стоит инвентарный номер музея: «Всего уволенных по данному журналу 1760 чел.» Но эта запись ошибочна. Нельзя механически подсчитывать количество фамилий, ибо среди них есть записанные по ошибке и затем аннулированные, другие записаны дважды — по первой букве имени и фамилии.

⁴⁶ Процент женщин на фабрике колеблется от 31,8% в 1880 г. до 27,8% в 1900 г. (Из истории рабочего класса и революционного движения М., 1958, с. 327).

⁴⁷ По данным П. М. Шестакова, среди рабочих фабрик «Э. Циндель» выходцы из Московской губернии в 1899 г. составляли 8,6% (Указ. соч., с. 20).

Таблица 1

Причины увольнения рабочих, занесенных в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель»	1876— 1880 гг.	1881— 1885 гг.	1886— 1890 гг.	1891— 1895 гг.	1896— 1900 гг.	1901— 1904 гг.	1905— 1907 гг.	1908— 1910 гг.	В с е г о за 35 лет
За грубость, оскорбление фабричной администрации	1	36	74	40	8	5	8	2	174
За преждевременный расчет	2	8	11	143	—	—	—	—	164
За самовольный уход с работы	7	40	38	23	7	—	—	—	115
За участие в забастовке	—	—	—	59	—	1	—	—	60
За подстрекательство к забастовке, нарушению порядка	—	—	2	4	4	—	1	—	11
За жалобу фабричному инспектору, в суд, участие свидетелем против фабричной администрации	2	12	13	6	—	—	—	—	33
За оскорбление царя и чинов государственного аппарата	—	—	5	13	—	—	—	—	18
За избрание рабочим депутатом	—	—	—	—	—	—	6	—	6
Без указания причин, с пометкой «на фабрику не брать»	—	13	4	39	—	—	95	1	152
За прочие социально-политические причины	—	—	5	28	1	—	5	5	44
Итого по причинам социально-политического характера	12	109	152	355	20	6	115	8	777
Всего уволено по «черному журналу»	50	198	282	498	215	148	251	53	1695

именно» уволен, настораживает. Вокруг пестреют записи причин широчайшего диапазона, называются всевозможные «проступки» и в то же время практикуется такая глухая запись, как бы засекречивающая эти данные. Естественно было предположить, что здесь скрываются уволенные за протест, борьбу, «политику», от которых хотели непременно избавиться, но не хотели предавать это огласке.

Выборочная проверка фамилий рабочих, записанных без указания причин увольнения, дала прямое подтверждение нашей гипотезы. Например, в музее Первой ситценабивной фабрики первым в списке активных участников революции 1905—1907 гг. на фабрике «Э. Циндель» значится Яков Климов. Он был одним из первых большевиков на фабрике, арестован 26 мая 1905 г. на сходке рабочих Замоскворечья⁴⁸. При обыске у него были обнаружены револьвер, брошюра «К партии», изданная РСДРП, проект требований рабочих фабрики «Э. Циндель». А еще до ареста, «с пасхи 1905 г., молотобоец 2333 (табельный номер. — В. Л.), Яков Ильин Климов, 22½ года» попал в «черный журнал» с записью: «на фабрику не брать» (л. 156).

Упомянувшиеся уже Е. П. Ильичев и П. М. Портнов, замеченные, по полицейским документам, «в агитации» рабочих фабрики «Э. Циндель» 19 и 22 декабря 1905 г., записаны в «черный журнал» также без указания конкретных причин, лишь с пометкой «на фабрику не брать» (л. 53, 116).

Записи без указания причин увольнения в «черном журнале» отсутствуют в первые пять лет после его введения, в 80-е годы их 17 (3,5% всех записей, сделанных в эти годы), в 90-е годы — 39 (5,4%), а в 1901—1910 гг. — 96 (21%). Наибольшее количество таких записей в 1905 г. — 92 (55%). А в период реакции (1907—1910 гг.), когда, с точки зрения фабрикантов, все стало на свои места, такие записи почти исчезли: без указания причин уволены лишь 2 человека. Эта любопытная статистика, как нам представляется, подтверждает то, что за такой записью скрываются уволенные по социально-политическим мотивам.

В рубрику «прочие социально-политические причины» включены: неугодные артельные старосты — 25 человек, арест полицией — 5 случаев, «недоволен порядками на фабрике» — 4, «отказ от работы в обеденное время» — 3, за запрещенные книги, прокламации — 2, за неблагонадежное поведение — 2, «бросил гвоздь в машину» — 1 и др.

В выделенную нами группу ясно выраженных причин социально-политического характера (777 случаев — 46% общего числа записей) не входят такие, в которых не ясны характер и мотивы действия, например «за скандал», «безобразия», «буйство». Если же ко всем названным выше причинам прибавить такие, как «леность», «болезнь», «подозрение в краже», некоторые нарушения правил внутреннего распорядка («перелез через

⁴⁸ Кураханов В. М. Указ. соч., с. 27; 1905 год в Москве. М., 1955, с. 33.

забор», пустил ночевать знакомого, курил в мастерской и им подобные), то они вместе с ясно выраженными социально-политическими причинами составят около 60% записей. Эти записи свидетельствуют о классовом назначении «черного журнала», о том, что он являлся орудием борьбы против рабочего движения, орудием эксплуатации.

Насколько типичны записи в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель», показывает их сопоставление с «черной книгой» крупнейшего текстильного предприятия Москвы — «Трехгорной мануфактуры». Поскольку последняя датируется 1882—1899 г.⁴⁹, мы из цинделевского журнала сделали выборку за соответствующие годы.

Таблица 2

Причины увольнений рабочих по записям 1882—1899 гг.	По «черной книге» фабрики «Трехгорной мануфактуры»		По «черному журналу» фабрики «Э. Циндель»	
	абс.	%	абс.	%
Грубость, оскорбление фабричной администрации	27	11,1	159	25,4
Преждевременный расчет	24	9,8	162	25,8
Отказ от работы, самовольный уход с работы	97	39,8	101	16,1
Участие в забастовке	62	25,4	59	9,4
Подстрекательство к забастовке, нарушению порядка	7	2,9	10	1,6
Жалоба фабричному инспектору, в суд	8	3,2	30	4,8
Без указания причин	1	0,4	55	8,8
Прочие социально-политические причины	18	7,4	51	8,1
Всего уволено по ясно выраженным социально-политическим причинам	244	100	627	100
Всего занесено по всем причинам	795		1134	

Как видно из табл. 2, причины увольнений схожи. На «Трехгорке» почти половина записанных по социально-политическим мотивам увольнялась за преждевременный расчет и отказ от работы, на фабрике «Э. Циндель» таких рабочих было более 40%. На обеих фабриках записано почти одинаковое количество забастовщиков, хотя на «Трехгорке» они составляли больший процент. Индивидуальные колебания тоже значительны (на фабрике «Э. Циндель» значительно больше конфликтов с мастерами), но нас в данном случае интересует типичность общей картины.

⁴⁹ Музей истории комбината «Трехгорная мануфактура» им. Ф. Э. Дзержинского, «черная книга с пасхи 1882 г.» Она велась также по алфавиту имени рабочего. Листы на «А» заполнены полностью, записи перенесены на литеру «Б». Видимо, поэтому в 1899 г. прекратили ее заполнение. Где продолжение этой книги, нам неизвестно.

Но вернемся к табл. 1, данные которой дают материал для выяснения связи занесения в «черный журнал» с развитием рабочего движения. Погодовая статистика записей четко прослеживает эту зависимость. В среднем в год записывалось в журнал по 48 рабочих. В 1889—1890, 1892—1894, 1898, 1902, 1905—1906 гг. ежегодная запись была выше этой средней цифры, в остальные годы — ниже. Максимальное количество записей было сделано в 1894 г., когда на фабрике «Э. Циндель» были бурные волнения, — 259 человек, т. е. 93% уволены по ясно выраженным социально-политическим причинам; в 1905 г. — из 161 рабочего по этим же причинам — 63%⁵⁰. 1893 год, стоящий на третьем месте по количеству записей, имеет значительно меньшую цифру — 82 человека. Далее идут 1889 г. — 73 человека, 1890 и 1892 гг. — по 69 и 1906 г. — 63 человека.

Материалы табл. 1 отражают некоторые существенные тенденции в развитии протеста и борьбы рабочих в конце XIX—начале XX в., смену одних форм другими, более зрелыми⁵¹.

Статистика записей в журнал в период революции 1905—1907 гг. также дает убедительный материал о связи интенсивности «увольнений с замечаниями» с размахом рабочего движения. В 1905 г., как отмечалось выше, в журнал было занесено почти столько же рабочих (161 человек), сколько за предыдущие пять лет (1900—1904 гг. — 169 человек). По месяцам 1905 г. увольнения распределяются резко неравномерно: в январе — 5, феврале — 3, марте — 1, апреле — 78.

В январе 1905 г. вместе с другими забастовали рабочие фабрики «Э. Циндель». Эта забастовка вошла составной частью в первую мощную стачечную волну российского пролетариата. В январе 1905 г. было лишь одно «увольнение с замечаниями» по социально-политическим мотивам. Это была экстренная, безотлагательная мера с точки зрения администрации фабрики. 29 января был уволен «медник Иван Симонов Шаров, крестьянин Серпуховского уезда, Богоявленской волости (название деревни неразборчиво. — В. Л.), из запасных мастеровых, как главный агитатор забастовки рабочих в январе 1905 г.» (л. 69). Один человек без указания причин был уволен в феврале. А основная масса неугодных рабочих (78 человек) выброшена без права поступления на фабрику в апреле 1905 г. («с пасхи 1905 г.», как значится в записи), в конце хозяйственного года, когда истек договор найма.

В мае—июле были всего две записи в журнал. 8 июля рабочие предъявили администрации свои требования. 19 июля был получен ответ, который не удовлетворил рабочих⁵². Недовольство их

⁵⁰ Как мы уже выяснили, в 1905 г. записывались далеко не все уволенные «за политику».

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Ложкин В. В.* Важный источник по изучению российского пролетариата. — В кн.: Музейное дело в СССР. М., 1974. с. 139.

⁵² Замоскворечье в 1905 г., с. 146—149; 1905 год в Москве, с. 33.

росло. 6 августа цинделевцы, собравшись на сходке в Подмоскowie, обсуждали, кроме других, требование об увольнении управляющего фабрикой Северина⁵³. Отражением нарастания остроты борьбы в стране и Москве было увеличение количества записей в «черный журнал». В августе их было 8, в сентябре — 12.

В октябре в период Всероссийской политической стачки, проходившей под лозунгом «Долой самодержавие!», забастовали все рабочие фабрики «Э. Циндель». Выражая свою полную солидарность с требованиями рабочих всей России, цинделевцы наряду с экономическими выдвинули требования политических свобод, созыва учредительного собрания⁵⁴. Как сообщалось в рапорте московскому градоначальнику 14 октября 1905 г., в ответ на попытку фабричного инспектора уладить дело из толпы рабочих выступил один, который «заявил, что всякие переговоры в настоящее время совершенно излишни, так как забастовка на фабрике вызвана не экономическими условиями, а рабочие присоединились к общему течению, преследующему политические цели»⁵⁵.

В период Всероссийской октябрьской политической стачки и в первые дни после манифеста 17 октября администрация фабрики не решилась, видимо, вести записи в «черном журнале», поэтому в октябре не значится ни одного «уволненного с замечаниями».

Осенью 1905 г. фабрика «Э. Циндель» была одним из важнейших революционных центров Замоскворечья. Еще с лета 1905 г. здесь функционировал Объединенный партийный комитет большевиков фабрики «Э. Циндель» и нескольких мелких предприятий. В Замоскворечье действовала самая крупная из районных партийных организаций Москвы. Активными работниками ее были Р. С. Землячка, И. Ф. Дубровинский, Э. Я. Литвин-Седой, В. М. Савков⁵⁶. В столовой фабрики «Э. Циндель» устраивались заседания районного комитета партии, проходили крупные собрания рабочих фабрики и района. Так, 16 ноября 1905 г. в рапорте московскому градоначальнику сообщалось, что «на кухне при фабрике Цинделя после ужина было собрание рабочих, в каком принимали участие рабочие других фабрик и разные посторонние лица. Между ораторами была вдова Баумана. Речи велись политического характера». Резолюция на рапорте гласила: «На эту фабрику вообще придется обратить серьезное внимание»⁵⁷.

21 ноября в том же помещении состоялось собрание представителей замоскворецких рабочих, на котором обсуждался вопрос о подготовке вооруженного восстания. На фабрике действовала боевая дружина. Полиция сообщала, что рабочие фабрики

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 63, 1905, т. 1, д. 57, л. 753.

⁵⁴ Московские текстильщики в годы первой революции (1905—1907 гг.). М., 1929, с. 140.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 63, 1905, оп. 7, д. 773, л. 133.

⁵⁶ 1905 год в Москве, с. 35; *Кураганов В. М.* Указ. соч., с. 28—29.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 63, 1905, т. 10, д. 773, л. 344.

«Э. Циндель» и типографии Сытина «вооружены револьверами, кроме того, у рабочих Цинделя имеются бомбы...»⁵⁸. Дружина цинделевцев охраняла демонстрацию во время похорон Н. Э. Баумана. В декабре 1905 г. дружинники героически сражались на баррикадах. Еще накануне восстания цинделевцы совместно с рабочими ряда других предприятий на митинге постановили: «Отныне мы признаем защитницей и выразительницей наших интересов Росс. с.-д. р. партию и только под ее руководством будем вести дальнейшую борьбу как с капиталистами, так и с правительством»⁵⁹.

Во время Декабрьского вооруженного восстания цинделевцы были в первых рядах московского пролетариата. 15 декабря в столовой фабрики «Э. Циндель» проходило пятое заседание Московского Совета рабочих депутатов.

В периоды резкого обострения классовой борьбы «черный журнал» значительно пополнялся новыми записями. Так, если в ноябре 1905 г. их было 16, то в декабре — 34, а всего за год записано 161 человек. В 1906 г. количество записанных в журнал за год — 63 человека, в 1907 г. — всего 27 человек. Во время второго периода революции записи идут в целом по убывающей.

Рассмотрим характер увольнений по социально-политическим мотивам осенью 1905 г. В ноябре 4 рабочих были уволены за конфликты с мастером. Но за этими записями скрывается качественно иная ситуация, чем в 80—90-е годы. А. Х. Глазков уволен «за дерзость мастеру Доброхотову и подстрекательство» (кстати, за дерзость тому ненавистному Доброхотову, увольнения которого требовали рабочие в период октябрьской стачки⁶⁰), А. Г. Кожухов — «за скандал в мастерской и угрозы мастеру», Ф. Е. Виталев — «за слушание мастера», П. Петров — «за слушание», А. М. Карпущин — «за насилие над другими рабочими» (л. 15, 116). Но из полицейских документов мы знаем, что трое из них (А. Х. Глазков, П. Петров, А. М. Карпущин) виновны были главным образом в революционной пропаганде, которая вызывала «брожение» среди рабочих. У 19 рабочих (3 — в ноябре, 16 — в декабре) причины увольнения вовсе не указаны. Обращает на себя внимание, что все уволенные в ноябре записаны после отмеченных полицией собраний, руководимых большевиками фабрики. Запись «на фабрику не принимать» рабочего И. А. Дроздова (16 ноября) сделана «по распоряжению управляющего фабрикой Северина» (л. 70), а И. В. Храмова (19 ноября) — «по распоряжению администрации» (л. 70). То же начальство требует «более на фабрику не брать» двух рабочих 3 декабря и трех — 5 декабря, т. е. накануне вооруженного восстания. Массовое увольнение с занесением в «черный журнал» без указания причин происходит с 19 декабря 1905 г. Это прямо связано с поражением Декабрь-

⁵⁸ Там же, ф. 63, 1906, оп. 1, д. 99, л. 3 и об.

⁵⁹ Вперед, 1905, 2 декабря.

⁶⁰ Московские текстильщики..., с. 139.

ского восстания в Москве, с общим наступлением реакции. 19 декабря 1905 г. ночью царские войска окружили фабрику «Э. Циндель». Как писал один из рабочих, они «поставили оружие кругом, атаковали наше общежитие и вошли внутрь, вооруженные, в 12 часов ночи. Не разрешили даже сойти с коек. Искали оружие и литературу, но мы были предупреждены и раньше все спрятали в надежных местах. Некоторых товарищей здесь же забирали, впоследствии их сослали в Архангельскую губернию»⁶¹. Сохранились документы охранки о том, как проводилась эта операция. Во время обыска «было обнаружено 4 красных флага с революционными надписями, 2 самодельных сабельных клинка, 42 штуки разных металлических ручных приспособлений для боя, как-то: болты, стамески, оточенные рашпили и проч., 12 коротких железных палок, 33 длинные разной толщины палки с заостренными концами и т. п.»⁶². В тот раз было арестовано 9 рабочих. 23 декабря прошла другая волна арестов в спальнях фабрики «Э. Циндель». Были заключены в тюрьму еще 8 человек⁶³. 31 декабря на фабрике было проведено массовое увольнение 500 человек⁶⁴.

Без указания причин 19 декабря были занесены в «черный журнал» 2 рабочих, одного из них (П. М. Портнова) мы встречаем, как уже говорилось, в документах охранки среди «агитаторов», 20 декабря «по распоряжению администрации» записывается И. П. Фролов, 22 лет (л. 70), 21 декабря — 6 рабочих — Е. Ф. Кузнецов, С. Ф. Назаркин, И. Д. Полосин, К. М. Сысоев, Е. Семенов, Д. Ф. Чернышов (л. 45, 53, 70, 77, 127), 22 декабря — уже упоминавшийся нами «агитатор» Е. П. Ильичев, 23 декабря «по приказанию Е. П. Северина» попадает в «черный список» И. Л. Губнин (л. 71).

Осенью 1905 г. увольняются с пометкой «более на фабрику не брать» рабочие-депутаты. 27—30 августа записываются рабочие прессовальни «Семен Васильев Морозов, крестьянин Рязанской губернии, Спасского уезда, Перкинской волости, деревни Ерофеевской слободки» (л. 82) и Лаврентий Павлов Макаров, той же губернии и уезда, Ухорской волости, деревни Муняковой, 21 год (л. 127). Первоначально их также записали без указания причин. Лишь позже кто-то другим почерком, карандашом записал напротив их фамилий: «депутат рабочих».

После разгрома Декабрьского вооруженного восстания, облав и арестов 19 и 23 декабря на фабрике «Э. Циндель» хозяева вносят в «черный журнал» рабочих-депутатов, записывая чернилами и четко формулируя причину: «на фабрику не брать как депутата». 19 декабря попадает в журнал рабочий отделочной мастерской А. Н. Цепляев (л. 15), 20 декабря — рабочий красильни

⁶¹ Сятцевый поток, с. 49.

⁶² ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 14, д. 99, л. 6, 119 об.

⁶³ Там же, л. 9, 13, 23.

⁶⁴ Сятцевый поток, с. 49.

Никандр Прохоров Горин и рабочий отделочной Григорий Федоров Крестничев, оба из Тульской губернии, Одоевского уезда (л. 100, 39), 23 декабря — рабочий красильни Т. С. Панков (л. 131).

О каких депутатах идет здесь речь? Эти рабочие не упоминаются как депутаты ни в опубликованных материалах по истории фабрики, ни в материалах фабричного музея. Видимо, это депутаты, выдвинутые рабочими на переговоры с администрацией. О них упоминается в требованиях рабочих фабрики «Э. Циндель», предъявленных администрации 8 июня 1905 г. Сами эти требования были выработаны 73 депутатами от всех цехов, собравшимися с разрешения управляющего Северина. Рабочие требовали предоставить депутатам большие полномочия. На это в ответе администрации говорилось: «Что же касается права выборных разбирать всякие недоразумения или увольнять рабочих помимо распоряжений администрации фабрики, администрацией отклонено»⁶⁵. В период октябрьской стачки на фабрике вновь были выбраны депутаты, которые выработали требования рабочих. Первым было требование 8-часового рабочего дня, а вторым — «признание администрацией постоянных депутатов, свободно избранных всеми рабочими, единственными представителями и посредниками между рабочими и администрацией; без их согласия нельзя ни принимать, ни увольнять рабочих; депутаты должны быть неприкосновенны»⁶⁶. Пойдя на уступки в ряде экономических требований, администрация отказалась от признания «постоянных депутатов» и предоставления им требуемых полномочий. И в период июньской стачки 1906 г. рабочие защищали право иметь своих выборных и «чтобы депутаты не были уволены»⁶⁷. Арестованный вместе с рабочим-депутатом А. Н. Цепляевым Ф. И. Ашарин объяснял, что Цепляев «в 1905 г. во время забастовки на фабрике Цинделя, был выбран для переговоров с правлением фабрики... за что и был выслан в Астраханскую губернию...»⁶⁸. Видимо, такого рода депутаты и были записаны в «черный журнал». Как нам представляется, туда заносили наиболее активных революционных депутатов. Так, о Т. С. Панкове у нас есть сведения охранного отделения, что он «подстрекатель и забастовщик»⁶⁹. При аресте А. Н. Цепляева и его товарищей у них были отобраны Программа РСДРП, брошюра «Песни революции», извещение о III съезде РСДРП, 9 различных прокламаций РСДРП, 4 рукописи с революционными стихотворениями, одна из которых с приложением «Постановления Совета рабочих депутатов» о забастовке и описанием митинга 8 декабря 1905 г. в театре «Акварium», несколько номеров газеты «Известия Московского Совета

⁶⁵ Замоскворечье в 1905 г., с. 147—148.

⁶⁶ Там же, с. 149.

⁶⁷ Там же, с. 151, 194.

⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 14, д. 99, л. 168.

⁶⁹ Там же, л. 10.

рабочих депутатов» и ряд других нелегальных изданий⁷⁰. Эта литература свидетельствует об их политическом лице и активном участии в революционной борьбе московского пролетариата, руководимого большевиками.

Каков в целом состав «уволненных с замечаниями» по социально-политическим причинам в период первой русской революции, показывает табл. 3.

Таблица 3

Причины увольнения рабочих, занесенных в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель» с 1 января 1905 г. по июнь 1907 г.	Количество уволенных	
	абс.	%
Грубость, оскорбление, ослушание мастера, фабричной администрации	6	5,4
Депутат рабочих	6	5,4
Без указания причин с пометкой «более на работу на фабрику не брать»	95	84,8
Прочие социально-политические причины *	5	4,4
В с е г о	112	100

* Сюда входят: «главный агитатор забастовки рабочих в январе 1905 г. (л. 69), «за прокламации» (л. 127), «арестован полиции 4 августа 1906 г.» (л. 127), «за умышленную порчу товара» (л. 45), «за насилие над другими рабочими» (л. 15), а фактически за пропаганду среди рабочих.

Таблица 4

Возраст рабочих, занесенных в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель»	Уволены по всем причинам										Возраст рабочих фабрики по обследованию 1899 г.**	
	1876—1910 гг.		1876—1904 гг.		1905—1907 гг.*		1908—1910 гг.		1894 г.			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 17 лет	83	7,4	67	7,3	16	10,3	—	—	15	6,3	—	} 25,1
18—20 лет	326	29,3	258	28,3	57	36,8	11	23,4	81	33,9	—	
21—25 »	258	23,1	209	22,9	34	21,9	15	31,9	58	24,3	—	25,5
26—30 »	216	19,4	188	20,6	19	12,2	9	19,2	47	19,7	—	20,5
31—40 »	167	14,9	135	14,8	21	13,6	11	23,4	30	12,5	—	18,8
Свыше 40 лет	65	5,9	56	6,1	8	5,2	1	2,1	8	3,3	—	10,1
В с е г о рабочих, у которых указан возраст	1115	100	913	100	155	100	47	100	239	100	1213	100

* Данные за период с 1 января 1905 г. по 1 января 1908 г.

** Шестаков П. М. Указ. соч., с. 21.

Проанализируем состав записанных в «черный журнал» рабочих по возрасту (табл. 4). Нам важно не только выяснить возрастную группировку занесенных за все годы по всем причинам,

⁷⁰ Там же, л. 119.

но и выделить особенность возрастных группировок рабочих периода революции 1905—1907 гг. Для этого мы выделяем отдельно рабочих, записанных в период революции, до революции и после⁷¹, и для проверки правильности выявленной тенденции изменения возрастных групп в период активных революционных выступлений выделяем отдельно данные по 1894 г., когда было самое крупное до 1905 г. революционное выступление рабочих фабрики. И наконец, для сравнения приводим возрастной состав рабочих фабрики по данным обследования 1213 анкет рабочих, проведенного П. М. Шестаковым в 1899 г.⁷² К 1905 г. в составе рабочих больших изменений не произошло, и эти данные могут служить ориентиром.

Из табл. 4 видно, что в «черный журнал» попадало больше молодых рабочих. Почти 80% уволенных были в возрасте до 30 лет, в то время как в 1899 г. эта возрастная группа составляла чуть больше 71% рабочих фабрики. И соответственно возрастные группы старше 30 лет, записанные в журнал, существенно меньше той доли, которую они составляли среди рабочих фабрики на рубеже двух столетий.

По сравнению с дореволюционным периодом и периодом столыпинской реакции в 1905—1907 гг. резко возрастают записи в «черный журнал» молодых рабочих. В возрасте до 20 лет записанные в 1905—1907 гг. составляли 47,1%, до революции — 35,6%, после поражения революции — 23,4%, в то время как на фабрике в 1899 г. они составляли 25,1%. Рабочие в возрасте до 25 лет составляли половину фабричного коллектива к началу XX в., а в 1905—1907 гг. — почти 70% записанных в «черный журнал», в то время как в 1876—1904 гг. их было 58,5%, в 1908—1910 гг. — 55,3%.

Таблица дает возможность привести аналогичные данные и по другим возрастным группам. Она показывает тенденцию, ясно выявленную уже в статистических данных 1894 г., но значительно усиленную в записях периода первой русской революции, выражавшуюся в том, что во время революционных выступлений резко усиливались активность молодых рабочих и репрессивные меры капиталистов против них.

Чтобы полнее вскрыть эту тенденцию, выяснить ее причины, необходимо проанализировать возрастной состав рабочих, уволенных по ясно выраженным социально-политическим мотивам (табл. 5)⁷³.

Сравнение данных табл. 4 и 5 показывает, что процент уволенных молодых рабочих по социально-политическим мотивам

⁷¹ Интересно бы проанализировать возрастной состав рабочих, записанных непосредственно перед революцией, в 1901—1904 гг., но в этот период у 2/3 рабочих возраст не указан.

⁷² Шестаков П. М. Указ. соч., с. 21.

⁷³ В табл. 5 из-за недостаточного количества данных не выделяется период 1908—1910 гг.

Таблица 5

Возраст рабочих, занесенных в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель»	Уволены по социально-политическим причинам							
	1876—1910 гг.		1876—1904 гг.		с 1 января 1905 г. по 3 июня 1907 г.		1894 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 17 лет	35	5,4	30	5,4	5	5,9	13	6
18—20 лет	192	30,0	152	27,7	39	45,9	80	36,7
21—25 »	155	24,1	135	24,5	20	23,5	54	24,8
26—30 »	119	18,5	112	20,4	7	8,2	40	18,3
31—40 »	102	15,9	85	15,5	11	13,0	24	11
Свыше 40 лет	39	6,1	36	6,5	3	3,5	7	3,2
В с е г о рабочих, у которых указан возраст	642	100	550	100	85	100	218	100
Возраст не указан	135	—	105	—	27	—	19	—

выше процента уволенных по всем причинам. Это свидетельствует о том, что возрастание удельного веса молодых рабочих в записях «черного журнала» происходило в первую очередь за счет возрастания социальной активности молодежи.

Как видно из табл. 5, это возрастание, свойственное вообще периодам революционного подъема (см. 1894 г.), особенно значительно в период революции. Возрастная группа до 25 лет составляет среди уволенных по социально-политическим причинам в 1905—1907 гг. 75,3% (в 1894 г. — 67,5%), в то время как в целом до революции она составила 57,6%.

Наибольший рост общественно активных рабочих фабрики в период революции происходил за счет возрастной группы 18—20 лет. В 1905—1907 гг. рабочие этого возраста составляли 45,9% записанных в журнал по социально-политическим причинам, в то время как до революции — 27,7%, причем в 1899 г. все рабочие в возрасте до 20 лет составляли четвертую часть коллектива фабрики. Большой рост удельного веса уволенных в 18—20 лет мы видим и в 1894 г.

Иное дело с предыдущей возрастной группой, менее зрелой, менее опытной. Подростки, которые, по данным за 1884—1888 и 1894—1898 гг., составляли 14—15% рабочих фабрики⁷⁴, сравнительно меньше увольнялись с «замечаниями». Среди уволенных возрастная группа до 17 лет составляла 7,4%, причем среди уволенных по социально-политическим причинам — всего лишь 5,4%. В 1905—1907 гг. среди всех записанных в журнал эта группа составляла несколько больший удельный вес — 8,5%, а среди уволенных по социально-политическим причинам — 5,9%.

Мы здесь не даем анализа всех возрастных групп, отличий их по характеру «замечаний» ввиду недостатка записей в 1905—

⁷⁴ Шестаков П. М. Указ. соч., с. 1—2.

1907 г.⁷⁵ Укажем лишь, что в возрастных группах 18—20 лет, 21—25, 31—40 лет большая часть была уволена в период революции по социально-политическим причинам, в других возрастных группах — меньшая их часть.

Факт усиления в период революционных взрывов активности молодежи отмечается и в полицейских документах. Так, в январе 1905 г. в донесении пристава Пятницкой части в московскую охранку говорилось, что на фабрике «Циндель» «часть рабочих, по преимуществу молодежь, предводимая группой старших, препятствовала желающим производить работы как у себя на фабрике, так и на других...»⁷⁶.

Повышенная социально-политическая активность молодых рабочих объясняется рядом причин. Одна из них — более высокая грамотность молодежи. На фабрике «Э. Циндель» в 1899 г. в возрасте до 20 лет было 77,5% грамотных рабочих, 20—25 лет — 70,1%, 25—30 лет — 66,6%, 30—35 лет — 61,6%, 35—40 лет — 59,2%, 45—50 лет — 48% и т. д., чем старше возрастная группа, тем меньше процент грамотности⁷⁷. В то же время заработная плата молодых рабочих была ниже, чем рабочих старших возрастов. За 5 лет до революции 1905—1907 гг. средний дневной заработок рабочих составлял: в возрасте 15—18 лет — 31,7 коп., 18—20 лет — 37,8 коп., 20—21 год — 47,2 коп., 25—28 лет — 60,3 коп., 28—31 год — 72,5 коп.; 41—48 лет — 116,5 коп⁷⁸. Далее надо иметь в виду еще одно обстоятельство: к началу века свыше половины (55,5%) цинделевцев были потомственными рабочими. У большинства молодых текстильщиков отцы работали на фабрике. По данным П. М. Шестакова, среди пришедших на фабрику в возрасте от 7 до 11 лет составляли 79,5% рабочие второго поколения, от 11 до 13 лет — 72,9%, от 13 до 15 лет — 69,8%⁷⁹.

Рабочие в 18—20 лет в своей подавляющей массе были потомственными рабочими, имели за плечами значительный стаж тяжелой работы, жизни в рабочем коллективе, опыт классовой борьбы. Они были более свободны от мелкобуржуазных предрасудков. Небреженность семей, свойственное молодежи стремление к новому, передовому также сказывались на их высокой социально-политической активности.

Отмечая рост активности молодежи в период революции, нельзя не видеть и важной роли рабочих старших возрастов в революционной борьбе. Сравнение табл. 4 и 5 показывает, что большая часть пожилых рабочих, записанных в «черный журнал», попадает преимущественно по социально-политическим причинам. Не говоря уже о сравнительно высоком проценте занесенных в журнал по этим причинам в период революционных взры-

⁷⁵ Этот анализ на материалах других лет дан в нашей статье (см.: Музейное дело в СССР, с. 140—143).

⁷⁶ Цит. по: Кураштанов В. М. Указ. соч., с. 27.

⁷⁷ Шестаков П. М. Указ. соч., с. 50.

⁷⁸ Там же, с. 50.

⁷⁹ Там же, с. 24.

вов, в 1876—1904 гг. среди рабочих в возрасте до 17 лет уволены по социально-политическим мотивам 44%, 18—20 лет — 59%, 21—25 лет — 64%, 26—30 лет — 51%, 31—40 лет — 63%, свыше 40 лет — 64%. У активной части пожилых рабочих возрастают мотивы социального протеста и борьбы. Статистика «черного журнала» отражает диалектику взаимодействий поколений рабочих в революционной борьбе.

«Черный журнал» дает и «географию» уволенных рабочих (табл. 6, 7).

Таблица 6

Губерния, откуда родом занесенный в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель»	Уволены по всем причинам							
	1876—1910 гг.		1876—1904 гг.		1905—1907 гг.		1894 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Рязанская	726	47,3	605	46,4	90	54,9	142	57,7
Тульская	302	19,7	246	18,8	39	23,8	42	17,0
Московская	195	12,7	180	13,8	14	8,5	35	14,3
Смоленская	147	9,5	135	10,3	8	4,9	10	4,0
Прочие	166	10,8	140	10,7	13	7,9	17	7,0
Всего рабочих, у которых указана губерния	1536	100	1306	100	164	100	246	100
Губерния не указана	159	—	85	—	70	—	13	—

Таблица 7

Губерния, откуда родом занесенный в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель»	Уволены по социально-политическим причинам								Работали на фабрике в 1899 г., % *
	1876—1910 гг.		1876—1904 гг.		1905—1907 гг.		1894 г.		
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Рязанская	310	44,6	283	44,5	24	52,2	131	57,2	51,8
Тульская	132	19,0	119	18,7	12	26,0	41	18,0	25,2
Московская	121	17,2	106	16,7	5	10,9	32	13,9	8,6
Смоленская	64	9,3	61	9,6	2	4,3	9	3,9	8,0
Прочие	69	9,9	67	10,5	3	6,6	16	7,0	6,4
Всего рабочих, у которых указана губерния	696	100	636	100	46	100	229	100	100
Губерния не указана	81	—	19	—	66	—	8	—	—

* Шестаков П. М. Указ. соч., с. 20.

Хотя записи в 1905—1907 гг., особенно уволенных по социально-политическим причинам, велись часто без указания губернии — и потому статистика за этот период не полна, — все же ясно прослеживается ряд существенных тенденций. Доля рабо-

чих — выходцев из Московской губернии, уволенных по социально-политическим причинам, выше их доли среди уволенных по всем причинам, в то время как, скажем, рязанских — наоборот. Это говорит о большей социально-политической активности уроженцев Московской губернии. Далее, процент этой категории среди уволенных по социально-политическим мотивам до революции (16,7) и в период революции (10,9) выше, чем их доля на фабрике в 1899 г. (8,6%).

Более высокая политическая активность выходцев из Московской губернии объясняется особенностями ее социально-экономического развития. По данным обследования П. М. Шестакова, в 1899 г. 90% рабочих фабрики «Э. Циндель» имели земельные наделы, но выходцы из Московской губернии были менее других связаны с землей. Уходили на полевые работы в деревню тульские рабочие — 16%, рязанские — 10%, московские — 6%. Рабочие из Московской губернии, имевшие надел, были преимущественно безлошадными или однолошадными — 84,6%, из Рязанской губернии — 66,7%, Тульской — 56,9%⁸⁰. В Московской губернии развитие капитализма пошло дальше, классовые противоречия были более острыми, чем в других губерниях. Здесь и большая организованность, и сплоченность рабочего класса. Выходцы из Московской губернии были более грамотны. В 1899 г. грамотных рабочих-цинделевцев из Московской губернии было 83,6%, из Смоленской — 75,3%, Тульской — 64,7%, Рязанской — 63,2%⁸¹.

Данные «черного журнала» дают дополнительный материал, подтверждающий ленинское положение о том, что в период революции вслед за авангардом вовлекаются в борьбу более отсталые слои пролетариата⁸². И в 1894 г. и в 1905 г. рост числа участников социального протеста шел в первую очередь за счет выходцев из Рязанской губернии, а затем из Тульской.

В период революции шире вовлекалась в активную политическую жизнь, классовую борьбу и такая сравнительно более отсталая часть рабочего класса, как женщины-работницы.

Большинство занесенных в «черный журнал» мужчины. Среди 777 рабочих, уволенных по ясно выраженным социально-политическим мотивам, всего 51 женщина (6,5%). Это свидетельствует о их большей социальной пассивности и связано, в частности, с бесправием, забитостью, низким уровнем их культуры, грамотности. По данным П. М. Шестакова, в 1895 г. на фабрике Цинделя среди рабочих-мужчин умели читать 70,6%, а среди женщин — только 8%⁸³. По времени увольнений женщины распределены более или менее равномерно, несколько снижается их доля в 90-е годы и чуть возрастает в 900-е годы.

Если среди записанных по всем причинам в 1876—1904 гг.

⁸⁰ Там же, с. 26, 31, 39.

⁸¹ Там же, с. 16.

⁸² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 313—315.

⁸³ Шестаков П. М. Указ. соч., с. 15.

женщины составляли 16%, то в период первой русской революции (и кстати, в 1894 г.) их доля снизилась до 12%. Но среди уволенных с «замечаниями» по социально-политическим причинам они до революции составляли 6% (в 1901—1904 гг. нет ни одной женщины, уволенной по этим причинам), а в период революции — 10% (в 1894 г. — 8%). В обстановке революции росло участие женщин-работниц в классовой борьбе пролетариата. За 1876—1904 гг. в среднем лишь 19% попавших в журнал женщин были уволены по социально-политическим мотивам, а в 1905—1907 гг. — 40%. То же наблюдалось и в 1894 г.

Женщины составляли 11,6% рабочих, уволенных за преждевременный расчет, 11,2% — без конкретного указания причин (в том числе с такой записью уволены женщины в 1905 г.), 7% — самовольно ушедших с работы, 6,2% — за грубость, оскорбление чинов государственной власти, 6,1% — за жалобу фабричному инспектору и в суд, 4,6% — за грубость чинам фабричной администрации, менее 2% — за участие в забастовке. В одном из двух зафиксированных случаев оскорбления царской особы была женщина. Однако их нет среди уволенных за подстрекательство к стачке и нарушению порядка, рабочих-депутатов, рабочих, арестованных полицией.

Самый большой процент женщин, занесенных в журнал по социально-политическим причинам, у выходцев из Московской губернии. Если в среднем 19% всех занесенных в журнал женщин уволено по социально-политическим мотивам, то среди женщин — выходцев из Московской губернии он равнялся 24%.

Возрастной состав женщин, уволенных по всем причинам, был примерно таким же, как и мужчин. Только немного ниже была доля подростков до 17 лет и выше 18—20. В то же время по возрастному составу отличались от мужчин женщины, уволенные по социально-политическим мотивам.

Данные табл. 8 свидетельствуют о том, что в социальном протесте участвовало относительно большее количество женщин стар-

Таблица 8

Возраст рабочих, занесенных в «черный журнал» фабрики «Э. Циндель» в 1876—1910 гг.	Уволены по социально-политическим причинам				Уволены по всем причинам	
	мужчины		женщины		женщины	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 17 лет	34	5,7	1	2,5	11	6,3
18—20 лет	182	30,3	10	24,4	59	33,7
21—25 лет	146	24,3	9	21,9	39	22,3
26—30 лет	110	18,3	9	21,9	28	16,0
31—40 лет	94	15,6	8	19,6	27	15,4
Свыше 40 лет	35	5,8	4	9,7	11	6,3
Всего рабочих, у которых указан возраст	601	100	41	100	175	100

ших возрастов. 29% женщин, уволенных по социально-политическим причинам, были старше 30 лет, в то время как эта возрастная группа у мужчин составила 21%. Увеличение возраста женщин, поднимающихся на социальный протест, понятно, ибо при почти общей неграмотности работниц фабрики «Э. Циндель» в этом случае большое значение имел их жизненный опыт, стаж пребывания в рабочем коллективе. Эта тенденция особенно четко проявляется в возрастном составе женщин — выходцев из Московской губернии. Среди них возрастная группа свыше 30 лет составляла 47,2%.

Зависимость размаха социального протеста и борьбы рабочих-текстильщиков от степени их отрыва от деревни, крестьянского хозяйства, от их возраста, грамотности, степени их эксплуатации подтверждается анализом записей в «черный журнал» по различным мастерским фабрики. Зависимость политической активности рабочих от ряда объективных условий в положении рабочих различных цехов показывает табл. 9.

Таблица 9

Название мастерской фабрики «Э. Циндель»	Уволены по социально-политическим причинам				Число рабочих в цехе *	Средний возраст рабочего, * лет	Грамотность рабочих, % *	Уходящие на полные работы, % *	Среднеполная плата, коп. *
	1876—1904 гг.		1905—1907 гг.						
	абс.	%	абс.	%					
Набивная	66	10,5	11	9,8	155	24,9	62	10	72
Плюссовальня	30	4,8	5	4,4	131	28,4	63	15	69
Отбельная	100	15,9	35	31,2	125	24,6	68	7	53
Красильная	62	9,9	22	16,6	106	26,2	64	9	50
Отделочная	37	5,9	10	9	156	25,3	70	9	58
Прессовальня	12	1,9	6	5,4	34	27,4	91	9	—

* По данным обследования П. М. Шестакова в 1899 г. (Указ. соч., с. 22—23, 40, 42, 46).

В отбельной, красильной, отделочной мастерских и прессовальне, где в период революции процент уволенных за социальный протест и борьбу увеличился по сравнению с предыдущим временем, мы видим больше грамотных рабочих, как правило, более молодых, получающих меньшую зарплату, менее связанных с крестьянским хозяйством.

За 35 лет 46 человек (3%), записанных в «черный журнал», были вновь допущены к работам на фабрике. И в этой политике четко прослеживается классовая линия. Случаи «прощения» различных категорий рабочих обратно пропорциональны установленной нами их социально-политической активности. Среди прощенных значатся только два выходца из Московской губернии, что составляет 4,4%, из Смоленской — 11,1%, Тульской — 24,4%, Рязанской — 53,3%. Такая же картина и с возрастными группами. Чем более социально активна возрастная группа, тем сравнительно

меньше представителей этой группы среди прощенных. Так, лишь 18% составляет активная возрастная группа 21—25 лет и 9,1% дают подростки до 17 лет⁸⁴. Среди прощенных только три женщины (6,5%). Это значительно меньше той доли (15,4%), которую они занимали среди занесенных в «черные списки». Казалось бы, что женщины, увольняемые в меньшей степени «за политику», подлежали большему прощению. Здесь, видимо, сказывались их меньшая квалификация, неравноправие, пренебрежительное отношение к ним. Среди прощенных нет ни одного уволенного по болезни, жаловавшегося фабричному инспектору или мировому судье, «подстрекателя» к стачкам и нарушению порядка, рабочего-депутата. Мало пересматривались дела тех рабочих, которым было предъявлено обвинение в недовольстве порядками на фабрике (1 случай), участие в забастовке 1894 г. (2), грубость в отношении жандарма, пристава (2), уволенных без указания причин.

Частичная реабилитация рабочих прослеживается по тем причинам, увольнения за которые носили массовый характер, где наиболее часто были возможны совершенно необоснованные решения, и по тем, которые не представляли большой опасности для хозяев. Были допущены вновь к работе уволенные за преждевременный расчет (8 случаев), самовольный уход с работы (4), за конфликты с фабричной администрацией (6), кражу (6), подозрение в краже (3) и др.

При этом надо отметить такую тенденцию: по мере роста рабочего движения в стране, обострения противоречий между трудом и капиталом сокращалось количество прощенных. Их нет в период первой русской революции. За 15 лет, с 1896 по 1910 г., было лишь 7 случаев принятия па работу записанных в «черный журнал». Из них 3 — уволенных за «буйство» и «скандалы», 1 — за драку, 2 — когда подозреваемые в краже оказались невиновными⁸⁵. Таким образом, в «черном журнале» фабрики «Э. Циндель» практически нет записей о «прощении» рабочих, уволенных по причинам ясно выраженного социально-политического характера.

В одной статье трудно раскрыть все достоинства «черного журнала» как источника по изучению положения и борьбы пролетариата. Мы сделали анализ лишь основных соотношений, многие другие возможные группировки остались за пределами данной статьи. Интересно, например, было бы сделать сравнительный анализ по полу, возрасту, месту рождения групп рабочих, уволенных по отдельным социально-политическим причинам.

Существенно различаются между собой по этим показателям, скажем, рабочие, уволенные за грубость, оскорбление фабричной администрации, и участники забастовок, уходящие самовольно

⁸⁴ Среди прощенных возраст указан у 33 человек.

⁸⁵ Есть еще одна запись против фамилии уволенного «за прокламации» С. П. Огнева 6 февраля 1906 г.: «живет». Она, видимо, связана с указанием полиции о неотлучке привлеченного к дознанию рабочего (см.: ЦГАОР СССР, ф. 58, оп. 2, 1906, д. 266/224, л. 3).

с работы и подающие жалобы в суд. Видимо, целесообразно сделать социологический «срез» уволенных в 80-е годы и сравнить их с занесенными в «черный журнал» в 90-е и 900-е годы.

Мы не рассмотрели детально соотношение групп рабочих по возрасту, полу, месту рождения по отдельным мастерским, хотя для анализа этих параметров данные имеются.

Результаты обсчета показали, что следовало бы закодировать большее количество мастерских фабрики, более подробно дать причины увольнений, выделить, например, всех арестованных (у нас они выделены лишь за 1905—1907 гг.), административно высланных. Кодирование на перфокарте не только губернии, но и уезда (а может, и волости) в сочетании с данными земской статистики позволило бы дать более глубокий анализ «географии» рабочих фабрики.

Мы анализировали лишь социально активную прослойку рабочих фабрики, которая попала в рассматриваемый источник. Но он сохранил для истории некоторые характеристики социально пассивной, отсталой части рабочего класса. Возможны многочисленные группировки, позволяющие охарактеризовать эту прослойку рабочего класса, выходцев из мелкобуржуазной среды, сделать сравнение между ними и социально активной частью рабочих фабрики.

Вообще метод статистического обсчета (лучше с помощью перфокарт) открывает дополнительные возможности использования «черных журналов» и «черных списков», которые содержат ряд существенных сведений об активных борцах против самодержавия и капитализма.

ИСТОЧНИКИ О МОСКОВСКОМ «РАБОЧЕМ СОЮЗЕ» (обзор и общая характеристика)

В. Ф. Кутъев

Нет нужды говорить о важности изучения истории первых социал-демократических организаций, деятельность которых положила начало соединению социализма с рабочим движением в нашей стране, а сами они явились зародышами будущей Российской социал-демократической рабочей партии. Значение их было велико, история богата, поучительна и начисто опровергает домыслы буржуазных фальсификаторов, отрицающих пролетарский характер революционного движения в России в конце XIX—начале XX в. и толкующих об оторванности социал-демократии от рабочего движения, ее интеллигентском главным образом составе и заговорщическом характере деятельности.

Общие черты и закономерности развития социал-демократического движения в целом по стране исследованы к настоящему времени в обширной историко-партийной и общеисторической литературе довольно полно. Этого, к сожалению, нельзя сказать о первых социал-демократических организациях, по истории которых имеются брошюры, статьи и разделы в общих работах, но нет обстоятельных монографических исследований. Не является исключением и Московский «Рабочий союз»¹, положивший начало одной из крупнейших организаций нашей партии.

¹ *Максаков В. В.* Пионеры социал-демократии в Москве. — В кн.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1919; *Милютина Н. П.* Первые годы: Исторический очерк Московской организации девяностых годов XIX в. М., 1928; *Невский В. И.* Московский «Рабочий союз». — Борьба классов, 1934, № 7/8; *Мицкевич С. И.* Революционная Москва. 1888—1905. М., 1940; Из истории Московской организации ВКП(б) (1894—1904 гг.). М., 1947 (автор — Ю. З. Полевой — на титуле не указан); *Васин И.* Социал-демократическое движение в Москве (1883—1901 гг.). М., 1955; *Василенко К. С.* Московский «Рабочий союз». М., 1957; *Наганегян Г. А.* В. И. Ленин и первая московская марксистская организация «Рабочий союз» (1893—1895). — МГПИ: Труды кафедры истории КПСС. М., 1960, с. 3—58; *Санбуров В. И.* К истории создания и деятельности Московского «Рабочего союза». — Вопросы истории КПСС, 1969, № 1, с. 69—77; *Угаров И. Ф.* В. И. Ленин и московская социал-демократическая организация в 90-х годах XIX в. — Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1970, т. 27, с. 308—332; Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 1. 1883—ноябрь 1917. М., 1979, с. 19—48; *Санбуров В. И.* Путь испытаний и борьбы: К вопросу о роли передового отряда рабочего класса в революционном движении. М., 1971, с. 81—145; *Он же.* Московский

Проведенные исследования показали, что за четыре года своего существования Московский «Рабочий союз» подвергался жестоким полицейским преследованиям, но проявил при этом упорную жизнестойкость. В результате полицейских погромов неоднократно менялся его руководящий состав, на смену одним борцам за рабочее дело приходили другие, но общая линия его деятельности по соединению социализма с рабочим движением, намеченная при основании «Рабочего союза» под непосредственным влиянием В. И. Ленина, не менялась. Она затухала на короткое время после очередных арестов руководителей и снова возобновлялась. Когда во главе «Союза» становились другие люди, причем эти периоды затухания иногда почти не были заметны, ибо новые руководители начинали революционную работу вместе или параллельно со старыми. Как отмечал один из организаторов и первых руководителей «Союза» — С. И. Мицкевич, с момента его создания «началась в Москве организованная марксистская революционная работа среди рабочих. С этого времени, вплоть до Февральской революции 1917 г., не прекращалась эта подпольная революционная марксистская работа. Сколько ни было провалов, как ни старалась полиция вырвать с корнем эту организацию, но ей это не удавалось никогда: после провалов разорванная цепочка немедленно восстанавливалась. Борьба временами затихала и глубоко уходила в подполье, но никогда не прерывалась совсем»².

К сожалению, эта преемственность и непрерывность работы Московского «Рабочего союза» не всегда четко прослеживаются в литературе, причем многие исследователи прямо утверждают, что после очередного ареста руководящего состава организации новым ее руководителям приходилось все начинать сначала. Складывается впечатление, что они отождествляют само понятие «Рабочий союз» только с его руководящим составом и ограничивают тем самым его численность, как бы забывая о том, что основную массу членов организации составляли распропагандированные рабочие фабрик и заводов, в большинстве своем не подвергавшиеся арестам и продолжавшие революционную деятельность. Причина же этого в свою очередь заключается в том, что до сих пор еще мало изучены и не раскрыты достаточно глубоко связи руководителей «Рабочего союза» с рабочими фабрик и заводов, степень охвата последних социал-демократической агитацией и пропагандой, участие их в революционной деятельности. В большинстве работ по истории «Союза» перечисляется, в сущности, один и тот же небольшой круг передовых рабочих в 10—15 человек, хотя почти во всех из них декларируется и подчеркивается, что это была действительно рабочая социал-демократическая организация. Справедливость этого утверждения не подлежит сомнению, так как только в двух выпусках библиографического словаря

«Рабочий союз»: У истоков пролетарской борьбы. М., 1978; В. И. Ленин и «Союзы борьбы». М., 1978, и др.

² Мицкевич С. И. Указ. соч., с. 148—149.

«Деятели революционного движения в России. Социал-демократы 1880—1904 гг.» (М., 1931, 1933), охватывающих лишь фамилии на буквы А—Г, указано около 40 рабочих, привлекавшихся к дознаниям по делам Московского «Рабочего союза» или участвовавших в социал-демократических кружках второй половины 90-х годов. В списках же арестованных и привлекавшихся к дознаниям по делам «Союза» значатся десятки рабочих различных фабрик и заводов. До сих пор не проведен анализ профессионального и половозрастного состава рабочих — членов «Союза».

Нуждается в дальнейшем исследовании и вопрос об идейно-теоретическом уровне деятельности «Рабочего союза» и его руководящих составов применительно ко всему периоду его существования, в частности о тенденциях «экономизма» в деятельности «Союза» и отдельных его руководителей. Для этого необходимо провести глубокий качественный анализ агитационно-пропагандистской литературы, издававшейся московскими социал-демократами в 90-х годах. К настоящему времени лишь в книге документированных мемуаров С. И. Мицкевича идеологии первого руководящего состава «Рабочего союза» посвящена специальная глава с анализом издававшейся и распространявшейся им литературы, в других же работах этот анализ подменяется, как правило, самыми общими оценками и цитированием листовок в виде отдельных иллюстраций к общим положениям. Нет до сих пор и количественного анализа этой литературы, динамики ее выпуска и распространения.

Наконец, если взять все упомянутые выше работы по истории Московского «Рабочего союза», то можно обнаружить разницей в определении числа его руководящих составов и их участников, причем разные исследователи называют среди последних различные имена, когда речь идет об одном и том же составе, перечисляют одних и совсем не упоминают других (и наоборот) и т. д. и т. п. Изложение истории «Рабочего союза», как правило, неоправданно обрывается 1897 г. и не затрагивает деятельности Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», хотя это была, в сущности, та же организация, действовавшая под другим названием на том этапе истории русской социал-демократии, который В. И. Ленин называл периодом «детства и отрочества» и который охватывал 1894—1898 гг., закончившись I съездом РСДРП³. Причина незавершенности исследования деятельности Московского «Рабочего союза» заключается в том, что в основе всех работ по его истории лежит узкая источниковая база, ограниченная, как правило, лишь опубликованными, главным образом мемуарными, материалами. А так как мемуары посвящены в основном деятельности предшественников и первого руководящего состава «Союза», то, естественно, и история их оказалась наиболее исследованной. Как это ни покажется удивительным, но в литературе почти совершенно не использованы богатейшие материалы много-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

томных судебно-жандармских дознаний по делам «Союза», хранящихся в архивах. Более того, даже опубликованные в сборниках документов «Рабочее движение в России в XIX в.» материалы по истории «Союза» привлекались в научных исследованиях крайне редко и далеко не полностью. Как правило, в этих исследованиях мы не находим характеристики использованных источников, одни авторы вообще не указывают их, другие же ограничиваются лишь глухими ссылками на архивные документы, которые были уже опубликованы, и т. д. и т. п. Отсутствие историко-ведческой разработки проблемы, безусловно, мешает ее исследованию вообще.

В настоящей статье предпринимается попытка дать обзор и оценку имеющегося комплекса источников по истории Московского «Рабочего союза»⁴. По происхождению эти источники делятся на две группы: 1) материалы самого «Союза» и его членов (отчеты, агитационно-пропагандистские листовки и брошюры, автобиографии и мемуары); 2) материалы царских полицейско-жандармских и судебно-административных органов (дознания по делам «Союза», их обзоры, различные донесения, отчеты, переписка и т. п.). Особняком стоят историографические источники по проблеме, в которых использованы материалы двух первых групп (работы по истории «Союза», ставшие библиографической редкостью). В таком порядке ниже и будет дана их общая характеристика и оценка.

Материалы первой группы почти все опубликованы, а некоторые из них неоднократно.

Уже в период деятельности Московского «Рабочего союза» по инициативе В. И. Ленина в Женеве «Союзом русских социал-демократов» издавался неперіодический сборник «Работник», в котором под заголовком «Рабочее движение в Москве» (1897, № 3/4) был опубликован отчет Центрального комитета Московского «Рабочего союза» о работе последнего с момента его создания (1894 г.) по январь 1897 г. включительно. Сведений об авторах этого отчета обнаружить, к сожалению, не удалось, но, судя по

⁴ Для удобства дальнейшего изложения приведем перечень руководящих составов «Союза», известных по литературе и источникам. Первым из них была группа интеллигентов и рабочих, в которую входили С. П. Мицкевич, А. Н. и П. И. Винокуровы, М. Н. Мандельштам, Е. И. Спонтти, С. И. Прокофьев и др. Она была арестована в три приема (С. П. Мицкевич и А. Н. Винокуров — 3 декабря 1894 г., остальные — в июне—августе 1895 г.), и на смену ей пришла большая группа, состоявшая из В. Д. Бонч-Бруевича, М. Ф. Владимирского, Н. М., В. М. и К. М. Величкиных, П. Н. Колокольникова, Л. Н. Рума, Б. М. Кварцева и др. Группа действовала до июля 1896 г. Третьей была группа А. Н. Орлова—Л. П. Радина (арестована в ноябре 1896 г.), четвертой — С. А. Озерова—К. Н. Батурина (арестована в декабре 1896 г.), пятой — В. В. Воробского—И. С. Бабаджана (арестована в апреле 1897 г.), шестой — П. Ф. Дубровинского—Д. П. Ульянова (арестована в декабре 1897 г.), седьмой (Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса») — А. А. и В. А. Ванновских, Н. Цюрупы и др. (арестована в марте 1898 г.).

его конечным хронологическим рамкам, можно предположить, что он был составлен группой Воровского—Бабаджана и не без помощи людей, хорошо осведомленных о предшествующем периоде социал-демократического и рабочего движения в Москве (скорее всего, это был П. Н. Колокольников, находившийся в это время на свободе и связанный с указанной группой). Правда, не все этапы этого движения отражены в отчете равноценно. Так, ничего не сказано в нем о предшественниках «Рабочего союза», довольно скупо освещена деятельность его первого руководящего состава. По конспиративным причинам в отчете почти не упоминаются деятели «Союза», за исключением С. И. Мицкевича и семерых арестованных в ходе забастовки рабочих завода Доброва и Набгольда, но зато в нем приводятся ценные цифровые данные о числе членов организации и охваченных ее деятельностью предприятий, о количестве выпущенных «Союзом» воззваний и листовок, сведения о степени их распространения и влияния на рабочие массы, о фактах забастовок и выдвинутых рабочими требованиях, о роли членов «Союза» в организации и руководстве забастовками и т. д. Отчет отражает преемственность в деятельности руководящих составов «Союза», характеризует рост, расширение, тесную связь и взаимовлияние социал-демократического и рабочего движения, которое со времени маевки 1895 г., по словам отчета, «приняло настолько широкий характер, что ни многочисленные аресты, ни преследования сознательных рабочих со стороны фабричной администрации — одним словом, ничто уже не может его заглушить»⁵.

Следующим по времени составления документом отчетного характера был «Доклад о московском социал-демократическом движении», сделанный Н. Э. Бауманом II съезду РСДРП. Доклады местных комитетов РСДРП II съезду партии были составлены по разработанному В. И. Лениным примерному списку вопросов⁶.

В. И. Ленин подчеркивал, что «доклады желательны по всем отраслям с.-д. работы» и охватывали бы не только период между первым и вторым съездами партии, но и более ранний период. С этой целью он рекомендовал привлекать к их составлению как действовавших, так и бывших членов организации, которые находились в ссылке или за границей. Он советовал также при составлении докладов широко использовать партийную литературу и воспоминания бывших работников местных организаций⁷.

Сравнивая доклад Н. Э. Баумана с выдвинутыми В. И. Лениным вопросами, можно увидеть, что доклад отвечал далеко не на все из них и акцентировал внимание главным образом на истории

⁵ Рабочее движение в России в XIX в.: Сб. документов и материалов. Т. IV. 1895—1900, ч. I. 1895—1897 (далее: Рабочее движение, IV—I). М., 1961, с. 397. Кроме этого сборника, отчет был опубликован в кн.: Первый съезд РСДРП: Документы и материалы. М., 1958, с. 139—165.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 74—82.

⁷ Там же, с. 72.

и состоянии социал-демократического движения в Москве. Однако и история в докладе представлена явно не полно и не всегда точно, так как, по словам самого Баумана, при его составлении «не удалось добиться соответствующих сообщений от деятелей различных периодов... Обстоятельства заставили нас ограничиться очень незначительным материалом, имеющимся в нелегальной литературе («Работник», «Рабочее дело» и «Искра»), несколькими письмами и личными наблюдениями»⁸. Эти-то обстоятельства и привели к тому, что, как писал Бауман, «далеко не блестящая картина социал-демократического движения в Москве, быть может, в нашем изложении представится еще более жалкой, чем это есть в действительности»⁹. Хотя картина, нарисованная в докладе, и не выглядит слишком уж «жалкой», она и не блестяща. Мрачные краски в ней явно сгущены, и особенно яркой в этом отношении является та часть доклада, которая посвящена «зубатовщине» и связанным с ней провалам, предательству и провокаторству в среде московских рабочих и социал-демократов.

На эту сторону доклада обратили внимание его первые издатели в 1930 г. Н. Ангарский в предисловии «От редакции» писал: «Первые шаги рабочего движения, говорит Бауман, не лишены были известного эффекта и что „было время, когда Москва не шла в хвосте других городов“. Этот период, по мнению Баумана, заканчивается 1896 годом. За 1897—1898 гг. он ничего не может отметить, кроме нескольких стачек в пользу сокращения рабочего времени. Что рабочее движение в эти годы (1897—1898) пошло на убыль по сравнению с его размахом в 1896 г. — это факт бесспорный, однако в истории московской социал-демократической организации необходимо отметить группу И. Ф. Дубровинского, которая после разгрома Союза в декабре 1896 г. стала во главе Московского рабочего союза и успешно руководила работой в течение года. Не упоминает Бауман и об организации осенью 1898 г. Московского социал-демократического комитета (М. Ф. Владимирский, А. И. Ульянова, П. Луначарский и др.)»¹⁰.

В «комментариях» к докладу, которые являются, в сущности, кратким изложением истории Московского «Рабочего союза», отмечалось, что «вне рамок доклада остается, не говоря уже о революционной работе различных организаций досоциал-демократического периода, также и вся подготовительная часть этого последнего — эпоха, когда это движение замыкалось в рамки небольших

⁸ Второй съезд РСДРП. Июль—август 1903 г.: Протоколы. М., 1959, с. 619.

⁹ Там же.

¹⁰ Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП (далее: Доклады...). М.; Л., 1930, с. 13—14. Н. Ангарский допустил ошибку, утверждая, что группа И. Ф. Дубровинского встала во главе «Союза» в декабре 1896 г. В действительности она возглавила «Союз» в середине 1897 г., после ареста группы Воровского—Бабаджана. Первый Московский комитет РСДРП был создан не осенью 1898 г., а в марте этого года (см.: Вопросы истории КПСС. 1973, № 10, с. 112—114).

интеллигентских кружков, только иногда, и притом совсем по-кустарнически, пытавшихся найти пути к рабочей массе»¹¹.

«Комментарии» дополняют и уточняют некоторые положения доклада Н. Э. Баумана с позиций достигнутого ко времени его издания уровня разработки истории Московской социал-демократической организации. Особый интерес представляет приводимый здесь перечень изданий Московского «Рабочего союза» за 1896—1897 гг., в котором названы не обнаруженные до сих пор некоторые листовки и брошюры.

В приложениях к докладу опубликована одна из пропагандистских брошюр «Союза» (неправильно названная воззванием) и его переписка с группой «Освобождение труда» и В. Д. Бонч-Бруевичем, находившимся за границей. Переписка состоит из одного письма П. Б. Аксельрода московским социал-демократам (весна 1896 г.), призывавшего их установить регулярные связи с международным социалистическим движением, и двух писем Московского «Рабочего союза»: В. Д. Бонч-Бруевичу по вопросу о его представительстве за границей от 27 января (8 февраля) 1897 г. и группе «Освобождение труда» о публикации отчета и других материалов «Союза» от 3(15) февраля 1897 г. Это — уникальная публикация документов «Союза» подобного рода, ибо других таких до сих пор не найдено¹².

Иначе обстоит дело с другими документами «Рабочего союза» — агитационно-пропагандистскими брошюрами, листовками и прокламациями. Публикация их началась уже в 20-х годах, но носила сначала случайный и разрозненный характер¹³ (печаталось, видимо, то, что попадалось на глаза), пока в 1930 г. не был издан тематический сборник, в который вошли почти вся агитационно-пропагандистская литература первого руководящего состава «Союза» и некоторые документы царских учреждений о его деятельности¹⁴. Сборник снабжен обстоятельной вступительной статьей С. И. Мицкевича, в которой дана характеристика и оценка издательской деятельности «Союза» в 1894—1895 гг., приводятся данные о количестве, способах размножения и тиражах изданий, их авторах, обстоятельствах написания и методах распространения литературы. Из помещенных в сборнике 26 на-

¹¹ Доклады..., с. 131.

¹² Доклады..., с. 140—155. Доклад Н. Э. Баумана был полностью опубликован также в книге: «Второй съезд РСДРП» (с. 619—639), но без комментариев и приложений, и в выдержках в сб.: Борьба за создание марксистской партии в России. Образование РСДРП. Возникновение большевизма (1894—1904 гг.): Документы и материалы. М., 1961, с. 349—360.

¹³ См., напр.: История РКП(б) в документах. Т. 1. 1883—1916. Л., 1926, с. 77—79; Милютин Н. П. Первые годы: Исторический очерк Московской организации девяностых годов XIX в. М., 1928 (приложение): Доклады..., с. 140—144 и др.

¹⁴ Литература Московского Рабочего союза: Материалы и документы/ Собраны и подготовлены к печати Н. П. Милютинной и С. И. Мицкевичем, Вступительная статья и примечания С. И. Мицкевича (далее: Литература МРС). М. 1930.

именований 11 — агитационные листовки и брошюры, 4 — стихотворения и басни, 7 — оригинальные пропагандистские брошюры и 4 брошюры — переработанные с иностранных изданий. Оригиналы трех листовок к моменту издания сборника не были найдены, они даются в изложении, записанном в делах полицейских дознаний. Из 7 оригинальных брошюр 6 написаны членами первого руководящего состава «Союза» и одна — «Стачки и их значение для рабочих» — второго. Как писал С. И. Мицкевич, в сборнике она была помещена потому, что «характеризует настроения рабочих масс в это время и как бы подводит итог двухлетней работы первой организации среди московских рабочих»¹⁵.

Отвечая на вопрос, вся ли агитационно-пропагандистская литература приводится в сборнике, С. И. Мицкевич писал: «М. Н. Лядов утверждает, что к 1 мая 1895 г. были изданы 4 листка, но пока найден только один»¹⁶. Был издан еще... листок по поводу стачки в 1895 г. в Ярославле. В своих воспоминаниях я упоминал еще о листке, изданном после архиерейского молебна на заводе Доброва и Набольца, где говорилось о классовом характере церкви. Были еще случаи издания листовок и брошюр отдельными рабочими из организации. Так, Е. И. Немчинов... сам писал и печатал на гектографе брошюры. Из дела о нем известно, что он написал брошюры „Темная вода“ и „Царская земля“, но найти их не удалось»¹⁷.

Таким образом, членами первого руководящего состава «Рабочего союза» было написано и переделано с иностранного более 30 наименований брошюр и листовок¹⁸. К сожалению, из последних были переизданы лишь 4 листовки и брошюра «Стачки и их значение для рабочих»¹⁹, так что сборник «Литература МРС», ставший библиографической редкостью, не утратил своего значения и поныне. На его страницах исследователь может найти такие брошюры, как «Рабочий день», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Рабочая революция», «Беседы по политической экономии» и др., которые распространялись не только в Москве, но и других городах и по которым постигали азбуку революционного учения сотни и тысячи первых борцов

¹⁵ Там же, с. 12.

¹⁶ В 1932 г. была опубликована еще одна первомайская листовка. См.: На заре рабочего движения в Москве: Воспоминания участников Московского Рабочего союза (1893—95 гг.) и документы. М., 1932, с. 218 (далее: На заре... М., 1932).

¹⁷ Литература МРС, с. 11.

¹⁸ Позднее С. И. Мицкевич еще раз отмечал: «К сожалению, из листовок этого времени найдены до сих пор далеко не все... Объясняется эта неполнота тем, что в это время у охраны не было еще агентуры на московских фабриках и некоторые листовки не попадали в руки полиции» (Мицкевич С. И. Революционная Москва, с. 165. В этой книге, кстати, опубликованы полностью две первые листовки «Рабочего союза» — «Разговор двух фабрикантов» (с. 162—163) и «Столковались у фабричного инспектора» (с. 255—256), приведенные в сб. «Литература МРС» в изложении).

¹⁹ Рабочее движение, IV—I, с. 56—59, 62—63, 69, 71—89.

за рабочее дело. Источниковедческое изучение их облегчается довольно подробным комментарием С. И. Мицкевича к каждому из помещенных в сборнике изданий.

До начала 60-х годов публикация агитационных брошюр и листовок «Союза» носила также спорадический характер²⁰, и только с выходом в свет последнего, IV тома серии документов «Рабочее движение в России в XIX в.» за 1895—1900 г. (в двух книгах) исследователи получили возможность изучить почти все из них. Всего здесь опубликовано, не считая листовок первого руководящего состава «Союза», 30 названий. Из них по датам выпуска и распространения 9 принадлежат второму руководящему составу «Союза», 8 — третьему, 2 — четвертому, 6 — пятому, 1 — шестому и 4 — седьмому (Московскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»). Если к этому числу приплюсовать 26 наименований агитационно-пропагандистской литературы, выпущенной первым руководящим составом и опубликованной в сборнике «Литература МРС», а также не найденные до сих пор 6 листовок и брошюр, о которых писал С. И. Мицкевич, и 3 листовки, упоминаемые в «комментариях» к докладу Н. Э. Баумана и выпущенные третьим, четвертым и пятым руководящими составами²¹, то общее количество наименований этой литературы составит около 65 (цифра для того времени довольно внушительная и ярко свидетельствующая о широком размахе агитационно-пропагандистской деятельности «Союза»).

Первые мемуары о создании и деятельности Московского «Рабочего союза» появились в «дни свобод», отвоеванных у царизма революцией 1905—1907 гг. В начале 1906 г. издательством «Колокол» в Москве был выпущен сборник «Текущий момент», посвященный вопросам революционного движения. Среди других статей в нем были опубликованы воспоминания С. И. Мицкевича «На заре рабочего движения в Москве». По словам автора, поводом к написанию этого «краткого очерка периода возникновения социал-демократического движения в Москве в 1893 и 1894 гг. по личным воспоминаниям» послужила брошюра Акимова «Очерк развития социал-демократии в России», почти совсем не говорящая о Москве и содержащая к тому же неправильные утверждения. Одним из них, по словам Мицкевича, было то, что «переход от пропаганды к агитации в Москве совершился в начале 1896 г., в то время как в действительности это произошло в конце 1893 г., и уж во всяком случае в начале 1894 г.»²². Всем последующим изложением С. И. Мицкевич доказывал правоту своего опровержения Акимову и рассказывал о возникновении и деятельности московских марксистских кружков в 1891—1893 гг.,

²⁰ См., напр.: Борьба классов, 1932, № 4, с. 124—125; Красный архив, 1939, № 2 (93), с. 141—142, 145—148, 152—153, 158—159; Большевицкая печать: Сб. материалов. Вып. 1. 1895—1903 гг. М., 1959, с. 25—26, и др.

²¹ Доклады..., с. 139.

²² Текущий момент. М., 1906, с. 1. Сборник имеет не сплошную пагинацию, а отдельную для каждой из его статей.

их борьбе с народниками, установлении и расширении связей с рабочими, образовании руководящего ядра будущего «Рабочего союза» — «шестерки» в сентябре 1893 г. и Центрального рабочего кружка в апреле 1894 г., наконец, о присвоении организации на маевке 1895 г. названия «Рабочий союз», о деятельности его руководителей вплоть до арестов в июне—августе 1895 г. В заключительной части своих воспоминаний Мицкевич очень кратко изложил дальнейшую историю «Рабочего союза», вернее, историю его провалов и зарождения так называемой «зубатовщины» в Москве.

По условиям конспирации Мицкевич, естественно, не называл фамилий активных участников «Союза» (за исключением умерших к моменту издания воспоминаний), обозначив их лишь инициалами, но в остальном приведенный им фактический материал достоверен. Дважды переизданные после Октябрьской революции (в 1919 г. — в несколько измененном виде, а в 1932 г. — почти без изменений, но без вводной и заключительной частей и с развернутыми примечаниями), эти воспоминания дали название двум сборникам мемуаров, документов и других материалов²³, а изложенная в них схема послужила основой для всех дальнейших исследований по истории Московского «Рабочего союза», обрастая деталями, фактами и именами. И с полным основанием их автор писал в примечании к изданию 1932 г.: «Позднейшее мое ознакомление с делом и другими воспоминаниями позволяет мне утверждать, что эти воспоминания точно воспроизводили события; следует иметь в виду при чтении их, что они были помещены в легальной печати, хотя этот сборник [«Текущий момент»] и был конфискован немедленно по выходе»²⁴.

Немало страниц было посвящено истории «Рабочего союза» и в вышедшей в 1906 г. в Петербурге книге другого видного его участника — М. Н. Лядова (Мандельштама) «История Российской социал-демократической рабочей партии». Переизданная в 1924 г. с немногими, по словам автора, «чисто фактическими поправками» под названием «Как начала складываться Российская коммунистическая партия (История Росс. соц.-дем. раб. партии)», эта книга основана как на воспоминаниях автора, так и на имевшихся в его распоряжении печатных источниках, в том числе на упомянутых выше отчете ЦК «Рабочего союза» в сборнике «Работник» и мемуарах С. И. Мицкевича.

В предисловии к изданию 1924 г. М. Н. Лядов писал, что в своей книге он стремился показать «не кто создавал, а как создавалась партия» и что с этой точки зрения работа не устарела и не утратила своего значения и к моменту ее переиздания²⁵.

²³ На заре рабочего движения в Москве. М., 1919 (далее: На заре... М., 1919); На заре... М., 1932.

²⁴ На заре... М., 1932, с. 9.

²⁵ Лядов М. Н. Как начала складываться Российская коммунистическая партия (История Росс. соц.-дем. раб. партии). М., 1924, с. 4. В дальнейшем книга цитируется по этому изданию.

Книга Лядова действительно является общим очерком того, «как создавалась партия», но, по словам самого автора, он при этом «более подробно» останавливался на истории Московской социал-демократической организации, потому что считал ее «самой типичной для первого периода социал-демократической работы. Движению в Москве особенно благоприятствовало то обстоятельство, что в течение трех лет работу здесь вела одна и та же группа интеллигентов и передовых рабочих. Эта группа начала свою деятельность с кружков и довела ее до широкой массовой агитации и попытки организовать всю поднятую агитацией массу. В том же духе велась работа и во всех остальных местах России. Правда, не всюду удавалось совершить весь путь, пройденный в эти годы Москвой, но намечен он был везде один и тот же: развить классовое сознание рабочих масс и организовать распропагандированных рабочих. Развитие социал-демократической мысли шло параллельно с ростом стихийного рабочего движения. Каждый из этих двух факторов влиял на другого и сам подвергался его воздействию»²⁶.

М. Н. Лядов более подробно, чем обо всех остальных, рассказывал об истории Московской организации, так как она была ему хорошо известна. Наиболее же яркой, действенной и показательной была деятельность Петербургской организации, руководимой В. И. Лениным. Впрочем, признание последнего обстоятельства автором мы находим буквально на следующей странице, когда он, подчеркнув рост сознательности рабочего движения под влиянием социал-демократии, писал: «Сознательное стачечное движение достигло своего апогея весной 1896 г., когда в Петербурге сразу, как один человек, забастовали около 40 тыс. рабочих и продержались свыше трех недель. Эти 40 тыс. рабочих выступили не только для того, чтобы улучшить свое *собственное* положение: в них уже есть сознание, что они борются за улучшение положения *всего* рабочего класса. И это сознание является несомненным результатом предыдущей работы социал-демократов». А в примечании к этому сказано, что руководил работой В. И. Ульянов, а работали Крупская, Радченко, Шелгунов, Бабушкин, Норинский, Фишер, Кржижановский, Ванеев, Запорожец и др.²⁷

В брошюре Лядова находим не только факты, известные по отчету ЦК Московского «Рабочего союза» и по мемуарам С. И. Мицкевича, но и гораздо более широкую картину событий во всей стране с развернутыми обобщениями и выводами автора. Его работа является не только мемуарным, но и историографическим источником по рассматриваемой проблеме.

До Октябрьской революции появились и первые воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича. 1 мая 1914 г. в газете «Путь правды» за подписью «Старый товарищ» была опубликована его статья «Пер-

²⁶ Там же, с. 109.

²⁷ Там же, с. 110.

вый русский мимеограф (Памяти Леонида Петровича Радина)», в которой рассказывалось об изобретении Радиным мимеографа летом 1895 г. В более развернутом виде эти воспоминания были трижды переизданы после Октября²⁸.

Известно, что победа Октябрьской революции явилась сильным толчком и стимулом для изучения и освещения истории рабочего и социал-демократического движения в нашей стране. Уже вскоре после победы Октября появились и воспоминания участников московского «Рабочего союза». Сначала они публиковались в газетах²⁹, а затем увидел свет и упомянутый выше сборник «На заре рабочего движения в Москве» (М., 1919), который, по мысли его составителей, являлся «попыткой собрать кое-какой сырой материал... не лишенный интереса для современного читателя и полезный для будущего историка партии» (с. 3). Сборник действительно получился интересным и полезным, так как в нем были помещены «Очерки истории Московской партийной организации» С. И. Мицкевича, воспоминания о Московском «Рабочем союзе» А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. Ф. Владимирского и С. И. Мураловой, статья В. В. Максакова «Пионеры социал-демократии в Москве», которая является, в сущности, публикацией некоторых листовок «Рабочего союза» и жандармско-полицейских документов, объединенных авторскими комментариями, и другие материалы. «Очерки» Мицкевича, по его собственному примечанию к ним, носили «характер личных воспоминаний», в которых он, «более подробно останавливаясь на первых шагах движения», совсем бегло очерчивал дальнейшие его этапы. По существу это были немного расширенные мемуары из сборника «Текущий момент», которые явились каркасом будущей фундаментальной книги автора «Революционная Москва». Воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. Ф. Владимирского и С. И. Мураловой были значительно уже по охвату событий и касались лишь отдельных сторон и фактов деятельности «Рабочего союза», когда во главе его стояли первый и второй руководящие составы. Эти воспоминания, так же как и документы из статьи В. В. Максакова, впоследствии неоднократно переиздавались³⁰.

Особенно интенсивно публикация мемуаров и других материалов по истории революционного движения в нашей стране развернулась после создания Истпарта при ЦК ВКП(б), Истпрофа ВЦСПС и их отделов на местах. В 20-х—начале 30-х годов в различных журналах и сборниках были опубликованы воспоми-

²⁸ Пролетарская революция, 1921, № 2, с. 167—180; *Бонч-Бруевич В. Д.* На заре революционной пролетарской борьбы. М., 1932, с. 35—55; *Он же.* Избр. произведения: В 3-х т. М., 1961. Т. 2.

²⁹ Правда, Известия ВЦИК, Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918, 22 октября.

³⁰ См., напр.: На заре... М., 1932, с. 153—155; Первый съезд РСДРП, с. 156—165; Борьба за создание марксистской партии в России... с. 94—99; Рабочее движение, IV—I, с. 56—59, 62—63, и др.

пания предшественников и многих участников Московского «Рабочего союза» — его руководителей и рядовых членов³¹. Издавались также их биографии и автобиографии, сборники и статьи, посвященные памяти умерших и погибших деятелей революции³².

Не все эти материалы, конечно, равноценны в научном отношении, но все они содержат те или иные, иногда даже уникальные, сведения и факты из истории «Рабочего союза». Безусловно, на первое по значению место среди этой литературы следует поставить сборник «На заре рабочего движения в Москве» (М., 1932), содержащий воспоминания всех участников руководящей группы первого состава и других членов «Союза». Как уже отмечалось, название сборнику дали воспоминания С. И. Мицкевича, перепечатанные здесь без изменений из сборника «Текущий момент» (правда, без вводной части и заключения). Материалы сборника хорошо прокомментированы как его составителем (С. И. Мицкевичем), так и самими мемуаристами, вносящими свои поправки и уточнения. Помимо воспоминаний, в сборнике содержатся также документы полиции о деятельности отдельных членов «Союза», отношение министра юстиции Муравьева министру внутренних дел «О тайном сообществе московских социал-демократов» и др. Материалы сборника позволяют восстановить в общих чертах историю «Рабочего союза» и его деятельность при первом руководящем составе.

Еще более цельную картину деятельности «Союза» мы находим в вышедшей в 1937 г. книге мемуаров С. И. Мицкевича «На грани двух эпох. От народничества к марксизму». С небольшими редакционными поправками, сокращениями и добавлениями, не имеющими принципиального значения, она составила

³¹ См., напр., воспоминания М. И. Бруснева (Пролетарская революция, 1923, № 2 (14)); С. И. Мицкевича (там же, а также в сб.: Путь к Октябрю. М., 1923, вып. 2); рабочих В. и Н. Смирновых, Г. Лапшина, А. Лапина, П. Ястребова, В. Жарова (Путь к Октябрю, вып. 2 и 3); З. Л. Лаврова (Каторга и ссылка, 1925, № 1 (14)); Ф. И. Бодрова (Старый большевик: Сб. № 1. М.; Л., 1930); В. Д. Бонч-Бруевича (Как мы учились марксизму. М., 1923; Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. М., 1927; На заре революционной пролетарской борьбы. М., 1932; На заре... М., 1932, и др.).

³² См., напр.: Братская могила: Биограф. словарь умерших и погибших членов Московской организации РКП, вып. 1—2. М., 1922—1923 (здесь помещены краткие биографии В. М. Вонч-Бруевич (Величковой), И. Ф. Дубровинского, П. С. Карпузи (Мокроусовой), Г. Н. Мандельштама); *Бонч-Бруевич В. Д.* На славном посту: Памяти В. В. Воровского. М., 1925; *Ганецкий Я. В. В.* Воровский: Биограф. очерк. М.; Л., 1925; *Конарский Ю.* (Мошинский И. Н.). Наши подпольщики (Л. П. Радий и И. Ф. Дубровинский). М.; Л., 1925; Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд., т. 41, ч. I—III (автобиографии А. Н. Винокурова, М. Ф. Владимировского, М. Н. Мандельштама (Лядова), С. И. Мицкевича, З. Л. Литвина (Седого); Лев Яковлевич Карпов: Сб. статей и воспоминаний. М.; Л., 1928; *Андреев В.* Товарищ Иннокентий (И. Ф. Дубровинский). Л., 1934, и др.

первую часть завершающих воспоминаний автора, опубликованных в 1940 г. в мемуарной серии издательства «Художественная литература» под названием «Революционная Москва. 1888—1905». Эта книга была результатом многолетней работы С. И. Мицкевича над историей Московского «Рабочего союза» и явилась своеобразным итогом всей мемуаристики, посвященной первой Московской социал-демократической организации. Своей документированностью и фундаментальностью книга выгодно отличается даже от многих последующих исследовательских работ, специально посвященных истории «Рабочего союза», и является первостепенным не только мемуарным, но и историографическим источником по нашей проблеме. В сущности, это историческая автобиография автора, который рисует свой путь революционера на широком фоне общественно-политической жизни России в конце XIX—начале XX в., рассказывает о тех, с кем ему пришлось встречаться и работать на революционном поприще, о фактах и событиях революционной жизни, подкрепляя свою память свидетельствами современников и участников этих событий, а также документами архивов.

Вторая группа источников по истории Московского «Рабочего союза» — документы различных учреждений самодержавия. Следует отметить, что с начала того или иного «дела о государственном преступлении» и до его завершения в архивах учреждений, занимавшихся им, откладывалось огромное количество документов, как правило дублировавших друг друга. Если, например, охранка посылала подлинники своих донесений, докладов, справок и т. п. в департамент полиции, то отпуски их оставались в ее делах, и наоборот, подлинники различных указаний, предписаний и других подобных документов департамента откладывались в делах охраны, а их отпуски — в материалах самого департамента и т. д. По истории Московского «Рабочего союза», например, мы находим отдельные документы и целые дела в фондах департамента полиции, Московского охранного отделения, Московской судебной палаты, московского генерал-губернатора, московского обер-полицмейстера и др.

Следует отметить, что так как департамент полиции сам непосредственно не вел дознаний по политическим делам, а лишь руководил деятельностью своих местных органов по этим вопросам, то и документы его фонда, хранящегося в ЦГАОР СССР, носят по преимуществу входящий и итоговый характер по тому или иному вопросу.

В фонде имеются специальные дела о слежке, арестах и дознаниях о членах всех руководящих составов Московского «Рабочего союза». Здесь донесения московского обер-полицмейстера и охранного отделения об обнаружении и наблюдении за деятельностью революционеров, о их встречах и связях с рабочими, о распространении нелегальной литературы, прокламаций, листовок и воззваний, о проведении сходок и собраний, предписания департамента об арестах этих революционеров и сообщения об их выполнении

с приложением списков арестованных лиц и перечнем отобранных у них вещей и документов.

После ареста членов той или иной революционной организации они передавались со всеми относящимися к их делу «вещественными доказательствами» и документами в Московское губернское жандармское управление (МГЖУ) для производства формального дознания, которое производилось жандармскими офицерами в присутствии лиц прокурорского надзора (исключением было лишь дознание по делу о втором руководящем составе Московского «Рабочего союза», которое вел сам начальник московской охраны Зубатов без прокурорского надзора).

В ходе жандармского дознания департамент полиции регулярно информировался о его результатах, причем присылались копии важнейших показаний обвиняемых, а после окончания дознания — и прокурорское заключение с предложением меры наказания.

По результатам дознания департаментом составлялись так называемые справки на обвиняемых, в которых фиксировались все важнейшие данные, входившие в состав их «преступления».

Подробные резюме по делам Московского «Рабочего союза» мы находим в издававшихся департаментом полиции для служебного пользования ежегодных объемистых «Обзорах важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по государственным преступлениям». В сущности, эти резюме являются заключением по результатам дознаний, и в них содержится картина образования и деятельности того или иного руководящего состава «Союза», как она вырисовывалась в ходе дознания. Здесь перечисляются и все привлекавшиеся к дознанию лица с указанием характера их революционной деятельности. Издание это является библиографической редкостью, а переизданы из него, к сожалению, лишь обзоры о деятельности первого и пятого руководящих составов «Союза»³³.

Картина и оценка деятельности Московского «Рабочего союза» более общего характера, чем в «Обзорах», содержатся в книге «1894—1905. Революционное движение в России в докладах министра Муравьева», выпущенной в Петербурге издательством «Летописец» в 1907 г., судя по дате в предисловии. Здесь были опубликованы «всеподданнейшие отчеты министра юстиции по делам о государственных преступлениях» за 1897—1900 гг. и «краткие обзоры противоправительственного движения в империи» за 1894—1905 гг., в которых наряду с общими данными о революционном движении в целом по стране приводятся и наиболее важные конкретные факты о деятельности отдельных революционных групп и организаций, в том числе и Московского «Рабочего союза».

³³ Литература МРС, с. 307—314; Рабочее движение, IV—1, с. 90—101, 654—658.

Однако для всестороннего освещения истории Московского «Рабочего союза» документов департамента полиции и докладов министра юстиции, безусловно, недостаточно, и необходимо привлекать материалы других фондов, среди которых одно из главных мест занимает фонд Московского охранного отделения, также хранящийся в ЦГАОР СССР.

Как департамент полиции стягивал и соединял в своих руках все нити политического розыска и борьбы с революционным движением по всей России, так Московское охранное отделение не только осуществляло эти функции в Москве и Московской губернии, но и являлось «районным отделением» центральной области и охватывало своей деятельностью 13 губерний. Документальные материалы охранки характеризуют весь процесс слежки за революционерами — с момента их обнаружения и до ареста. Здесь дневники наружного филерского наблюдения, устанавливающие пребывание и передвижение революционеров на протяжении многих месяцев, их встречи и т. д. Здесь же различные агентурные донесения о собраниях и сходках, о распространении нелегальной литературы и листовок, о связях революционеров с другими городами и заграницей, о месте нахождения средств и приспособлений для размножения и печатания агитационной и нелегальной литературы и т. д. и т. п. Эти документы позволяют восстановить многие детали деятельности социал-демократов до их ареста и, в частности, связь этой деятельности с происходившими забастовками рабочих.

Исходящие предписания и запросы департамента полиции, касающиеся деятельности социал-демократов, характеризуют реакцию царского правительства на расширение их связей и влияния среди рабочих, его тревогу перед растущим рабочим движением, показывают меры правительства по борьбе с рабочим и социал-демократическим движением в стране.

После ареста революционеров в фонде охранки отлагались отпуски документов, отсылаемых в департамент полиции и московскому генерал-губернатору, с сообщением о результатах обысков и арестов.

Во время производства жандармского дознания охранка информировалась о его результатах. Ей сообщались добытые во время дознания неизвестные ей сведения, а также делались запросы по ходу дознания о сообщении тех или иных сведений как об арестованных лицах, так и об оставшихся на свободе. Последних часто предписывалось арестовать для присоединения к производившемуся дознанию.

Наконец, большой интерес представляют специальные личные дела охранки почти на всех главнейших деятелей революционного движения. Формировались они главным образом из выписок и копий документов, характеризующих революционную деятельность поднадзорного с момента, когда он попадал в орбиту наблюдения охранки, и до того времени, когда он по каким-либо причинам выпадал из этой орбиты. По этим делам можно про-

следить почти все основные этапы революционной деятельности отдельных лиц за сравнительно продолжительный отрезок времени.

Кроме фондов центральных архивов, материалы по истории Московского «Рабочего союза» отложились также в фондах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИАМ). Так, в фонде канцелярии московского генерал-губернатора мы находим рапорты обер-полицмейстера и охранки о сходках рабочих с участием интеллигентов, о распространении нелегальной литературы и листовок среди рабочих, об обысках и арестах лиц, заподозренных или обвиненных в участии в революционном движении, с приложением списков арестованных и описей отобранных при аресте вещей и документов, о передаче арестованных в жандармское управление для производства о них дознания.

Дальнейшая судьба арестованных прослеживается по рапортам пачальника МГЖУ о начале дознания, по его же ведомостям о количестве дознаний с кратким изложением их сути и указанием числа обвиняемых и по сообщениям об окончании дознаний. Эти рапорты и ведомости показывают, сколько времени велось то пли иное дознание, как росло количество обвиняемых, и могут служить хорошими поисковыми данными к самим следственным делам, хранящимся в фонде Московской судебной палаты.

В целом документы этого фонда по нашей проблеме почти полностью дублируются подобными же документами департамента полиции и московской охранки.

Материалы фонда Московской судебной палаты (МСП) за 90-е годы XIX в. по интересующим нас вопросам касаются исключительно революционного движения в Москве. В них отражена деятельность не только Московского «Рабочего союза», но и предшествовавших ему некоторых кружков и групп народнического толка, переходного — от народничества к социал-демократизму — характера и социал-демократических. Материалы эти представляют собой объемистые, по несколько томов, подлинные дела жандармских дознаний и переписки прокурора МСП по ходу дознания. Достаточно, например, сказать, что по делу М. И. Бруснева, П. Кашинского, М. Егупова и др. имеется 5 томов жандармского дознания (должно быть 7, но 2 исчезли) и 3 тома переписки прокурора по этому делу. По делам же о всех руководящих составах Московского «Рабочего союза» с относящимися к ним отдельными делами о некоторых членах этого «Союза» в фонде МСП хранится 13 томов жандармского дознания и 10 томов переписки прокурора, причем сохранность их неполная, так как песколькоих томов не хватает.

По разновидностям документов все следственные дела однотипны. В томах жандармского дознания содержатся: постановления о начале дознания и о привлечении к нему отдельных лиц, протоколы обысков и постановления об арестах, сводки филер-

ских наблюдений за привлеченными к дознанию, описи предметов и документов, отобранных при аресте, протоколы допросов и очных ставок обвиняемых и свидетелей с собственноручными письменными показаниями обвиняемых и свидетелей, различная переписка по ходу дознания и т. п., т. е. все, относящееся к делу об обвинении того или иного лица или группы лиц.

Переписка прокурора МСП по ходу дознания в основном дублирует документы томов самого дознания. Заслуживают внимания заключения по результатам дознания с предложением мер наказания для обвиняемых, вынесенные им приговоры и переписка о их дальнейшей судьбе.

Документы судебно-следственных дел требуют самого тщательного и критического анализа при их использовании. Необходимо учитывать не только то, что жандармы и прокуроры при ведении следствия всеми способами стремились дать желательное им направление и во что бы то ни стало добиться нужных им результатов, но и то, что тактика поведения подследственных определялась в соответствии с пониманием каждым из них своего долга и чести революционера, товарища и человека. Большинство обвиняемых держалось на следствии твердо, отвечали только за самих себя, сообщая следователям лишь заведомо известные последним факты, всячески скрывая и запутывая истину и категорически отрицая свое участие в каком бы то ни было тайном сообществе, имеющем целью «ниспровергнуть существующий государственный порядок в России».

Однако менее политически и морально устойчивые из привлеченных к следствию иногда не выдерживали испытания тюремной «одиночкой» или не могли противостоять проискам жандармских следователей и прокуроров и давали «чистосердечные откровенные показания», рассказывая все, что знали. Более того («семья не без уroda»), находились среди обвиняемых прямые предатели или трусливые душонки, которые, спасая свою шкуру, сознательно выкладывали жандармам и прокурору не только все, что знали, но и то, что ненароком слышали или предполагали. Эти сознательные «откровенные показания» нужно отличать от вынужденных, но как к тем, так и к другим требуется крайне осторожный подход и тщательное сопоставление содержащихся в них сведений с другими документами и источниками.

Кроме следственных дел о революционных организациях, в фонде МСП заслуживают внимания дела переписки прокурора МСП с прокурором Московского окружного суда, жандармско-полицейскими органами и фабричными инспекторами о наиболее значительных стачках московских рабочих и о случаях распространения нелегальной литературы и агитационных социал-демократических листовок на предприятиях Москвы. Дублируя в целом документы полицейских архивов, эти дела в некоторых случаях открывают дополнительные интересные детали и факты тех или других событий рабочего и социал-демократического движения

в Москве, а также характеризуют реакцию судебных властей на эти события и меры наказания виновных.

Таков в самых общих чертах состав документальных материалов по рассматриваемой проблеме. После Великой Октябрьской социалистической революции издание документов царских органов суда и полиции по истории Московского «Рабочего союза» началось с упомянутой выше статьи В. В. Максакова в сборнике «На заре рабочего движения» (М., 1919). Однако систематического характера оно не носило³⁴ вплоть до выхода в свет серии «Рабочее движение в России в XIX веке», в четвертом томе которой (вып. 1 и 2) были помещены многие документы обобщающего типа. Кроме упомянутых двух «обзоров» по делам первого и пятого руководящих составов «Союза», здесь приведены извлечения из свода сведений департамента полиции и из отношения министра юстиции министру внутренних дел о деятельности второго руководящего состава, заключение прокурора Московской судебной палаты о результатах дознания по делу третьего руководящего состава, справка департамента полиции о революционной деятельности И. Ф. Дубровинского в Московском «Рабочем союзе» в 1897 г., донесение и. д. московского обер-полицейстера Д. Ф. Трепова в департамент полиции о деятельности Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и аресте его членов³⁵.

Все эти документы в целом дают внешнюю канву деятельности почти всех руководящих составов «Рабочего союза» (за исключением четвертого и шестого), однако для воссоздания ее полной картины и освещения роли всех членов «Союза» их недостаточно. Являясь продуктом творчества полицейских и судебных чинов разного ранга и положения по обобщению и анализу первичных документов, они интерпретируют события и факты с субъективной, классовой точки зрения на них того или иного автора, хотя на первый взгляд изложение этих событий и фактов выглядит беспристрастным и объективным. Использование этих документов возможно лишь в комплексе как с упомянутыми выше группами других источников, так и с историографическими источниками, среди которых по богатству фактического материала выделяются книги Л. П. Меньщикова³⁶.

Однако прежде чем говорить о книгах, несколько слов о их авторе. Арестованный в 1887 г. по доносу провокатора за участие в студенческих кружках, он дал жандармам «откровенные показания», был освобожден и даже принят на службу в Московское

³⁴ Отдельные документы, как уже отмечалось, были опубликованы в сб.: Литература МРС; На заре... М., 1932; Красный архив, 1939, № 2 (93), и др.

³⁵ Рабочее движение, IV—1, с. 362—363, 388—396, 662—663; IV—2, с. 61—66.

³⁶ Меньщиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. I. 1885—1898 гг. М., 1925; Ч. II, вып. 1. 1898—1903 гг. М., 1928; Ч. II, вып. 2. М., 1929; Ч. III. М., 1932.

охранное отделение. По словам самого Меньщикова, поступая в охранку, он преследовал особую цель. Разбираясь в обстоятельствах своего ареста, он пришел к выводу, что неудача революционеров часто обуславливается их полным незнанием тех приемов, которыми владеет их противник. Меньщиков и проник в охранку, чтобы изучить ее приемы и методы борьбы с революционерами, а затем разоблачить их. Сейчас трудно установить, прав ли был Меньщиков, объясняя мотивы своего появления в охранке, да это и не так важно. В результате почти 20-летней службы, сначала в московской охранке, а затем в Особом отделе департамента полиции, он собрал огромный материал о деятельности «святая святых» политического сыска русского самодержавия и, уехав в 1909 г. за границу, разоблачил десятки крупных и мелких провокаторов и предателей, действовавших в рядах революционных организаций. Среди них оказалась и знаменитая «дама-туз» московской охранки — А. Е. Серебрякова, почти четверть века подвизавшаяся на поприще провокации и предательства. Она выдала охранке не одну революционную организацию и десятки их членов, в числе которых были и участники Московского «Рабочего союза». Разоблачения Меньщикова были подобны взрыву бомбы в лагере жандармов и охранников и вместе с тем оказали большую услугу революционному движению в России.

Говоря о целях, задачах и характере своей книги и об источниках, легших в ее основу, Меньщиков в предисловии к ней писал:

«В настоящей моей работе я вовсе не задаюсь целью изложить историю революционных организаций, существовавших в России; моя книга имеет в виду более скромную задачу: дать необходимый материал для будущего историка, который займется вышеупомянутой темой.

Настоящие очерки основаны главным образом на моих личных воспоминаниях и на документах, которые во времена самодержавия были секретными, но к которым я, в силу своего особого служебного положения, имел свободный доступ.

Прошлое русского освободительного движения было скрыто под двойной печатью запрета: с одной стороны, оборонительные конспирации революционных партий, загнанных в подполье; с другой — секреты охранной полиции царского правительства; перипетии борьбы этих двух сил, происходившей под знаком тайны, и составляют материальную ткань истории русского революционного движения.

Особенное происхождение данных, легших в основу настоящей книги, невольно придает ей специфический характер: мои очерки трактуют предмет исключительно в плоскости репрессивной деятельности так называемой „охраны“; они приподнимают завесу лишь с одного конца, показывают предмет с его тыловой стороны. Люди, принимавшие прямое, непосредственное участие в революционной борьбе, могут осветить историю последней в отношении внутреннего содержания, идейной ее сути; в их

воспоминаниях, надеюсь, историк найдет то, чего в моей книге не будет хватать...

Я буду рассказывать о жизни революционных организаций, кружков и начинаний, поскольку она выявилась в свете розыскных операций охраны. Мой рассказ коснется главным образом тех политических „дел“, относительно которых я наиболее осведомлен, которые протекали в поле моего наблюдения и к которым я имел то или иное личное касательство»³⁷.

В силу того что Меньщиков занимал в московской охране и департаменте полиции довольно высокое положение (чиновник для особых поручений), он был «осведомлен» и имел «личное касательство» ко многим «делам». Книга его «приподнимает завесу с тыловой стороны» истории многих революционных организаций, в том числе и Московского «Рабочего союза». В ней не только показаны постановка политического сыска, насаждение провокации в среде революционеров и причины провала их организаций, но и дана характеристика деятельности этих организаций и их участников, приводятся данные о выпуске нелегальной литературы, прокламаций и листовок, о степени охвата агитацией и пропагандой рабочих, об участии последних в революционном движении и т. д. и т. п. Ко всему прочему следует отметить, что написана книга хорошим литературным языком, материал подан так, что читается она как детектив.

По характеру материала к книгам Меньщикова примыкают и две книжки И. В. Алексеева, вышедшие в те же годы³⁸. Более того, во второй из них широко использованы данные Меньщикова, касающиеся деятельности Серебряковой, которая продолжала спокойно жить и после разоблачения ее Меньщиковым в 1909 г. Лишь в 1926 г. над Серебряковой состоялся судебный процесс, в ходе которого была вскрыта ее провокационная деятельность.

И. В. Алексеев, бывший следователем Московского губернского суда и ведший дело Серебряковой, в первой книжке опубликовал обвинительное заключение и материалы (главным образом показания свидетелей) по этому делу, а спустя семь лет выпустил вторую книгу, в которой на основе этих и других материалов подробно описал биографию Серебряковой, обстоятельства ее вербовки московской охранкой. Провалы Московского «Рабочего союза», естественно, не обошлись без ее прямого участия, и в книгах И. В. Алексеева мы находим немало сведений об этом, а попутно и о деятельности «Союза» и его членов. Удивительно, что в работах по истории «Союза» почти совсем не встречаются ссылки на книги И. В. Алексеева и Л. П. Меньщикова.

³⁷ Там же, ч. I, с. 11—13.

³⁸ *Алексеев И. В.* История одного провокатора: Обвинительное заключение и материалы к процессу А. Е. Серебряковой/ С предисловием А. В. Луначарского. М., 1925; *Он же.* Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932.

Примером таких работ явилась брошюра Н. Милютиной, в которой была предпринята попытка дать очерк истории «Рабочего союза», включая и период деятельности Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»³⁹. Брошюра была основана на мемуарах (правда, ссылок на них нет) и документах архивов, многие из которых вводились в научный оборот впервые.

Кроме брошюры Н. Милютиной, в конце 20-х—начале 30-х годов увидели свет две книжки по истории районных партийных организаций Москвы, в которых освещался и период деятельности «Рабочего союза»⁴⁰. Они интересны тем, что более подробно и детально, чем в общих работах, показывают связи «Союза» с предприятиями и их рабочими на территории районов, характеризуют размах революционного движения на этих предприятиях и роль «Союза» в организации и руководстве движением. Написаны эти книги по воспоминаниям участников движения, архивным документам и общим работам.

Своеобразным итогом изучения истории Московского «Рабочего союза» в довоенные годы явилась книга С. И. Мицкевича «Революционная Москва», о которой говорилось выше. Послевоенная литература широко доступна, и здесь, на мой взгляд, достаточно ее перечисления в начале статьи.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что имеющийся комплекс источников вполне достаточен, чтобы всесторонне осветить историю Московского «Рабочего союза».

³⁹ Милютина Н. Первые годы: Исторический очерк Московской организации девяностых годов XIX в.

⁴⁰ См.: Очерки по истории революционного движения и большевистской организации в Бауманском районе. М.; Л., 1928; Терехов П. Г. История Пролетарской большевистской организации (бывш. Рогожско-Симоновской). 1894—1905. М.; Л., 1931.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ, СОДЕРЖАНИИ И СОХРАННОСТИ ДОКУМЕНТОВ АКЦИОНЕРНЫХ КОМПАНИЙ

А. Г. Голиков

В последние годы в советской исторической литературе заметно повысился интерес к источниковедческому исследованию комплексов делопроизводственных документов, характеризующих важные процессы социально-экономической истории России периода капитализма и империализма¹. Ряд работ посвящен специальному изучению комплексов документов частнокапиталистических предприятий, действовавших в форме акционерных компаний².

Колоссальный объем документальных материалов акционерных компаний (как общего числа сохранившихся архивных фон-

¹ См.: *Шепелев Л. Е.* Изучение делопроизводственных документов XIX—XX вв. — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. 1.* Л., 1968; *Он же.* Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX—начала XX в. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* 1975. М., 1976; *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания по обороне государства: Источниковедческое исследование. М., 1975, Введение; *Она же.* Некоторые итоги и задачи источниковедческого изучения исторических источников по истории СССР второй половины XIX—начала XX в. — *История СССР*, 1979, № 5.

² См.: *Шепелев Л. Е.* Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России в конце XIX—начале XX в. и их архивные фонды. — *Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР*, 1958, № 10; *Он же.* Архивные фонды акционерных коммерческих банков. — В кн.: *Проблемы источниковедения.* М., 1959. Т. VII; *Голиков А. Г.* Регулирование делопроизводства российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий (общее законодательство). — *Вестник МГУ.* Сер. 9. *История*, 1972, № 4; *Наумова Г. Р.* Делопроизводственные документы российских синдикатов. — *Вопросы истории*, 1976, № 10; *Голиков А. Г., Наумова Г. Р.* Источники по истории акционирования промышленности. — В кн.: *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма.* М., 1979; *Бовыкин В. И., Наумова Г. Р.* Источники по истории монополий и финансового капитала. — Там же; *Антонова С. И., Алияров С. Я., Голиков А. Г., Кирьянов Ю. И., Мейерович М. Г.* Источники о численности, составе и положении рабочего класса. — Там же. Опубликованы исследования, посвященные отдельным видам документов акционерных компаний: *Гиндин И. Ф.* Балансы акционерных предприятий как исторический источник. — В кн.: *Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв.* М., 1964; *Шепелев Л. Е.* Законодательные акты акционерного учредительства. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* М., 1973. Вып. 1, и др.

дов — свыше тысячи, так и объем отдельных фондов — до нескольких десятков тысяч единиц хранения), сложность и специфичность их состава (значительную часть сохранившихся фондов компаний составляют документы специальных систем делопроизводства — бухгалтерской, коммерческой и т. п.) требуют разработки принципов изучения данного документального комплекса.

Общность организационной структуры и условий деятельности акционерных предприятий способствовала выработке единых требований к составу и правилам ведения их важнейшей документации. Это обусловило возникновение разного рода нормативных документов: законодательных актов, внутренних инструкций компаний, различных пособий и руководств. Но реальная жизнь была богаче, разнообразнее, сложнее, чем требования нормативов. Об этом свидетельствуют архивные фонды компаний. Однако их современное состояние, к сожалению, не всегда дает возможность представить первоначальный состав документальных материалов компаний.

В настоящей статье рассматриваются два вопроса:

- 1) регламентация делопроизводства акционерных компаний и особенности его ведения в ряде обществ;
- 2) исторические судьбы архивов акционерных компаний и их современное состояние.

Тяжеловесность механизма и чрезмерная централизация государственной машины царской России, при которых правительство постоянно испытывало, по словам В. И. Ленина, «необходимость самому... сунуть во все свой нос», в результате чего «пустяшное изменение устава какого-нибудь товарищества или продление срока для оплаты его акций составляют предмет особых узаконений»³, обусловили подробнейшую регламентацию организации и правил ведения их делопроизводства. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции общий порядок учреждения и деятельности акционерных предприятий определялся законом от 6 декабря 1836 г.⁴, в который вносились некоторые изменения и дополнения.

Первым обязательным элементом делопроизводства акционерной компании являлся ее устав⁵. В законе было прямо указано на то, «что ни одна компания на акциях не может быть учреждаема без особого разрешения правительства»⁶.

Специальная статья⁷ подробно перечисляла вопросы, ответы на которые должен был содержать устав каждой вновь учреж-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 425.

⁴ О товариществах по участкам или компаниях на акциях. — Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), II, т. 11, ст. 9763; Свод законов Российской империи (СЗ). СПб., 1857. Т. X, ч. 1. Свод законов гражданских, ст. 2139—2198. Последний раз этот том «Свода законов» был перевыдан в 1914 г.

⁵ Для иностранных компаний, допущенных к ведению операций в империи, актом, заменяющим устав, являлись «условия деятельности».

⁶ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2140.

⁷ Там же, ст. 2191.

давшейся компании: цель образования компании; ее точное наименование и местонахождение правления; капитал компании, количество и номинальная цена акций; обязанности, права и ответственность компании и акционеров; порядок отчетности компании; порядок распределения дивиденда и составления запасного капитала; порядок управления делами компании, организация, функции и права правления и общего собрания акционеров, вознаграждение директорам; порядок разбора споров, закрытия компании, ее ликвидации, а также «все прочие условия, которые по особому свойству предприятия будут нужны».

Хотя законом не был установлен формуляр устава, практика акционерного учредительства выработала единую его форму. Обычно параграфы устава акционерных предприятий объединялись следующими шестью разделами: 1) цель учреждения общества, права и обязанности его; 2) основной капитал общества, акции, права и обязанности их владельцев, облигации; 3) правление общества, права и обязанности его; 4) отчетность по делам общества, распределение прибыли и выдача дивиденда; 5) общие собрания акционеров; 6) разбор споров по делам общества, ответственность и прекращение его действий.

Дата утверждения устава компании считалась официальной датой ее основания. Однако практически компания могла быть признана состоявшейся после сбора всего основного или складочного ее капитала⁸. Только после этого компания могла открыть свои действия. По оценке Л. Е. Шепелева, лишь около 60% учреждавшихся акционерных предприятий реализовывали свои капиталы и открывали действия⁹.

Законом разрешался «один только вид акций, именно: с точным значением в них лица получателя, званием или чином, именем, отчеством и фамилией»¹⁰. В связи с этим специальная статья содержала подробную регламентацию ведения двух шнуровых книг («одна — для записки акций и требований на оные, другая — для записки получаемых за акции денежных сумм») ¹¹. Получившая затем широкое распространение практика учреждения компаний с акциями на предъявителя не привела к отмене требования о ведении шнуровых книг. Напротив, это правило обязательно отмечалось в уставах вновь учреждавшихся компаний. Для компаний с акциями на предъявителя книги позволяют определить состав акционеров на время учреждения предприятия, а также на момент реализации последующих выпусков акций.

Высшим органом акционерной компании являлось общее собрание ее акционеров, порядок созыва и организация ведения

⁸ Там же, ст. 2154.

⁹ Шепелев Л. Е. Акционерная статистика в дореволюционной России. — В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962, с. 173.

¹⁰ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2160.

¹¹ Там же, ст. 2166.

которого определялись законом от 6 декабря 1836 г. В начале XX в. законодательная регламентация этих вопросов получила дальнейшее развитие в принятых 21 декабря 1901 г. в виде приложения к ст. 2158, прим. 1¹², «Временных правил» о созыве общих собраний и деятельности ревизионных комиссий. В них подробно перечислялись также обязательные документы этих органов компаний, важнейшими среди которых были следующие:

1. Список акционеров, представивших акции к собранию (с указанием их номеров). Аналогичным образом составлялся список акционеров, присутствовавших на собрании.

2. Протокол собрания. В нем должны были содержаться сведения о времени собрания, его председателе и избранном для ведения протокола секретаре, о количестве явившихся на собрание акционеров, о числе представленных ими акций (лично и по доверенности) и полученных в соответствии с этим количеством голосов на собрании, об обсуждавшихся вопросах и результатах голосования по каждому из них, а также об особых мнениях, высказанных отдельными акционерами. Протокол заверялся председателем собрания и не менее чем тремя акционерами.

3. Доклад правления собранию. Как правило, этот доклад к обыкновенному общему собранию акционеров включал основные сведения о деятельности предприятия за истекший операционный год: об общем отпуске изделий, отпуске изделий по отделам и прибылях (в сравнении с предыдущим операционным годом) с анализом происшедших в них изменений, о дивиденде, а также оценку состояния предприятия на данный момент, прогнозы на текущий год (характеристика имеющихся заказов и обоснование предполагавшихся расходов), сведения о выбывавших по истечении срока избрания директорах и кандидатах в директора правления и т. д.

4. Отчет об операциях общества и баланс его оборотов.

5. Протоколы заседаний ревизионной комиссии компаний.

Нормы общего акционерного законодательства дополнялись и корректировались уставами акционерных компаний. Уставы вследствие утверждения их верховной властью являлись сепаратными законодательными актами¹³. Согласно закону от 6 декабря 1836 г., уставы должны были содержать «подробности ... и дальнейшее приложение к свойству и потребностям предприятия» общих норм акционерного законодательства¹⁴. Фактически уставы более гибко, чем общее законодательство, отражали изменения, выработанные акционерной практикой. Это обстоятельство вынужден был отметить и общий закон. В примечании к ст. 2160

¹² Там же, ст. 2158.

¹³ О порядке выработки, утверждения и публикации уставов, их значении как сепаратных законодательных актов см. подробнее: *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 55—58; *Он же.* Законодательные акты акционерного учредительства, с. 297—317.

¹⁴ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2158.

«Свода законов» издания 1887 г. говорилось о допустимости отклонений от общего акционерного законодательства в уставах отдельных компаний.

Так, вопреки прямому указанию закона 1836 г. уставы акционерных компаний говорят не только об именных акциях, но и об акциях на предъявителя. Именно уставы, а не общий закон фактически определяли характер акций конкретной компании. В них приводилось подробное описание формуляра акций, определялись правила владения акциями и их передачи от одного владельца другому.

Если общее законодательство детально определяло вопросы созыва и проведения собрания акционеров, то регламентация деятельности правления компании, руководившего ее делами в период между собраниями, отражалась в уставах. Они же устанавливали количественный состав правления, сроки и порядок выборов его членов, круг обязанностей правления компании.

В компетенцию правления входили: прием денег за акции, выдача акций, уплата процентов, погашение облигаций, ведение в соответствии с коммерческими правилами бухгалтерии, кассы, письменодательства, составление отчета, баланса, сметы и плана действий, продажа материалов и товаров, наем складов, торговых и других помещений, страхование имущества общества, заключение от имени общества договоров и условий, прием и увольнение служащих общества, производство всех коммерческих оборотов, сношение с присутственными местами, выдача и принятие к платежу векселей и других срочных обязательств в пределах, установленных общим собранием, выдача доверенностей служащим общества, приобретение, отчуждение, отдача в аренду с разрешения общего собрания недвижимой собственности.

Вся работа правления отражалась в протоколах его заседаний, которые подписывались всеми присутствовавшими директорами правления. Порядок работы правления определялся специальной инструкцией, утверждавшейся и изменявшейся общим собранием акционеров.

Акционерная компания, помимо руководящих органов — общего собрания акционеров и правления, — имела как минимум, еще одно структурное подразделение — производственное или торговое предприятие (завод, фабрика, промысел, склад, магазин и т. д.). Кроме того, нередкая территориальная отдаленность правлений акционерных компаний от их производственных предприятий (например, правления большей части уральских предприятий находились в Петербурге) приводила к созданию промежуточных инстанций между ними — филиалов или местных контор, целью которых было руководство на основании инструкций и распоряжений правления отдельными производственными предприятиями компании (точнее, их управлениями), расположенными в данном районе. Такая структура акционерной компании определила одновременное складывание трех типов комплексов ее документальных материалов.

Если деятельность руководящих органов компаний регламентировалась специальным акционерным законодательством, то их производственные подразделения действовали на основании норм, установленных для каждой данной группы предприятий. Так, использование наемного труда в капиталистическом предприятии регламентировалось законодательными нормами, определявшими взаимоотношения предпринимателей и рабочих. Контроль за их соблюдением был возложен на фабричную инспекцию¹⁵. В связи с этим в делопроизводстве производственных предприятий российских акционерных торгово-промышленных компаний формировался определенный документальный комплекс.

По закону не позднее чем через 7 дней после поступления на предприятие каждому рабочему должна была быть выдана расчетная книжка утвержденного губернским или областным по фабричным и заводским делам присутствием образца¹⁶. В ней фиксировались имя, отчество и фамилия или прозвище рабочего, условия найма (срок найма, размер заработной платы, способ ее определения, сроки платежей), условия производимых вычетов (за пользование квартирой, баней и т. д.), записи заработка, денежные штрафы с указанием повода к их наложению, извлечения из положений закона и правил внутреннего распорядка, определявших права, обязанности и ответственность рабочих¹⁷. Расчетная книжка хранилась у рабочего, а после его увольнения оставалась в конторе фабрики.

Одновременно администрация вела книгу счетов с рабочими, или ресконтро рабочих¹⁸, в которую заносились заработанные и выданные рабочим суммы. Эта книга представляла собой копию таблиц и расчетных книжек рабочих. Обычно на каждый цех заводилась одна такая книга.

Кроме того, фабричное управление обязано было вести именной список (или паспортную книгу) рабочих¹⁹, куда в порядке очередности поступления рабочих на предприятие записывались сведения об их месте жительства, возрасте, о том, кем выдан вид на жительство.

Жизнь рабочих на фабрике регламентировалась правилами внутреннего распорядка. Они должны были содержать: «1) расписание (отдельное для взрослых и малолетних) часов начала и окончания работ, количество и продолжительность перерывов работ для отдыха, завтрака, обеда, а также времени окончания работ перед воскресными и праздничными днями; 2) расписание

¹⁵ СЗ, т. XI, ч. 2. СПб., 1913. Устав о промышленном труде, ст. 30, 34. Устав о промышленном труде был выделен в 1913 г. из Устава о промышленности (по изд. 1893 г.) и сводного продолжения 1912 г. постановления о надзоре за промышленными предприятиями и об условиях труда на них.

¹⁶ Там же, ст. 95, 96.

¹⁷ Там же, ст. 98.

¹⁸ Там же, ст. 54.

¹⁹ Там же, ст. 94.

праздников, в которые не полагается работа; 3) порядок и продолжительность отлучек с работы, а для рабочих, живущих в фабричных или заводских помещениях, и из сих помещений; 4) условия пользования устроенными для рабочих при фабрике квартирами, банями и т. д.; 5) указание времени чистки машин и аппаратов, а также уборки мастерских, если по условиям найма эти обязанности лежат на рабочих; 6) определение обязанностей рабочих по соблюдению порядка и благочиния на фабрике; 7) требования предосторожности при обращении с машинами, огнем и т. п.»²⁰.

Закон от 2 июня 1897 г. устанавливал 11,5-часовой рабочий день для дневных и 10-часовой — для ночных и смешанных смен²¹. При этом работы делились на проводимые в обычные урочные часы и на сверхурочные, т. е. такие, которые рабочий выполнял в часы, когда по правилам внутреннего распорядка ему не полагалось работать. В свою очередь сверхурочные работы подразделялись на обязательные (т. е. такие, которые оказывались технически необходимыми по условиям производства, — условия о выполнении таких сверхурочных работ могли быть включены в договор о найме) и необязательные, для проведения которых требовалось специальное соглашение между предпринимателем и рабочим²². Учет как урочных, так и сверхурочных работ велся в специальных книгах и табелях.

За неисправную работу, прогул, нарушение распорядка администрация имела право наложить на рабочего денежное взыскание, которое с указанием размера записывалось в специальный табель, утверждавшийся фабричной инспекцией. Одновременно взыскание должно было заноситься в расчетную книжку рабочего с указанием повода и размера и в шнуровую книгу денежных взысканий с рабочего²³.

По закону от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении потерпевших и их семейств за увечье и смерть в промышленных заведениях» при утрате в результате несчастного случая рабочим работоспособности более чем на 3 дня владелец предприятия обязан был выплачивать денежное вознаграждение самому рабочему, а в случае его смерти — его родным. Вознаграждение самих потерпевших производилось в виде пособия или пенсии, родным умершего — в виде пенсии²⁴.

Все случаи смерти и телесных повреждений записывались в особую книгу, где указывались также обязательства по вознаграждению потерпевшим и членам их семей. При книге хранились все необходимые документы, в том числе подлинные протоколы и медицинские свидетельства. Книга велась по единой форме и состояла из двух частей. Первая часть называлась

²⁰ Там же, ст. 103.

²¹ Там же, ст. 196, 197.

²² Там же, ст. 200.

²³ Там же, ст. 104—108, 111.

²⁴ Там же, ст. 541, 545, 551.

«Запись несчастных случаев и относящихся к нему документов», вторая — «Счета по уплате вознаграждения потерпевшим и членам их семейств». В первой части книги по каждому несчастному случаю указывались время, когда он произошел, фамилия (или прозвище), имя, отчество и звание или сословие, должность, возраст потерпевшего, что повреждено, где и при каких обстоятельствах произошел несчастный случай и его последствия, когда и кем составлен протокол. Если между владельцем предприятия и потерпевшим или членами его семьи достигалось соглашение о виде и размере вознаграждения, то в книге указывалась сущность этого соглашения со ссылкой на соответствующие документы. В книге обязательно отмечалось, застрахован ли рабочий, поскольку в этом случае не было необходимости в ведении второй части книги, так как денежную компенсацию брало на себя страховое общество. В конце давалась отсылка к листам второй части книги, на которых велся счет уплаты вознаграждения по этому несчастному случаю. В случае закрытия предприятия книга со всеми документами передавалась фабричному инспектору.

23 июня 1912 г. был подписан закон об обеспечении рабочих на случай болезни. По этому закону на каждом предприятии с числом рабочих не менее 200 учреждалась больничная касса (меньшие предприятия могли создавать одну общую кассу). Порядок делопроизводства и отчетности больничных касс определялся их уставами²⁵. Деятельность кассы отражалась в годовых отчетах, составлявшихся правлением кассы к итоговому общему собранию.

Важное место в системе делопроизводства акционерных компаний занимала переписка правления по руководству предприятием компании, сношениям с заказчиками и покупателями, с правительством и банками. Соответствующим образом удостоверенное письмо рассматривалось законодательством в качестве договора, обязательного для обеих сторон²⁶.

Был выработан определенный формуляр письма: бланк фирмы²⁷, дата (если один из корреспондентов находился за границей, то давалась двойная дата), адресат, внутренний адрес, обращение, содержание, подпись, отметка о приложениях к письму.

Вся переписка по делам общества велась от имени правления за подписью одного из директоров. Разные акты (векселя, дого-

²⁵ Там же, ст. 273—275, 281.

²⁶ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2138.

²⁷ Бланк фирмы включал в себя полное название предприятия с указанием его местонахождения, специальности, года основания, размера капитала, почтового и телеграфного адресов, номеров телефонов и текущих счетов в банках. Часто в бланк включалось изображение производственных предприятий фирмы, полученных на выставке наград (гербов, медалей) и т. д. Если письма в фирме нумеровались, то тут же отпечатывался знак №.

воры, доверенности и пр.), а также требования на обратное получение сумм общества из кредитных установлений подписывались не менее чем двумя директорами. Чеки по текущим счетам подписывались директором, специально уполномоченным на это правлением.

Как входящая, так и исходящая корреспонденция обязательно регистрировалась и хранилась (первая — в оригиналах, вторая — в копиях).

Для крупных капиталистических предприятий, какими являлись акционерные компании, характерно включение в систему их делопроизводства специальных систем документации. Документы бухгалтерии, делопроизводства по заказам, отчетности представлены в сохранившихся комплексах всех структурных подразделений компании.

Законодательство предусматривало обязательный для каждого торгово-промышленного предприятия состав «торговых книг»: мемориал или журнал для ежедневной записи всех оборотов; кассовая книга для подробной записи всех операций, связанных с приемом и выдачей денег; главная книга (или гроссбух); товарная книга для записи всех купленных, полученных, проданных и отправленных товаров с указанием их цен; расчетная книга (контокоррент и ресконтро) для открытия текущих счетов каждому должнику и заимодавцу; книга исходящих счетов на проданные товары; фактурная книга для записи фактур и счетов на проданные товары²⁸.

В России была принята двойная система счетоводства, предполагавшая запись каждой операции одновременно в двух корреспондирующих счетах — по дебету одного счета и по кредиту другого. На основе принципа двойного учета возник ряд счетоводческих форм, различающихся между собой составом и правилами ведения бухгалтерских книг.

Бухгалтерские книги делились на основные и вспомогательные. Основные отражали все основные обороты предприятия, вспомогательные — отдельные хозяйственные обороты, в них разрабатывались соответствующие счета основных книг, что позволяло вести последние более сжато. Записи во вспомогательных книгах более подробны, учет в них велся в отличие от основных книг не только в денежном, но и в натурально-количественном выражении.

Как правило, велись две основные бухгалтерские книги — журнал и главная. В первую из них (хронологическую) по каждой операции заносились сведения о времени совершения и содержании операции, названии счетов дебитора и кредитора, сумме операции, а также делалась ссылка на оправдательный документ. Однородные операции показывались в журнале суммарно, и в этом случае разбивка общей суммы по операциям производилась во вспомогательных книгах.

²⁸ СЗ, т. XI, ч. 2, 1903 г. Устав торговый, ст. 670.

После того как операции были проведены по журналу, они разносились по счетам главной книги, которые открывались основным операциям предприятия (в отличие от журнала главная книга, или просто Главная, являлась не хронологической, а систематической). В главной книге каждому счету отводились две страницы, составлявшие одно фолио. В каждый счет (в соответствующие его графы) заносились сведения о времени совершения операции, о том, какому счету дебетуется или за каким счетом кредитуется данная операция. Вместо объяснительного текста, как правило, делалась ссылка на номер журнальной статьи. Одновременно со ссылкой на номер журнальной статьи в счете главной книги журнала делалась ссылка на фолио названного счета главной книги.

Одновременно с фиксацией операций в бухгалтерских книгах они отражались в документации по исполнению заказов и отчетных документах компании.

Основная часть заказов поступала на завод через правление компании. Сведения о полученных заказах в порядке номеров поступления заказов заносились в специальную книгу правления, где указывались: заказчик, предмет заказа, срок исполнения, дата передачи заказа на завод. В заводууправлении также велись книги заказов, обычно для каждой категории изделий, для отдельных цехов, для местных и иногородних (или заграничных) заказчиков. Внутривзаводская документация позволяет проследить все этапы исполнения заказа, а также установить соотношение между себестоимостью изделия для предприятия и его продажной ценой.

По исполнению заказа на каждое изготовленное изделие в заводууправлении составлялась фактура. В ней указывались: продажная стоимость изделия, размер, количество и вес изделия, заказчик или покупатель, место назначения и условия платежа. Одновременно те же сведения заносились в книгу (или журнал) продаж заводууправления и делались соответствующие отметки в книге заказов. Фактура па отправленное заказчику или проданное изделие в тот же день отсылалась правлению, а заказчик или покупатель в тот день получал копию фактуры в виде счета.

Централизация управления предприятием акционерной компании предполагала периодическую отчетность его и филиалов перед правлением, а последнего — перед общим собранием акционеров. Если состав отчетной документации, представлявшейся правлением компании общему собранию ее акционеров, регламентировался законодательством, то состав внутренней отчетной документации акционерного предприятия определялся его частными инструкциями.

Так, в товариществе нефтяного производства «Бр. Нобель»²⁹

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1749 — Инструкция о ведении и составлении отчетности в конторах товарищества «Бр. Нобель».

правление ежедневно информировалось о всех операциях, произведенных предприятиями товарищества. В ежемесячных отчетах приводились товарные рапорты об обороте нефтепродуктов: для каждого продукта по каждому складу давалась группировка по поступлению товаров с других складов, по расходу товаров, а также по обороту товара, отпущенного районным покупателям из складов других районов. Все отсылавшиеся в правление отчеты до их отсылки обязательно копировались в специальные копировальные книги, номера страниц которых проставлялись в извещениях в виде их исходящих номеров. Таким образом, отчетные материалы, направлявшиеся правлению, откладывались как в делопроизводстве адресата (в подлиннике), так и в делопроизводстве отправителя (в копии). Аналогичным образом строился порядок отчетности и в других акционерных предприятиях.

На основании изложенного выше можно наметить следующий предполагаемый состав делопроизводственных документальных комплексов акционерных торгово-промышленных компаний.

В делопроизводстве правления должны быть отложиться: 1) материалы об учреждении компании, ее устав; 2) документы, связанные с созывом и проведением общих собраний акционеров: списки акционеров, представивших акции к собранию и явившихся в собрание с указанием числа представленных каждым из них акций, доклад правления, отчет за операционный год и баланс, протоколы заседаний ревизионной комиссии, протоколы общего собрания акционеров; 3) документация, обусловленная функциональными обязанностями правления: протоколы и журналы заседаний правления, книги для записи акций и получаемых за них денег, отпуски циркуляров и переписка правления, договоры и соглашения с другими фирмами, бухгалтерская и техническая документация, отчеты, представленные местными конторами и производственными предприятиями компании, материалы к докладу и отчету за операционный год и т. д.

В составе документов филиалов (местных контор) должны быть циркуляры правления, копии отчетов, направленных правлению, и материалов к ним, переписка, бухгалтерские материалы, техническая и производственная документация.

Наконец, среди материалов производственных подразделений акционерных компаний должны быть представлены: 1) документы о найме рабочих и регламентации условий труда; 2) документы об организации и обеспечении процесса производства на предприятии: циркуляры правления (местной конторы), корреспонденция заводоуправления, план действий завода, материальные сметы, техническая документация, материалы бухгалтерии, документы по исполнению заказов и сбыту продукции, расчеты себестоимости и продажной стоимости произведенных изделий, планы цехов и книги их оборудования и др.; 3) материалы к отчетам, представленным заводоуправлением в вышестоящие органы компании, копии представленных отчетов.

После того как документ терял свое оперативное значение, он откладывался в архиве предприятия. Законодательство определяло десятилетний срок обязательного хранения «торговых книг»³⁰. На практике данное правило распространялось на всю документацию торгово-промышленных компаний. По истечении этого срока документы, утратившие контрольно-справочное значение, могли уничтожаться с разрешения правления. Таким образом, уже в период деятельности компаний часть их документальных материалов была уничтожена.

Большинство компаний прекратили свою деятельность в результате их национализации. Документальные материалы компаний, прекративших деятельность ранее, уничтожались при ликвидации предприятия компании или, если речь шла о его преобразовании или поглощении другим предприятием, поступали в архив последнего.

Сохранившиеся материалы акционерных компаний относятся в основном к 1890—1917 гг., и их поступление на хранение в архивные учреждения проходило главным образом в 1926—1929 гг.

В большинстве случаев архивы производственных предприятий после национализации компании продолжали храниться на предприятии, откуда они и поступили в местные архивохранилища. Это объясняет факт их лучшей в целом сохранности в сравнении с материалами других структурных подразделений акционерных компаний. В делах фондов производственных предприятий, как правило, имеются указания на то, что прием документальных материалов был произведен по сдаточным описям. Так, в деле фонда акционерного общества бумагопрядильной мануфактуры «Джеймс Бек» сохранились сведения о сдаче в октябре 1926 г. заведующим архивом фабрики в губархив 836 дел и 639 книг (всего 1475 ед. хр.) архивного и 22 единиц печатного материала, а также четырех кулей и трех ящиков «макулатуры»³¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что передача в архив материалов за дореволюционный период иногда растягивалась на многие годы. Документальные материалы фонда акционерного общества механического, литейного и трубного завода «Атлас Петроград», например, поступали в архив в 1925, 1926, 1929 и 1936 (дважды) гг.³² Материалы, образовавшие хранящийся в ЦГИА Армянской ССР фонд Кавказского промышленного металлургического общества, частично были получены архивом в 1946 и 1954 гг. из Института геологин. Основное число документальных материалов в виде россыпи³³ было получено в 1953 г. из архива Алавердского медеплавильного комбината.

³⁰ СЗ, т. XI, ч. 2, ст. 689.

³¹ ЛГИА, ф. 1245, дело фонда, л. 6—7.

³² ЛГИА, ф. 1180, дело фонда, л. 23—24. Заключение о причинах расхождения между учетными данными и фактическим наличием документальных материалов по фонду 1180. Составлено 5.10.1954.

³³ ЦГИА Арм. ССР, ф. 195, ед. хр. 915.

Архивы органов управления акционерных компаний (правлений, филиалов, местных контор) в связи с упразднением в ходе национализации их фондообразователей, как правило, подвергались дроблению на материалы, необходимые для использования в практических целях органами ВСНХ, и материалы, не представлявшие, по оценке органов ВСНХ, практической ценности. Такой, в частности, была судьба материалов находившихся в Петрограде правлений уральских фирм. Одна их часть была отправлена в 1920 г. в Москву для ВСНХ, другая была отобрана для отправки в Свердловском Уральскому промбюро ВСНХ, а остальные, признанные «макулатурой», пролежали в каретных сараях до весны 1925 г., где и были обнаружены сильно пострадавшими от наводнения³⁴. В 1925—1927 гг. эти материалы поступили на хранение в архив. Переданные ВСНХ документы правлений акционерных компаний к 1931 г. оказались сконцентрированными в Московском архиве народного хозяйства. Документы, находившиеся в пользовании местных СНХ, аналогичным образом поступили в областные государственные архивы.

Развернувшаяся в 1930-е годы работа над историей фабрик и заводов вызвала интерес к сохранившимся материалам. К этому времени относится новая волна поступлений документальных материалов российских акционерных компаний (прежде всего их производственных предприятий) на хранение в государственные архивы³⁵.

С момента сосредоточения основной массы сохранившихся материалов акционерных компаний в государственных архивах важнейшим направлением работы советских архивистов с ними становится проведение их фондирования, систематизации и инвентарного описания.

Как было отмечено выше, в период деятельности компании в делопроизводстве ее структурных подразделений формировались самостоятельные документальные комплексы. В соответствии с архивными правилами они образовали архивные фонды, хранящиеся в архивах тех республик, краев или областей, на территории которых действовали их фондообразователи³⁶. В свою очередь в результате проведенной в архиве систематизации мате-

³⁴ Семенова М. С., Хомякова Г. С. Комплектование ЦГИА СССР в Ленинграде документальными материалами по истории финансов, промышленности и торговли. — Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР, 1958, № 10, с. 68—69. См. также: Котович А. Ленинградское архивное губернское бюро (1923—1926). — Архивное дело, 1927, вып. 10, с. 87.

³⁵ Так, документальные материалы Общества костеожигательных заводов и выделки из кости других продуктов (ЛГИА, ф. 1462) поступили в архив в 1929 и 1932 гг. (дело фонда, л. 25). Акционерного общества Гутуевской суконной мануфактуры (ЛГИА, ф. 1456) — в 1929 и 1931 гг. (дело фонда, л. 22) и т. д.

³⁶ Так, например, материалы товарищества «Бр. Нобель» хранятся в составе 22 фондов в 21 архиве страны, компании «Зингер» — в составе 16 фондов в 13 архивах и т. д.

риалов этих фондов документы структурных частей фондообразователей группировались по отделам, цехам и т. д. В случае удовлетворительной сохранности на них составлялась отдельная опись. Материалы бухгалтерии, имевшей особое делопроизводство, и документы по личному составу, как правило, также группировались и описывались отдельно. Важная роль переписки в делопроизводстве компаний определила корреспондентский принцип формирования и хранения документации значительного числа фондов акционерных предприятий.

Нередко документальные материалы акционерных компаний поступали в архивные учреждения в виде россыпи. В этом случае сотрудники архивов фиксировали лишь вес принятых документов. В процессе разработки и систематизации материалов определенная часть дел (ед. хр.) была заново сформирована архивистами. К сожалению, в описях этот момент не оговаривается. В деле же фонда обычно имеется лишь указание на сам факт формирования определенного числа единиц хранения³⁷. Нередкая замена архивистами обложек дел (без сохранения старых обложек) затрудняет их определение: было ли данное дело сформировано в делопроизводстве фондообразователя, или же оно сформировано позднее архивистами. Часто при формировании единиц хранения из россыпи архивисты объединяли документы под неопределенными рубриками: «разные материалы», «разная переписка», «переписка на иностранных языках» и т. д.

Говоря о работе архивистов с материалами акционерных предприятий, нельзя не упомянуть о проведенной в 1958—1961 гг. переработке их фондов, хранящихся в ЦГИА СССР. После ликвидации в 1934 г. Архива народного хозяйства материалы фирм, правления которых находились в Москве, поступили в Московский областной исторический архив (ныне ЦГИА г. Москвы). Фонды компаний с правлениями в Петрограде были переданы в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ныне ЦГАДА) и уже оттуда в 1946 г. попали в ЦГИА СССР в Ленинграде (ныне ЦГИА СССР)³⁸.

Работа над материалами, поступившими в 1946 г. из ЦГАДА, навела ленинградских архивистов на мысль о необходимости предпринять шаги по дальнейшему упорядочению их хранения и использования. Первым шагом в этом направлении явилось создание в марте 1953 г. коллекции документальных материалов торгово-промышленных обществ и товариществ³⁹.

³⁷ См., напр., акт от 15 марта 1950 г. об обнаружении 31 кг россыпи документов т-ва нефтяного производства «Бр. Нобель» и о сформировании из них 80 ед. хр. (ЦГИА СССР, ф. 1458, дело фонда, л. 10).

³⁸ *Шепелев Л. Е.* Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России. . . , с. 92; *Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914: Документы и материалы.* М.; Л., 1961, с. 28.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1425, дело фонда, л. 1—2. Распоряжение начальника ЦГИАЛ № 12 от 15 марта 1953 г. Предполагалось включить в состав коллекции «незначительные по объему фонды, заключающие преимуще-

В последующие годы значительная часть хранящихся в архиве фондов акционерных компаний была заново систематизирована и описана. Новые описи снабжены предисловиями, содержащими краткие сведения о фондообразователе, о времени поступления фонда на хранение в архив, о характере материалов фонда и принципах, положенных в основу их систематизации, о времени научно-технической обработки фонда. Необходимо отметить, что сведения об архивной истории фонда в подавляющем большинстве случаев ограничиваются указанием даты поступления фонда на хранение в архив.

Как правило, описи снабжены оглавлением. Можно наметить 5 их основных разделов: общие материалы о деятельности компании (документы об учреждении, о деятельности общих собраний и правления); материалы о производственной деятельности; бухгалтерские материалы; материалы по личному составу; регистрационно-справочный аппарат. Внутри этих разделов материалы систематизированы по структурному, тематическому, хронологическому или географическому признаку, с вынесением отчетных и других материалов общего характера на первое место.

В целом фонды были существенно пополнены. В основном это пополнение шло за счет дублетных материалов, сохранившихся в составе других фондов или в составе коллекций. Так, источником пополнения фонда акционерного общества «Кровля» послужила коллекция печатных материалов⁴⁰. С другой стороны, значительную часть фонда акционерного общества «Продамет» составили документы, переданные в 1955 г. в архив проф. Я. С. Розенфельдом⁴¹.

То обстоятельство, что в ряде описей параллельно с новыми номерами дел приведены старые, т. е. те, под которыми вошедшие в дело материалы значились до переработки фонда, позволяет представить тенденцию архивистов по формированию дел, которые, по их мнению, должны были сложиться в делопроизводстве фондообразователя. Так, в фонде Федоровского золотопромышленного общества (ф. 88) в дело № 1 («Об учреждении общества») вошли материалы бывших дел № 8, 11. В то же время единое дело общих собраний акционеров общества (бывшее дело № 11) было разбито на несколько дел отдельных общих собраний (дела № 1, 27, 66, 78, 79). Иногда архивисты руководствовались, по-видимому, соображениями удобства. Например, дело № 6 («Списки приисков») составили материалы бывших дел № 4, 75, 492; в деле № 48 собраны ежемесячные сводные балансы за операционный год, хранившиеся до переработки

существенно однородные материалы, не дающие цельного представления о деятельности фондообразователя». — Там же, л. 3. В настоящее время коллекция (ф. 1425) насчитывает 1185 ед. хр., в том числе все фонды объемом до 10 ед. хр.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 64, опись. Предисловие.

⁴¹ Шепелев Л. Е. От редактора. — В кн.: Пауна Э. С. Экономическая история России. 1861—1917 гг.: Обзор публикаций государственных архивов СССР (1918—1963). М., 1967, с. 7.

фонда отдельно, и т. д. В ходе переработки фондов определенная часть их материалов поступила в состав коллекций. В частности, из фонда товарищества «Бр. Нобель» в библиотеку архива было передано 677 экземпляров печатных изданий (108 ед. хр.)⁴². Одновременно часть материалов (дублиеты, оправдательные бухгалтерские документы и т. д.) была выделена на уничтожение, «как не имеющая научной и практической ценности»⁴³.

Безусловно, в результате проведенной архивистами ЦГИА СССР переработки фондов акционерных компаний их материалы стали более доступны исследователям. В то же время осуществленные подобной реконструкции фондов имело и оборотную сторону. В процессе переработки было произведено существенное перераспределение документов внутри фонда, нарушено в ряде случаев их первоначальное окружение. Значительно затруднилось отыскание в архиве документов, введенных исследователями в научный оборот до переработки фондов.

Какова степень сохранности документальных материалов акционерных компаний, дошедших до нас в составе их архивных фондов? Автором была предпринята попытка выяснить этот вопрос применительно к документальным материалам действовавших в России торгово-промышленных компаний.

Местонахождение и общий объем документальных материалов, входящих в состав Государственного архивного фонда СССР, учитываются целым рядом архивных справочников⁴⁴, а в масштабе страны — Центральным фондовым каталогом (ЦФК) Главного архивного управления при Совете Министров СССР. К картотеке ЦФК имеется тематический карточный указатель. К сожалению, картотека последнего в отличие от самого ЦФК не подвергается систематической проверке и переработке. Поэтому при использовании ее данных обязательна их проверка по картотеке ЦФК, в которую ежегодно заносятся все изменения, касающиеся фондов. Картотеку ЦФК, по-видимому, можно считать полной. Однако то обстоятельство, что она систематизирована по архивам, а внутри их — в порядке присвоенных фондам номеров, затрудняет поиск тематических групп материалов.

Параллельно с работой над архивными справочниками и картотекой ЦФК при содействии Института истории СССР АН СССР были направлены запросы во все центральные и местные государственные архивы страны с просьбой сообщить, находятся ли на хранении в архиве или его филиалах фонды торгово-промышленных акционерных компаний или товариществ на паях, каков

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1458, дело фонда, л. 21. Акт от 26 октября 1960 г.

⁴³ См. отборочные списки на уничтожение, напр., ЦГИА СССР, ф. 54, Богословское горнозаводское общество, дело фонда, л. 11—18 об. (1956 г.); там же, ф. 152, Азовская угольная компания, дело фонда, л. 9 (1960 г.), и др.

⁴⁴ *Шепелев Л. Е.* Архивные разыскания и исследования. М., 1971, с. 137—143; *Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель*, 2-е изд. М., 1978, с. 68—74.

состав их материалов, когда и при каких обстоятельствах они поступили на хранение. Сведения, представленные работниками архивов, позволили дополнить и окончательно уточнить уже имевшиеся данные об этих фондах.

В результате этой работы автору удалось учесть документальные материалы 1032 торгово-промышленных компаний, объединенных в 1375 самостоятельных архивных фонда и хранящиеся в 92 центральных и местных архивах СССР и их филиалах (см. Приложение, табл. 1). Как свидетельствуют данные табл. 1, общий объем сохранившихся документальных материалов огромен. Однако, безусловно, это лишь часть того, что было создано в делопроизводстве компаний. Насколько же представительна эта дошедшая до нас документация?

При всей условности граней и оценок в этом вопросе можно подметить, что фонды акционерных компаний объемом свыше 1 тыс. ед. хр. включают, как правило, все многообразие документальных материалов фондообразователя за определенный хронологический период. Фонды в несколько сот единиц хранения обычно представляют собой документацию отдельных структурных частей фондообразователя; меньшие по объему фонды, за редким исключением, содержат разрозненные материалы. Все сказанное, однако, ни в коей мере не является оценкой значимости тех или иных групп фондов в зависимости от их объема, а лишь свидетельствует о большей или меньшей вероятности присутствия в фонде той или иной документации. Значение документа в каждом конкретном случае устанавливается исследователем.

Трудно переоценить, например, значение для изучения истории монополизации отечественной промышленности материалов, сохранившихся в ЦГИА СССР в небольших по объему фондах монополий, легализовавшихся в форме акционерных компаний: «Кровля» (ф. 64, 52 ед. хр.), «Медь» (ф. 70, 83 ед. хр.), «Продамет» (ф. 1581, 98 ед. хр.) и др. Достаточно сказать, что большая часть документов о монополиях в медной промышленности, опубликованных в сборнике «Монополии в металлургической промышленности России (1900—1917 гг.)», извлечена именно из фонда синдиката «Медь»⁴⁵.

Поскольку компании, прекратившие деятельность до начала социалистической национализации, в большинстве своем не образовали самостоятельные фонды, представилось целесообразным сопоставить данные о сохранившихся архивных фондах компаний и сведения о российских акционерных торгово-промышленных компаниях, действовавших в 1916 г. (последний предреволюционный год, на который сведения об интересующих нас фондообразователях учтены соответствующими справочными изданиями). Использованный автором справочник «Акционерно-пае-

⁴⁵ Монополии в металлургической промышленности России (1900—1917 гг.). М.; Л., 1963, с. 16.

вые предприятия России» (М., 1917) позволил провести такое сопоставление в отраслевом разрезе (см. Приложение, табл. 2).

Как видно из табл. 2, степень сохранности документальных материалов действовавших в России акционерных торгово-промышленных предприятий достаточно высока. Причем лучше других сохранились фонды крупнейших капиталистических предприятий, действовавших в ведущих отраслях промышленности дореволюционной России. Это подтверждается и анализом состава акционерных компаний, образовавших архивные фонды объемом свыше 1 тыс. ед. хр.

Наибольшее число из 129 крупнейших фондов образовали акционерные компании, действовавшие в металлообрабатывающей, горнодобывающей, нефтяной, электротехнической, резиновой и текстильной промышленности.

Из 42 фондов объемом свыше 1 тыс. ед. хр., образованных документальными материалами 34 металлообрабатывающих компаний, лишь 1 фонд компании с основным капиталом менее 1 млн. руб., 32 фонда компаний с основным капиталом 5 млн. руб. и выше, в том числе 20 фондов компаний с основным капиталом 10 млн. руб. и выше. Среди них 3 фонда акционерного общества Путиловских заводов (основной капитал 25 млн. руб.), по 2 фонда Общества Коломенского машиностроительного завода (основной капитал 25 млн. руб.), акционерного общества железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» (основной капитал 25 млн. руб.), акционерного общества Мальцевских заводов (основной капитал 16 млн. руб.), товарищества латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина (основной капитал 10 млн. руб.), акционерного общества Северных заводов Н. П. Пастухова (основной капитал 9 млн. руб.), акционерного общества Николаевских заводов и верфей (основной капитал 7 млн. руб.).

Из 11 фондов горнопромышленных компаний объемом свыше 1 тыс. ед. хр. 7 фондов компаний с основным капиталом 5 млн. руб. и выше, в том числе 5 фондов компаний с основным капиталом 10 млн. руб. и выше.

Все 3 фонда в графе «фонды нефтепромышленных компаний» объемом свыше 1 тыс. ед. хр. образовала одна компания — товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель» (основной капитал 45 млн. руб.).

Из 9 фондов электротехнических компаний объемом свыше 1 тыс. ед. хр. 7 фондов компаний с основным капиталом 5 млн. руб. и выше в том числе 5 фондов компаний с основным капиталом 10 млн. руб. и выше.

Лучше всего, очевидно, сохранились материалы предприятий резиновой промышленности. Две компании (из четырех) — товарищество российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» (основной капитал 21 млн. руб.) и товарищество русско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производств «Проводник» (основной капитал 18 млн. руб.) —

оставили фонды объемом свыше 1 тыс. ед. хр. (причем товарищество «Проводник» — 2 фонда). Другие 2 компании, действовавшие в этой отрасли, — общество производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь» (основной капитал около 10 млн. руб.) и акционерное общество «Каучук» (основной капитал 5 млн. руб.) — образовали фонды объемом в несколько сот единиц хранения.

Наибольшее число сохранившихся архивных фондов объемом свыше 1 тыс. ед. хр. (более $\frac{1}{3}$ их общего количества) приходится на долю предприятий текстильной промышленности. Как правило, предприятия легкой промышленности имели меньший акционерный капитал, чем предприятия, действовавшие в тяжелой промышленности. Тем не менее из 47 фондов текстильных компаний объемом свыше 1 тыс. ед. хр. только 3 фонда компаний с основным капиталом менее 1 млн. руб., 21 фонд компаний с основным капиталом 5 млн. руб. и выше, в том числе 4 фонда с основным капиталом 10 млн. руб. и выше.

Видимо, лучшая организация делопроизводства фондообразователя и его архива в крупных фирмах, большее внимание к вопросам сохранности их материалов вследствие практической заинтересованности в них со стороны администрации предприятия и государственных учреждений (ВСНХ и его органов, наркоматов и т. д.) в период между национализацией предприятия компании и поступлением его материалов на хранение в государственные архивы и обусловили в итоге лучшую сохранность архивных фондов крупнейших российских акционерных торгово-промышленных предприятий.

В то же время вследствие ряда причин документальные материалы некоторых крупных акционерных предприятий в архивах не сохранились или сохранились плохо. Укажем на одну причину общего характера — огромный ущерб, нанесенный архивам в годы Великой Отечественной войны. В 1958 г. В. И. Бовыкиным в целях ознакомления с составом и содержанием фондов промышленных предприятий Юга России, сохранившихся в архивах Украины, были обследованы архивохранилища Харькова, Днепропетровска, Запорожья, Донецка и Луганска. «То, что пришлось обнаружить там, — вынужден был констатировать В. И. Бовыкин, — превзошло самые худшие ожидания»⁴⁶. В настоящее время в государственных архивах южных областей СССР хранятся фонды лишь немногих акционерных предприятий объемом свыше 1 тыс. ед. хр. Так, в Государственном архиве Ростовской области, все материалы которого в годы войны были эвакуированы⁴⁷, сохранились фонды акционерного общества Сулинского завода (основной капитал 10 млн. руб.) и Таганрогского металлургического общества (основной капитал 21 млн. руб.).

⁴⁶ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 45.

⁴⁷ Государственный архив Ростовской области: Путеводитель. Ростов н/Д, 1961, с. 4.

Касаясь вопроса о сохранности документальных материалов, отложившихся в составе дошедших архивных фондов, необходимо отметить, что при всем разнообразии причин, приведших к утратам конкретных материалов каждого отдельного фонда, прослеживается тенденция, направленная на сохранение материалов более общего характера. В фондах правлений наиболее часто встречаются уставы компаний, доклады правления общим собраниям акционеров, годовые отчеты и балансы, основные бухгалтерские книги правления. В фондах филиалов и местных контор доминирующую роль играют переписка и бухгалтерские материалы. В фондах производственных предприятий в целом хорошо сохранились материалы по личному составу, документация делопроизводства по заказам, годовые отчеты предприятий.

Поэтому при оценке сохранности документальных материалов российских акционерных компаний чрезвычайно важно иметь в виду не только общий огромный объем материалов дошедших архивных фондов, но и выявленные нами тенденции лучшей сохранности документации крупнейших капиталистических предприятий дореволюционной России, занимавших ключевые позиции в экономике страны и концентрировавших наиболее организованный отряд рабочего класса, а в составе фондов — основных документов компании.

Сохранившиеся документальные материалы российских акционерных компаний позволяют изучать ведущие процессы монополизации отечественной промышленности и истории российского пролетариата.

Приложение

Фонды российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий в государственных архивах СССР

Таблица I

Архив	Количество фондов				
	Всего	1—10 ед. хр.	10—100 ед. хр.	100—1000 ед. хр.	Свыше 1000 ед. хр.
ЦГИА СССР	94	1	56	33	4
ЦГИА Азербайджанской ССР	124	83	27	13	1
ЦГИА Армянской ССР	2	—	1	1	—
ЦГИА Белорусской ССР (Минск)	5	1	2	2	—
» » (Гродно)	1	1	—	—	—
ЦГИА Грузинской ССР	4	1	2	1	—
ЦГИА Казахской ССР	10	2	4	4	—
ЦГИА Латвийской ССР	17	3	5	5	4
ЦГИА Молдавской ССР	1	1	—	—	—
ЦГИА Туркменской ССР	1	—	1	—	—
ЦГИА Узбекской ССР	34	20	9	5	—
ЦГИА Украинской ССР	7	—	4	3	—
ЦГИА Эстонской ССР	16	3	3	6	4

Таблица I (продолжение)

Архив	Количество фондов				
	Всего	1—10 ед. хр.	10—100 ед. хр.	100—1000 ед. хр.	Свыше 1000 ед. хр.
ЦГА Аджарской АССР (Батуми)	1	—	1	—	—
ЦГА Башкирской АССР (Уфа)	16	7	6	2	1
ЦГА ВМФ (Ленинград)	1	—	—	—	1
ЦГА Дагестанской АССР (Махачкала)	3	1	1	1	—
ЦГА Карельской АССР (Петрозаводск)	4	2	1	1	—
ЦГА г. Москвы	232	34	82	95	21
ЦГА РСФСР Дальнего Востока (Томск)	12	8	3	—	1
ЦГА Татарской АССР (Казань)	15	9	4	—	2
ЦГА Удмуртской АССР (Ижевск)	1	—	1	—	—
ЦГА Чечено-Ингушской АССР (Грозный)	11	5	6	—	—
ЦГА Якутской АССР (Якутск)	1	—	1	—	—
ГА Алтайского края	1	1	—	—	—
ГА Амурской обл.	1	—	1	—	—
ГА Архангельской обл.	9	3	2	3	1
ГА Астраханской обл.	8	2	3	1	2
ГА Белгородской обл.	3	1	—	2	—
ГА Брянской обл.	11	—	2	7	2
ГА Винницкой обл.	23	9	11	3	2
ГА Владимирской обл.	14	2	8	3	1
ГА Волгоградской обл.	2	—	1	1	—
ГА Вологодской обл.	1	—	1	—	—
ГА Воронежской обл.	3	2	1	—	—
ГА Ворошиловградской обл.	23	5	13	5	—
ГА Горьковской обл.	22	4	6	9	3
ГА Днепропетровской обл.	3	2	1	—	—
ГА Донецкой обл.	26	15	10	1	—
ГА Житомирской обл.	1	—	1	—	—
ГА Житомирской обл. (филиал в Бердичеве)	2	1	1	—	—
ГА Запорожской обл.	8	1	5	2	—
ГА Ивановской обл.	58	5	16	15	22
ГА Иркутской обл.	13	4	6	3	—
ГА Калининской обл.	15	4	4	5	2
ГА Калужской обл.	7	4	1	1	1
ГА Карагандинской обл.	1	1	—	—	—
ГА Кемеровской обл.	1	—	1	—	—
ГА Киевской обл.	43	26	10	6	1
ГА г. Киева	5	2	1	1	1
ГА Кировоградской обл.	6	—	3	3	—
ГА Кировской обл.	7	1	—	4	2
ГА ² Костромской обл.	7	2	1	4	—
ГА ² Краснодарского края	6	3	2	1	—
ГА Краснодарского края (филиал в Новороссийске)	3	—	—	3	—
ГА Крымской обл.	4	2	1	1	—
ГА Куйбышевской обл.	9	5	2	2	—
ГА Куйбышевской обл. (филиал в Сызрани)	2	1	1	—	—

Таблица 1 (окончание)

Архив	Количество фондов				
	В с е г о	1—10 ед. хр.	10—100 ед. хр.	100—1000 ед. хр.	Свыше 1000 ед. хр.
ГА Курской обл.	6	3	2	1	—
ЛГИА	240	59	49	98	34
ГА Липецкой обл.	1	—	—	1	—
ГА Николаевской обл.	6	2	2	—	2
ГА Новгородской обл.	11	1	5	5	—
ГА Одесской обл.	5	1	2	1	1
ГА Омской обл.	1	—	1	—	—
ГА Оренбургской обл.	1	—	1	—	—
ГА Орловской обл.	1	—	1	—	—
ГА Пензенской обл.	1	—	—	1	—
ГА Пермской обл.	7	1	3	2	1
ГА Полтавской обл.	1	—	1	—	—
ГА Псковской обл. (филиал в Великих Луках)	1	1	—	—	—
ГА Ростовской обл.	28	7	14	5	2
ГА Рязанской обл.	3	—	2	1	—
ГА Саратовской обл.	14	4	6	4	—
ГА Саратовской обл. (филиал в Балашове)	1	1	—	—	—
ГА Саратовской обл. (филиал в г. Вольске)	1	—	1	—	—
ГА Свердловской обл.	11	4	3	—	4
ГА Свердловской обл. (филиал в Н. Тагиле)	2	—	2	—	—
ГА Смоленской обл.	5	1	—	4	—
ГА Сумской обл.	7	5	2	—	—
ГА Тамбовской обл.	2	2	—	—	—
ГА Тульской обл.	6	1	1	3	1
ГА Тюменской обл. (филиал в г. Тобольске)	1	—	1	—	—
ГА Ульяновской обл.	1	1	—	—	—
ГА Харьковской обл.	16	2	6	5	3
ГА Челябинской обл.	3	—	1	2	—
ГА Челябинской обл. (филиал в г. Златоусте)	4	—	—	4	—
ГА Черниговской обл.	1	1	—	—	—
ГА Черниговской обл. (филиал в Прилуках)	1	—	—	1	—
ГА Ярославской обл.	15	5	2	5	3
ГА Ярославской обл. (филиал в Ростове)	4	1	—	3	—
ГА Ярославской обл. (филиал в г. Рыбинске)	6	1	2	2	1

Таблица 11

Отрасль промышленности	Количество акционерных компаний по отношению к акционерно-паевым предприятиям России (М., 1917)	Количество акционерных компаний, образовавших архивные фонды	Количество самостоятельных архивных фондов акционерных компаний				
			Всего	1—10 ед. хр.	10—100 ед. хр.	100—1000 ед. хр.	Свыше 1000 ед. хр.
Свеклосахарная	144	77	94	50	28	15	1
Винокуренная, водочная, спиртоочистительная, пивоваренная	62	19	20	7	8	5	—
Кондитерская	39	16	19	9	5	4	1
Мельничные и хлебные предприятия	55	16	18	3	7	8	—
Табачные фабрики	23	20	22	3	6	12	1
Писчебумажные и целлюлозные фабрики, издательства, типолитографии	84	27	32	6	10	15	1
Лесопромышленная	83	25	31	8	14	8	1
Предприятия по обработке животных продуктов (кожевенные, свечные)	33	23	28	5	9	12	2
Текстильная	309	208	246	39	65	95	47
Горнодобывающая	182	94	134	33	55	35	11
Нефтепромышленная	140	130	191	94	68	26	3
Электротехническая	54	34	55	6	19	21	9
Металлообрабатывающая (металлург, литейная, машиностроит.)	209	129	216	35	63	76	42
Сельскохозяйственное машиностроение	22	14	17	1	8	6	2
Химическая (спичечные, парфюмерные, фармацевтические)	97	39	47	17	17	12	1
Маслобойная и мыловаренная	32	17	22	7	7	8	—
Резиновая	4	4	17	5	3	6	3
Стекольная, бетонная, кирпичная, асбестовая	57	20	29	12	6	11	—
Портланд-цементная	31	18	21	5	7	8	1
Торговая	175	21	27	7	12	7	1
Прочие	193	81	89	43	28	16	2
Всего	2028	1032	1375	395	445	406	129

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА

В. А. Виноградов

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал как значительное явление в жизни пореформенного крестьянства изменения в его социальной психологии и мировоззрении. «Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой». «В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию»¹, — отмечал он. И как бы развивая эту мысль, в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» он писал: «Падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу... выросло новое поколение крестьян»². В. И. Ленин указывал и на основные черты идеологии пореформенного крестьянства. «С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости... С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответ на все эти вопросы». «Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу...»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210, 213.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140—141.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210, 211, 212.

Мы привели эти высказывания В. И. Ленина потому, что они дают историкам методологическую основу для понимания мировоззрения пореформенного крестьянства и анализа тех изменений, которые происходили в этом мировоззрении в условиях развития капитализма и разрушения им старых устоев жизни деревни.

Изучение указанных изменений позволит полнее и глубже раскрыть особенности борьбы крестьян в пореформенный период, лучше понять истоки и причины союза рабочего класса и крестьянства.

Поскольку эволюция крестьянского мировоззрения в пореформенную эпоху действительно нуждается в дальнейшем изучении, важно определить основной круг источников по этой проблеме. На наш взгляд, наиболее содержательными из них являются жалобы и прошения крестьян, зафиксированные в материалах карательных органов, слухи, постоянно циркулировавшие в деревне, требования крестьян, отдельные антицаристские высказывания. Все эти материалы разбросаны в десятках фондов и сотнях единиц хранения государственных архивов. Жалобы и прошения крестьян отложились в делах многих царских учреждений, но особенно богаты ими фонды губернских по крестьянским делам присутствий. В делопроизводстве эти документы имели различные названия. Чаще всего они именовались как «прошение» или «покорнейшее прошение». Но поскольку «прошения» нередко вызывали обильную переписку, то и многие «дела» шли под заглавием «Переписка по прошению временнообязанных крестьян...». Некоторые прошения крестьяне подавали в виде «докладной записки». Но по существу все указанные документы были жалобами крестьян. Не случайно поэтому многие документы в делопроизводстве озаглавливались как «Дело по жалобе временнообязанных крестьян...» (далее следовало имя помещика либо название деревни).

При изучении текстов жалоб и прошений видно, что большинство из них писалось самими крестьянами, о чем свидетельствует, как правило, плохой почерк, игнорирование правил орфографии, пунктуации и синтаксиса. Прощения крестьян носят обычно иллюстративно-описательный характер, но в некоторых из них встречаются элементы анализа экономики своего хозяйства. Появлению такого документа предшествовала, как правило, сходка крестьян, на которой коллективно обсуждалось содержание жалобы или прошения. Здесь же выдвигались кандидатуры «уполномоченных от общества...» или доверенных лиц, которые должны были писать прошение от имени крестьян. Некоторые жалобы и прошения написаны по просьбе крестьян грамотными людьми, и в них прямо указывается, что составитель жалобы (прошения) пишет по просьбе доверителей — крестьян. Эта группа документов отличается более логичным и четким изложением сути просьб либо требований. Сопоставление жалоб и прошений, написанных самими крестьянами, и аналогичных доку-

ментов, составленных по их просьбе, указывает, что смысловой трансформации в последних не наблюдается.

Массовый поток крестьянских прошений приходится на период ввода уставных грамот (осень 1861—1863 г.). Грабительский характер последних определил и содержание крестьянских прошений. Крестьяне жаловались на малоземелье, качество отводимых наделов, неудобное их расположение и выдвигали свои просьбы и требования. В последующие годы число подаваемых прошений становится меньше, указанные просьбы и требования хотя и сохраняются, но появляются и новые мотивы в настроениях крестьян — крайнее недовольство податным гнетом.

В качестве источника, отражающего самосознание крестьянства и его борьбу, жалобы и прошения стали привлекаться лишь в последние годы при изучении главным образом истории дореформенного крестьянства. При этом большинство исследователей видят в фактах подачи жалоб и прошений одну из форм крестьянского движения⁴. Приходится, однако, констатировать, что этот богатейший источник еще мало использовался при изучении истории борющейся пореформенного крестьянства. Н. М. Дружинин прав, рассматривая жалобы и прошения как легальную форму классовой борьбы, которая в определенных условиях перерастала в открытые столкновения с помещиками и представителями властей⁵. С. Л. Эвенчик, классифицируя формы крестьянских выступлений по нарастающей активности, на первое место ставит подачу жалоб и прошений. «В жалобах и прошениях, пронизанных царистскими иллюзиями, — пишет она, — авторы рисуют безысходность положения крестьян и разоблачают карательную политику властей»⁶.

Из работ, исследовавших жалобы и прошения крестьян пореформенного периода, назовем статью Э. Ю. Гальперина «Крестьянские жалобы периода второй революционной ситуации в России как исторический источник»⁷, в которой верно замечено, что в условиях определенного спада крестьянского движения в конце 70-х—начале 80-х годов подача жалоб и прошений крестьянами указывала на наличие напряженного положения в деревне. Важной петиционной кампанией считает подачу жа-

⁴ См., напр.: *Генкин Л. Б.* Крестьянские жалобы первой половины XIX в. как исторический источник: По материалам Исторического архива Ярославской области. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; *Пауна Э. С.* Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник. — История СССР, 1964, № 6; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961; Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. М., 1963; *Кавтарадзе Г. А.* Жалобы крестьян первой половины XIX в. как источник для изучения их социальных требований. — Вестник ЛГУ. Сер. история, язык и литература, 1969, № 14, вып. 3; *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967, с. 12.

⁵ Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. М., 1968, с. 41—42.

⁶ Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. М., 1960, с. 21, 31.

⁷ См.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.

лоб и прошений эстонскими крестьянами в 60-х годах XIX в. Х. Х. Круус⁸. Как форму крестьянского движения исследовал около 250 жалоб и прошений тверских крестьян автор настоящей статьи⁹.

Содержание изучаемых документов показывает, что это не только форма протеста крестьянства, но и отражение их настроений, взглядов, требований, пожеланий, т. е., в определенной степени, их идейного воззрения. В качестве примера приведем полностью прошение крестьян деревни Ведное Корчевского уезда Тверской губернии, направленное ими в губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г.: «22 ноября 1862 г. В Тверское губернское по крестьянским делам присутствие. Временнообязанных крестьян помещика генерал-майора графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова, Корчевского уезда, 1-го мирового участка Погорельской волости, Ведновского общества, деревни Ведновой. Прощение. 7 ноября 1861 г. бывшим мировым посредником нашим г. Кислинским посредством застраживания нас возможностью ввода к нам воинской команды, что и действительно случилось незадолго перед тем в селе Красном нашего же участка, и без всякого толкования прав наших введена у нас уставная грамота, составленная без нашего ведома и участия.

Так как все же по второму пункту ст. 65 и по первому 66 правил о порядке проведения в действие положения о крестьянах, как мы потом узнали, грамота наша не могла окончательно быть введена у нас одним мировым посредником, без утверждения мирового съезда, то мы и не беспокоим высшее начальство нашими преждевременными жалобами и вот уже другой год терпеливо ждем времени, когда грамота наша поступит на съезд и нас туда потребуют, где мы и докажем как совершенную неправильность насильно вводимой у нас уставной грамоты, так и все незаконные действия при этом г. посредника. От того ли происходит замедление, что г. посредник наш, Кислинский, спустя три месяца после введения у нас грамоты был увезен в Петербург и там около полугода судим был Правительствующим сенатом¹⁰, или от того, что по случаю смены в нашем участке посредников высочайше дарованные нам права не соблюдаются, как следует, и порядок настоящий еще не установлен, — мы не знаем; а между тем срок, назначенный для окончательного введения грамоты истекает, и мы опасаемся, чтобы молчание наше не сочтено было за согласие наше на введенную у нас насильно уставную грамоту и не применена была к нашему делу, каса-

⁸ Круус Х. Х. Петпционная компания эстонских крестьян в 60-х годах XIX в. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, с. 495—514.

⁹ Виноградов В. А. Жалобы и прошения трудящихся пореформенной деревни как форма крестьянского движения (по материалам Тверской губернии). — В кн.: Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974.

¹⁰ А. Кислинский был в числе 13 лиц, подписавших в феврале 1862 г. известное заявление мировых посредников Тверской губернии.

тельно срока на жалобы, ст. 77 правил о порядке приведения в действие положения о крестьянах. В таких обстоятельствах мы уже вынуждены теперь обеспокоить губернское присутствие нашей просьбой понудить, кого следует, не откладывать далее передачи грамоты нашей на рассмотрение мирового съезда, а до тех пор не принимать на хранение во всех статьях беззаконной грамоты на деревню Ведновой, если такая будет доставлена кем-нибудь из членов мировых учреждений тайно от нас в губернское присутствие»¹¹. Далее следуют подписи девяти крестьян.

В этом, как и во множестве других подобных, документе выражен протест крестьян против произвола мирового посредника, а также, естественно, и помещика. Крестьяне указывают, что при составлении и вводе уставных грамот необходимо, в соответствии с законом, участие крестьянского общества. Они твердо убеждены в незаконности насильственно вводимой грамоты. В документе прямо заявляется о недоверии к чиновникам официальных учреждений, связанных с проведением реформы. Прошение показывает, что, несмотря на многочисленность и запутанность статей «Положений 19 февраля», крестьяне пытались разобраться в них и в доказательство излагаемых требований ссылались на соответствующие статьи «Положений». И наконец, еще на очень важное наблюдение наталкивает приведенный источник. Крестьяне оказались в курсе нашумевших событий, связанных с выступлением тверских мировых посредников. По крайней мере им был известен факт ареста членов (или члена) тверской оппозиции. Но сущность происшедших событий ими была не понята. Во всяком случае, из текста прошения не видно сочувствия крестьян к мировому посреднику, пострадавшему, объективно, в определенной мере и за их интересы. При всей классовой направленности тон прошения выдержан, однако, в духе сильной веры крестьян в справедливость высших инстанций власти. Последнее характерно для всех прошений.

Изученные нами 464 жалобы и прошения крестьян Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний убедительно раскрывают неудовлетворенность крестьян наделом земли, полученным по уставным грамотам и размежеваниям (44,4% жалоб и прошений), их возмущение произволом помещиков, мировых посредников и других должностных лиц при введении уставных грамот, размежевании земель, заключении выкупных сделок и проч. (18,1%), недовольство податным гнетом, усугубляемым неудовлетворительным разрешением земельного вопроса (27,3%), и др.¹²

Все эти данные говорят о том, что жалобы и прошения являются важным источником для изучения классовых настроений крестьян, протеста против условий освобождения от крепостной зависимости. В них ярко выражены также мелкобуржуазные

¹¹ Госархив Калининской области (ГАКО), ф. 484, оп. 1, д. 617, л. 7—8.

¹² Виноградов В. А. Указ. соч.

стремления к лучшим условиям хозяйствования, умеренность требований крестьян, вера их в справедливость царя.

Своеобразным источником для изучения взглядов крестьян являются народные слухи, постоянно распространявшиеся в пореформенной деревне. Именно в них выражались самые сокровенные думы и чаяния крестьянина.

На них как на одно из проявлений народного мирозерцания и источник его изучения в числе первых обратили внимание представители революционной демократии. Н. А. Добролюбов характеризовал слухи как «общественное мнение», «выражение духа, направления понятий в ту или другую эпоху», в чем он и видел важность их изучения¹³.

Революционные пропагандисты-народники считали своим прямым долгом изучать народные толки, думы народа, чтобы учитывать их в своих программных документах, пропагандистских материалах и в практической деятельности. Г. В. Плеханов в 1880 г. писал: «В многомиллионной массе русского крестьянства беспрерывно появляется и исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданий... По своему влиянию на народные думы слух о переделе земли может сравниться разве только с теми слухами об уничтожении крепостного права, которые ходили в народе чуть ли не с самого возникновения этого института в России...»¹⁴.

Слухи, распространявшиеся среди крестьянства, привлекали внимание многих исследователей. До революции на них ссылались, характеризуя настроения крестьянства, А. З. Попельницкий и И. И. Игнатович¹⁵. В 1925 г. С. П. Чернов дал исключительно точную характеристику слухам как источнику. Он писал: «Изучение слуха как исторического источника, можно сказать, едва только становится... Он (слух. — В. В.) представляет огромный интерес... Дело в том, что при достаточно умелой постановке исследования и уточнения методов подхода и изучения слух может быть использован для труднейшей и ответственной области научного восстановления отдельных отрезков социально-политической борьбы; здесь слухи дают материал не только для изучения настроений и взглядов сложившихся и передававших их лиц и кругов, но и для выяснения их конкретных планов, тактики и социально-политических программ»¹⁶.

В 1960-х годах вопрос о слухах и толках как форме проявления социально-утопических легенд в дореволюционной России интересно поставили В. Г. Базанов и К. В. Чистов. Последний

¹³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1961, т. 1, с. 109.

¹⁴ Плеханов Г. В. Соч. М.; Пг., 1923, т. 1, с. 110.

¹⁵ Попельницкий А. З. Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами. — Современный мир, 1911, № 2; Игнатович И. И. Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. — Минувшие годы, 1908, июнь—ноябрь.

¹⁶ Чернов С. П. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960, с. 329.

характеризует слухи и толки как словесные проявления «коллективной системы представлений... выработанной той социальной средой, в которой они бытуют». А далее, подчеркивая активную связь социально-утопических легенд, в том числе и слухов, с действительностью автор пишет: «Русские народные социально-утопические легенды тесно связаны с важнейшими политическими движениями крестьянства»¹⁷.

В. Г. Базанов справедливо заметил, что «народные толки важны для понимания крестьянского мировоззрения, слабых и сильных сторон крестьянских движений», что они есть «верный показатель крестьянских настроений»¹⁸.

К сожалению, проблема, поставленная С. П. Черновым, К. В. Чистовым и В. Г. Базановым, не получила дальнейшего разрешения. Лишь В. А. Федоров уделил ей внимание, исследовав слухи и толки, циркулировавшие среди крестьянства накануне отмены крепостного права в России. В результате их анализа автор пришел к выводу, что «требование раздела помещичьих земель выдвигало подавляющее большинство крестьянства»¹⁹. Однако вывод этот сделан на основе лишь отдельных фактов и требует более убедительного обоснования.

Слухи пореформенного времени до сих пор не стали объектом специального изучения. Это, разумеется, не значит, что они совсем остались вне поля зрения историков. О них говорится, пожалуй, во всех исследованиях о крестьянском движении. Но, как правило, слухами лишь иллюстрируются настроения крестьян. В то же время исследователи единодушно сходятся во мнении, что слухи являются одной из форм крестьянского движения, своеобразно отражают идейные помыслы и чаяния трудящегося крестьянства.

Учитывая то чрезвычайное значение, которое правительство уделяло слухам, возникавшим и циркулировавшим в крестьянской среде, и опасность, которую оно видело в их распространении, чиновники царских учреждений в своих донесениях в вышестоящие органы сообщали о всех случаях появления слухов и толков в народе, являвшихся, по их мнению, одной из причин беспорядков и волнений. Эти ценные материалы содержатся главным образом в фондах губернаторов, губернских жандармских управлений (ГЖУ), полицейских и судебных органов, губернских и уездных по крестьянским делам присутствий, мировых посредников, судебных следователей, станových приставов. В центральных архивах (ЦГАОР, ЦГИА СССР) сведения о слухах

¹⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1960, с. 3, 336, 339.

¹⁸ Базанов В. Г. К вопросу о фольклоре и фольклористике в годы революционной ситуации в России. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1962, т. VII, с. 201.

¹⁹ Федоров В. А. О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 г. — В кн.: Освободительное движение в России: Межвузовский сб. Саратов, 1975, № 5, с. 17.

содержатся в специальных донесениях губернаторов и начальников ГЖУ в МВД и III отделение императорской канцелярии. Однако в них чаще всего лишь констатируется факт слухов, без изложения таких важных подробностей, как место их распространения, событий, сопутствовавших их появлению, подробной передачи смысловых оттенков содержания и проч. Местные власти в донесениях явно преуменьшали число зафиксированных слухов на местах. Так, в МВД с августа 1878 г. по 1880 г. из четырех верхневолжских губерний не поступило ни одного сообщения²⁰. Видимо, поэтому Е. И. Батова, исследуя крестьянское движение в великорусских губерниях в период второй революционной ситуации и пользуясь лишь материалами центральных архивов, не называет Верхневолжье в числе районов распространения слухов о «черном переделе»²¹. Между тем, как показывают материалы местных архивов, молва о якобы предстоящем переделе земель волновала все Верхневолжье. Следовательно, при изучении слухов как источника необходимо самое широкое выявление документов о них в центральных и местных архивах. Иначе они будут лишь иллюстративным материалом о настроении крестьянских масс.

Вместе с тем необходимо учитывать и другую особенность документов о слухах. В них, как правило, фиксировались лишь слухи, охватившие значительную территорию — губернию, группу уездов, уезд, иногда часть уезда. При этом содержание массовых слухов фиксировалось весьма скрупулезно. Учитывая специфику этого явления — стойкость против различных методов борьбы властей со слухами, быструю их распространяемость в жадно прислушивавшихся ко всему новому народных массах, мы должны помнить, что даже единичные данные о появлении слухов свидетельствуют о их массовости в отличие от единичных проявлений других форм движения (выступлений, порубок лесов и т. д.).

Анализ 191 выявленного нами документа о появлении слухов в Верхневолжье с марта 1861 г. по 1881 г. позволил установить их содержание и динамику. Начиная с обнаружения «Положений 19 февраля», слухи, наполненные различным идейным содержанием, волнообразно прошли несколько этапов. Это позволяет сгруппировать данный источник по содержанию в соответствии с периодизацией пореформенного движения крестьянства в Верхневолжье в 1861—1881 гг. (см. таблицу).

Рассмотрим динамику содержания слухов в соответствии с их периодизацией. Резкое несоответствие дореформенных представлений крестьян о земле и воле с объявленной «волей» на первом этапе борьбы (март—осень 1861 г.) породило в сознании

²⁰ *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964, с. 109.

²¹ *Батова Е. И.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в период революционной ситуации 1879—1880 гг. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1956, т. 13, вып. 2, с. 76.

**Динамика и содержание слухов среди крестьян Верхневолжья
(март 1861—1881 гг.)**

Периоды движения и годы распростра- нения слухов	Содержание слухов							Итого за период
	О подлож- ности «Поло- жений 19 фев- рала 1861 г.»	О «слушном часе»	О понижении повинностей	Слухи поли- тического содержания	О переделе земли	О самоуп- равлении	О переселе- нии	
Март—май 1861 г.	33	2	2	1	—	1	—	39
Июнь—август 1861 г.	1	—	2	—	—	—	—	3
В с е г о за I период	34	2	4	1	—	1	—	42
Сентябрь 1861—1863 г.	—	34	8	—	—	1	—	43
В с е г о за II период	—	34	8	—	—	1	—	43
1864—1866 гг.	3	—	6	—	—	1	1	11
1867—1869 гг.	—	—	13	1	—	—	—	14
1870—1873 гг.	—	—	—	—	—	—	—	—
1874—1877 гг.	—	—	—	1	3	—	—	4
В с е г о за III период	3	—	19	2	3	1	1	29
1878 г.	—	—	—	1	1	—	—	2
1879 г.	—	—	4	5	16	—	—	25
1880 г.	—	—	—	9	11	—	—	20
1881 г.	—	—	1	18	11	—	—	30
В с е г о за IV период	—	—	5	33	39	—	—	77
Итого за 1861— 1881 гг.	37	36	36	36	42	2	2	191

крестьян в одних случаях идею о подложности «Положений 19 февраля», в других — о неправильном их толковании. Но и в том и другом случае это была идея недоверия законоположениям реформы. «Не та книга», — заявили крестьяне с Сырнева Рыбинского уезда Ярославской губернии²². А крестьяне с Гавриловского Галичского уезда Костромской губернии в июле 1861 г. отказались подписать уставную грамоту на том основании, что не поверили разъяснению им смысла «Положений 19 февраля»²³.

Факт распространения идеи недоверия «Положениям 19 февраля», выразившейся в форме слухов, давно утвердился в исторической литературе. Но изучение этого слуха не на отдельных примерах, а на основе анализа совокупности многочисленных фактов раскрывает разнообразие оттенков этого, казалось бы, однотипного слуха (например, царский указ существует, но скрыт помещиками; официальные чтецы подкуплены помещиками, и т. д.).

37 выявленных и изученных нами случаев появления слухов о подложности «Положений» в Верхневолжье весной—летом

²² Госархив Ярославской области (ГАЯО), ф. 121, оп. 4, д. 77, л. 40—41.

²³ Госархив Костромской области, ф. 133, оп. 27, д. 16125, л. 2.

1861 г. глубже, чем единичные иллюстрации, раскрывают причины, породившие идею недоверия. Основными из них были глубокое разочарование реальным содержанием начавшегося «освобождения», сильная вера в царя и ненависть к помещикам и чиновникам. Не веря объявленным «Положениям», крестьяне верили в наличие других, которые могли, по их представлениям, исходить только от царя.

На втором этапе (осень 1861—1863 г.) откровенно наивное сомнение в истинности «Положений» сменяется не менее наивным ожиданием новой воли — так называемого «слушного часа». В основе его остается вера в добрые намерения царя относительно крестьян. Эта идея «слушного часа» — факт, также общеизвестный в литературе. Но статистическая обработка случаев распространения слухов, анализ их разнохарактерного, но идейно единого содержания раскрывают разнообразие крестьянских взглядов на истинную волю. Одни слухи отразили мечту получить землю безвозмездно и немедленно, другие — получить полные наделы и с лесами, третьи — иметь право на свободное переселение, и проч. В то же время распространение рассматриваемого слуха указывает на стойкость в крестьянском сознании веры в неизбежность наступления настоящей воли и столь же попрежнему стойкое упование на добрые намерения царя. Именно это обстоятельство, а также неистребимое стремление удовлетворить свои чаяния об истинной земле и воле и породили вторую волну слухов после «освобождения», зафиксированную в донесениях с мест.

Из указанных в таблице типов слухов наиболее постоянными были слухи о понижении повинностей или предстоящих льготах по земельному вопросу. Они циркулировали в течение всего пореформенного времени, но особенное распространение получили во второй половине 60-х—первой половине 70-х годов. Это объясняется усилением податного гнета в связи с проведением выкупной операции, увеличением числа повинностей (например, земских) и в конечном счете интенсивным разорением деревни. Изученные нами 36 зафиксированных слухов подобного характера показали, что для крестьянских настроений было характерно состояние ожидания каких-то позитивных перемен в податном и земельном вопросах. Так, в 1870 г. начальник Нижегородского ГЖУ доносил III отделению об ожидании крестьянами губернии «каких-то новых льгот» и «что земельный надел безвозмездно перейдет в их собственность»²⁴. В Корчевском уезде Тверской губернии разнесся слух, что после 19 февраля 1870 г. крестьянские усадьбы перейдут в собственность крестьян без всякого выкупа, а от полевого надела крестьяне могут отка-

²⁴ Савельев И. С. Крестьянское движение в России во второе пореформенное десятилетие. — Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1968, т. 191, вып. 9, с. 78.

заться²⁵. Как видим, и в случаях подобного характера крестьяне выразили весьма умеренные требования.

Особенно выдающееся значение — по широте, одновременно распространения и воздействию на массы — получил слух о «черном переделе» помещичьих земель. Отдельные слухи, отражавшие стремление крестьян получить все помещичьи земли, проявлялись еще накануне реформы, реже — в 60-х годах. Однако с середины 70-х годов, как указывают источники, слухи о «черном переделе» стали повсеместными и вызвали тревогу правительства, которое устами министра внутренних дел Макова поспешило их опровергнуть. Примечательно, что из 42 выявленных нами случаев распространения слуха о «черном переделе» 38 приходится на период второй революционной ситуации — 1879—1881 гг. Разумеется, здесь недопустимы преувеличения в оценке значения слуха о «черном переделе». Пока он еще выступал в крестьянском сознании смутно, был желанно-выжидательной мечтой, не становился лозунгом действия, как это произойдет несколькими десятилетиями позже. Происхождение слуха о «черном переделе» помещичьих земель связано с глубокими изменениями, происшедшими в мировоззрении крестьянства за 10—15 лет после отмены крепостного права: «раскрестьянивание» деревни, ее интенсивное втягивание на путь капиталистического развития, недостаток земли, испытываемый всеми слоями крестьянства — все это питало слухи о «черном переделе» земель. Систематически в различных местах Верхневолжья с середины 70-х годов этот слух стал фиксироваться в донесениях официальных лиц. Таковы истоки и время возникновения данного источника.

Уравнительное распределение земли — вот о чем главным образом мечтало крестьянство Верхневолжья. В 1879 г. начальник Тверского ГЖУ полковник Есипов доносил III отделению: «Неизвестно, откуда взялось, но . . . было очень распространено в народе убеждение о предстоящем будто бы в скором времени переделе земель. Причем между крестьянами носились слухи, что всем достанется земля поровну. . .»²⁶. В том же году и туда же начальник Нижегородского ГЖУ писал: «Все классы общества, находящиеся на ярмарке (Нижегородской. — В. В.), высказывают полную и безграничную преданность правительству. Не могу того сказать о губернии и о самом Нижнем Новгороде. В уездах Васильсурском, Сергачском, Лукояновском и отчасти Макарьевском упорно держатся слухи между крестьянами о переделе земли и о том, что от помещиков земля будет отобрана и разделена поровну между земледельцами. . . почему во многих местах не получается оброк и арендная плата своевременно»²⁷.

²⁵ ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 18232, л. 26 об.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 экзп., д. 154, л. 104 об.

²⁷ Там же, д. 30, л. 77.

Ряд слухов содержал конкретную «программу» будущего передела: сколько каждый получит земли и в какие сроки. Слухи в целом единодушно «устанавливали» срок передела между 1879 и 1882 гг. и норму надела не менее 7—10 дес. на душу. Так, в Мышкинском уезде Ярославской губернии в 1879 г. распространился слух, что «с 1 мая от господ отберут землю и передадут крестьянам, а затем будет размежевка» по 7 дес. на душу, о чем доносил уездный исправник губернатору²⁸.

Наиболее радикальными по содержанию были слухи, в которых отразилась идея ликвидации не только помещичьего землевладения в результате передела земель, но и самого класса помещиков. В августе 1881 г. нижегородский крестьянин В. Литюшкин передавал односельчанам слух о том, что «до будущего года всех господ перевешают, а землю их поделят между всеми»²⁹.

Все это свидетельствует о том, что со второй половины 70-х годов XIX в. в крестьянском мировоззрении стали происходить качественные сдвиги. Как известно, В. И. Ленин идею ликвидации помещичьего землевладения и равного распределения земель считал в «борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом... самой революционной для крестьянского движения идеей...»³⁰. Подчеркивая социальную суть этой идеи, он указывал, что «лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен»³¹.

Зафиксированные слухи о «черном переделе» земли как источник содержат ценные данные о времени, когда для крестьян стала особенно ощутима острота противоречий вторгавшегося в их жизнь капитализма и сопротивлявшихся ему патриархальщины, остатков крепостничества. Слухи о «черном переделе», таким образом, отразили объективное стремление крестьян расчистить путь к буржуазному развитию деревни.

Особое место среди слухов, распространявшихся в пореформенной деревне, занимают слухи не аграрного, а скорее политического содержания. Так, в ряде из них утверждалась мысль о ликвидации дворянского сословия, а отсюда и изменения формы государственного управления. В одной группе слухов царистские настроения переплетались с антипомещичьими, в другой — со сменой царя либо политического строя связывались надежды на решение аграрного вопроса. Нами выявлено 36 слухов подобного рода. Приведем наиболее характерные из них. В 1880 г. в Корчевском уезде Тверской губернии распространился слух, что участниками покушения на царя являются дворяне, поэтому

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1879 г., д. 401, л. 34—35 об.; ГАЯО, ф. 73, оп. 4, д. 3480, л. 1—2.

²⁹ Госархив Горьковской обл. (ГАГО), ф. 2, оп. 5, д. 1807, л. 1

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 226—227.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 102.

крестьяне могут их бить. Начальник Тверского ГЖУ, усматривая в слухах такого рода «политическое значение», полагал, что от него могут «произойти весьма важные и вредные последствия»³². (Действительно, в результате такого слуха в марте 1881 г. в Тверской губернии произошло бежецко-весьегонское выступление крестьян, сопровождавшееся массовым избиением помещиков³³.) В Кологривском и Варнавинском уездах Костромской губернии в марте 1881 г. распространился слух против премника Александра II. В нем утверждалось, что Александр III хочет возвратить крепостное право, так как его предшественника на престоле дворяне убили за то, что он отменил право владельцев на крестьян³⁴.

Слухи политического содержания особенно заметно стали распространяться в конце 70-х годов, но особенно в годы второй революционной ситуации. Они явились результатом контактов крестьян-отходников с революционно-демократической интеллигенцией и террористических действий народовольцев. Сведения, получаемые крестьянами об этих необычных событиях в стране, проходили сквозь сложную призму их миропонимания. В процессе осмысления событий они увязывались с извечной надеждой крестьян на улучшение жизни, и в результате рождался тот или иной слух. Проходя через восприятие сотен людей, слухи трансформировались в различных вариациях, принимали порой разные формы. Поэтому при работе с таким источником важно среди различных домыслов найти ту идею, которую крестьянство в форме слуха источало из своей среды.

В целом слухи при их тщательном отборе и массовой группировке являются богатым по своему разнообразию и оттенкам источником. Но при их использовании необходимо учитывать специфику их происхождения и неизбежность трансформации тех или иных реальных событий, явившихся источником возникновения слуха.

Большой научный интерес представляют источники, отражающие антицаристские настроения, которые медленно, но неуклонно проникали в среду пореформенного крестьянства и являлись чертами его идеологии. Сравнительно заметным явлением эти настроения, выражавшиеся, в частности, в форме оскорбительных высказываний в адрес царя и лиц царствующего дома, стали с 70-х годов XIX в. Они не только отражали растущее в деревне озлобление против самодержца, но и объясняли причины ослабления веры в него части крестьян как в защитника их интересов, свидетельствуя о начале разрушения царистских иллюзий крестьянства в пореформенную эпоху. Это явление было вызвано главным образом крайней неудовлетворенностью крестьян

³² ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 8332, л. 3—4.

³³ *Виноградов В. А.* Крестьянское движение в Тверской губернии в 1861—1881 гг. — В кн.: Крестьянское и революционно-демократическое движение в XVIII—XIX вв. Калинин, 1969, с. 126—129.

³⁴ Госархив Костромской области, ф. 133, оп. 31, д. 942, л. 46, 63.

«освобождением», дарованным царем. Несбыточными надеждами остались ожидания крестьян от царя новой воли 19 февраля 1863 г., ослабления податного гнета после 19 февраля 1870 г. Эти обстоятельства незаметно подтачивали веру крестьян в царя как своего покровителя и защитника. В 70-х годах, и особенно во второй половине их, в атмосфере общего недовольства крестьян, усугубляемого к тому же тяготами русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в полицейских учреждениях стал заметным резкий рост «дел об оскорблении его величества».

Материалы об «оскорблении величества» хранятся как в центральных, так и в местных архивах. В ЦГАОР СССР они сосредоточены в основном в фонде III отделения (ф. 109), где в описях дел выделены специальные разделы «О лицах, произнесших дерзкие слова против особы его императорского величества» (эксп. 1, оп. 9). В ЦГИА СССР подобные документы хранятся главным образом в фонде министерства юстиции, в областных государственных архивах — в основном в фонде канцелярии губернатора. К сожалению, судя по отметкам в описях, многие дела по различным причинам отсутствуют. Поэтому наличные материалы об «оскорблениях» не отражают всех фиксировавшихся случаев. Например, по данным министерства юстиции в 1877 г. было рассмотрено 1351 дело указанного характера, в 1878 г. — 1051 и в 1879 г. — 961³⁵. По данным же описей III отделения в эти годы прошло соответственно 773, 563 и 1186 дел³⁶. Следовательно, только изучение документов всех указанных фондов и архивов позволит восстановить данные, близкие к реальности.

Источник этот достоверен, поскольку каждый случай «дерзких произнесений» тщательно проверялся и подтверждался, как правило, группой свидетелей, без чего не фиксировался как преступление. В материалах следствия содержание «произнесений» фиксировалось дословно, вплоть до нецензурных выражений по отношению к царю или представителю царской фамилии. Но, точно отражая дословное содержание «произнесений», власти объясняли причину их происхождения, как правило, состоянием опьянения оскорбителя. Однако уже современники этих событий указывали на ошибочность подобного утверждения. Так, в листке «Народная воля» (№ 5) от 5 февраля 1881 г. в разделе «К статистике государственных преступлений в России» читаем: «...Приходилось слышать указания на то, что преступления — оскорбления величества... не следует вводить в одну сумму с прочими, так как оскорбления величества часто производятся спьяна, в порыве раздражения и пр. и не выражают поэтому какого-либо революционного духа. Я не могу согласиться с этим... (имя автора заметки в листке не указано. — В. В.). Человек, оскорбительно отзывающийся о представителе верховной вла-

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 352, 354. Подсчеты наши. — В. В.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., оп. 52—54.

сти или произносящий против нее угрозы, очевидно, в душе не уважает этой власти и более или менее озлоблен против нее... Оскорбления величества совершаются наиболее в тех местностях, где совершается наибольшее количество государственных преступлений вообще»³⁷.

Антицаристские высказывания как новое идейное проявление в среде пореформенного крестьянства, особенно в 70-х—начале 80-х годов XIX в. (в XVII—XVIII вв. они были направлены против «плохого» царя), в литературе также еще не стали предметом специального исследования. Между тем и современники, и советские исследователи, занимающиеся проблемами общественного движения, придают этому явлению большое значение.

Так, еще в 70-х годах прошлого столетия орган революционных народников «Черный передел», ссылаясь на антицаристские высказывания крестьян, отмечал, что убийство царя народовольцами привело к определенным сдвигам в крестьянских умах³⁸. Народовольцы также считали «оскорбления величества» выдающимися фактами народного протеста³⁹. Исходя из этого, они придавали большое значение подсчету и анализу всех известных им тогда подобных фактов⁴⁰.

После Великого Октября, когда перед советскими исследователями открылись фонды архивов, вышло в свет несколько работ, в которых авторы на основании выявления и анализа дел «об оскорблении величества» вскрыли довольно внушительную картину роста антицаристских настроений, но лишь после 1 марта 1881 г., т. е. после убийства царя народовольцами⁴¹.

В 60-х годах вышел ряд работ, в которых факты «произнесения дерзких слов» правомерно рассматривались как форма проявления крестьянского протеста и ставилась задача более детального их исследования⁴². Вместе с тем некоторые авторы ограничивались лишь отдельными примерами. Так, П. А. Зайончковский, указав на один факт антицаристского высказывания крестьян

³⁷ Литература партии «Народная воля». Вып. 1, под ред. Базилювского В. (В. Богучарского). — Русская историческая библиотека, 1889, № 9, с. 214.

³⁸ «Черный передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М.; Пг., 1923 (Памятники агитационной литературы), т. 1, с. 294.

³⁹ Волк С. С. «Народная воля». 1879—1882 гг. М.; Л., 1966.

⁴⁰ Литература партии «Народная воля». Париж, 1905, с. 276. Первым, кто пытался обработать официальные данные об «оскорблении величества» и представить их как государственные преступления, был бывший народовец Л. Л. Берман. См.: Берман Л. Л. После 1 марта 1881 г. — В кн.: Народовольцы. М., 1931. Сб. III.

⁴¹ Волк С. С. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, № 2; Берман Л. Л. Указ. соч.; Полосин И. И. Мужичкий отклик на 1 марта. — Каторга и ссылка, 1926, № 3.

⁴² Батова Е. И. Указ соч.; Крикунов В. П. Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революционной ситуации в России в 1879—1881 гг. — Учен. зап. Кавказ. пед. ин-та, Нальчик, 1955, вып. 7; Смирнова Г. К. Классовая борьба крестьян Ярославской губернии в пореформенный период. — Учен. зап. Вологод. пед. ин-та, Вологда, 1954, т. 14 История.

в годы второй революционной ситуации, заметил, что «других примеров подобных настроений мы привести не можем»⁴³. Несколько более подробно на этом вопросе останавливается С. С. Волк. В частности, он, ссылаясь на опубликованные и архивные данные, показывает, что случаи «произнесения дерзких слов» в период второй революционной ситуации носили далеко не случайный и не единичный характер⁴⁴.

Данную проблему применительно к Тверской губернии затронул автор настоящей статьи⁴⁵, но в целом по стране эта своеобразная форма крестьянского движения и проявления идейных течений в среде трудящихся деревни в пореформенное двадцатилетие в литературе не освещалась.

Рассмотрим более конкретно указанный источник для изучения идейных проявлений в настроениях крестьянства. По нашим данным, извлеченным из описей архивных фондов III отделения, в России с 1860 по 1881 г. включительно против крестьян было возбуждено не менее 3448 дел об «оскорблении величества»⁴⁶. Из них до 1870 г. — 342 дела, в 1870—1878 гг. — 1434 и в 1879—1881 гг. — 1672 дела, в том числе в 1881 г. 675 дел. Соответственно в Верхневолжье: 1861—1869 гг. — 5 дел, 1870—1878 гг. — 44, 1879—1881 гг. — 185, в том числе в 1881 г. 89 дел. Всего не менее 234 «произнесений».

По характеру своему «произнесения» делятся на две группы: первая — просто оскорбления личности царя без объяснения их мотивов. Таких «дел» о «произнесениях» насчитывается 112 из 234, возбужденных против крестьян Верхневолжья. К сожалению, из этих документов, кроме самого факта оскорбления, показывающего лишь глубокую неприязнь, злобу или ненависть к монарху, невозможно увидеть конкретные мотивы, которыми руководствовался произносивший. Вот пример. Тверскому губернатору в 1879 г. донесли, что корчевский крестьянин Я. Постнов публично «произнес матерные слова в соединении с именем государя императора»⁴⁷.

Как источник наиболее содержательны другие 122 «дела» об «оскорблениях величества», в которых четко изложены причины недовольства крестьян царем. В целом эти причины сводятся к следующему: царь реформой обманул и ограбил крестьян, ко-

⁴³ *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг., с. 14.

⁴⁴ *Волк С. С.* Указ. соч., с. 123.

⁴⁵ *Виноградов В. А.* К вопросу о влиянии пароднической пропаганды 70-х — начала 80-х годов на революционные настроения крестьян Тверской губернии. — В кн.: Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР: Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск, 1972; *Он же.* Антипаристские высказывания крестьян — форма идейного выражения классовой борьбы в пореформенной деревне. 60-е — начало 80-х годов XIX в. — В кн.: Вопросы историографии и истории крестьянства. Калинин, 1975.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., оп. 35—55.

⁴⁷ ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 8516, л. 1.

торые, получив плохие наделы, несут несоизмеримые возможностям хозяйства повинности; царь не является защитником интересов крестьян. Приведем типичные высказывания указанного содержания. 13 марта 1881 г. крестьянин Рыбинского уезда Ярославской губернии Матвей Платонов рассуждал: «Государь наш жил на земле, но о земных мало думал. Вот государя теперь и убили — туда ему и дорога»⁴⁸. Один из нижегородских крестьян оскорбление царя мотивировал грабительским характером реформы. Он говорил: «Какая это воля, если поля, и луга, и леса отобрали от нас помещикам»⁴⁹. В следующем высказывании ухудшение положения крестьянства связывается непосредственно с антинародными действиями царя. В 1881 г. мологский крестьянин из Ярославской губернии Федор Шишкин доказывал односельчанам: «Это все царшко, сукин сын, сделал. Прежде осина стоила 20 коп., а теперь он вогнал ее в рубль. Точно так же от него и хлеб вздорожал... Не я один так говорю... Как же не ругать государя после этого, что стала такая дороговизна, что приступить к ней ни к чему нельзя. Все это из-за него. За дело его, мошенника, и бьют. Урядниками оковал Россию, богатым дал волю, землю на выкуп, а эти богатые выкупятся за нас же и сожмут»⁵⁰. В этом высказывании содержится и оправдание террористических актов народовольцев. Заметим, что последнее прослеживается во многих высказываниях, а в ряде из них звучит открытая симпатия революционерам.

Таким образом, «дела» о «произнесениях» раскрывают выживание и развитие антицаристских настроений среди пока еще очень небольшой части крестьянства, а также причины этого явления.

Важным и непеременимым источником для изучения идеологии пореформенного крестьянства являются требования трудовых масс деревни, предъявлявшиеся ими в ходе открытой борьбы, а не только при подаче жалоб и прошений. Эти требования зафиксированы в переписке и донесениях должностных лиц (мировых посредников, предводителей дворянства, губернаторов, чиновников губернских и уездных по крестьянским делам присутствий, судебных следователей, станowych приставов и др.). Донося о выступлении, они, как правило, указывали причины, вызвавшие недовольство крестьян. Однако, в целом верно передавая суть требований крестьян, авторы донесений давали им тенденциозную оценку, видя в них либо неповиновение крестьян, либо непонимание крестьянами своих обязанностей, установленных законом, либо влияние «подстрекателей». Это обстоятельство не мешает обнаружить в источнике сущность крестьянских лозунгов и требований, в которых крестьянство выражало свои взгляды и стремления по самым насущным проблемам деревни.

⁴⁸ ГАЯО, ф. 73, оп. 4, д. 3661, л. 9.

⁴⁹ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 997, л. 3 об.

⁵⁰ ГАЯО, ф. 73, оп. 4, д. 3684, л. 10 об.

В Верхневолжье в 1861—1881 гг. только по обнаруженным нами данным произошло не менее 1058 выступлений. Архивные материалы об этих выступлениях являются богатым источником для изучения требований борющегося крестьянства. Приведем лишь некоторые, наиболее типичные примеры. Крестьяне ярославского помещика А. И. Мусина-Пушкина отказались в мае 1861 г. выполнять барщину и оброк. Они требовали отменить 30-рублевый оброк на тягло и ввести, как прежде, 18-рублевый и 3-дневную барщину⁵¹. Нижегородские крестьяне Сергачского уезда, деревни Кружевки в 1863 г. отказались выполнять барщину, требуя, в соответствии с законом, выкупа и удобно расположенного полного надела, переноса помещиком их строений⁵².

Анализ требований крестьян во всех выявленных нами 1058 выступлениях показывает, что лишь в единичных случаях крестьяне решались высказывать мысль о передаче им всех помещичьих земель. Таким образом, во всех источниках — жалобах, прошениях, требованиях крестьян — мы не обнаруживаем постановки ими вопроса о ликвидации помещичьего землевладения. И, как мы убедились выше, лишь такой источник, как слухи, позволяет утверждать, что с середины 70-х годов в среде крестьянства еще очень смутно, но уже начинает вызреть идея передела помещичьих земель.

Как показывает анализ указанных источников, пореформенное крестьянство требовало лишь части помещичьих земель. Это выразилось в стремлении крестьян сохранить за собой отрезанные земли, помещичьи леса, которыми они пользовались до отмены крепостного права, удобные выгоны, водонои и сенокосные угодья, юридически принадлежавшие помещикам. Учитывая, что не только в Верхневолжье, но и по всей стране недовольство крестьян в пореформенный период проявилось главным образом в отказе нести повинности, можно судить, что часть крестьянства считала сохранение повинностей в пользу помещиков не совместимым с понятием «свобода», часть допускала лишь минимальный их размер. Анализ требований крестьян показывает, что экономической гарантией воли они считали сохранение прежних наделов с прирезками к ним земли до 8—10 дес., т. е. надел, примерно соответствовавший размеру наделов государственных крестьян. Однако отсутствие требования раздела помещичьих земель среди крестьян Верхневолжья в 60-х—начале 80-х годов XIX в. не означает, что в других районах России не могли возникнуть более радикальные стремления.

Для изучения революционных настроений, проявившихся в среде пореформенного крестьянства примерно с 70-х годов XIX в., основным источником являются протоколы следствий по делам о крестьянах, привлеченных за антиправительственные действия. сосредоточенные главным образом в фондах III отделения, мини-

⁵¹ ГАЯО, ф. 121, оп. 4, д. 52, л. 31 об.

⁵² ГАГО, ф. 66, оп. 12, д. 542, л. 12.

стерства юстиции, департамента полиции исполнительной, особенно присутствия правительствующего сената, губернаторов и начальников ГЖУ. В них зафиксированы показания обвиняемых, где отражены их взгляды на ряд аграрных и политических вопросов. Эти документы особенно интенсивно оседали в делопроизводстве указанных судебных, следственных и административных учреждений в 70-х годах XIX в., когда крестьянство впервые в относительно широких размерах приняло участие в революционной борьбе народников. По нашим подсчетам, только в Верхневолжье в 70-х—начале 80-х годов XIX в. были привлечены к следствию за участие в революционной деятельности народничества 274 крестьянина, как правило из отходников⁵³. Важны также данные «Биобиблиографического словаря. Деятели революционного движения в России» и сборника правительственных сообщений «Государственные преступления в России в XIX веке», которые помогают выяснить количество крестьян, привлеченных к следствию за участие в революционной деятельности, и определить их роль в революционном движении. Показания подследственных крестьян, как правило, зафиксированы дословно, ибо следователи детально записывали все оттенки ответов арестованных.

В литературе вопрос об участии представителей крестьян в революционной борьбе народничества освещен еще слабо и полной картины революционных действий передовой части крестьянства нет. Особый интерес представляет выяснение содержания пропагандистских высказываний крестьян, поскольку именно они помогают представить уровень революционного мышления наиболее сознательной части крестьянства, которая по своему развитию стояла значительно выше массы односельчан.

Основные положения крестьянских пропагандистов, естественно, формировались под воздействием революционных народников. Они сводились к следующему: в России неизбежны политические преобразования, которые выразятся в установлении республики, замене наследственного царя выборным (т. е. президентом), после чего ликвидируется всякое неравенство, а следовательно, исчезнет и господствующий класс. Крестьяне должны прекратить уплату податей и выполнение других повинностей, поскольку они используются лишь в интересах царя, его двора и господствующего класса, а не народа.

Конкретно пропаганда этих положений выглядела так. В 1877 г. в Мышкинском уезде Ярославской губернии крестьянин Никанор Петров под влиянием образовавшегося здесь народнического кружка А. Соснина сам приступил к пропаганде в деревне. Он говорил слушателям: «Крестьянин в России задавлен податями. Таковых платить не следует. Повиноваться правительству не должно и следует управлять самим. А потому царь и правительство

⁵³ Биографические данные, которыми мы располагаем, показывают, что указанные крестьяне, будучи в отходе, не порывали связи с деревней и, как правило, оказавшись под следствием, ссылались на родину.

не должны существовать, так как правительство обирает крестьян несправедливо... Податей платить не надо, излишнее имущество у богатых отнять и наградить неимущих. И в этом случае будет равенство»⁵⁴. В ноябре 1880 г. нижегородский крестьянин Алексей Шаров говорил в кругу односельчан: «Хлеб у нас дорогой через правительство, потому что правительство берет большие пошлины, раздает большие жалованья офицерам и отставным, а между тем народ грабит... Нужно делать, как во Франции. Вот там все равны: и господа, и купцы, и крестьяне — и не отбывают никаких повинностей... Там республика, нужно и у нас республику, не нужно государя. А устранить это можно, когда захочет весь народ. Его преследовать никто не будет, потому что весь народ нельзя перевешать. Начальником у нас будет такой же, как и мы»⁵⁵. Примеров подобных рассуждений крестьян можно бы привести больше, и они позволяют проследить существенные изменения, которые произошли в мировоззрении передовой части крестьянства в 70-х—начале 80-х годов. В данном случае речь идет о самом начальном этапе проникновения революционной идеологии в среду крестьянства. Сопоставление высказываний одних и тех же последственных крестьян, но отраженных в материалах различных фондов указывает на достоверность данного источника. На допросах крестьяне, как правило, пытались умалить роль и место своего участия в революционном движении, но в то же время их вынуждали в конце концов высказывать откровенно свои взгляды на различные вопросы социально-экономической, политической и общественной жизни страны. Свидетельские показания по делу об обвинении в революционной пропаганде почти дословно передают содержание пропагандистских высказываний революционно настроенных крестьян.

Таким образом, источниковая база проблемы идеологии пореформенного крестьянства чрезвычайно богата, хотя комплексное ее изучение крайне сложно и трудоемко в силу разбросанности материалов в сотнях фондов различных государственных архивов. Необходимы усилия большого числа исследователей в целях всестороннего изучения такой сложной, многогранной и малоисследованной темы, как идеология пореформенного крестьянства.

⁵⁴ ГАЯО, ф. 906, оп. 4, д. 52, л. 50—51.

⁵⁵ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 894, л. 1 об.—2.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СУДЬБЫ ДАРСТВЕННИКОВ В РОССИИ

О. Н. Бурдина

Исследование истории пореформенного крестьянства в нашей стране требует специальной разработки ряда источниковедческих проблем, среди которых не последнее место занимает вопрос об источниках, отражающих эволюцию сравнительно немногочисленных категорий крестьян, и в частности дарственников. Будучи порождением реформы 1861 г., последние имели небольшой удельный вес в сельском населении, однако без изучения их истории нельзя получить полное представление о составе, положении и борьбе российского крестьянства. Численность крестьян-дарственников по обследованию 1907 г. составляла 461 244 ревизские души¹. Их судьба интересна тем, что это была единственная категория крестьян, которых реформа экспроприировала почти по английскому образцу. К. Маркс писал: «В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев»². К такой именно категории людей относились и дарственники, поэтому изучение их истории представляет не только конкретно-исторический, но в определенном отношении и методологический интерес.

К сожалению, источниковая база, непосредственно отражающая положение дарственников, невелика — это уже упомянутые материалы их обследования, проведенного в 1907 г. Поэтому принципиальную важность представляет выработка такой методики анализа источников, которая позволила бы не только полностью привлечь указанные материалы, но и выделить сведения, характеризующие экономическую жизнь дарственников, из земской статистики, которая специально дарственниками не занималась. Иначе говоря, необходимо привлечь весь комплекс данных о дарственниках за 1861—1907 гг.

¹ Дарственное надельное землевладение крестьян (по обследованию 1907 г.). СПб., 1908.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 728.

Следует отметить, что специальных работ о дарственниках немного, и исследователи обращались к вопросу о них, как правило, лишь в процессе изучения истории крестьянской реформы и ее последствий³. Никто из них, за исключением Б. Г. Литвака, не раскрыл своей методики анализа источников. Материалы местных архивов, хотя и обогащали литературу новыми фактами (позволившими, например, уточнить количество дарственников), ограничивали изучение вопроса лишь рамками отдельных губерний.

Некоторые данные о дарственниках можно почерпнуть из выкупных актов, журналов губернских по крестьянским делам присутствий, материалов уездных судов, нотариальных контор, отчетов губернаторов. Все эти источники, хотя и дают некоторые сведения по вопросу, очень трудны для обработки, но, главное, они разрознены, отрывочны, чрезвычайно локальны и могут служить только иллюстрацией к систематизированным сведениям статистического сборника, появившегося в результате обследования дарственного землевладения в 1907 г. Это единственный источник, дающий представление о состоянии дарственного надельного землевладения в целом по России, и им обычно пользуются историки для иллюстраций вопроса о дарственниках. Однако исследователи до сих пор специально не останавливались на истории его возникновения, не анализировали его содержания и возможностей для освещения вопроса о дарственниках в целом. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Обследование 1907 г. было предпринято в связи с тем, что в ходе проведения столыпинской реформы при решении вопросов, связанных с поземельным устройством бывших помещичьих крестьян, категория дарственников нередко останавливала на себе особое внимание властей, а более или менее точных данных о них не было. Поэтому в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Главного управления земледелия и землеустройства был составлен специальный поволостной бланк, в котором указывалось название губернии, уезда, земского участка, волости, число сельских обществ, получивших дарственный надел. К бланку прилагались три таблицы: первая — под литерой «А» — включала сведения о населении сельских обществ (обоего пола и только мужского), получивших дарственный надел, причем оно подразделялось на ревизское и приписное 1906/07 г. Из приписных выделялись земельные и безземельные

³ См.: *Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1858; *Каревская А. Г.* Крестьяне-дарственники Самарской губернии. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. Киев, 1962; *Канатов В. И.* Крестьяне-дарственники Симбирской губернии. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. М., 1965. Вып. VI; *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861—1895. М., 1972.

дворы. Специальная графа учитывала форму землевладения (общественная или подворная).

Таблица «Б» предоставляет нам сведения о земле в тех же сельских обществах: общее число десятин, из них отдельно пахотная, сенокосная, усадебная, выгон, неудобные земли. Это распределение дается по надельной земле (здесь указывается и лес) и по купчей, причем последняя подразделена на землю, приобретенную целыми сельскими обществами, товариществами и отдельными домохозяевами.

Таблица «В» показывает количество арендовавшейся и снимавшейся земли в тех же сельских обществах. Учитывались общее количество земли, пахотная и остальная, арендовавшаяся целыми обществами, товариществами и отдельными домохозяевами. Здесь же содержатся сведения о земле, находившейся в долгосрочной аренде (свыше трех лет) у целых обществ, товариществ и отдельных домохозяев.

Эти бланки должны были заполняться в волостных правлениях и подписываться волостным старшиной и волостным писарем. Руководство по заполнению бланков возлагалось на земских начальников, которые после проверки представляли их губернаторам, а последние пересылали в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики.

Поскольку действие статей Местных положений Великороссийского и Малороссийского о дарственниках распространялось на 38 губерний, в каждую из этих губерний в январе 1907 г. срочной почтой было послано в соответствии с количеством волостей нужное число бланков. В сопроводительном письме на имя губернаторов, подписанном главноуправляющим Главного управления земледелия и землеустройства Васильчиковым, указывалось на спешность дела и на необходимость вернуть заполненные бланки в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики к 1 марта 1907 г.⁴ Однако к этой дате не было получено ни одного заполненного бланка, и 6 марта управляющий отделом А. Терне послал срочные телеграммы губернаторам с просьбой ускорить дело. И только после этого из каждой губернии в несколько этапов, по мере заполнения в волостных правлениях, начал поступать материал.

Витебский, вологодский, вятский, смоленский и ставропольский губернаторы сообщили в своих отчетах, что у них дарственных сельских обществ нет. Донская же область вообще не подвергалась обследованию. Таким образом, к середине мая 1907 г. в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики был собран материал только по 31 губернии⁵.

28 мая директору департамента государственных земельных имуществ А. А. Риттиху была направлена 31 погубернская таб-

⁴ ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 1763.

⁵ Сведения по двум сельским обществам Астраханской губернии были присланы только в августе того же года. Они вошли в сборник, но при первичной обработке материала их не было.

лица со сведениями о крестьянах, получивших дарственный надел, с указанием количества недостающей для них земли по продовольственной норме с сопоставлением имеющегося в распоряжении правительства земельного фонда (в поуездном разрезе). Видимо, вопрос о дарственниках встал в департаменте государственных земельных имуществ, и по его просьбе отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики предпринял это обследование.

После дальнейшей обработки полученных сведений материалы были изданы в конце декабря 1908 г. тиражом 500 экземпляров, из которых 350 переданы в департамент государственных земельных имуществ. Сборник состоит из общих выводов и двух табличных разделов: в первом помещена поуездная сводка всего материала, а во втором — сведения о количестве населения и землепользовании по каждому дарственному сельскому обществу отдельно.

Если судить по тому, с какой поспешностью собирался материал, можно заключить, что ему придавалось большое значение. Но спешка определила и его качество.

К сожалению, нам не удалось обнаружить в архиве 31 погубернскую таблицу, составленные при первичной обработке волостных бланков, но, по-видимому, то, что представлено в поуездных данных в первом разделе сборника основано на этих первичных таблицах. Эти данные почти полностью соответствуют вопросам в поволостном бланке, разница лишь в том, что в бланке в сведениях о наделной и купчей земле отсутствует графа о нераспределенной земле, а в поуездных таблицах сборника нет раздела о долгосрочной аренде и, кроме того, арендовавшаяся земля не подразделяется на пахотную и остальную.

В итоге получилось, что в обследованных губерниях было зарегистрировано 3242 сельских общества, получивших дарственный надел. В них насчитывалось 247 256 дворов и 461 244 ревизские души. Общая площадь наделной земли, состоявшей в пользовании этих крестьян, равнялась 485 228,8 дес., т. е. на один двор приходилось 1,9 дес. Площадь купчих земель достигала 649 174,3 дес., что на 34% больше наделной, а площадь арендовавшейся и снимаемой — 929 360,6 дес., т. е. на 91,1% больше наделной. Безземельных дворов было 30 505 (12,3% их общего количества).

Наибольшее распространение дарственников наблюдается в Поволжье (Саратовская, Симбирская, Самарская, Пензенская и Казанская губернии), затем в южной половине земледельческого Центра (Воронежская, Тамбовская и Курская губернии) и на Украине, в Екатеринославской и Полтавской губерниях.

Не менее ценные сведения представлены во втором разделе сборника, в поселенных списках. Здесь имеются данные по каждому сельскому обществу (название общества почти всегда соответствует названию деревни или села, лишь в Пензенской губернии несколько сельских обществ называются по фамилии быв-

шего владельца), о числе ревизских душ по состоянию на 1858 г., дворов и приписном населении 1906/07 г., о площади всей надельной земли и отдельно удобной, о площади всей купчей земли и отдельно удобной, причем только той купчей, которая была приобретена целыми сельскими обществами. Она составляла 509 842,4 дес. Вынесение в поселенные списки именно этих данных объясняется тем, что по ним были получены, по мнению составителей сборника, наиболее точные и исчерпывающие ответы.

Составители сборника отмечали, что первичный материал был не всегда в достаточной мере полным и достоверным, но что в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики были проведены внимательный отбор и проверка данных по спискам населенных мест и по земским работам. В результате неточности в сборнике состоят лишь в том, что «в группу общин с дарственным наделом кое-где все-таки вошли такие, которые получили землю на иных основаниях, хотя, конечно, число таких общин должно считаться ничтожным»⁶.

Это предупреждение следует иметь в виду, но нам представляется, что оно не может препятствовать использованию материалов сборника, так как в экономическом отношении эти общества находились в равном положении с дарственниками и они не повлияют на конечный итог при расчетах.

Несмотря на многочисленность приведенных в сборнике сведений, они не могут вполне удовлетворить исследователя. Спешка при их сборе, как увидим ниже, не могла не повлиять на степень достоверности, полноты и точности, но, главное, они не отражают состояния крестьянских хозяйств до реформы. А между тем выяснить конкретные поводы, заставившие крестьян соглашаться на дарственный надел или даже просить перевода на дар, нельзя без представления о дореформенных условиях крестьянского хозяйствования. Одним из важнейших элементов крестьянского хозяйства был надел, но сведений о дореформенном наделе дарственников в сборнике мы не находим. А без знания этого основного показателя практически невозможно установить те изменения в социально-экономической жизни дарственников, которые повлекла за собой реформа. Где же выход?

Так как дореформенный надел дарственников нигде не указывался, то некоторые исследователи выясняли его расчетным путем, умножая число душ на средний душевой дореформенный надел в данной местности. В результате сведения получались приблизительные. Чтобы выявить наиболее точную картину дореформенного состояния будущих дарственников, Б. Г. Литвак предложил следующий методический прием: данные поселенных таблиц, помещенных во второй части сборника, сопоставить со «Списками населенных мест Российской империи» (в целях уточ-

⁶ Дарственное надельное землевладение крестьян..., с. III. В табл. 1 даем сведения о выявленных неточностях.

нения соответствия названий сельских обществ названиям селений) и со «Сведениями о помещичьих имениях свыше 100 душ», помещенными в «Приложениях к трудам редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». В том и другом сборниках материал дан в пределах селений, и это позволяет его сопоставлять. Из «Сведений...» можно почерпнуть дополнительные данные о величине дореформенного надела и в результате определить точный размер отрезанной у дарственников земли⁷.

Как уже отмечалось, не все сельские общества, помещенные в сборнике «Дарственное надельное землевладение крестьян» можно найти в «Сведениях...», поэтому остальные имеющиеся в сборнике и не найденные в «Сведениях...» общества следует отнести в группу «менее 100 душ». Таким образом, все без исключения дарственные селения можно сгруппировать по размерам имений и выяснить, в каких имениях преобладали дарственники.

Что касается формы эксплуатации, то она может быть определена опять же для селений, отраженных в «Сведениях...», т. е. в тех, где было свыше 100 душ.

В результате группировки сельских обществ по размерам имений и форме эксплуатации можно получить точные данные о том, у каких владельцев были дарственники, какую повинность они отбывали, каково было их земельное обеспечение до выхода на дар, выходило ли селение в целом или частично на дарственный надел. Сравнивая дореформенный и пореформенный наделы и поузездную группировку этих данных по форме эксплуатации и размерам имений, можно определить степень сокращения этого надела, а кроме того, выяснить, какие помещики давали дарственный надел охотнее — крупные или мелкие, какие крестьяне превалировали среди дарственников — барщинные или оброчные и у кого из них надел сократился в большей степени.

Ценность этого приема состоит в том, что его можно применить ко всем губерниям, в которых было произведено обследование дарственного надельного землевладения. И несмотря на то что полный набор показателей можно получить приблизительно лишь по 40% дарственных селений, этот метод значительно расширяет наши возможности в изучении социально-экономического положения дарственников до реформы и позволяет раскрыть некоторые закономерности, определявшие выход крестьян на дар.

Однако и эти сведения о крестьянах-дарственниках представляются нам недостаточными, так как они рисуют картину их экономического состояния лишь в предреформенные и первые послереформенные годы из более чем 50-летней истории этой категории крестьян. Поэтому необходимо привлечение дополнительных данных, которые могли бы показать развитие их хозяй-

⁷ Лигвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861—1895. М., 1972, с. 170—172.

ства на протяжении более или менее длительного времени. Такие сведения можно почерпнуть из материалов земской статистики.

Земские статистические сборники начали появляться в конце 70-х—начале 80-х годов, т. е. в то время, когда у дарственников определились способы ведения хозяйства. К сожалению, земская статистика не охватывает всех губерний, в которых имелись дарственники⁸, но в тех случаях, где она имеется, мы можем проследить эволюцию хозяйства дарственников, а кроме того, уточнить и дополнить сведения о причинах получения дарственного надела. В качестве примера можно привести статистические сборники по Самарской губернии, в которых мы находим объяснение явлениям, способствовавшим возникновению и определившим существование дарственных хозяйств⁹. Так, например, по трем селениям Самарского уезда приводятся причины выхода крестьян на дар¹⁰. В с. Владимирском свой отказ от полного надела крестьяне объяснили тем, что в момент их переговоров с помещиком о надельной земле к ним приезжал один «горшечник» и уверял, что «земля беспрременно будет передана всем крестьянам даром. Барин долго уговаривал нас принять надел, плакал, икону со стены снимал, что нас не обманывает, но старики ошалели». В с. Воздвиженка крестьяне объясняли нежелание идти на полный надел тем, что им «на барщине жить было тяжело, а потому как только объявили волю, рады уйти от барина не только без земли, но и без рубашки». Крестьяне с. Преполовенского взяли дарственный надел, так как «боялись круговой поруки за бедняков, на которых не надеялись, что они в состоянии будут внести все выкупные платежи», а это последнее обстоятельство заставило их предположить, что через 49 лет они опять будут «барскими». Мы видим чрезвычайную пестроту причин, которые отражают не только противоборство крестьян и помещиков, но и внутриобщинные противоречия, выход из которых крестьяне искали в дарственном наделении. Кулаки явно влияли на решение крестьян с. Преполовенского. Не учитывать всего этого при изучении судьбы дарственников мы не можем.

Но центральное место в земских сборниках занимают статистические таблицы, из которых видно, что обследования расширялись в процессе их проведения: перечень вопросов, отраженных в таблицах, возрастает от сборника к сборнику. Так, в Самарском, Ставропольском и Бузулукском уездах, по которым сборники изданы соответственно в 1883, 1884, 1885 гг., сведения собраны по 90 вопросам, а по Новоузенскому (сборник издан в 1890 г.) — таких вопросов уже 155. Это возрастание объема

⁸ Сборники статистических сведений имеются по Воронежской, Екатеринославской, Курской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Тамбовской и другим губерниям.

⁹ Сборники статистических сведений по Самарской губернии. М., 1883—1890, т. I—VII.

¹⁰ Там же, т. I, с. 24.

сведений происходило как за счет появления новых рубрик, так и за счет более дробного деления уже существовавших. Данное обстоятельство, хотя и дает дополнительный материал, усложняет выборку интересующих нас сведений и особенно их группировку.

Статистический материал в земских сборниках представлен по селениям, и это позволяет сопоставить его с данными других, упомянутых ранее, источников, отражающих хронологически разные периоды. С этой целью можно выбрать следующие показатели по всем дарственным селениям, рисующие социально-экономическую сторону их жизни.

I. Число ревизских душ мужского пола по состоянию на 1858 г.

II. Приписное население в период земского обследования: 1) число домохозяев, 2) население мужского пола, 3) из них работников от 18 до 60 лет, 4) безземельных дворов, 5) в них безземельных мужчин, 6) грамотных мужчин, 7) учащихся мальчиков.

III. Надельное землевладение (в дес.): в том числе земли 1) пахотной, 2) сенокосной, 3) усадебной и выгона, 4) лесной, 5) итого удобной, 6) неудобной, 7) размер надела на работника, 8) на ревизскую душу.

IV. Купчие землевладение (в дес.): 1) число дворов, имевших купчую землю, 2) количество купчей земли.

V. Аренда: 1) аренда надельной земли в других обществах, 2) аренда вненадельной земли: а) число дворов, арендовавших землю, б) общее число десятин пахотной земли, в) на какую сумму арендовались покосы и пастбища.

VI. Арендные цены на землю: 1) цены на вненадельную землю, арендовавшуюся целыми участками без различия угодий, 2) цены на пахотную землю, 3) цены на сенокосную землю, 4) цены на надельную землю.

VII. Хозяйство на надельной земле: 1) число домохозяев, имевших надел, 2) число домохозяев, обрабатывавших надел собственным инвентарем, 3) число домохозяев, обрабатывавших надел наймом, 4) число бесхозяйственных.

VIII. Скотоводство: 1) общее количество рабочего скота, 2) подворное распределение рабочего скота.

IX. Сведения о жилых строениях.

X. Промыслы.

XI. Годовой оклад платежей (в руб.): 1) на работника, 2) на десятину земли.

Помимо этого, по мере увеличения сведений в различных уездах можно также привлекать дополнительные данные, представляющие интерес и расширяющие представление о состоянии хозяйства и экономическом положении дарственников. Например, о развитии садоводства или наличии в данном селении фабрик и заводов.

К сожалению, столь обширных данных, приведенных земской статистикой, мы не находим в обследовании 1907 г., но тем не менее можно выделить ряд показателей, по которым оба эти источника сравнимы в поузедном разрезе. К ним относятся сведения: 1) о населении: а) земельных дворов, б) в них душ мужского пола, в) безземельных дворов, г) в них душ мужского пола; 2) о количестве купчей земли; 3) о количестве аренды.

Кроме того, с помощью поселенного сравнения можно уточнить и дополнить сведения о числе сельских обществ, получивших дарственный надел, о количестве крестьян в них (ревизское население мужского пола), о количестве наделной земли. Последовательное сравнение этих данных из указанных источников по каждому селению дарственников позволяет уточнить размеры и степень расхождений. Покажем это опять же на примере Самарской губернии. В табл. 1 представлены итоги этого сравнения. При анализе данных таблицы следует учесть, что даже в том случае, когда одно и то же селение представлено и в материалах обследования 1907 г., и в земских статистических сборниках, количество душ мужского пола в нем может не совпадать, причем большего доверия заслуживают земские данные, собиравшиеся в более близкое к реформе время. Так, например, в Самарском уезде в 20 идентифицированных сельских обществах по сведениям земской статистики было 6328 ревизских душ, а по обследованию 1907 г. — 6313 ревизских душ. В Бугульминском уезде в 5 сельских обществах — соответственно 501 и 530 ревизских душ; в Бугурусланском уезде в 18 сельских обществах — 1462 и 1519, в Бузулукском уезде в 27 сельских обществах — 3233 и 3198, в Николаевском уезде в 9 сельских обществах — 1413 и 1433, в Новоузенском уезде в 7 сельских обществах — 580 и 628, в Ставропольском уезде в 26 сельских обществах — 6124 и 6168 ревизских душ. В целом по губернии в 112 сельских обществах по сведениям земской статистики 19641 ревизская душа, а по обследованию 1907 г. 19789 ревизских душ получили дарственный надел. Как видим, превышение числа дарственников по данным обследования 1907 г. составляет всего 148 душ в сравнении с данными земской статистики. Эти колебания не имеют существенного значения при построении единого статистического ряда из сведений указанных источников. Кроме того, такое превышение, отмеченное в Самарской губернии, не характерно для других губерний.

Теперь обратимся к данным о земельном наделе (табл. 2). Как мы уже отмечали, поддаются сравнению 112 дарственных сельских обществ. В отличие от числа ревизских душ размер земельного надела в них показан более точно. Незначительное расхождение в некоторых селениях составляет приблизительно 2 дес. В целом по губернии по сведениям земской статистики крестьяне 112 сельских обществ получили 24 394,7 дес., а по обследованию 1907 г. — 24 042,7 дес. Однако это расхождение складывается не только из двадцатинной разницы в ряде селений. Обследование

Таблица 1

Количество сельских обществ и душ дарственников Самарской губернии

Вид источника	Самарский уезд		Бугульминский уезд		Бугурусланский уезд	
	1	2	1	2	1	2
По обследованию 1907 г.	20	6313	6	536	28	2014
По сведениям земской статистики	31*	8295	6	565	19	1549
Не вошедшие в обследование 1907 г., но отраженные в земской статистике	11	1967	1	64	1	87
Вошедшие в обследование 1907 г., но не отраженные в земской статистике	—	—	1	6	10	495

* По сведениям земской статистики — 29 сельских обществ, но 2 сельских общества — Владимирское и Софьинское — в обследовании 1907 г. представлены как 4 — Больше-Владимирское, Мало-Владимирское, Софьинское 1-е и Софьинское 2-е. Для того чтобы сошелся общий итог по губернии, здесь эти два общества также разбиты на 4.

П р и м е ч а н и е. 1 — сельские общества; 2 — ревизские души.

1907 г. отмечает большее количество неудобной земли, которая земской статистикой зачислена в удобную. В то же время с помощью данных земской статистики удалось выяснить, что при обследовании 1907 г. купчая земля в одних случаях была включена в состав надельной, в других — вообще не учтена.

Установив число селений и душ, по которым у нас имеются систематические сведения во всех трех группах источников, и выявив их земельную обеспеченность в пореформенное время, можно на материале, характеризующем эти селения в дореформенное и пореформенное время, строить единую таблицу сведений — показателей пореформенной эволюции хозяйств крестьян-дарственников. Поскольку таблица содержит до 60 показателей по каждому селению и ряд показателей приводится в вариантах различных источников, она достаточно громоздка и ее воспроизведение затруднено. Ограничимся сообщением о ее важнейших содержательных узлах. Прежде всего мы имеем по каждому селению сведения о земельном наделе, формах и объемах повинностей дарственников перед реформой, затем идут показатели об изменениях, которые произошли в результате выхода крестьян на дарственное землевладение, и, наконец, большой массив данных, характеризующих состояние дарственных общин в пореформенное время. В данном случае мы ограничились сведениями по состоянию на начало 80-х годов, т. е. на момент полной ликвидации феодальной системы в стране. Предполагается в дальнейшем при-

Бузулукский уезд		Николаевский уезд		Новоузенский уезд		Ставропольский уезд		Всего по губернии	
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
38	3988	14	2305	7	628	31	6863	144	22647
27	3233	40	7127	11	879	28	6507	162	28155
—	—	31	5714	4	299	2	383	50	8514
11	790	5	872	—	—	5	695	32	2858

влекать и экономические показатели дарственной деревни по последним земским обследованиям 10-х годов XX в. Эта общая таблица может служить первичным материалом для ряда комбинационных таблиц, в особенности для сравнения селений дарственников с селениями временнообязанных или вышедших на выкуп помещичьих крестьян. Одна из главных задач этого сравнения — выяснение степени мобильности дарственников — их «малой привязанности» к месту проживания, а «без создания подвижности населения, — писал В. И. Ленин, — не может быть его развития»¹¹. Изучение степени «привязанности» и подвижности дарственников, причин этих явлений невозможно без создания предлагаемой «модели», где в один динамический ряд выстроены все единообразные показатели хозяйственного состояния дарственников. Эта «модель», с другой стороны, позволяет преодолеть основную трудность в изучении истории дарственников — недостаточность источниковой базы.

Проиллюстрируем «работоспособность» этой модели на примере отдельных селений Самарского уезда Самарской губернии. Их выбор определялся степенью полноты сведений по всем указанным 60 графам таблицы и различиями в характере дореформенного положения селения. Проведем анализ данных по с. Елань.. Оно было барщинным по показаниям «Приложений к трудам редакционных комиссий...», 10-я ревизия зафиксировала здесь 376 душ м. п. (по данным земского обследования — 375, а обследования 1907 г. — 377). Дореформенный надел составлял 1647,5 дес., или 4,3 дес. на ревизскую душу.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 245—246.

Таблица 2

Количество земли в дарственной деревне Самарской губернии, дес.

Уезд	Число сельских обществ	Всего наделной земли		Удобной	
		земская статистика	обследование 1907 г.	земская статистика	обследование 1907 г.
Самарский	20	8495,0	8445,2	8065,6	7607,8
Бугульминский	5	598,1	873,0	565,3	780,7
Бугурусланский	18	1968,2	1938,1	1843,1	1872,5
Бузулукский	27	4199,6	4198,4	4074,9	4095,5
Николаевский	9	2184,8	2287,6	2123,5	1809,3
Новоузенский	7	1456,3	1982,0	1329,5	1871,9
Ставропольский	26	6913,0	6595,6	6392,8	6005,0
Итого по губернии	112	25 815,0	26 319,9	24 394,7	24 042,7

Таблица 2 (окончание)

Уезд	Число сельских обществ	Неудобной		Ревизских душ по 10-й переписи	
		земская статистика	обследование 1907 г.	земская статистика	обследование 1907 г.
Самарский	20	429,4	837,4	6328	6313
Бугульминский	5	32,8	92,3	501	530
Бугурусланский	18	125,1	65,6	1462	1519
Бузулукский	27	124,7	102,9	3233	3198
Николаевский	9	61,3	478,3	1413	1433
Новоузенский	7	126,8	110,1	580	628
Ставропольский	26	520,2	590,6	6124	6168
Итого по губернии	112	1420,3	2277,2	19 641	19 789

Пореформенное состояние (на 1882 г.) характеризуется следующими данными: количество наличных душ м. п. — 476, из них работников — 216, число домохозяйств — 169 (по данным обследования 1907 г. — 180). Всего удобной земли — 436 дес. (по данным обследования 1907 г. — 436,3), неудобной — 9,5 дес. (9,2). Следовательно, размер надела на ревизскую душу сократился в 3,5 раза. Из 169 домохозяев 158 сохранили свои наделы, 151 хозяйство арендовало на двор 7,5 дес. пахотной земли, они выплачивали в год 2149 руб. арендной платы. Годовой оклад платежей, кроме арендных, на десятину 4 руб. 70 коп.

Структура крестьянского хозяйства может быть изучена по следующим показателям: инвентарь для обработки земли имели 136 хозяйств, а по наличию тягловой силы (лошадей) 158 хозяйств, сохранивших надел, распределяются следующим образом:

безлошадных дворов — 19, однолошадных — 16, двухлошадных — 18, трехлошадных — 20, более трех лошадей содержали 85 дворов. В селении было 19 батраков, которые, очевидно, использовались в 13 хозяйствах, пользовавшихся наемной рабочей силой¹².

Приведем данные по сел. Воскресенскому, бывшему на смешанной повинности. Из 2332 душ м. п. 649 согласились на дарственный надел (по сведениям обследования 1907 г. — 646). Они владели до реформы 3533, 6 дес. земли, т. е. почти по 5,5 дес. на ревизскую душу.

Пореформенное состояние этого селения видно из следующих показателей: наличных душ м. п. — 786, работников — 383, домохозяйств — 328 (по данным обследования 1907 г. — 414). Удобной земли — 807,5 дес. (по данным обследования 1907 г. — 811), неудобной — 60,9 дес. (60). В результате реформы надел на ревизскую душу сократился в 4 раза. Из 328 хозяйств надел сохранили 286, 225 хозяйств арендовали по 8,9 дес. пахотной земли на двор в среднем за 15 715 руб. годовой арендной платы. Годовой оклад других платежей на десятину — 6 руб. 10 коп. Отметим наличие 65 дес. купчей земли (по данным обследования 1907 г. — 115 дес.).

Структура крестьянского хозяйства характеризуется следующими показателями: инвентарь для обработки земли имели 148 хозяйств, из 286 хозяйств, сохранивших надел, вовсе не имевших лошадей было 58, одну лошадь имели 46 хозяйств, двух лошадей — 56, трех — 32, более трех лошадей — 94. В селении было 65 батраков, 10 «мастеровых» местных и 8 «мастеровых» в отходе. Очевидно, 106 хозяйств, пользовавшихся наемной рабочей силой, не обходились без услуг местных батраков и «мастеровых».

И, наконец, рассмотрим данные о селении Новосарбайском, которое до реформы было на барщине и в этом отношении ничем не отличается от с. Елань, за исключением одного принципиального показателя пореформенного времени: в этом селе количество купленной земли составляло почти 146% количества дарственной.

В сел. Новосарбайском из 404 душ м. п. вышла на дарственное землевладение в момент реформы 291 душа. Их дореформенный надел составлял 2772 дес., или 6,9 дес. на ревизскую душу.

Пореформенные показатели таковы: наличных душ — 391, работников — 212, хозяйств — 159, дарственный надел — 364 дес. удобной и 75 дес. неудобной земли. Надел сократился более чем в 5 раз. Из 159 хозяйств надел сохранили 133. На надельный двор арендуется в среднем 3,2 дес. земли, что обходится в 700 руб. арендной платы, но, как уже сообщалось, была закуплена 531 дес. земли. Годовой оклад платежей составляет 4 руб. 90 коп. на десятину.

Структура крестьянского хозяйства селения Новосарбайского видна из следующих показателей: инвентарь для обработки земли имеют 109 хозяйств из 133. Из этого количества 21 безлошадное

¹² Сборники статистических сведений по Самарской губернии. М., 1883. Т. 1.

хозяйство, с одной лошадей — 23, с двумя — 40, с тремя — 16, более трех — 33. В селении 37 батраков и 4 местных «мастеровых». Их, очевидно, использовали в 10 хозяйствах, нанимавших рабочую силу.

Для выяснения общих закономерностей и особенностей пореформенной эволюции дарственной деревни необходимо провести сравнительный анализ этих абсолютных данных. Естественно, что мы должны оперировать процентными соотношениями. Мы видим, что выход на дарственный надел унифицировал размер землевладения на душу м. п. в селениях, которые отличались по размеру дореформенного душевого надела, но в дальнейшем структура землевладения и землепользования индивидуализировалась. Если вести расчеты, исходя из количества ревизских душ как некоей постоянной величины, дающей возможность сравнивать, то увидим, что после реформы вся используемая земля на ревизскую душу в с. Елани составляла 4,3 дес., в сел. Воскресенском — 4,5 дес., в Новосарбайском — 4,8 дес. Между тем наделная земля на ревизскую душу в селениях Воскресенском и Новосарбайском составляла 1,3 дес., а в Елани — 1,2 дес. Конечно, расчеты на ревизскую душу искусственны, но даже если привести расчеты на реальное наличие мужских душ, то количество используемой земли будет соответственно 3,4 в Елани, 3,7 в Воскресенском и 3,6 в Новосарбайском. Таким образом, реальное землепользование дарственников в пореформенное время свидетельствует о пестроте, а не о единообразии показателей.

Еще многообразнее структура землепользования: если в Новосарбайском наделная земля составляет только 30,7% общего землепользования, арендная — 30,5, купчая — 38,8, то в Елани наделная — 27,2%, арендная — 72,8%, а в Воскресенском — 22,7, 75,1 и 2,2% купчей. Эти данные позволяют с достаточной долей точности определить различие структуры средств производства не только внутри дарственной деревни, но и в сравнении с недарственной. Хотя мы оперируем только примерами, есть основания предполагать, что они, безусловно, фиксируют важную особенность дарственной деревни: сравнительно слабый удельный вес феодального наделного землевладения. К этому следует добавить, что 12% всех хозяйств трех селений успели лишиться дарственного надела.

Другая группа показателей отражает особенности в структуре второй, кроме предмета труда, части средств производства. Речь идет о средствах труда. Удельный вес лишившихся средств труда (инвентаря и тягловой силы) во всех трех селениях весьма высок. Так, в Елани 14% хозяйств не имели инвентаря для обработки земли, а 22,1% хозяйств не имели лошадей или имели только одну лошадь, с другой стороны, почти 58% хозяйств имели более трех лошадей. В Воскресенском хозяйств без инвентаря было уже 51,7%, а безлошадных и с одной лошадей — 36,3% хозяйств. В Новосарбайском 18,8% хозяйств не имели инвентаря, а 33% не имели лошадей или имели только одну лошадь.

Но в Воскресенском 32,8% хозяйств владели более чем тремя лошадьми, а процент таких хозяйств в Новосарбайском составлял около 25. Эти показатели свидетельствуют об ускоренном процессе буржуазной дифференциации и значительной прослойке зажиточных крестьян в указанных селениях. Но этот вывод имеет, скорее всего, частное значение, гораздо важнее подчеркнуть, что предложенная «модель» общих таблиц сравнительных показателей, имеющихся в названных источниках, расширяет наши возможности в изучении судьбы дарственных деревень, в определении реальных процессов эволюции дарственной деревни, позволяет более четко представить, объектом какого типа «раскрестьянивания» была дарственная деревня: превалировали ли в ней черты пауперизации, или буржуазное классовое образование здесь шло менее деформированно.

Само собой разумеется, что ответ на эти вопросы может быть получен только на основании анализа массовых сведений по всем дарственным селениям, но изложенное дает основание сделать вывод о пригодности намеченной методики изучения материала.

**ОБ ИЗУЧЕНИИ НАКАЗОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ КОМИССИЮ
1767 Г.**

В. И. Недосекин

Среди слабо изученных до сих пор массовых источников, исследование которых представляется важным и актуальным, находятся материалы Комиссии Нового Уложения 1767 г. Около 1500 одних только депутатских наказов (165 дворянских, 210 городских и свыше тысячи сельских), многочисленные документы пленарных заседаний большой и малых комиссий¹, работавших до 1782 г., составляют первоклассный источник, изучение которого поможет выявить закономерности перехода от феодализма к капитализму в России.

Историки использовали эти материалы задолго до революции, особенно после публикации в сборниках Русского исторического общества (РИО), где в 1869 г. впервые было напечатано 30 на-

¹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 95 — указы от правительственных мест: д. 95 (1—3) — указы от Московской губернии; д. 97—108 — указы от Новгородской, Казанской, Астраханской, Сибирской, Иркутской, Смоленской, Архангелогородской губерний, от казаков разных полков: д. 109 (2—12) — указы от Киевской, Петербургской, Эстляндской и Лифляндской, Выборгской, Нижегородской, Малороссийской, Слободско-Украинской, Воронежской, Белгородской, Оренбургской и Новороссийской губерний. Эти дела составляют основу материала Комиссии 1767 г. В ЦГАДА же хранятся еще 118 дел (№ 110—227), содержащих разные бумаги и книги о депутатах (д. 110), определения Комиссии о сочинении Нового Уложения с 1761—1796 гг. в пяти частях (д. 111), экстракты из протоколов дирекционной комиссии и определения ее за 1767—1770 гг. (д. 112), определения частных комиссий (д. 113), дневные записки большого собрания Комиссии с 1767 по 1768 г. (д. 114), дневные записки дирекционной комиссии с 1767 по 1771 г. в шести частях (д. 115). Далее в архиве отложились 17 дел, характеризующих работу частных комиссий (д. 116—132). В «Комиссии о среднем роде людей» держателем дневных записок был известный просветитель Н. И. Новиков (д. 116/1, л. 2, 6, 7 и др.). В д. 220 хранятся проекты, выработанные Комиссией по гражданскому праву (проект правам благородных, среднего рода людей, людей третьего или низшего сословия, проект о правах казачьих войск, проект об иске, родителей и чадах, о супружестве и наследстве). Большой интерес для исследователей представляет д. 223 — «Проекты, доставленные в Комиссию разными лицами» (в двух частях). Всего здесь хранится 21 проект по статьям уголовных законов, государственной полиции, о способах размножения народа, об устройстве государственного хозяйства, о земледелии и разведении заводов, о коммерции, об училищах и т. д. Дело 227 содержит «Мнения и голоса Комиссии о разных проектах» (в шести частях).

казов от дворян Московской губернии (т. 4). В последующих томах археографы Д. В. Поленов, В. И. Сергеевич, Н. Д. Чечулин напечатали остальные дворянские и купеческие наказы². По замыслам издателей опубликованные наказы должны были дать критически проверенные и точно воспроизведенные источники, могущие служить надежным основанием для исторических исследований.

В. И. Сергеевич в отличие от Д. В. Поленова не считал нужным текст дворянских наказов целиком передавать по современной издателью орфографии. Сохраняя своеобразный колорит документов, Сергеевич не воспроизводил в каждом отдельном случае все разнообразие орфографии XVIII в. и ошибки писцов. Особый труд при издании наказов представляла расстановка знаков препинания. Отдельные места наказов написаны таким неясным языком, что не всегда легко можно уловить их подлинный смысл. Археограф расставил знаки препинания, разбил текст документов на абзацы, облегчив тем самым восприятие источников читателем.

При слпчении изданных наказов дворян с подлинниками обнаруживаются неточности и ошибки писцов, не исправленные издателем. Так, в первом пункте наказа дворян Керенского уезда говорится о той роли, какую должны сыграть приходские сельские священники при отвращении крестьян от «ереси раскольников». Этот пункт был заимствован автором наказа из проекта отставного генерала, шацкого помещика Н. Смирнова «О государственном благоустройстве», адресованного в сенат³.

Автор проекта требовал, чтобы приходские священники постоянно «обучали простой народ», чаще повторяли ему «поучения со истолкованием» законов⁴. В наказе же написано вместо «со истолкованием» «со исполнением»⁵, что исказило смысл источника.

Данный факт свидетельствует о том, что, во-первых, издатель при тематической публикации источников не исследовал с должной тщательностью смежные дела одного и того же фонда. Во-вторых, даже архивные документы, на которые принято ссылаться как на источник, могут оказаться неточными.

При подготовке публикации городских наказов Н. Д. Чечулин руководствовался в основном теми же правилами, что и его предшественник. Текст документов он передал в новой орфографии, сохранив стилистические особенности и специфические, присущие эпохе и среде выражения. Сличение оригиналов с печатным текстом городских наказов говорит о том, что археограф правильно исправил и передал текст этих документов. Однако в отдельных случаях и Чечулин допустил ошибки, например дважды датиро-

² Сборник Русского исторического общества (далее: Сб. РИО), т. 8, 14, 68, 93, 107, 115, 123, 134, 144 и др. Сельские наказы до сих пор не опубликованы.

³ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 223, ч. 11, л. 105 об.—122 об.

⁴ Там же, л. 106.

⁵ Там же, ф. 341, оп. 1, д. 109/9, л. 343.

вал наказ купцов г. Рязька, хотя он имеет точное обозначение времени его написания: «июня 27 дня, 1767 г.»⁶. Вторая дата, «1 июня», явилась следствием небрежности археографа, который букву «I» в слове «Юня» принял за цифру «1»⁷. В печатном тексте пропущено немало мелочей, которые имеют важное значение в исследовании наказов как исторических источников. При изучении наказов по сборникам РИО ускользает много ценных черт и особенностей источника. В этих, часто неразборчивых, материалах важно все: правописание, расположение слов, вставки, почерк подписей под наказом, приписки, поправки, сокращения и добавления. Даже цвет чернил имеет при этом немаловажное значение: разница цвета чернил заставляет предполагать неодновременность написания слов и отдельных пунктов наказа. Так, п. 27 наказа купцов г. Воронежа был вставлен по настоянию торговцев после того, как авторы наказа, суконные фабриканты Горденин, Тулинов, Сахаров, скрепили наказ своими подписями. Содержание включенного пункта крайне враждебно авторам наказа, поставившим сукно казне и освобожденным от обязательной службы при питейных, соляных сборах и других феодальных повинностей. Купцы же стремились уровнять отправление своих повинностей с мануфактуристами, что и требовали от властей в новом пункте наказа. Последний был написан другим почерком и другим цветом чернил⁸.

Следовательно, историк, изучающий указы в законодательную Комиссию 1767 г. как исторический источник, по возможности должен пользоваться подлинными документами в «сыром» виде.

Дореволюционные авторы В. Н. Латкин, М. М. Богословский, С. Вознесенский, П. Архангельский⁹ и другие изучали материалы Комиссии в отрыве от процесса становления капиталистических отношений в городе, деревне, вне связи с историей развития мануфактурной промышленности, ремесла и торговли. Это мешало им понять классовую природу источника и всех экономических, правовых и культурных требований, которые избиратели изложили в наказах. В силу классовой ограниченности и методологической беспомощности они не могли определить направление социально-экономического развития страны и верно проанализировать источники, отражавшие сложные хозяйственные процессы.

Советские историки использовали материалы законодательной Комиссии 1767 г. в своих исследованиях¹⁰, но, к сожалению,

⁶ Там же, л. 109/9, л. 126 об.

⁷ Там же, л. 127.

⁸ Там же, л. 68 об.

⁹ *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в XVIII в. СПб., 1887. Т. 1; *Богословский М. М.* Дворянские указы в екатерининскую комиссию 1767 года. — Русское богатство, 1897, № 6, 7; *Вознесенский С.* Городские депутатские указы в екатерининскую комиссию 1767. — Журнал мин-ва народного просвещения, 1902, № 11, 12; *Архангельский П.* Погостные указы 1767 г. как исторический источник. Казань, 1916.

¹⁰ См., напр.: *Лаппо Ф. И.* Указы однопалатных как исторический источник. — Исторические записки, 1950, т. 35.

не пытались изучить все источники в целом, что могло бы помочь решению ряда вопросов такой сложной проблемы, как генезис капитализма в России.

Создание Комиссии 1767 г. явилось следствием обострения классовых противоречий между трудящимися массами и эксплуататорами, с одной стороны, между поместным дворянством и формирующейся городской буржуазией — с другой. Необходимость созыва Комиссии вытекала из потребности выяснения соотношения классовых сил в стране с целью выработать линию правительства во внутренней политике. Манифест от 14 декабря 1766 г., оповестивший о созыве в Москве законодательной комиссии, предоставил возможность помещикам и купцам изложить свои требования высшим властям империи. И эксплуататорские классы сделали это в своих наказах с редкой откровенностью. В этом надо усматривать особую ценность наказов как исторических источников, их сильные и слабые стороны.

Наказы составлялись заинтересованными представителями классов, которые часто сознательно извращали реальные факты в угоду своим узкословным интересам. Отсюда вытекают их главные недостатки — тенденциозность и недостоверность показаний. Особенно это относится к наказам, возникшим в дворянской и купеческой среде, поэтому без тщательной критики их использование в научных построениях невозможно.

Вместе с тем тенденциозность дворянских и других наказов сама по себе является источником для характеристики той стороны столкновений классовых интересов в земельном, промышленном и торговом вопросах, которая свидетельствует об острой идеологической борьбе между дворянами, купцами и государственными крестьянами.

Исходя из указаний В. И. Ленина о том, что «история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»¹¹, мы рассматриваем требования дворян, купцов и государственных крестьян в их столкновении, как отражение классовой борьбы в экономических условиях России 60-х годов XVIII в.

Особенно ярко документы раскрывают столкновение классовых интересов из-за земли между помещиками и государственными крестьянами. По этому вопросу наказы дают исследователю обильный материал, но пользоваться им надо с большой осторожностью. Особенно это относится к показаниям дворянских наказов.

В длинном ряде наказов дворян рисуется некая схема общественного разделения труда в Российском государстве. Из всей территории империи авторы наказов выделяли две части: промышленную, с горнозаводским Уралом, и земледельческую, с хлебобородными областями степного Юга. Значение последней в общественной структуре определялось так: уральские заводы снабжают страну железом и чугуном, а черноземные губернии обес-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

печивают всех жителей государства продовольствием. Такая схема потребовалась авторам затем, чтобы резче подчеркнуть значение помещичьего хозяйства в производстве товарного зерна и других продуктов. В центре — помещик, основная сила производственного процесса. Его хозяйство — государственный плод, которым пользуется все общество. Исходя из этого, наказы дворян ставили перед правительством задачу обеспечить помещиков необходимым количеством пахотных и сенокосных угодий. Если же, писали авторы наказов, владельцы «утеснены будут в земляных дачах, то все общество такой полезности лишитца, понеже без довольных на то земляных угодий сей экономии никаким образом быть не может»¹².

Далее дворянские наказы пытались раскрыть причины постоянных раздоров из-за земельных угодий помещиков с крестьянами казенной деревни. Оказывается, виноваты во всем своиравные крестьяне, проявлявшие «захватчивость»¹³.

Нарисованная дворянскими наказами картина является классическим выражением взглядов крепостников-помещиков, но она не может быть признана правильной как в вопросе характеристики основных сил производственного процесса, так и в раскрытии причинных связей борьбы за землю между феодалами и государственными крестьянами.

Наказы государственных крестьян рисуют картину их бедствия и неограниченного произвола помещиков. Если даже наказы дворян в массе своей не скрывали фактов повсеместного отчуждения земель у крестьян казенной деревни¹⁴, то естественно, что в сельских наказах центральное место отведено вопросу разоблачения захватнических действий дворян¹⁵. Там, где сталкивались интересы дворян и государственных крестьян, они были непримиримы по своему характеру. Ожесточенный характер борьба за землю носила в губерниях черноземного Центра России, густо заселенных однодворцами. Особенно резкие формы она приняла здесь в середине XVIII в. с приходом в плодородный черноземный район, по словам ефремовских однодворцев, московских и немосковских дворян — «насилыников по своей натуре»¹⁶.

Расширяя торговые посеы, помещики захватывали пахотную землю в поле, лесные и сенные угодья и даже огороды однодворцев. Результатом широкой практики отчуждения земель было резкое уменьшение размеров запашки на крестьянский двор казенной деревни. Ко времени созыва Комиссии 1767 г. 4406 дворов в Керенском уезде имели земли по одной четверти на ревиз-

¹² ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 363.

¹³ Там же, л. 263 об.

¹⁴ Сб. РИО, т. 68, с. 332, 348, 357, 365, 380, 384, 397, 407, 408, 419, 420, 435, 439, 446, 453, 454, 463—464.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 196—221, 398, 398 об., 437—492, 500—586.

¹⁶ Там же, л. 584.

скую душу. Здесь же образовалась большая группа хозяйств, которые вовсе не имели полевой земли¹⁷.

Аналогичная картина наблюдалась и в других уездах. Показания сельских наказов полностью подтверждаются данными других источников. Так, из «Реестра» неимущих земледельцев Усманского уезда видно, что малоземелье и безземелье государственных крестьян здесь стали результатом повсеместного захвата помещиками крестьянских земельных угодий. В 22 селах и деревнях этого уезда было 607 хозяйств, которые вместе имели только 263 четверти пахотной земли. Здесь же насчитывалось 202 хозяйства, не владевших никакой другой землей, кроме приусадебной¹⁸.

Необходимо отметить и другую важную особенность сельских наказов как исторических источников — их массовость, что позволяет исследователю проверить показания одних наказов другими. Опыт такого анализа сельских наказов показывает, что эти документы точнее рисуют картину борьбы за землю как основного объекта приложения труда, чем дворянские указы. Они верно раскрывают главную суть хозяйственных изменений, связанных с захватом крестьянских земель помещиками, со стремлением господ дворян прибрать к своим рукам богатства чернозема южнорусских губерний¹⁹. Сами владельцы в указах не скрывали своих целей, прямо говорили, что «из продукта земли и с продажи скота» каждый из них «ко исправлению своему имеет получение денег»²⁰. Жажда денег заставляла помещиков расширять запашку²¹, а поскольку не хватало рабочих рук, то они не всегда стремились сгонять землепашцев с их участков. Им выгоднее было заставить крестьян работать на себя. Многие однодворцы лишались своей земли и выпуждались, по данным наказов, «довольствоваться наймом от тех же помещиков за немалую цену» своих же дач²². Другая часть крестьян государственной деревни, пытаясь сохранить свои прежние наделы, также арендовала их у помещиков или за наличные деньги, или на условиях исполной работы, или за поставку натуральных продуктов земледелия и животноводства²³. На таких землях создавались своеобразные производственные отношения: их нельзя назвать чисто феодальными, поскольку государственные крестьяне еще сохраняли юридически свою независимость от помещиков, но фактически они были во власти последних, так как дворяне владели землей — главным средством производства — и кабелили прежде независимых от них людей.

¹⁷ Там же, л. 535.

¹⁸ Госархив Тамбовской обл., ф. 2, оп. 1, д. 70, л. 1—4.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 453—458, 466—469, 500—519, 527—538, 546—547, 551—582, 584—586.

²⁰ Сб. РИО, т. 68, с. 318.

²¹ Там же, т. 93, с. 54—55; т. 68, с. 302—303.

²² ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 476—477.

²³ Там же; см. также: Госархив Воронежской области, ф. 14, оп. 1, д. 99, л. 26.

Сельские наказания раскрывают еще одну сторону процесса отчуждения крестьянских земель помещиками, состоявшую в том, что значительная часть разоренных крестьян покидала родные места и искала на стороне средства к жизни, продавая свои рабочие руки тем, кто в них нуждался. Однодворцы Каменнобродской слободы в наказе писали, что они, лишившись своих земельных дач, вынуждены «вместо домовых работ и экономии отходить к другим в работы за малые и недостаточные цены»²⁴.

В сельских наказах высказывалось недовольство крестьян также налоговой политикой дворянского правительства и тяготами многих натуральных повинностей²⁵. Эксплуатация казенных крестьян государством-феодалом осуществлялась путем обложения их денежным оброком и принуждения нести многочисленные натуральные повинности (самой обременительной была служба в ландмилиции). Однодворцы, например, платили подушную подать и оброчные деньги, а с 1764 г. — дополнительный 60-копеечный сбор. Сверх этого в казну собирался еще налог с рыбных ловель, причем взимался он со всех крестьян, даже с жителей тех деревень, где, по словам козловских однодворцев, не только «рыбных ловель, но к рекам течения не имеется»²⁶.

Все это форсировало разорение государственных крестьян и накапливало «горючий» материал для борьбы как ответной меры на усиление гнета.

Сельские наказания свидетельствуют о такой форме борьбы, как побеги разоренных помещиками и чиновниками однодворцев²⁷.

По вопросу о бегстве однодворцев на пленарном заседании Комиссии произошла острая дискуссия между депутатами однодворцев и дворян. Депутат однодворцев Белгородской провинции А. Маслов на заседании Комиссии 29 апреля 1768 г. заявил, что в Белгородской и Воронежской губерниях насчитывается 10 425 бежавших однодворцев. Эти побеги училили они, по словам Маслова, «не стерпя бывших на них нападков от находящихся при делах начальников, как-то: отнятием у них земель, выгнанием из их собственных домов»²⁸.

Депутат белгородского дворянства И. Выродов в своем выступлении дал другую оценку причин бегства однодворцев: разбежались они, по его словам, не от нападения дворян и начальников, а «от неистовых своих поступков — воровства и других преступлений»²⁹.

Депутат воронежских однодворцев Е. Фефилов в выступлении

²⁴ Там же, л. 468.

²⁵ Там же, л. 477, 503, 518, 523, 524, 529, 530, 531 об., 533, 534, 536 об., 537, 537 об.

²⁶ Там же, л. 76 об.

²⁷ Там же, л. 476—477; Отдел рукописей ГПБ им. В. И. Ленина, ф. 80, д. 2, л. 4 об.

²⁸ Сб. РИО, т. 32, с. 43.

²⁹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 114, кн. 2, л. 152.

28 мая 1768 г. назвал причины бегства, изложенные Выродовым, необоснованными и клеветническими. Фефилов уточнил данные о количестве бежавших однодворцев из Воронежской и Белгородской губерний. Оказывается, А. Маслов назвал цифру бежавших только за последние несколько лет перед созывом Комиссии 1767 г., в то время как в середине XVIII в., по данным Е. Фефилова, бежало 60465 однодворцев³⁰, т. е. 23,6% их общего числа. Что касается слов Выродова, будто «однодворцам от населившихся между ними помещиков обид и притеснений не делается», Фефилов заявил, что «от многих помещиков не токмо однодворцам, но и малопоместным владельцам происходят обиды, как то сие явствует из данных некоторым депутатам от дворянства наказов испрошением о защищении от причиняемых беспокойство теми помещиками»³¹.

О местах скопления беглых и их занятиях говорил на пленарном заседании Комиссии депутат от однодворцев крепости Дмитрия Ростовского (ныне Ростов-на-Дону) Иван Букин. Он сообщил депутатам, что большое количество бежавших однодворцев и помещичьих крестьян собирается на Волге, в районе Саратова—Астрахани, Каспийского моря, а также на Дону. Как правило, беглые определялись на работу по найму к купцам, промышленникам и богатым владельцам хуторов³². Следовательно, наказания сельских жителей и выступления в Комиссии их депутатов позволяют исследователю сделать вывод о том, что значительная часть разоренных помещиками крестьян казенной деревни совершенно порывала со своим социальным прошлым и превращалась в наемных рабочих. В этом конкретно проявлялся процесс первоначального накопления в его своеобразной для Русского Юга форме.

Захват земель помещиками имел еще одно следствие. Он способствовал обогащению зажиточных оброчников и состоятельных крестьян казенной деревни, которые брали в аренду у помещиков землю в значительных размерах. Попутно деревенские богатеи и сами различными способами присваивали земли маломощных соседей.

Борьба за землю велась не только между помещиками и крестьянами, но и внутри привилегированного класса. Дворянские наказания содержат ценные данные о борьбе за землю между мелкими, средними и крупными владельцами.

Обострение отношений внутри дворянского сословия объясняется теми изменениями, которые произошли в помещичьем хозяйстве в середине XVIII в. Смысл этих изменений состоял в том, что феодал приспособлял свою «экономию» к растущим потребностям внутреннего рынка. Хорошо зная цену деньгам, помещик расширял запашку, увеличивал площади торговых посевов.

³⁰ Там же, л. 152 об.

³¹ Там же.

³² Сб. РИО, т. 32, с. 388.

В связи с этим проходил процесс мобилизации земель в руках крупных вотчинников, ослабления средних и разорения мелких помещиков. Борьба за землю между ними усиливалась по мере роста спроса на товарное зерно, повышения хлебных цен и увеличения прибыли с посевов на вновь приобретенных землях. Отсюда — озлобление и зависть дворянской мелкоты к богатым вотчинникам, которые, по словам наказа помещиков Ливенского уезда, «с новой земли немалую сумму денег получают»³³.

Плодородный чернозем, луга, богатые сенными покосами и привольными пастбищами, манили к себе и купцов. Торговцы, особенно Юга России, стремились иметь свои городские земельные угодья, как особые предприятия с доходной статьей. Обходя постановления царского правительства, запрещавшие отводить купцам земельные участки, предприимчивые представители городской буржуазии заводили хутора, распахивали значительные массивы под посевы зерновых культур, содержали табуны скота не только для себя, но и на продажу. Данные об этом крайне интересном и важном экономическом явлении середины XVIII в. имеются в наказах купцов городов Павловска, Бахмута, Козлова и др. Так, павловские первостатейные купцы одной пахотной земли имели около 9 тыс. дес., содержали 65 хуторов, 24 пчельника, 20 плантаций бахчей³⁴. Особое внимание купцы уделяли бахчеводству, как доходному предприятию, дающему товарную продукцию. Разводили они также немало скота, особенно овец. Купцы заинтересованы были получать от овец, кроме мяса и кож, больше шерсти, потребность в которой росла вместе с ростом суконых мануфактур.

Купцы г. Бахмута ко времени работы Комиссии имели немало хуторов, мельниц, а также сенокосных, лесных и к «хлебородию способных угодий»³⁵. Городские земельные дачи козловских торговцев содержались не в одиночку, а «обществом», которое являлось своеобразной компанией первостатейных купцов, эксплуатировавших богатства естественного чернозема и отстаивавших свои земельные дачи от помещичьих захватов³⁶.

Депутатские наказаы рисуют напряженную борьбу между всеми сословиями за выгодные условия использования земельных угодий. Они свидетельствуют, что помещики, их приказчики, старосты, владельческие и государственные крестьяне, защищая свои земельные, сенокосные и лесные угодья, нередко прибегали «к кулачному праву», самому простому и дешевому средству. Вместо канцелярских волокит п судебных издержек летели выдранные бороды, выбивались зубы, ломались руки и ноги. В наказе жителей Стрелецкой слободы г. Шацка отмечено, например, что схватки за землю оканчивались для многих увечьем и утратой

³³ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 311.

³⁴ Там же, л. 32.

³⁵ Сб. РИО, т. 144, с. 278—279.

³⁶ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 479.

трудоспособности, поэтому «теперь не только к службе в ландмилиции, но и к работе оказываются неспособными»³⁷.

Городские указы в Комиссию 1767 г. дают исследователю ценный материал о судьбах развития мануфактурной промышленности и торговли, об эксплуатации крестьянских масс в купеческих и вотчинных предприятиях, о кодификации законодательства, определении правовых норм буржуазии в кодификационных актах.

Одна мысль больше всего занимала авторов городских указов. Считая торговлю и промышленность главной сословной привилегией, представители русской буржуазии требовали включить в новое Уложение такие статьи, которые навечно гарантировали бы незыблемость и неприкосновенность их прав вообще и монопольного положения в промышленности и торговле в особенности. Купцы-капиталисты просили власти империи запретить дворянам торговать и заводить мануфактуры.

К торговой деятельности зажиточных крестьян купцы также относились резко отрицательно. Но пожелания торговцев не встретили поддержки со стороны высших властей империи. В условиях быстро растущего внутреннего рынка, когда в товарно-денежные отношения оказалась втянутой значительная часть дворян и зажиточных крестьян, запретить их торговлю было невозможно. Екатерина II на одной из челобитных купцов написала краткую и предельно ясную резолюцию: «Отказывается, ибо торг есть дело вольное»³⁸.

Острые формы носила борьба купцов с дворянами за возможность эксплуатации крепостных крестьян в промышленности и торговле. В 1762 г. купцам было запрещено покупать крепостных крестьян³⁹. Но и в условиях господства феодализма, когда рынок наемного труда только возникал, купцы-капиталисты не могли отказать от привлечения в промышленность и торговлю крепостных крестьян. Поэтому в ряде городских указов излагалось требование о предоставлении им равного с дворянством права иметь собственных крестьян, необходимых для использования в промышленности, торговле и для исполнения многочисленных казенных повинностей.

Дворянство в Комиссии энергично выступало против этих претензий городской буржуазии. В этом споре нельзя не видеть столкновений противоречивых интересов, которые могли быть разрешены только при полном падении феодализма и торжестве капиталистического способа производства.

С экономическим ростом буржуазии возросло и ее стремление к руководящей политической роли в жизни посадской общины, к получению политических прав в государстве. В своих указах русская буржуазия выразила резкое недовольство «Наставлением

³⁷ Там же, л. 218 об.

³⁸ ЦГАДА, Разряд XVI, д. 650, л. 99.

³⁹ ПСЗ, I, т. XVI, № 11490, 11638.

губернаторам», которое Екатерина II в 1765 г. разослала на места. Согласно «Наставлению», магистраты были подчинены губернаторам, а полицейские дела переданы комендантам и плац-майорам. В наказах буржуазия утверждала, что подчинение магистратов губернаторам наносит серьезный ущерб ее торгово-промышленной деятельности. Отсюда вытекали ее конкретные требования высшим властям империи.

1. Передать в ведомство городских магистратов полицию.

2. Магистраты не должны подчиняться губернаторам.

3. Закрепить за магистратами руководство экономической жизнью города.

4. Сбирать все доходы с членов городской общины выделенными ее представителями.

5. Укомплектовать магистраты членами и приказными служащими, назначить им жалованье на таком же основании, как чиновникам губернских и других канцелярий⁴⁰.

В своих наказах буржуазия выставила также требования, направленные на освобождение ее от многих денежных и натуральных повинностей в пользу феодального государства. Во многих наказах отмечалось, что купцы и мануфактуристы значительную часть прибыли от торгово-промышленной деятельности вынуждены вносить в казну, что отрицательно сказывается на развитии их предпринимательства. Помимо денежных, им приходилось отправлять множество других казенных повинностей. Торговцы, например, несли службу при соляных и питейных сборах, при приеме вина и денег у откупщиков на кружечных дворах, при счете, отвозе и сдаче казенных денег, при караулах по охране складов с казенным имуществом и даже при конвоировании колодников. Так, по специальному расписанию магистрата г. Ельца из 284 купцов города ежегодно службами было занято 164 торговца (58,4%)⁴¹. Купцы предлагали правительству определить ко всем казенным сборам и службам постоянных людей из офицеров, назначив для их содержания соответствующее жалованье.

Городские депутатские указы ярко отражают борьбу торгово-промышленной буржуазии за отмену опеки царских властей над городскими магистратами, за независимый от коронных чиновников суд и городское самоуправление. Указы требовали, чтобы во всех делах, кроме государственных, представители буржуазии судились между собой единственно в городских магистратах и ратушах, чтобы ни царские чиновники, ни военные начальники не вмешивались в судебные дела торговцев, а городской суд был бы совершенно независимым от местной администрации и его решения не пересматривались бы ни в сенате, ни в других правительственных инстанциях. Это стремление создать свой классовый суд, независимый от царских властей, вытекало из экономических ин-

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109/9, л. 37, 45, 51, 55, 128, 129, 148 об., 176, 176 об.

⁴¹ Там же, л. 155 об.

тересов городской буржуазии, из тех новых социально-экономических отношений, которые сложились в стране в 60-х годах XVIII в.

Городские наказания, далее, требовали, чтобы магистраты ведали вопросами народного образования и здравоохранения. Программа обучения детей в городских школах, по мнению купцов г. Ряжска, должна была включать, кроме искусного понятия закона и письма, арифметику, бухгалтерию, навигацию, геометрию, а равно и другие науки, близко соприкасающиеся с коммерцией. Учреждение специальных школ, опекаемых магистратами, вытекало из жизненных запросов нового времени, которое, по словам источника, требовало более «совершенного человека», владеющего определенной суммой общих и специальных знаний⁴².

Все эти требования торгово-промышленной буржуазии надо рассматривать как ее стремление получить политические права в местном и государственном управлении.

Крепостные крестьяне, т. е. большинство населения империи, от выборов отстранялись и своих депутатов в Комиссии 1767 г. не имели. Их представляли в Уложенной Комиссии помещики, которые считали вопрос о крепостных отношениях окончательно решенным в свою пользу. Они смотрели на обладание населенными имениями как на монопольное право, которое не находится в причинной связи с их службой государству. Это право надежно охранялось сверху — абсолютистским государством. Поэтому в своих депутатских наказах дворяне просили правительство Екатерины II оставить вопрос о крепостном праве без рассмотрения и какого-либо изменения⁴³.

После указа от 18 февраля 1762 г. владельческие крестьяне считали, что вместе с освобождением дворян от обязательной службы уничтожено одно из главных оправданий прикрепления их к помещикам. Среди крестьян ходили слухи о том, что имения владельцев велено отбирать на имя государя. Чтобы пресечь эти слухи, 22 августа 1767 г. правительство опубликовало указ «О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков и о неподавании челобитей в собственные е. и. в. руки». Указ не удовлетворил крестьян. Волнения их нарастали, массовые побеги из имений приняли хронический характер⁴⁴. Естественно поэтому, что перед помещиками и правительством встала проблема: как прекратить волнения и массовые побеги крестьян?

Наиболее дальновидные представители господствующего класса искали выгоды для крепостников способы несколько смягчить тяжелое положение крепостных крестьян, не допуская мысли об их освобождении. Характерным было выступление 5 мая 1768 г. в Комиссии депутата Григория Коробина, представлявшего дворян Козловского уезда.

⁴² Там же, л. 136—137.

⁴³ Сб. РИО, т. 68, с. 443.

⁴⁴ Там же, с. 359.

При чтении проекта закона о беглых господских людях и крепостных на пленарном заседании Комиссии Г. Коробьин подал «Мнение», в котором обосновал причины, принуждавшие крепостных крестьян убежать от своих владельцев⁴⁵. Дворянский депутат признался, что он вместе с другими «благоразумными людьми» из «благородного сословия» долго размышлял над вопросом, где искать причину массового бегства крестьян от дворян, и, наконец, пришел к твердому убеждению, что причина лежит не в крепостных, а в помещиках. Одни из них с крестьян берут «против обыкновенного подати», другие, промотав свое состояние и набрав много долгов, сдают своих крестьян зарабатывать для уплаты годовых процентов. Но всего больше, по мнению Коробьина, таких помещиков, которые безмерно обижают поселянина и «лишают всех плодов его старания». От всего этого, заключил он, «целому государству немалая предлежит опасность». Опираясь на Большой Наказ Екатерины II, Коробьин предложил «предписать законом, коликую власть имеют помещики над именем своего крестьянина». Это было необходимо, по его мнению, для собственной пользы дворян, благоденствия крестьян и умножения хлебопашества в государстве. Что касается власти помещика над личностью крестьянина, то она «ему остается полная, как и ныне. Крестьянин его пребывает ему, как и ныне, крепостным».

Таково содержание «Мнения» Г. Коробьина. На пленарном заседании оно вызвало горячую дискуссию, которая продолжалась весь май 1768 г. Выступили семнадцать депутатов, из которых двенадцать высказались против какого бы то ни было ограничения власти помещика над своими подданными⁴⁶.

Депутат М. М. Щербатов, ярый крепостник, возражая Коробьину, говорил о вредности ограничения власти помещика над именем крестьянина, ибо оно могло «поселян по непросвещению оных свергнуть в злоклучения»⁴⁷.

Депутат от черносошных крестьян Архангелогородской провинции Иван Чупров, напротив, считал недопустимым такое положение, когда «помещиковы крестьяне живут без определенного закона, в большой бедности и беспокойстве»⁴⁸.

Против Щербатова и других депутатов-крепостников выступил посланец от рядовых казаков Новохоперской крепости Андрей Алейников. Он обрушился на крепостников за их требование узаконить в Новом Уложении позорное для государства право — торговать себе подобными людьми. Позорное тем более, что народы

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 114, кн. II, 1768. Дневные записки Законодательной Комиссии, л. 114—116. «Мнение» Коробьина и его ответы на возражения депутатов от дворян напечатаны в Сб. РИО (т. 32), а также в кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952, с. 49—68.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 114, кн. II, л. 129 об.—166.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, л. 143 и об.

многих европейских стран в крепостных отношениях никакой нужды не имели⁴⁹.

Таким образом, в состоявшейся дискуссии по крестьянскому вопросу только депутаты от трудовых масс (черносошного крестьянства и рядового казачества) выступили в Комиссии с протестом против крепостных порядков в России. Что же касается выступления Г. Коробина, то он в решении крестьянского вопроса не сошел с позиций дворянского либерализма, и его программа не подрывала крепостных основ в Российском государстве.

Изучение материалов о выборах в Комиссию 1767 г. и наказов раскрывает их связь с теми глубокими изменениями, которые происходили в экономическом строе и социальной структуре России в период развивающегося капиталистического уклада.

Наказы депутатам, за немногим исключением, представляют двойкий интерес. С одной стороны, они являются «завещанием» старого феодально-крепостнического порядка; с другой — представляют собой своеобразную «программу» нового формирующегося буржуазного класса, стремящегося к экономическому и политическому господству в Российском государстве.

В Уложенной Комиссии представители трудящихся масс крестьянства впервые возвысили свой голос протеста против крепостничества, державшего народ в состоянии духовного застоя, тормозившего развитие социально-экономических процессов, калечившего творческие силы лучших сынов народа. Своими смелыми речами в Комиссии 1767 г. они подготовили революционное выступление Радищева.

⁴⁹ Сб. РИО, т. 8, с. 373. Подробно о дискуссии см.: *Недосекин В. И.* О дискуссии по крестьянскому вопросу в России накануне восстания Пугачева. — Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1967, т. 63, с. 326—346.

РАЗРЯДНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНОЙ ОБОРОНЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

В. И. Буганов

Среди источников по истории России эпохи образования и развития единого государства одно из первых мест по праву занимают разрядные книги. В них мы находим большой комплекс сведений по истории государственного управления, внешней политики, войн и военного искусства и по другим вопросам. Следует при этом иметь в виду, что разрядные книги, как правило, вышли из официальных кругов, поскольку составлялись они в Разрядном приказе, канцелярия которого обслуживала Боярскую думу, правительство.

Разрядные книги, будучи официальным источником, в котором записывались сведения о службах феодалов на гражданском и военном поприще, сложились не сразу. Первые записи разрядного характера несли отрывочные сведения. В последней четверти XV и в первой четверти XVI в. велись нерегулярно, затем, как правило, ежегодно. Эти записи сводились в «служебные книги» (или «большие книги», «книги в Разряде») по свежим следам событий. Так продолжалось в течение всего XVI в. Помимо разрядных книг текущих записей, или пространной редакции, составлялись более краткие редакции, имевшие значение официального справочника о службах верхушки класса феодалов и использовавшиеся в местнических целях. Первый такой «Государев разряд» был составлен в 1556 г. (с текстом за 1475—1556 гг.), затем — в 1584 и 1585 гг., после смерти Ивана Грозного, и в 1598 и 1604 гг. Сохранились также различной степени полноты выписки из обеих редакций, составлявшиеся нередко по частной инициативе¹.

В годы военной интервенции и крестьянской войны начала XVII в. составлялись разрядные книги только пространной редакции²; их вели в течение всего XVII столетия («Дворцовые разряды») ³. Основное внимание в них уделялось гражданской и

¹ См.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; Тексты: Древнейшая разрядная книга официальной редакции (далее: ДРК). М., 1904; Древняя Российская вивлиофика (ДРВ), ч. XIII—XIV. М., 1770; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974; Сибирский сборник. М., 1844; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. М., 1975; Т. 2, вып. 1—2. М., 1976.

² См.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи за смутное время. М., 1907.

³ Дворцовые разряды (далее: ДР), СПб., 1850—1855. Т. I—IV.

особенно придворной службе (подробные списки лиц, назначенных для участия в придворных церемониях), местническим спорам. «Государев разряд» сохранился только за 1637/38 (7145) г.⁴ С 1613 г. началось ведение нового типа разрядных книг, получивших в современных им документах название «подлинники»⁵, в них подробно описывалась пограничная служба; другая их отличительная черта — помещение текстов наказов воеводам и росписей войск и гарнизонов с указанием их количества. Сохранились они только за 1613—1638 гг.

В дореволюционной историографии значение разрядных книг XV—XVI вв. как источника недооценивалось. Причина заключалась в том, что одни историки (например, И. Д. Беляев) к их оценке подходили с точки зрения содержания разрядных книг XVII в.; другие (Д. А. Валуев, И. Е. Забелин, А. И. Маркевич) рассматривали их как источник преимущественно о местничестве. Н. П. Лихачев говорил о «материальной неполноте» разрядных книг⁶. Для изучения истории пограничной обороны России разрядные книги по существу не привлекались.

Анализ содержания показывает, что разрядные книги различных редакций — источник очень богатый и разносторонний. Их значение усиливается тем, что за XVI — первую четверть XVII в. до нас почти не дошло подлинных разрядных первоисточников. Разрядные же книги, являясь их кратким сводом, во многом восполняют эту потерю. Кроме того, в ряде случаев разрядные книги сохранили полные тексты документов или их пересказы, изложения, более или менее подробные.

Разрядные книги, перечисляя по фамилиям служивых феодалов, дают возможность судить не только об их карьере, но и о важнейших сторонах жизни страны — государственном управлении, внутренней и внешней политике, составе, организации и комплектовании русского войска, войнах и военном искусстве, местничестве и др. Не имея возможности рассмотреть в рамках небольшой статьи весь этот довольно широкий круг вопросов, остановлюсь на одном из них — организации пограничной обороны Русского государства.

Важнейшее место в разрядных книгах занимают данные об организации гарнизонной, пограничной службы в стране, а также засечной, сторожевой и станичной службы на южной и юго-восточной окраинах России. Именно в них мы находим ежегодные росписи — списки бояр и дворян, назначаемых на должности воевод и их помощников в городах, особенно в беспокойных приграничных местах, на засеках, сторожах и в разъездных станицах. Анализ росписей дает возможность сделать наблюдения общесторического характера.

⁴ Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974, с. 314—344.

⁵ Там же, с. 180—313; Книги разрядные. СПб., 1853—1855. Т. I—II.

⁶ Подробнее см.: Буганов В. И. Указ. соч., с. 8—21.

Оборона границ государства, в первую очередь южных, затем восточных и западных, вызывалась необходимостью защиты России от постоянной угрозы агрессивных нападений крымских и казанских ханов, польско-литовских, ливонских и шведских феодалов. Большая и постоянная опасность грозила России с юга. Если для конца XV в. характерен мирный период в отношениях с Крымом, то в начале XVI в. он закончился. Примерно к этому же времени вассальная зависимость Казанского ханства от России сменилась враждебным отношением его к Русскому государству. В 1521 г. был создан объединенный агрессивный блок Турции, Крыма и Казани, направленный против России. В том же году казанским ханом стал брат крымского хана Саиб-Гирей, в 1524 г. Казань признала над собой протекторат Турции и стала прямым орудием турецкой агрессии против России. Угроза с юга и востока поставила вопрос об организации охраны границ. Она состояла, по свидетельствам различных редакций разрядных книг, из ряда мероприятий: выставление войска и гарнизонов в пограничных городах, организация засечной, сторожевой и станичной службы, основание ряда городов на пограничной территории.

Почти ежегодно выставляемое пограничное войско имело целью активную оборону от агрессоров.

Во время набега крымских царевичей весной 1512 г. воеводы были посланы на р. Угру, в Серпухов, Каширу, Рязань; в 1515, 1517 гг. полковые воеводы стояли по р. Вошане⁷. Первая роспись воевод «на берегу», т. е. в городах по берегам р. Оки, появляется в записях за 1518/19 (7027) г. Это роспись воевод по полкам. В других случаях приводятся списки воевод «по берегу» не в полках, а в городах⁸. Это города Серпухов, Кашира, Таруса, Коломна, Мещера, расположенные по р. Оке. К ним же относились и воеводы на р. Угре. В разряде 1527 г. появляется роспись воевод «от поля», в которой к этим береговым городам прибавлены еще Рязань (тоже на р. Оке), а также Тула и Одоев, расположенные оба на р. Упе⁹.

Во время похода Василия III к Коломне в 1521/22 г. полки размещались так: большой — под Девичьим, передовой — в устье р. Осетра (на Оке, между Коломной и Каширой), правая рука — под Голутвином, левая рука — около Ростиславля (на Оке, восточнее Каширы), сторожевой полк — у Каширы¹⁰.

В дальнейшем к этим опорным пунктам «по берегу» и «от поля» прибавляются и другие¹¹.

⁷ ДРК, с. 58, 60—61, 62—63, 44—47. Река Вошана впадает в р. Оку у Алесина.

⁸ Там же, с. 64—65, 68 (1519/20 гг.), с. 69—70, 71—72 (1521 г.).

⁹ Там же, с. 75—76.

¹⁰ Там же, с. 74.

¹¹ Бачманов, Сенкин, Люблин, Акатов, Колычевский Острог, Хотянецов, Белый Колодец, Коробчев (у устья р. Москвы, как и Бачманов). — ДРК, с. 77—78, 78—80, 81—82, 87—89 и т. д.

Это была единая линия обороны, опиравшаяся на р. Оку («берег»); береговую охрану дополняли выдвинутые на юг от Оки города от поля (Одоев, Тула и др.) В Москве службу по берегу и службу от поля расценивали как нечто единое, цельное¹².

В 30—40-х годах XVI в. более четко выделяются эти две пограничных линий. Главная — береговая с опорой на Коломну¹³; береговая роспись воевод называлась иногда коломенской¹⁴. Другими опорными пунктами были Серпухов и р. Угра, на которой иногда выставялось самостоятельное войско¹⁵. Затем в качестве одного из важных опорных пунктов по берегу становится Калуга, к которой переходит к середине XVI в. роль р. Угры¹⁶. Упоминания о р. Угре к этому времени сходят со страниц разрядных книг; опорой обороны по р. Оке являлись Коломна, далее — Калуга и между ними Серпухов, Кашира и Рязань. В моменты опасности со стороны крымцев Иван IV шел с войском на Коломну¹⁷.

Южнее располагалась линия от поля; опорой ее постепенно становилась Тула, около которой в некоторые годы стояло несколько полков. В нее входили города Одоев, Белев, Бобрик, Пронск, Зарайск, позднее Новгород-Северский, Путивль, Почеп, Карачев, Мценск. В эту линию включалась часто и Рязань, которая хотя и стояла на р. Оке, но была выдвинута далеко вперед от основной береговой линии Коломна—Кашира—Серпухов—Калуга и находилась поблизости от этой второй линии¹⁸.

К середине XVI в. линия от поля получила название линии «от крымской украины».

Обе линии обеспечивали активную оборону южной границы государства на достаточной глубине; к 30—40-м годам южная линия обороны продвинулась на юго-запад, в сторону Мценска, Новгорода-Северского, Путивля.

Акцентировка береговой линии обороны на Коломну была вызвана, мне кажется, необходимостью одновременно с защитой южных подступов государства от крымских татар думать о борьбе с угрозой со стороны Казанского ханства. Коломна была расположена не к югу от Москвы, постоянной цели крымских набегов, а к юго-востоку, недалеко от возможных путей к столице с юга,

¹² Список воевод этих служб в июле 1531 г. объединен и назван «росписью от поля по берегу» (ДРК, с. 81—82); в росписях воевод от поля опорные пункты — те же, что и в росписях по берегу (там же, с. 75—76, 78—79, 80 и т. д.; ср. 79—80, 87—89); в свою очередь в береговой росписи присутствуют воеводы городов от поля, например Тулы (там же, с. 89).

¹³ ДРК, с. 96, 97, 98—99, 100, 104—105, 106—107, 108—109, 115, 116—117, 120, 124, 129, 130, 132—133.

¹⁴ Там же, с. 92.

¹⁵ Там же, с. 105 (5 полков в 1538 г.), с. 107—108 (5 полков в 1539 г.)

¹⁶ Там же, с. 120 (5 полков в 1544 г.), с. 130—131 (1548 г.), с. 133—134 (1549 г.)

¹⁷ Там же, с. 121—122 (на Коломну весной 1546 г.), с. 123—124 (туда же, лето 1546 г.), с. 144—146 (на Коломну, а затем на Рязань летом 1550 г.), с. 161—163 (на Коломну летом 1553 г.) и т. д.

¹⁸ Там же, с. 65, 89, 91, 99, 101, 109, 117, 121, 140—141.

а также поблизости от других опорных пунктов по р. Оке и городов от поля. Коломна являлась очень выгодным пунктом для защиты южных границ, но в то же время была заметно выдвинута к востоку, что делало ее важным пунктом и в случае возможной агрессии Казанского ханства. Стратегическое положение Коломны было учтено русским правительством, которое предвидело возможность совместных действий Крыма и Казанского ханства¹⁹.

Во время похода на Казань в 1552 г. русские военачальники, опираясь на Коломну, проделали искусный стратегический маневр. Ввиду прихода крымцев на помощь Казани часть русского войска была сконцентрирована у Коломны. Эта мера предупредила замысел крымцев, которые, дойдя до Тулы, повернули обратно в Крым, и в то же время входила в план развертывания русских войск для наступления на Казань²⁰.

Против Казани, а также ногайских нападений с юго-востока опорной линией обороны с конца 10-х—начала 20-х годов становится р. Ока в районе Мещеры, Мурома и Нижнего Новгорода. Это была передовая линия. Вверх по Волге пунктами обороны от Казани на северо-востоке стали города Кострома, Галич, Унжа, Чухлома²¹.

Эта линия была растянута на большом расстоянии — от юго-востока, где она смыкалась с береговой линией около Рязани, до северо-востока. Ее крайние пункты — Мещера на юго-востоке, Кострома и Галич на северо-востоке.

Волго-Окская линия обороны напоминала клин, направленный в сторону Казани; крайним восточным пунктом его являлся Нижний Новгород, расположенный у впадения Оки в Волгу.

Нижний Новгород стал основным опорным пунктом в действиях против Казани. Его положение было очень выгодным; в случае опасности к нему по Оке и Волге могли подходить воеводы с подкреплениями с юга и северо-запада. Так, весной 1536 г., когда Нижний Новгород был осажден казанским ханом Саиб-Гиреем, на помощь городу пришли воеводы из Муромы²². Начиная с этого времени, ввиду опасности со стороны Казани оборона восточной границы усиливается: наряду с Волго-Окским клином и с выдвинутым далеко на восток нижегородским форпостом одним из важных ее пунктов стал Владимир, затем Суздаль, Шуя в районе р. Клязьмы. Оборона стала насыщенной и глубокой. Весь

¹⁹ В августе 1550 г. на рязанские и мещерские места приходил крымский царевич с войском в 30 тыс. человек; русское правительство для того, чтобы царевича побережи... нечто будет пойдеть царевич ис Крыму в Казань», послало «войска с Коломны на юг», в города «от поля», а сам Иван IV с войском ходил на юго-восток, к Рязани в целях предупреждения возможности соединения сил крымцев и казанцев (ДРК, с. 146—147).

²⁰ ДРК, с. 154—155.

²¹ Там же, с. 63, 70—71, 75, 86—87, 91, 97—98.

²² Там же, с. 98.

район обороны получил название «казанской украины»²³. Наряду с оборонительными задачами эта линия имела большое значение для активных наступательных действий.

Разрядные книги сообщают о ряде походов русских воевод на Казань. Основным направлением движения войск были пункты Москва—Владимир—Нижний Новгород—Казань²⁴. В успешном окончании многолетней борьбы с Казанским ханством большую роль сыграла Волго-Окская линия, как исходный пункт наступления русского войска.

Следующая оборонительно-наступательная линия в первой половине XVI в. была расположена на юго-западе и западе. Выше отмечалось, что в 10—20-х годах XVI в. в береговую линию включалось устье р. Угры, затем роль ее перешла к Калуге. Роль устья р. Угры, затем Калуги аналогична значению Коломны в общей системе обороны. Если Коломна была важным опорным пунктом борьбы с Крымом и Казанью, то р. Угра, затем Калуга имели то же значение в борьбе с Крымом и Литвой. Этому благоприятствовало стратегическое положение Калуги. Располагаясь недалеко от возможных путей движения крымцев к Москве, она стала юго-западной оконечностью береговой линии. В то же время близость Калуги к Литве объясняет ее роль как пункта борьбы с литовскими захватчиками. Калуга, как Коломна и Нижний Новгород, была одним из важных военно-стратегических форпостов Русского государства XVI в.

К береговой линии примыкала на западе и северо-западе от Москвы линия, состоявшая из опорных пунктов Дорогобуж, Смоленск, Вязьма, Рославль, Белая, Ржев, Торопец, Великие Луки и др. Она именовалась линией «от литовской украины»²⁵. Василий III во время похода на Коломну в 1521 г. передвинул к этому городу воевод из Вязьмы²⁶, что говорит о взаимной помощи двух линий. Опорным пунктом обороны и борьбы с Литвой стал Смоленск, важный военно-стратегический форпост на западе.

Разрядные книги свидетельствуют о большом значении этой линии в активных наступательных действиях русской армии, неоднократные походы которой против Литвы в 10—20-х годах XVI в. опирались на нее²⁷.

К середине XVI в., таким образом, Россия имела четыре линии защиты границ от Крыма, Казани и Литвы и одновременно активной борьбы с ними. Это линии (или, как их именовали в XVI—XVII вв., разряды): береговая (опорный пункт Коломна)

²³ Там же. с. 101—102, 102—103, 110—112, 114—116, 117, 118—120, 124—125.

²⁴ Там же. с. 121, 123, 126—127, 134—137.

²⁵ Там же. с. 59, 60, 64, 66—67, 68, 69, 71, 72, 78, 80, 93, 94—96, 99—100, 125, 134, 141—142.

²⁶ Там же. с. 72.

²⁷ Пунктами, из которых русские воеводы предпринимали военные операции против Литвы, были: Смоленск, Можайск, Белая, Ржев, Великие Луки. См.: ДРК. с. 50—60 (поход зимой 1514/15 г. из Ржева и Белой), с. 61 (из Белой к Вытебску), с. 66—68 (поход в июле 1519 г. одновременно из Ржева, Дорогобужа, Белой, Великих Лук) и т. д. . .

и «от крымской украины» (опорный пункт Тула) против Крыма и одновременно против Казани (Коломна) и Литвы (Калуга); «от казанской украины» (форпост Нижний Новгород); «от литовской украины» (опорный пункт Смоленск). Это была продуманная система обороны, охватывавшая полукругом центр Русского государства во главе с Москвой. Активно-наступательные тенденции были особенно свойственны линиям на западе (против Литвы) и востоке (против Казани). Для двух южных линий была характерна активно-оборонительная тактика в борьбе с крымскими агрессорами. Линия «от крымской украины» в первой половине XVI в. постепенно продвигалась на юг.

Все четыре линии были тесно связаны между собой и находились в постоянном взаимодействии. В этом отношении на первое место выдвигалась береговая линия пограничной обороны, которая, находясь внутри этой системы, могла оказывать помощь пограничным войскам остальных трех линий.

Во второй половине XVI в., после взятия Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г., линия «от казанской украины» исчезает. Проведение мероприятий по охране порядка в Казанской земле и по отражению нападений Большой Ногайской орды опиралось на гарнизоны так называемых «понизовых городов», расположенных по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани. На протяжении второй половины XVI в. количество опорных пунктов в районе Волги с воеводами и гарнизонами увеличивалось и к концу XVI—началу XVII в., по показаниям разрядных книг, достигало 29 городов²⁸.

Разрядные книги сообщают далее, что после вхождения Казанского ханства в состав России в связи с обострением борьбы с Крымом, а затем Ливонской войной 1558—1583 гг. происходят изменения в береговой и украинной линиях обороны. В 50-х годах XVI в. главное ядро берегового войска — большой полк стоял в Коломне, но остальные располагались уже в других пунктах «по берегу»: правая рука — большею частью в Кашире, передовой — в Зарайске, левая рука — в Кашире, сторожевой полк — у Коломны²⁹. Таким образом, большая часть войска (большой и сторожевой полки) в 50-х годах ставилась у Коломны, но другие полки уже перемещались на запад от нее по р. Оке. Еще западнее, в Калуге, нередко разворачивались все пять полков берего-

²⁸ ГПБ имени В. И. Ленина. ОР. Музейное собрание, д. 1585 (далее: ГБЛ, М1585), л. 362 об., 366 об., 797—797 об., 860, 939—940 об., 962; Сибирский сб., с. 8—9, 31, 41 и др.; ДРК, с. 166, 175, 200, 206, 255—256 и т. д.; ДРВ, ч. XIII, с. 420, 439—440; ч. XIV, с. 313, 317, 318, 364—365, 440—441, 444—445; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 378, 390—391, 435—436 и др.; ЦГАДА, ф. 181, д. 100, л. 59 об.—61, 85—86 об., 97 об.—99, 112 об.—113, 130 об.—131 об.

²⁹ Большой полк лишь дважды стоял не в Коломне: в 1556 г. — в устье Протвы, в 1558 г. — у Каширы; правая рука становилась иногда в Зарайске и Тарусе; передовой — у Рязани, Каширы, Калуги; левая рука — у Тарусы и Калуги; сторожевой полк — иногда у Лопасни, Серпухова. См.: ДРК, с. 150—151, 154—155, 162—161, 167—168, 171, 187—188, 193—194, 257.

вого войска³⁰. В 1560-х годах (в 1564, 1566 и 1568 гг.) это имело своей целью не только защиту от татарских нападений, но и координацию с военными действиями на ливонском театре военных действий³¹. В 1569 г. наряду с береговым войском из пяти полков, стоявшим у Коломны, Каширы и Серпухова, на берегу же стояло другое войско — «из опричнины», основная масса которого — большой, передовой и сторожевой полки — располагалась в Калуге, полки же правой и левой руки — поблизости от западного фронта, во Ржеве³².

Уже в начале второй половины XVI в. место Коломны в качестве главной опоры береговой линии начинает занимать Серпухов. Большие царские походы против крымцев в 50—60-х годах предпринимались из Коломны³³ и Серпухова³⁴. Береговое войско развигивалось иногда и в Серпухове³⁵. 50—60 годы были переломным моментом в этом процессе. С 1572 г., после сожжения Москвы крымскими татарами в 1571 г., центр тяжести береговой обороны переместился в Серпухов, в котором с 1572 по 1598 г. стояли воеводы большого полка. Царские походы против татар теперь предпринимались исключительно к Серпухову. В эти же 1570—1590 гг. воеводы полка правой руки располагались в основном в Тарусе, передового — в Калуге, левой руки — в Кашире. В Коломне находились только воеводы сторожевого полка, т. е. небольшая часть пограничного войска³⁶.

Перемещение центра тяжести береговой обороны на юго-запад, от Коломны к Серпухову и Калуге, было естественным после ликвидации опасности на востоке и необходимым мероприятием для усиления защиты южной границы, а также для координации военных мероприятий с западным фронтом.

Южнее береговой линии (разряда) по-прежнему располагались воеводы с гарнизонами в городах «от крымской украины» (или «от поля»), которые составляли украинную линию обороны. Количество украинских городов с гарнизонами во второй половине XVI в., по разрядным книгам, заметно увеличилось: к концу XVI—началу XVII в. их стало более 30³⁷.

³⁰ ДРК, с. 151, 155, 163, 168, 177, 185, 186, 194, 195, 247.

³¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948, с. 23; ДРК, с. 247.

³² ДРВ, ч. XIII, с. 395—397.

³³ ДРК, с. 161—162 (лето 1553 г.), с. 172—175 (на Коломну, затем на Тулу летом 1555 г.), с. 188—190 (1557 г.).

³⁴ Там же, с. 180—183 (лето 1556 г.), с. 209—213 (1559 г.).

³⁵ Там же, с. 207—208 (1559 г.), с. 229 (1562 г.).

³⁶ Иногда полки стояли в других местах: правая рука — в Алексине или на Мышеге, левая рука — на Лопасне (только один раз в 1572 г.). См.: ДРВ, ч. XIII, с. 433, 447, 456—457; ч. XIV, с. 223—224, 331—332, 335, 369, 410—411, 431, 432, 453—454, 467—469; ЦГАДА, ф. 181, л. 97, л. 348; ГБЛ, М1585, л. 365 об.—366, 673 об.—674, 801 об.—802, 875, 879—879 об., 931—931 об., 954 об.—957 об. и т. д.; Сибирский сб., с. 11, 12, 17, 22—23, 25—26, 33, 44—45, 46—47, 50, 53, 58—59, 65, 72, 74 и др.

³⁷ ДРК, с. 167, 171, 178, 180, 184, 187, 188, 190—193, 194—195, 196, 197, 207, 217, 218, 220, 229—230, 239—240, 245—246, 256—257, 264—265; ДРВ,

Опорным пунктом этой линии по-прежнему оставалась Тула. Гарнизоны Тулы, Дедилова, Рязани, Пронска, Донкова и других украинских городов начиная с 70-х годов XVI в. сводились нередко в полки «для вестей» во главе с тульским, иногда донковским, воеводой³⁸.

В район украинских городов «за реку» (т. е. за Оку) посылались с конца 60-х—начала 70-х годов войска в трех полках³⁹. После окончания Ливонской войны окончательно оформился этот украинный разряд, который назывался также тульским или зарецким⁴⁰. Он был «меньшим» по отношению к береговому разряду, в случае военной опасности его воеводы ходили «в сход», т. е. на помощь, к береговым воеводам и подчинялись им⁴¹.

Места стоянок воевод большого (в Туле) и передового (в Дедилове) полков были неизменными: сторожевой полк стоял в Михайлове, Крапивне и однажды в Одоеве. К этим трем полкам присоединялись сходные воеводы из других украинских городов. Часто к этим трем полкам прибавлялись еще полки правой и левой руки. Такой пятиполковой состав войска назывался большим украинным разрядом⁴².

В последней четверти XVI в. самостоятельная группа полковых восвод размещалась иногда у Рязани «для приходу крымских и нагайских людей» или для предупреждения этого⁴³. В записях за 1603 г. эта линия обороны названа «рязанским разрядом»⁴⁴. Опорным пунктом этого разряда выступал Переславль-Рязанский (Рязань).

В 80—90-х годах XVI в., таким образом, оборона южных границ усилилась. В эти годы в законченном виде оформились береговой и украинный разряды, появился третий — рязанский разряд.

Усиление обороны на юге позволило русскому правительству проводить активные наступательные действия против «луговой черемисы» и ногайцев в 80-х годах XVI в.⁴⁵ Количество набегов крымцев сократилось; в 1591 г. они последний раз прорвались к Москве, но после сражения под ее стенами «со страхом и ужасом» бежали из русских пределов.

В 90-х годах XVI—начале XVII в. нападения крымцев пре-

ч. XIII, с. 384—385, 394—395, 431—432 п т. д.; ч. XIV, с. 298, 315—316 п т. д.; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 380—381, 384—385, 429—431, 436—439 п т. д.; ГБЛ. М1585, л. 672 об.—673, 797 об.—800 об. п др.

³⁸ ДРВ, ч. XIV, с. 445—446 (1574 г.—украинные полковые восводы во главе с тульским воеводой кн. Б. В. Серебряным).

³⁹ Сибирский сб., с. 25, 28, 44, 58.

⁴⁰ Там же, с. 23, 79.

⁴¹ ГБЛ. М1585, л. 672 об.—673, 786, 797 об.—800 об., 867 об. п т. д.; Сибирский сб., с. 86, 89—90, 94, 95—96, 97—98, 100—101, 102, 105, 112, 113 п др.

⁴² Сибирский сб., с. 95—96, 100 (1587 г.), с. 138—139 (1599 г.); в 1602 г. «большого разряда на Туле... не было» (там же, с. 147).

⁴³ Там же, с. 23 (1569 г.), с. 90 (1585 г.); ДРВ, ч. XIV, с. 457 (1585 г.).

⁴⁴ Там же, с. 148. Полки стояли у Рязани, Михайлова, Пронска, Рязска, Шацка.

⁴⁵ Новосельский А. А. Указ. соч., с. 33—37, 432—433.

кратились почти совсем, их инициаторы — Турция и Крым были в это время заняты войной с Венгрией, Польшей и Молдавией⁴⁶. В связи с этим примерно с 1601 г. исчез береговой разряд⁴⁷. Остался только украинный разряд, причем места расположения полковых воевод передвинулись к югу от обычной линии Тула—Дедилов—Михайлов на линию Мценск (где стоял большой полк) — Новосиль (передовой полк) — Орел (сторожевой полк). Только в 1599 г. на Украину были направлены воеводы пяти полков: в Тулу (большой), Крапивну (правая рука), Дедилов (передовой), Епифань (сторожевой) и Венев (левая рука)⁴⁸. В остальные годы (до 1605 г.) на Украине стояли только три полка. Это означало существенное уменьшение вооруженных сил в этом районе, так как правительство было уверено в безопасности южных границ.

На юго-западе, западе и северо-западе во второй половине XVI—начале XVII в. в связи с войнами с Ливонией, Польско-Литовским государством и Швецией размещались гарнизоны в городах от литовской и немецкой Украины⁴⁹. Эта линия являлась опорной базой оборонительных и наступательных действий русской армии во время Ливонской и русско-шведской (1590—1593 гг.) войн.

С 80-х годов XVI в. в разрядных книгах появляются росписи воевод сибирских городов (Тобольск, Тюмень, Тара, Верхотурье, Березов и др.)⁵⁰, в которых также ставились воеводы и гарнизоны.

В годы военной интервенции начала XVII в. оборона южных границ значительно ослабла. В 1606 г. Лжедмитрий I, затем царь В. Шуйский отдавали распоряжения о расстановке полков в береговом и украинном разрядах, но она, вероятно, не была осуществлена, так как войска украинного разряда были брошены правительством на подавление восстания И. И. Болотникова, о чем свидетельствуют сохранившиеся источники⁵¹.

⁴⁶ Там же, с. 42.

⁴⁷ 18 апреля—9 мая 1601 г. после троекратного составления росписи (из-за местных споров) были назначены береговые воеводы в большой разряд, но их служба не состоялась, так как «больших вестей» (о крымцах) не было, на берегу были только «меньшие» воеводы. После 1601 г. на берег воеводы уже не посылались. См.: ГБЛ, М1585, л. 954 об.—957 об.; ОИДР, 185, л. 129 об.—132 об.; Гос. Ист. музей (далее: ГИМ), Увар. 594, л. 736—737; ЦГАДА, ф. 181, д. 100, л. 73 об.—77; д. 99, л. 909—913.

⁴⁸ Сибирский сб., с. 138—139.

⁴⁹ ДРК, с. 241—242, 252—254 и др.; ДРВ, ч. XIII, с. 385—388, 419—420 и др.; ч. XIV, с. 310—311, 311—313, 342—343 и др.; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 388—390, 409—412, 433, 534—541; ЦГАДА, ф. 181, д. 100, л. 56—59 об., 81—83, 93—94 об., 106 об.—108; ГБЛ, М1585, л. 870, 911—912 об., 930 об., 938, 959 об.

⁵⁰ ГБЛ, М1585, л. 872 об.—873, 883—883 об., 924—924 об., 940 об.—941; РК, с. 435 и др.; ЦГАДА, ф. 181, д. 100, л. 61—61 об., 86 об.—87, 94—99 об., 113 об.—114, 131 об.—132.

⁵¹ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 73—74, 75, 83, 88, 119, 135—136, 139, 145 и др.

После 1606 г. в связи с тем, что основное внимание было направлено на борьбу с интервенцией, полки на южной границе не расставлялись. С 1613 г. пограничная охранная служба возобновляется. В первой трети XVII в. она состояла из двух разрядов.

1. Украинный разряд: полки стояли обычно в Туле (большой), Мценске (передовой) и Новосили (сторожевой)⁵²; г. Орел — обычное место расположения сторожевого полка в конце XVI—начале XVII в. — был разрушен⁵³. С конца 10-х—начала 20-х годов XVII в. для большего сосредоточения полков и придвижения к Москве их располагали в Туле (большой), Деделове (передовой) и Крапивне (сторожевой); в Мценске помещался дополнительный «прибылой» полк⁵⁴.

2. Рязанский разряд: полки располагались в Переславле-Рязанском (большой), Михайлове (передовой) и Пронске (сторожевой)⁵⁵.

В 1640—1650-х годах, после построения Белгородской засечной черты, пограничное войско выдвинулось дальше и стояло у городов Ливны, Яблонов, Белгород⁵⁶.

Разрядные книги типа «подлинников» дают возможность изучить вопрос о количестве войска, находившегося с воеводами в этих разрядах в 1613—1638 гг. В 10-х годах XVII в. основные русские силы были заняты борьбой с поляками и шведами, поэтому на украине войско было малочисленным. Так, в 1614 г. в четырех полках насчитывалось 5368 человек⁵⁷, в 1615 г. — всего 2404 человека⁵⁸.

После окончания интервенции и заключения мира с Польшей и Швецией количество войска на юге увеличивается. В 1620 г. здесь находилось в украинном разряде около 6 тыс. человек, в рязанском разряде — 3807, всего в обоих разрядах — около 10 тыс. человек⁵⁹, в 1625 г. в обоих разрядах — 9510 человек⁶⁰. В связи с увеличением количества татарских набегов в 30-х годах XVII в.

⁵² ДР, т. I, стб. 133, 172—173, 211—214, 266 и т. д. (ежегодно); ГИМ, Увар. 897, л. 193—214 об. (роспись и наказ); Книги разрядные, т. I, стб. 29—30, 35—47, 118—156, 270—308 и т. д. (ежегодно).

⁵³ Новосельский А. А. Указ. соч., с. 66.

⁵⁴ ДР, т. I, стб. 388—389, 443—446 и т. д.; Книги разрядные, т. I, стб. 621—622, 677—680 и т. д.; Новосельский А. А. Указ. соч., с. 160.

⁵⁵ Там же, стб. 266—267, 388—389.

⁵⁶ ДР, т. III, стб., 95—96, 120, 163, 209, 251; Новосельский А. А. Указ. соч., с. 372.

⁵⁷ В большом — 1474 человека, передовом — 1978, сторожевом — 804, «прибылом» — 1112 человек (ГИМ, Увар. 897, л. 193—196).

⁵⁸ Книги разрядные, т. I, стб. 35—36; в том же году в июле против литовцев к Брянску было послано войско во главе с кн. Д. М. Пожарским — 15 183 человека (там же, стб. 47—51); в январе 1615 г. на Рязань против казаков послано 1200 человек (там же, стб. 31—32); в августе во Псков против шведов — 5226 человек (там же, стб. 1059—1064).

⁵⁹ Книги разрядные, т. I, стб. 678—680.

⁶⁰ Там же, стб. 1059—1064.

войско на юге увеличилось. В 1634 г., например, в двух разрядах числилось 20 898 человек, в конце 30-х годов — 28 тыс. человек ⁶¹.

Те же «подлинники» дают возможность проследить состав гарнизонов городов по районам: замосковские города, от литовской украины, от немецкой украины, новгородские и псковские пригороды, поморские города, понизовые, сибирские.

Данные разрядных книг о засечной обороне весьма невелики по объему. В них нет сведений о сооружении в XVI—XVII вв. засечных линий, об их устройстве и т. д. ⁶²

В связи с татарским набегом под Москву в 1598 г. Борис Годунов, как сообщают разрядные книги, 18 мая этого года смотрел «засечных чертежей» и послал на засеки — Тульскую, Заупскую, Уляжскую и другие — воевод и с ними «людей». Из записей разрядных книг об этих засеках (протяженностью 590 верст и 17 сажень) мы узнаем, что ими ведали воеводы, головы, засечные приказчики. На этих засеках в 1598 г. служили 11 воевод, 30 голов и 42 приказчика. Засечная стража состояла из 325 детей боярских, 790 стрельцов и казаков, 790 татар и мордвы и 193 засечных сторожей — всего 1998 человек. Кроме того, в засечную стражу входили и «зборные люди», т. е. представители тяглого населения ⁶³.

Упоминаются также засеки «на Резани» — Вожская засека, Дураковские ворота ⁶⁴.

Разрядные книги не говорят и об организации сторожевой и станичной службы. Этот вопрос освещали так называемые сторожевые книги ⁶⁵. Но в разрядных книгах довольно часто приводятся записи о донесениях станичников и сторожей, в которых они сообщали о направлении татарских набегов, численности татарского войска и т. д. В 1591 г., например, приехавший в Москву сторожевой голова С. Антыков сообщил о том, что «на государевы украины» идет Муравским шляхом крымское войско во главе с ханом Казы-Гиреем, «а с ним по смете людей с полтараста тысяч и больши». 29 июня в Москву приехал тульский станичный голова А. Сухотин, который привез новые сведения о том, что крымцы («с полтараста тысяч и больши») «идут к берегу (к Оке. — В. Б.) на прямое дело со многими людьми» ⁶⁶.

В борьбе с Крымом и Казанью, Польшей и Швецией, как уже отмечалось, большую роль играли в XVI—XVII вв. города в пограничных областях — опорные пункты оборонительных и насту-

⁶¹ Там же, т. II, стб. 835—848; Новосельский А. А. Указ. соч., с. 372.

⁶² См. об этом: Яковлев А. И. Засечная черта в Московском государстве в XVII в. М., 1916.

⁶³ ГБЛ, М1585, л. 903 об.—905; М737, л. 609 об.—611; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 524—527; ЦГАДА, ф. 181, д. 100, л. 13—15.

⁶⁴ Сибирский сб., с. 151 (1603 г.).

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 210, д. 1 — Сторожевая книга 1571 г.; она напечатана в АМГ, т. 1; см.: Беллев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине. М., 1846.

⁶⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 440; ГБЛ, М1585, л. 805 об., 806, 807; см. также: ДРК. с. 144; ГБЛ, М1585, л. 905; Сибирский сб., с. 11. 16 и др.

пательных мероприятий. Правительство придавало этим городам большое значение и в деле подавления народных движений против феодального гнета.

Разрядные книги сообщают данные об основании в этих целях в течение XVI в. ряда городов в пограничных областях. По южной границе были обновлены или заложены города: Пронск (осень 1535 г.), Михайлов (весна 1551 г.), Шацк (весна 1553 г.), Воронеж и Ливны (1536 г.), Белгород, Оскол и Курск (1596 г.), Борисов и Валуйки (осень 1600 г.)⁶⁷.

На востоке государства в качестве опорного пункта для борьбы с Казанью в 1550 г. был основан Свияжск в устье р. Свияги⁶⁸. После присоединения Казани и Астрахани для окончательного закрепления этой территории основываются во второй половине XVI в. города Чебоксары (1555 г.), Тетюши (1571 г.), Кокшайск (1574 г.)⁶⁹, Кузьмодемьянск (1583 г.)⁷⁰, Сапчурск (1585 г.)⁷¹.

В качестве опорных пунктов на западе и северо-западе выступают Велиж (1536 г.), Толщебор по Кольванской, т. е. Ревельской, дороге (1570 г.). В 1610 г. в качестве опорного пункта на северо-западе «на Неве зделан был острог»⁷².

Как видим, разрядные книги с их ежегодными списками воевод, их «товарищей» — помощников, голов, которые возглавляли городские гарнизоны или полки в пограничных войсках, дают возможность изучить отдельные отрасли государственного управления (гарнизонная служба воевод и войск в городах), организацию пограничных оборонительно-наступательных мероприятий русского правительства (полковая служба тех же воевод в береговом, украинном и других разрядах, эволюция последних в XVI—первой трети XVII в. и др.). Ограниченный сословно-классовый характер разрядных книг (в которых, как правило, отсутствуют какие бы то ни было сведения о представителях социальных низов) снижает, конечно, их значение как исторического источника. Но в то же время они имеют большое значение для изучения истории господствующего класса, точнее, его верхушки, той внутренней и внешней политики, которую она проводила в интересах всего российского дворянства и, в определенной степени (например, охрана от внешних нападений и др.), всего Русского государства.

⁶⁷ ДРК, с. 99, 150, 159; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 368, 500; ЦГАДА, ф. 219, д. 232, л. 342; ф. 181, д. 100, л. 59 об.

⁶⁸ ДРК, с. 149.

⁶⁹ Там же, с. 176; ДРВ, ч. XIII, с. 416; ч. XIV, с. 445; Сибирский сб., с. 29, 44. В летописном отрывке о постройке городов в Московском государстве, изданном акад. М. Н. Тихомировым, основание Кокшайска отнесено к 1583 г. — См.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — Исторические записки, т. 10, с. 93.

⁷⁰ Сибирский сб., с. 82. В уже упомянутом летописном отрывке основание Кузьмодемьянска датируется 1578 г. См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 93.

⁷¹ ГБЛ, М1585, л. 629; Сибирский сб., с. 89; см. также: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 93.

⁷² ДРК, с. 99; ДРВ, ч. XIII, с. 407; Сибирский сб., с. 26; Белокуров С. А. Указ. соч., с. 103, 123 и т. д.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗА 1964—1978 ГГ.

Н. А. Соболева

Анализ развития специальных исторических дисциплин как комплекса был впервые предпринят А. А. Зиминим в 1964 г.¹ С тех пор вопросы развития этих дисциплин неоднократно становились предметом обсуждения на всесоюзных и региональных специализированных конференциях и симпозиумах², находились в поле зрения ряда известных историков (Л. В. Черепнина, В. И. Буганова, С. О. Шмидта, В. Л. Янина и др.)³.

¹ *Зимин А. А.* Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов. — В кн.: Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1.

² О них см.: Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968; Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970; Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин: Тезисы докладов. Л., 1969; Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Вологда, 1970; Археография и источниковедение: Северный археографический сб. Сыктывкар, 1977. Вып. 4; Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977; *Недосекин В. И.* Конференция по источниковедению в Геленджике. — История СССР, 1976, № 3.

³ *Черепнин Л. В.* Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — Советские архивы, 1967, № 5; *Он же.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1; *Он же.* Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974; *Буганов В. И.* Источниковедение и специальные исторические дисциплины (дооктябрьский период). — В кн.: Археография и источниковедение: Северный археографический сб. Сыктывкар, 1977. Вып. 4; *Буганов В. И., Трухан Г. А.* Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. — Вопросы истории, 1977, № 3; *Шмидт С. О.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. — В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975; *Янин В. Л.* Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории (нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, весовая метрология). — В кн.: Археографический ежегодник за 1969 г.

Следуя традиции, автор настоящей статьи обобщает итоги развития дисциплин, объединенных термином «специальные исторические», анализируя литературу (в рамках дооктябрьского периода отечественной истории) последних 15 лет. Понятно, что не все дисциплины при таком комплексном обзоре могли получить детальный разбор. В статье выявляются общие тенденции развития большинства из них, детально же рассматриваются лишь некоторые.

Внешняя сторона современного этапа развития специальных исторических дисциплин — «значительное расширение фронта исследований»⁴ в данной области. Свидетельством этого являются следующие моменты:

1) организация тематических симпозиумов, конференций и совещаний (по источниковедению, археографии, архивоведению, специальным историческим дисциплинам в целом, а также по нумизматике, исторической географии, ономастике и т. д.), в результате деятельности которых появляется возможность определить направления их развития, координировать исследовательскую деятельность как в целом, так и почти по каждой специальной исторической дисциплине;

2) увеличение количества тематических изданий по проблемам специальных исторических дисциплин (сборники статей и публикаций, продолжающиеся издания). Авторские коллективы, занимающиеся исследованиями в этой области, складываются не только в крупных научных центрах — Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Новосибирске, но и в других городах нашей страны, о чем свидетельствуют многочисленные тематические сборники, опубликованные в Вологде, Перми, Уфе, Казани, Днепропетровске, Тамбове, Краснодаре, Якутске, Владивостоке, Свердловске, Калининне;

3) возрастание роли специальных исторических дисциплин в учебном процессе (систематическое чтение курсов по отдельным специальным историческим дисциплинам на исторических факультетах университетов и пединститутах, расширение практики чтения спецкурсов по отдельным «редким» дисциплинам, со-

М., 1973; *Он же*. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — *История СССР*, 1973, № 3; *Он же*. К проблеме интеграции письменных и вещественных источников. — В кн.: *Очерки комплексного источниковедения*. М., 1977. Высказанные В. Л. Яниным соображения по поводу тенденций развития специальных исторических дисциплин поддержаны рядом историков. См.: *Дорошенко В. В.* Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе. — В кн.: *Археографический ежегодник за 1969 г.* М., 1971; см. также выступления ряда историков на Таллинском симпозиуме в кн.: *Источниковедение отечественной истории*. 1976.

⁴ *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 329. Л. В. Черепнин, отмечая несомненные успехи в развитии специальных исторических дисциплин, считал возможным охарактеризовать современный этап их развития как расцвет. См.: *Черепнин Л. В.* Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины, с. 29.

знание методических пособий для студентов-заочников и, наконец, квалифицированную подготовку и выпуск учебных пособий почти по всем специальным историческим дисциплинам);

4) осязаемое увеличение (в количественном отношении) по сравнению с предыдущим периодом научных трудов по всем без исключения дисциплинам. Особенную значимость имеют монографические исследования по ряду дисциплин, ранее мало привлекавших внимание ученых: сфрагистике, генеалогии, дипломатике и др. Увеличилось число диссертаций, в основу которых положены источники, составляющие предмет исследования той или иной дисциплины.

Этот процесс сопровождается также изменением структуры комплекса данных дисциплин в целом, что составляет наиболее существенный момент их развития на современном этапе. Одна сторона явления — исключение ряда дисциплин из всего их комплекса. Это относится в первую очередь к источниковедению, документоведению, архивоведению, археографии и проч., которые только по традиции продолжают считаться вспомогательными. Другая сторона — исключение из традиционного понимания предмета отдельных специальных дисциплин, как бы его части, обособление этой части в самостоятельную специальную дисциплину с собственным предметом и задачами исследования. Так, в палеографическом исследовании выдвинулось изучение филигранных, и с большим основанием в настоящее время можно говорить о специальной дисциплине филигранологии, в нумизматике — о фалеристике (наградные знаки), бонистике (бумажные денежные знаки) и т. д. В то же время в этой группе дисциплин так же явно наблюдается тенденция к приобретению самостоятельности, отнесению на второй план вспомогательной функции. Особенно это относится к сфрагистике, нумизматике, исторической географии и др. Определяющим моментом в этом процессе является формирование круга исторических проблем, решение которых возможно только в результате досконального исследования предмета какой-либо из этих дисциплин⁵. Например, решение вопросов о денежном хозяйстве и отдельных аспектах экономического развития античных и средневековых государств предполагает обязательное обращение к монетам, вернее, к комплексам монет —кладам. Исследование вопроса о способах письма, индивидуализации почерков в целях установления их владельца и, таким образом, освещении целого круга проблем, связанных со становлением школ письма, зависят главным образом от уровня палеографического исследования и т. д.

Основным фактором, обуславливающим успешное и доказательное разрешение той или иной исторической проблемы, пред-

⁵ См. об этом: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 15. Л. В. Черепнин, имея, вероятно, в виду эту тенденцию, писал о проникновении в сферу вспомогательных дисциплин принципа историзма. См.: Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 41.

принятое на основе тщательного анализа материала, составляющего предмет специальной дисциплины, является доскональная разработка и совершенствование методических приемов исследования. Специфика последних и вызывает в конечном итоге дифференциацию специальных исторических дисциплин, характерную в настоящий момент для них, ибо именно методика исследования, разработанная в совершенстве или находящаяся в стадии разработки, с большей или меньшей интенсивностью кристаллизуется и развивается применительно к материалу, составляющему предмет каждой дисциплины. Естественно, в процессе разработки методических приемов происходит своеобразная концентрация материала, как бы отсечение от предмета дисциплины всего лишнего, с чем нельзя оперировать в рамках определенных технических приемов, с помощью которых из источника извлекается наибольшая информация.

Процесс дифференциации, результатом которого является также расширение всего комплекса специальных исторических дисциплин, — это сегодняшняя реальность их развития. Однако в практике исторического исследования можно наблюдать симптом уже следующего этапа — интеграции этих дисциплин в едином исследовании. Зачастую этот процесс рассматривают просто как использование материала различных дисциплин при изучении той или иной исторической проблемы. Думается, однако, что процесс этот более сложный. По-видимому, он предполагает освоение исследователем методики различных специальных дисциплин. Это освоение осложняется в ряде случаев тем, что методика в недостаточной степени разработана внутри самой той или иной специальной дисциплины. Тормоз существует уже на начальной стадии интегрированного исследования. Здесь уместно вспомнить неоднократно высказываемое в литературе по поводу специальных исторических дисциплин суждение, что их развитие — единый процесс, отставание одной ведет к отставанию всех других.

В указанном направлении делаются некоторые шаги. Пока что они выражаются в том, что, во-первых, наблюдаются тенденции к унификации методики исследования материала, составляющего предмет каждой дисциплины, во-вторых, — к утилизации технических приемов, выработанных в одной отрасли, некоторыми другими (метод картографирования — в нумизматике, составление нисходящих и восходящих таблиц — в сфрагистике).

Таким образом, в сфере специальных исторических дисциплин на данном этапе их развития интегрируется ряд тенденций, становление которых является следствием углубления теоретических основ этих дисциплин, все расширяющейся сферы применения их данных в историческом исследовании, залогом дальнейшего прогресса которого является «постоянное совершенствование вспомогательных исторических дисциплин»⁶.

⁶ Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет, с. 130.

Анализ конкретных работ в области специальных исторических дисциплин, опубликованных за последние 15 лет, позволяет выявить вышеизложенные тенденции, однако это не значит, что в одинаковой степени они прослеживаются в каждой из дисциплин, входящей в комплекс специальных. И в то же время для каждой дисциплины возводится в принцип, например, разработка теоретических проблем: постановка вопроса о предмете той или иной дисциплины, переосмысление ее задач, вопросы методологии, методические приемы изучения тех или иных источников. Большое значение придается разработке терминологии, отсутствие которой зачастую создает видимость нерешенности в определении предмета и задач той или иной дисциплины, приводит к возникновению дискуссии по поводу того или иного названия («вспомогательные» — «специальные» исторические дисциплины и т. д.).

Разбор современной научной литературы, проведенный ниже, покажет, как названные главные тенденции проявляются в развитии отдельных специальных исторических дисциплин. Для анализа избраны некоторые традиционные дисциплины, в основном фигурирующие как исторические (по отношению к ряду дисциплин укоренилось наименование историко-филологических; это, например, текстология, ономастика).

Палеография относится к числу старейших специальных исторических дисциплин. Казалось бы, ее предмет и задачи давно определены и она вышла за рамки чисто прикладной дисциплины⁷. В научной исторической литературе прочно установился взгляд на палеографию как на науку, которая имеет «свою область», т. е. изучает круг определенных проблем на основе «непреложных законов», научных методов. Тем не менее в настоящее время вновь поставлен вопрос о ее предмете, методе, прежде всего в связи с плодотворной деятельностью в области разработки методик изучения рукописных памятников на различных языках, а также в связи со стремлением теоретически обосновать закономерности эволюции письма в зависимости от историко-культурного развития общества. Если говорить о русской палеографии, то в определении ее предмета преобладающей следует признать тенденцию к расширенному, комплексному пониманию объекта ее изучения. Здесь и наблюдения и определения основных признаков почерков, материал, орудия письма, водяные знаки бумаги, рукописный декор — словом, все, что входит в понятие внешней критики памятника письменности⁸. Вместе

⁷ Малов В. Н. Что такое палеография. — Вопросы истории, 1966, № 2; Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 43.

⁸ См., например, определение предмета палеографии, данное Л. М. Костюхиной (Костюхина Л. М. О некоторых вопросах развития русской палеографии. — Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1970; см. также: Кукушкина М. В. Советская палеография. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. I.

с тем разработка методики палеографического исследования, предпринятая зарубежными палеографами, в первую очередь французом Ж. Маллоном, и взятая на вооружение советскими исследователями латинского письма⁹ (в основе этой методики лежит изучение технической стороны письма: размера букв, их пропорций, дукта, «веса», расстояния между строчками, способа держания или заточки орудия письма и т. д., т. е. критерием является не субъективно-зрительное восприятие почерка, а линейные измерения), способствовала выделению основного направления современного палеографического исследования — изучению истории почерков. Последнее в свою очередь влечет за собой разрешение целого круга вопросов, среди которых — история школ письма, складывание книгописных центров, социальная принадлежность и общественно-политические взгляды писца или группы писцов и т. д. Такое углубленное осмысление задач палеографии приводит как бы к сужению ее предмета, к выделению из него филиграней, рукописного декора, которые в свою очередь являются объектом внимания иных дисциплин: филигранологии, искусствоведения¹⁰.

В последнее время в русле основного направления палеографического исследования развивается тематика отождествления писцов по почерку. Она характерна как для иноязычной, так и для русской палеографии¹¹. Отождествление руки писца — один из аспектов кодикологического исследования. Кодикология, возникшая как научная дисциплина сравнительно недавно, имеет предметом своего изучения рукописную книгу как целостный памятник культурной эпохи¹². Основные задачи, которые стоят перед кодикологией, — исследование техники изготовления книги, организация книгопроизводства в тех или иных областях в тот или иной период истории и судьбы рукописей, библиотек и т. д.

Вопрос о соотношении палеографии и кодикологии в настоящее время составляет предмет дебатов ученых в разных странах¹³, высказываются зачастую противоположные мнения по по-

⁹ Малов В. Н. Исследования по латинской палеографии в СССР в 1940—1970-х годах. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.

¹⁰ Высказывая подобную точку зрения на палеографическое исследование, академик Д. С. Лихачев подчеркивает, что изучение элементов декора рукописей — это дело искусствоведов, а не «рукописников» и палеографов, суждения которых о стиле заставок, миниатюр часто дилетантичны. См.: Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин. — Вестник Академии наук СССР, 1976, № 4, с. 64—69.

¹¹ Мажуга В. И. Отождествление руки писца в палеографии и кодикологии. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. VII; ряд работ Б. М. Клосса, Н. В. Спициной, в частности опубликованные в книге «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР».

¹² Лебедева И. Н. Кодикология — наука о рукописных книгах. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Вып. IV.

¹³ См. об этом: Воронова Т. П. Новые советские исследования по латинской палеографии. — Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977; Мажуга В. И. Указ. соч.; Лебедева И. Н. Указ. соч.

воду их взаимозависимости и соподчинения. Водяные бумажные знаки, используемые при внешней критике источника и входившие как составной элемент в предмет палеографии, также образуют в настоящее время самостоятельный объект исследования¹⁴, формируют круг научных проблем, куда входит изучение технологии и организации структуры производства бумаги, история возникновения и развития бумагоделательного производства и отдельных фабрик. В последнее время наряду с продолжающимися исследованиями в области русского бумагопроизводства на основе анализа водяных знаков опубликованы ценные труды о бумаге и ее производстве в Литве, на Украине, в Латвии¹⁵. Одновременно в литературе ставятся вопросы методики работы с водяными знаками, в частности поднимается проблема точной идентификации филиграней, дебатировается возможность использования системы учета параметров при отождествлении филиграней¹⁶.

Таким образом, за последние 15 лет в палеографии произошли сложные процессы, стимулирующие более интенсивное ее развитие как самостоятельной научной дисциплины.

Дипломатика в настоящее время достигла больших успехов в разработке актового материала с позиций марксистско-ленинской методологии¹⁷. Еще не так давно специалисты отмечали, что в научной литературе нет четкого различия понятий «акт» и «исторический документ», не определено соотношение между дипломатикой и документоведением¹⁸, т. е. по сути дела нет научного определения дипломатики, не выявлен объект ее исследования.

За последние 15 лет в дипломатике произошли существенные изменения: она приобрела большое самостоятельное значение¹⁹, ибо определяется как наука, имеющая свой объект исследования (акты) и специфическую методику (формулярный анализ), которая предполагает исследование внутренней формы источника (акта), в том числе и его содержания. В результате формируется комплекс проблем, решение которых ведет к «воссозданию исто-

¹⁴ Кужушкина М. В. О новом альбоме филиграней. — Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970.

¹⁵ Лауцявичус Э. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Вильнюс, 1967; Мациук О. Я. Папір та філіграні на українських землях (XVI—начало XX ст.). Київ, 1974; Енш Г. А. Водяные знаки латвийских бумажных предприятий как исторический источник. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики.

¹⁶ Дианова Т. В. Методы изучения филиграней в печатных и рукописных книгах XVII в. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР; Она же. Метод датировки документов с помощью водяных знаков и принцип публикации филиграней. — Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975.

¹⁷ Копанев А. И. Советская дипломатика. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. I.

¹⁸ Зимин А. А. Указ. соч., с. 130.

¹⁹ Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины, с. 26.

рии актов явлений общественной жизни и раскрытию социально-экономических и политических процессов, нашедших отражение в актовом материале»²⁰. Данное направление в дипломатике связано с именем С. М. Каштанова, книга которого «Очерки русской дипломатики» (М., 1970) и по сей день является «последним словом в области этой дисциплины», как характеризовал ее в свое время академик Л. В. Черепнин.

Основополагающей в разработке современного дипломатического исследования явилась конкретизация понятия «акт», под которым С. М. Каштанов подразумевает только документы договорного содержания, ограничивая их, таким образом, от прочих документов — законодательных, просительных и т. п.²¹ Особенности, присущие документам сделочного характера (комбинации повторяющихся формул, выражающих основное содержание документа), дают возможность использовать в отношении их четкую методику обработки, которая, по мнению С. М. Каштанова, не будет иметь эффекта в любом другом случае. Вместе с тем ряд исследователей считают, что данную методику можно распространить и на иные виды документов, имеющих четко обозначенный формуляр. Подвергается критике и сформулированное С. М. Каштановым определение дипломатики как науки об актах, изучающей договорные документы²².

За принципиальное видоизменение предмета дипломатики выступает, в частности, В. В. Фарсобин, который считает, что в ее основе должна лежать функция — формулярный анализ различных документов, а не объект — акт (документ договорного содержания)²³. По-видимому, правильность той или иной точки зрения будет подтверждена (или опровергнута) в ходе дальнейшей практической работы с новыми разновидностями документации, имеющей четко выраженный формуляр, а также в ходе разработки этого вопроса в теоретическом плане (например, создание монографического исследования о возникновении различных формуляров, их эволюции, причинах изменения и т. д.).

Сфрагистика. В 70-х годах наблюдается расширение хронологических рамок исследований со сфрагистической тематикой. Диапазон научного сфрагистического исследования очень широк — от вислых печатей Древней Руси до печатей советского времени. Однако наиболее существенный момент — изменение задач сфрагистики. В традиционном понимании печать, приложенная или

²⁰ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 54.

²¹ Каштанов С. М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина. — Вопросы истории, 1965, № 1; *Он же.* Предмет, задачи и методы дипломатики. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

²² Об этом см.: Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976, с. 231—232.

²³ Фарсобин В. В. О предмете дипломатики и ее соотношении с источниковедением. — Вопросы истории, 1978, № 1.

привешенная к документу, — это удостоверение происхождения документа, его подлинности, она используется для внешней критики письменного источника. В результате сфрагистика выступает в роли вспомогательной дисциплины дипломатики, вспомогательной же дисциплиной истории она является в этом случае не непосредственно, а опосредованно — через дипломатику. В настоящее время печати, не теряя своего значения в дипломатической критике, все больше выступают в качестве самостоятельного исторического источника. Основным направлением в современном сфрагистическом исследовании следует считать изучение вислых древнерусских печатей, обнаруженных главным образом при раскопках. Это направление в исследовании сфрагистического материала связано с именем Н. П. Лихачева — крупного специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин. Он пополнил эту науку новым содержанием, изменив представление о сфрагистике как об узком разделе дипломатики, обратив внимание, что изучение печатей, найденных в земле, выводит сфрагистику за пределы вспомогательной исторической дисциплины, ибо сам сфрагистический материал является источником при изучении ряда важнейших проблем²⁴. Исследования металлических печатей, предпринятые Н. П. Лихачевым, как известно, были продолжены и получили успешное завершение в последние годы благодаря работам в этой области В. Л. Янина. В его монографии, посвященной древнерусским печатям²⁵, четко определены методические приемы работы со сфрагистическим материалом, благодаря которым автору удалось воссоздать историю древних русских государственных институтов, проследить основные моменты их развития, зафиксировать не отраженные в других каких-либо источниках административные реформы, показывающие становление аппарата государственной власти в Древней Руси.

Успехи советской археологии, с одной стороны, и исключительные результаты, достигнутые в изучении вислых древнерусских печатей — с другой, невольно отодвинули на второй план исследование сфрагистического материала иного характера, как правило, хронологически более позднего, например изучение группы печатей, вернее, оттисков печатей на воске. Становление специфических методических приемов сфрагистического исследования²⁶, а также увеличение интереса к печатям, скрепляющим документы, как к историческим памятникам (что является следствием повышения качественного уровня исторического исследования) способствует научной разработке печатей данного типа. Об этом свидетельствуют работы последних лет, посвященные

²⁴ См. об этом: *Соболева Н. А.* О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв.: (Историографические заметки). — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1976. Вып. VIII.

²⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1—2.

²⁶ *Соболева Н. А.* Указ. соч.; *Гавриленко В. А.* Українська сфрагістика. Питання предмета та історіографії. Київ, 1977.

изучению групп печатей — восковых, воско-мастичных, сургучных оттисков²⁷. В сфрагистическом исследовании в настоящее время можно выделить основное направление, отметить нарастающие тенденции к расширению тематики, к углублению данной проблематики в целом путем постановки и частичной разработки методики исследования. В то же время некоторые аспекты сфрагистического исследования не освещаются историками. Примером может служить состояние вопроса о русских государственных печатях.

В настоящее время имеется довольно смутное представление о том, какие печати существовали для утверждения документов различных категорий, издававшихся от царского имени в отдельные периоды существования Русского государства. При современном состоянии проблемы невозможно ответить на целый ряд вопросов, связанных с государственным печатями: что такое вообще государственная печать в понятийном плане (атрибут власти, показатель суверенитета, «удостоверение личности» правителя и т. д.); ее место среди других печатей соответствующего времени; причины и точная дата ее появления в общественный исторический момент, ее связь с политическим и общественным устройством, с развитием административных процессов в государстве, с правовыми нормами общества, с отдельными стадиями развития культуры общества; ее сфера действия (постоянная или изменяющаяся), всегда ли печати использовались в тех целях, в каких создавались; употребление несоответствующей печати; число и функции различных печатей одного государя; наследование печати, смена и переделка государственной печати предшествующего государя; независимая от документа роль печати как знака суверенитета государства; специфика русских государственных печатей, сходство (или отличие) и аналогии печатям соседних государств, и т. д.

Разработка всех этих вопросов не самоцель. Ответы на них могут в значительной степени пополнить наши знания по таким, например, историческим сюжетам, как: 1) внешняя политика и суверенитет Русского государства; 2) эволюция государственной

²⁷ *Овчинников Р. В.* Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной Коллегии и атаманов. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; *Демидова Н. Ф.* Русские городские печати XVIII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; *Она же.* Печати русских государственных учреждений XVII—XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и изучения. — В кн.: Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 2; *Она же.* Русские таможенные печати XVII—XVIII вв. — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970; *Маркевич О. В.* Печатки міст Галичини як історичне джерело. — В кн.: Історичні джерела та їх використання. Київ, 1966. Вып. 2. *Хорошкевич А. Л.* Печати полоцких грамот XIV—XV вв. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. IV; *Дракозруст Е. И.* К истории войсковых печатей Левобережной Украины XVII—XVIII вв. — В кн.: Нумизматический сборник. М., 1972. Ч. IV. *Соболева Н. А.* Пугачевские печати. — Вопросы истории, 1977, № 8.

власти; 3) формирование централизованного управления и канцелярии.

Нумизматика относится к числу дисциплин, вспомогательные функции которых заметно отодвинулись на второй план вследствие формирования в этой области особого направления исследования — изучения прежде всего комплекса проблем, касающихся развития экономики, денежного хозяйства, функционирования денег, вопросов фипансов, формирования монетных систем, денежного счета, экономических связей в определенные исторические периоды и т. д.²⁸

Исследование данных вопросов невозможно без тщательного анализа основного источника, каким являются в данном случае монеты. Таким образом, монетный материал рассматривается не только в качестве подспорья для историка, искусствоведа, эпиграфиста, метролога и т. д., но и в качестве самостоятельного источника, раскрывающего перед исследователем определенные стороны экономической и политической жизни прошлого. Отсюда — все более настойчивые высказывания как в советской, так и в зарубежной литературе в пользу «перевода» нумизматики из разряда специальных (вспомогательных) дисциплин в самостоятельное направление исторического исследования²⁹. Усилиями советских нумизматов разработан комплекс источниковедческих приемов, позволяющих извлечь из нумизматического источника ценнейшую историческую информацию. Советское нумизматическое исследование уже продемонстрировало на практике действенность так называемого поштемпельного анализа монет. Эта методика работы с русскими монетами XV—XVII вв. заключается в визуальном изучении каждой монеты клада, сравнении их между собой и выделении группы монет, совершенно идентичных как по лицевым, так и по оборотным сторонам, т. е. изготовленных с помощью одной и той же пары орудий производства. Для монет XIV—XV вв. этим орудием производства являются штемпели (чеканы) с изображениями и надписями, вырезанными непосредственно на них, для более поздних монет — штемпели (чеканы) с изображениями и надписями, переведенными с маточников — своеобразных эталонов. Благодаря этому методу удается дать хронологическую характеристику монет, на которых отсутствует год выпуска, решить вопрос о месте чеканки отдельных групп монет, о типах монет, чеканенных в пределах одного двора, и т. д. Исследование подобных моментов в конечном результате позволяет дать характеристику монетному производству

²⁸ Имеются примеры и другого направления нумизматического исследования: монеты выступают в качестве основного источника при изучении политической истории (см.: Федоров М. Н. Политическая история Средней Азии в конце X—XI в. по данным караханидской нумизматики: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1968).

²⁹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 15; см. об этом также в одной из последних крупных зарубежных нумизматических работ: Nohéjlová-Prátová Em. Základy numismatiky. Praha, 1975, s. 31.

в целом, поставить вопрос о существовании и количестве монетных дворов, их экономическом потенциале, месте денег в экономике страны и т. д.

В настоящее время эта методика, примененная для русских монет XVI—XVII вв. И. Г. Спасским и А. С. Мельниковой, распространилась и на русские монеты более раннего периода, имеются попытки в подобном плане проанализировать средневековые литовские монеты, античные монеты³⁰.

Широко применяются почти в каждой крупной работе советских нумизматов топографические приемы изучения монетного материала: картографирование монетных кладов, сочетающееся с детальным изучением структуры клада (хронологический разбор, определение процентного соотношения монет в кладах по времени их чеканки и т. д.) и строящееся на ее основе.

Используют советские нумизматы и другие методические приемы, например типологический анализ монет³¹, метрологические способы их исследования, зачастую различные технические приемы интегрируются в одном исследовании³². Хотя все они в комплексе составляют прочный костяк методики нумизматического исследования, в процессе практической деятельности нумизматов эта методика постоянно обогащается и совершенствуется. Так, снова и снова в литературе поднимаются вопросы о необходимости сочетания исследования денежных единиц (монет, слитков, ломопетных форм) с тщательным анализом сохранившихся письменных свидетельств³³. Встает вопрос о методике исследования нумизматического материала XVIII—XIX вв., которая в настоящее время мало разработана. Имеется и еще ряд неразрешенных проблем подобного характера. Однако уже сейчас в сложившейся системе приемов и способов извлечения сведений из нумизматического материала ясно проступает единственный полноценный объект современного нумизматического исследова-

³⁰ *Шорин П. А.* Монеты великого княжества Рязанского (2-я пол. XIV—1-я пол. XV в.): Автореф. канд. дис. М., 1971; *Даркевич В. П., Соболева Н. А.* Шанхайский клад или к вопросу датировки литовских монет с надписью «печать». — Советская археология, 1973, № 1; *Frolova N. A.* The coinage of the Kingdom of Bosporos. — British Archeological Report. International Series 56. Oxford, 1979.

³¹ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.). Киев, 1977.

³² См. об этом: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 10—14.

³³ *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. III; *Мельникова А. С.* Опыт сравнительного изучения данных нумизматики и письменных источников (по материалам Нового «английского» денежного двора в Москве в XVII в.). — В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. 1; *Потин В. М.* Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII вв. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977; *Свердлов М. Б.* Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX, и др.

ния — монетный клад, а не монета или коллекция монет. Ведь изложенные выше методические приемы выкристаллизовались потому, что исследователь-нумизмат обратился не к монете как к объекту исследования, а к комплексу монет, к серии монет, к массовому источнику. В изменении главного источника нумизматического исследования (не монета, а клад, и в связи с этим — формирование специфической методики) состоит сущность развития нумизматики на современном этапе.

Углубление осмысления предмета и задач нумизматического исследования заставляет акцентировать внимание на понятийных и терминологических аспектах. Надо отметить, что даже в специальной литературе мы до сих пор встречаемся с неоднозначным определением, например, понятия «нумизматика»: или недостаточно полным, или слишком расплывчатым, с искусственным расширением объекта ее изучения³⁴. Проблема упорядочения понятий, терминологии неизбежно возникает перед каждой дисциплиной на определенном уровне ее развития. «Научность» науки в значительной степени определяется разработанностью и упорядочением ее терминологии. Думается, что нумизматика давно достигла упомянутого уровня, в ней сложилась система понятий, которая и обуславливает постановку и окончательное решение вопросов терминологии.

Что касается понятия «нумизматика», то конкретизация его имеет и другой аспект. Сложившуюся нумизматическую методику вряд ли можно распространить на включаемые по традиции в нумизматику, например, награды, бумажные денежные знаки, медали. Все они изучаются с помощью иных приемов, отличных от утвердившихся в нумизматическом исследовании, и составляют в конечном итоге материал других дисциплин — *фалеристики*³⁵, *бонистики* и т. д.

На примере *генеалогии* и *геральдики* особенно наглядно прослеживается процесс переосмысления целей этих двух «ветхозаветных» дисциплин. Традиционное отношение к ним только как к дисциплинам, обслуживающим дворянство и «охраняющим» дворянские привилегии, уступило место научному подходу. В связи с этим чрезвычайно важным является определение предмета, методики генеалогического исследования, осмысление комплекса проблем, которые могут быть решены на основе данных генеалогии. Постановка этих вопросов нашла отражение в советской исторической литературе последних лет³⁶. Советские иссле-

³⁴ См., напр., определение нумизматики в издании «Нумизматический словарь» (Львов, 1976, с. 95), где утверждается, что нумизматика наряду с монетами и кладами монет изучает памятники медальерного искусства, а также товаро-деньги, бумажные деньги, боны, ордена и медали.

³⁵ Бурков В. Г. Фалеристика — вспомогательная историческая дисциплина. — Вестник ЛГУ, История, язык, литература. 1975, № 8, вып. 2.

³⁶ Аксенов А. И. Генеалогия. — Вопросы истории, 1972, № 10; Елпатьевский А. В. О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований. — Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972; Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исто-

дователи единодушно подчеркивают, что изменилась тематика генеалогического исследования. В центре внимания историков оказались не только дворянские родословия, но и родословия купечества, крестьянства, рабочих, интеллигенции. При помощи приемов генеалогического исследования решается ряд важных социальных проблем по истории указанных классов и сословий. Эта проблематика широко освещена в сборнике «История и генеалогия», опубликование которого знаменует важный этап в развитии генеалогии, и в некоторых других исследованиях³⁷.

По-видимому, требуется более четкое определение предмета исследования генеалогии; индивид—семья—социальная группа, и в зависимости от направления исследования должны разрабатываться методические приемы. Пока что за основу берутся генеалогические таблицы родства (нисходящие, восходящие), характерные для традиционного генеалогического исследования, хотя изучение семьи, например, предполагает уже составление таблиц свойства, применение специальной нумерации, составление всевозможных биографических словарей, досье и т. д.³⁸

Кроме того, анализ опубликованных работ советских историков свидетельствует, что преобладающей является их социально-экономическая направленность, привлекаются многочисленные источники по истории промышленного производства, земельного хозяйства и проч., поэтому чрезвычайно важным делом становится соотнесение специфических генеалогических приемов исследования с приемами критики данных источников (например, для понимания причин упадка состава 1-й купеческой гильдии Москвы в самом начале XIX в. предпринимается не только выяснение количественного соотношения между промышленниками и торговцами, но и сравнение промышленного потенциала предприятий, принадлежащих московским купцам)³⁹. Программа действий в этой области неоднократно обсуждалась специалистами⁴⁰ и стоит сейчас на повестке дня.

рической литературе. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. VII.

³⁷ История и генеалогия. М., 1977; *Носов Н. Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России: («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. I; *Колесников И. А.* Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина: (К вопросу о формировании кадров предпролетариата и российского рабочего класса). — В кн.: Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Вологда, 1973. Вып. 3.

³⁸ См. об этом: *Соболева Н. А.* Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе. — В кн.: История и генеалогия.

³⁹ *Аксенов А. И.* Московское купечество XVIII в.: Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 4.

⁴⁰ *Бычкова М. Е.* Генеалогия в советской исторической литературе; *Еллагинский А. В.* Указ. соч.

Геральдика как и генеалогия, в настоящее время расширила свои функции. Введение в научный оборот российских территориальных гербов изменило традиционный аспект геральдического исследования.

Изучение городских гербов России, которое в целом предстает как исследование существовавшего в Российской империи института городского герба с акцентированием внимания на таких основных моментах, как правительственная политика в отношении городских гербов, статус и роль гербов в общественной жизни России и др., составляет главное направление в развитии специальной исторической дисциплины — геральдики⁴¹.

Надо отметить, что решение этого вопроса приобретает в настоящее время особенную актуальность в связи с чрезвычайным интересом и вниманием советских и зарубежных ученых к проблеме русского города. Важным аспектом этой проблемы является также решение некоторых вопросов понятийного плана (в частности, определение понятий «геральдика», «герб», «городской герб»), раскрытие содержания городского герба как исторического источника, определение истоков возникновения той или иной гербовой эмблемы и т. д. Городские гербы вкуче с документальными материалами, касающимися их функционирования, предстают перед нами как идеологическое средство политики русского правительства в XVIII—XIX вв.

Несмотря на увеличившееся внимание к проблемам геральдики со стороны историков, надо признать, что в целом еще не выяснены все аспекты и возможности использования геральдического материала в историческом исследовании. Практическая разработка проблемы городского гербоворчества показала, что специфика предмета геральдики делает чрезвычайно перспективной интеграцию в едином исследовании геральдики, сфрагистики, фалеристики, вексиллологии.

Историческая метрология в настоящее время большинством специалистов рассматривается как специальная историческая дисциплина, исследующая процессы и закономерности возникновения и эволюции различных систем физических мер. В данном направлении она и продолжает развиваться как единая наука о мерах в их историческом развитии. Об этом красноречиво свидетельствуют работы по русской, украинской, грузинской, латышской, среднеазиатской метрологии⁴². В то же время и в данной

⁴¹ *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. (рукопись в изд-ве); ряд статей и заметок в популярной литературе, в которых рассматриваются вопросы, связанные с возникновением отдельных территориальных гербов.

⁴² *Каменцева Е. И.* Русская историческая метрология конца XVII—первой половины XIX в.: Автореф. докт. дис. М., 1966; *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология: Учебное пособие. М., 1975; *Шосткин Н. А.* Очерки истории русской метрологии. М., 1975; *Сидоренко О. Ф.* Исторична метрологія Лівобережної України XVIII ст. Київ, 1975; *Джапаридзе Г. Й.* Очерк по истории грузинской метрологии (IX—XIX вв.). Тбилиси, 1973; *Земзарис Я. К.* Развитие метрологической науки в Лат-

дисциплине можно отметить некоторую деформацию ее традиционных целей и задач: метрология не только содействует общеисторическому исследованию, но и проводит «такое исследование на вверенном ей участке общего дела»⁴³, т. е. вносит самостоятельный вклад в разработку определенных исторических проблем. Историческая метрология как бы выделила из себя ряд разделов: раздел, связанный с весовыми единицами, тесно соединился с реконструкцией древних монетных систем; раздел, связанный с линейными единицами, составляет основу некоторых исторических исследований по земельному устройству и налоговому обложению. В первом случае метрология вкуче с нумизматикой⁴⁴ позволяет осветить многие вопросы экономической жизни, не зафиксированные какими-либо источниками, в частности вопросы денежного хозяйства, монетных систем, денежного счета и т. д., а также вопросы сугубо нумизматические, например решить спор о так называемом среднем весе, монетной стопе и проч. Во втором случае метрологические данные (главным образом это земельные единицы), проанализированные и поставленные в соответствие с письменными свидетельствами, лежат в основе реконструкции существовавших в далеком прошлом социально-экономических отношений, эксплуатации крестьян помещиками и купцами⁴⁵.

Методические приемы, свойственные метрологической науке, находят применение в трудах по социально-экономической истории, в частности по истории товарно-денежных отношений⁴⁶.

Развитие современного хронологического исследования базируется на важнейшем методологическом принципе советской исторической науки: марксистско-ленинское понимание исторического процесса немыслимо без знания исторической последовательности событий, без их сопоставления во времени⁴⁷. Этот принцип положен в основу ряда работ, авторы которых, опираясь на хронологический анализ, реконструировали ход исторических

впн. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. IV и другие работы этого автора на латышском языке; *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, и т. д.

⁴³ *Дорошенко В. В.* Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе, с. 207.

⁴⁴ См. об этом: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения, с. 15—16.

⁴⁵ *Земзарис Я. К.* Указ. соч. (о его работах см. также: *Дорошенко В. В.* Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе, с. 206); *Тарвел Э.* О применении единиц землепользования в сравнительно-исторических исследованиях (по материалам истории Эстонии). — Археологический ежегодник за 1974 г. М., 1975.

⁴⁶ *Дорошенко В. В.* Мыза и рынок. Хозяйство Рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI—начала XVII в. Рига, 1973.

⁴⁷ См. об этом: *Козлов А. Г.* В. И. Ленин и вопросы хронологии. Некоторые вопросы периодизации и составления хроник по истории дореволюционного Урала. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 1. Свердловск, 1974.

событий в их строгой последовательности во времени, уточнив и проверив даты исторических событий, а иногда и сами факты, приводимые в письменных источниках. В данных работах очень явно обнаруживается связь хронологии с источниковедением, ибо только доскональное изучение источника (его внутренняя критика) позволяет исследователю расположить факты в строгой последовательности — построить достоверную хронологическую конструкцию⁴⁸. К числу подобных исследований относится, например, работа С. З. Зарембы и ряд других⁴⁹. Традиционные типы хронологического исследования⁵⁰ также представлены в исторической литературе последних лет: литература по истории летоисчисления и календарей, хронологические таблицы и специальные учебные пособия⁵¹.

Роль исторической географии в исследованиях историков в последнее десятилетие заметно возросла. Назревшие проблемы исторической географии обсуждались на всесоюзных совещаниях⁵², систематически проводятся чтения по исторической географии, посвященные памяти В. К. Яцунского. Работа ученых в этой области координируется Научным советом по исторической географии и картографии при Отделении истории Академии наук СССР. К настоящему времени в области исторической географии в значительной степени решены вопросы, поставленные на Всесоюзном совещании архивистов 1964 г.: созданы учебные пособия⁵³, выпущены и находятся в стадии подготовки картографические труды⁵⁴, активно разрабатывается методика исследования. Про-

⁴⁸ Сюзюмов М. Я. Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика источников при датировке событий. — Там же, с. 4—8.

⁴⁹ Заремба С. З. Хронология украинского летописания 2-й половины XVII—начала XVIII в.: Автореф. канд. дис. Киев, 1974; Шагинян Л. П. Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и ее достоверность: Автореф. канд. дис. Ереван, 1968; Кузьмин А. Г. Хронология начального летописания. — В кн.: Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. Гл. 4.

⁵⁰ О них см.: Свердлов М. Б. Изучение древнерусской хронологии в русской и советской историографии. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Вып. V.

⁵¹ Бадалян Г. С. История календаря. Ереван, 1970; Селешников С. П. История календаря и хронология. М., 1977; Стрельский В. И., Титаренко П. Г. История календаря. Київ, 1975; Сюзюмов М. Я. Таблицы по хронологии: Учебное пособие. Свердловск, 1968; Он же. Хронология всеобщая: Пособие к практическим занятиям студентов. Свердловск, 1971; Каменцева Е. И. Хронология: Учебное пособие. М., 1967; Пронштейн А. П. Хронология: Учебно-методическое пособие. Ростов н/Д, 1973.

⁵² Алиев К. Первая Всесоюзная сессия по исторической географии (Москва, октябрь 1972). — Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии, 1973, № 1; Соколов А. К. Всесоюзный семинар по исторической географии. — Вопросы истории, 1975, № 6.

⁵³ Жекулин В. С. Историческая география. Предмет и методы: Учебное пособие. Л., 1975; Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V—XVII вв.). М., 1973.

⁵⁴ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974.

двигается вперед создание капитального труда — «Атласа истории СССР»⁵⁵.

Предмет и задачи исторической географии получили теоретическую разработку в трудах В. К. Яцунского, который считал, что историческая география идет по пути развития в отдельную отрасль исторической науки.

Со времени В. К. Яцунского в ходе развития этой дисциплины выявились новые направления исследования⁵⁶. Процесс углубленного осмысления предмета и задач исторической географии привел к постановке вопроса о разделении предмета исторической географии между гуманитариями и естествоиспытателями⁵⁷, о конкретизации методики исследования в различных направлениях исторической географии⁵⁸, о разработке картографического источниковедения⁵⁹, о месте исторической географии в исторической науке (о ее вспомогательной или самостоятельной роли⁶⁰) и т. д. — все это в конечном итоге привело вновь к постановке вопроса о предмете и задачах исторической географии⁶¹.

Разработка теоретических вопросов данной дисциплины сочетается с практической монографической разработкой ее направлений: историческая география населения, историческая география городов и сельских поселений, историческая политическая география и т. д.⁶² — и с появлением новых направлений исследования, например источниковедения исторической географии.

⁵⁵ Об «Атласе истории СССР» см. выступление Л. Г. Бескровного на Всесоюзном семинаре по исторической географии (*Соколов А. К. Указ. соч.*).

⁵⁶ *Шаскольский И. П.* Историческая география. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. I.

⁵⁷ См. об этом выступления на Всесоюзном семинаре по исторической географии (*Соколов А. К. Указ. соч.*); *Анкудинова Л. Е.* Назревшие проблемы исторической географии. — Вестник ЛГУ, 1973, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 36.

⁵⁸ *Бескровный Л. Г.* Специфика методов исследования по исторической географии. — В кн.: Материалы Московского филиала Географического общества СССР. История географических знаний и историческая география. Этнография. М., 1971. Вып. 5.

⁵⁹ *Гольденберг Л. А.* К вопросу о картографическом источниковедении. — В кн.: Историческая география России. XII—начало XX в.: Сб. статей к 70-летию Л. Г. Бескровного. М., 1975.

⁶⁰ См. дискуссию на Всесоюзном семинаре по исторической географии (*Соколов А. К. Указ. соч.*).

⁶¹ *Бескровный Л. Г., Гольденберг Л. А.* О предмете и методе исторической географии. — История СССР, 1971, № 6.

⁶² *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). М., 1973; *Он же.* Население России в конце XVII—начале XVIII в. М., 1977; *Он же.* Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; *Кабузан В. М.* Изменение в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971; *Он же.* Заселение Новороссии (Екатеринославская и Херсонская губернии) в XVIII—первой половине XIX в. М., 1976; *Он же.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII—первая половина XIX в.). Кишинев, 1974;

Все сказанное выше о специальных исторических дисциплинах позволяет заключить, что, несмотря на кажущийся экстенсивный характер развития последних, на современном этапе основополагающей является интенсивность этого процесса, что находит выражение в изменении, усложнении структуры комплекса специальных исторических дисциплин в целом, в возникновении процессов, связанных с изменением их традиционного содержания, тенденций к углублению и теоретическому осмыслению предмета и задач, в акцентировании внимания на разработке сложных специфических методических приемов исследования и т. д. Все эти вопросы составляют основное направление изучения специальных исторических дисциплин в современном историческом исследовании.

Он же. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII—начало XX в.). Хабаровск, 1976; *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974; *Власова И. В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII—первой четверти XX в. М., 1976.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЦОВОЙ КНИГИ
КОНЦА XV В.*

Р. Г. Петрова

Публикуемый документ представляет собой неизвестную до сих пор часть писцовой книги Бежецкой пятины конца XV в. Новгородские писцовые книги 1495—1505 гг. являются источником хорошо известным¹. С точки зрения источниковедческой, особенностей формуляра писцовых книг этого времени, публикуемый отрывок не содержит каких-либо новых данных. Значение его состоит в тех дополнительных сведениях, которые он дает по истории развития феодальных отношений на рубеже перехода новгородских земель под власть Москвы. Как и большинство писцовых книг этого времени, публикуемый документ содержит данные о феодальных повинностях крестьян не только по «новому письму» (т. е. в конце 90-х годов XV в.), но указывает также размер дохода прежних новгородских феодалов («старый доход») и чем он был заменен сразу же после конфискации в конце 70-х—начале 80-х годов («старое письмо»).

Содержащиеся в документе сведения особенно ценны еще и тем, что среди новгородских пятин этого времени Бежецкая представлена наименьшим числом источников. По ней известны лишь небольшие отрывки писцовых книг конца XV в.: описание

* В настоящем выпуске сборника вводится новый раздел, где будут публиковаться неизвестные уникальные исторические источники, имеющие первостепенное научное значение. Обращаемся к исследователям, обнаружившим таковые, с просьбой присылать их для публикации. — *Редколлегия.*

¹ Новгородские писцовые книги (далее: НПК), т. I—VI. СПб., 1859—1915; *Гневущее А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землеводства и хозяйства в Новгородской земле в XV—XVI вв. М., 1955; Два отрывка из Новгородской писцовой книги/ Опубликовано А. А. Зимным. — Исторический архив, 1959, № 1, с. 155—159; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961; *Аграрная история северо-запада России.* Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971; *Аграрная история северо-запада России XVI в.* Л., 1974; *Абрамович Г. В.* Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины в поместном хозяйстве XVI в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига, 1977, с. 14—30.

четырёх дворцовых волостей — Белой, Любытино, Кострпы, Липны; описание кормленской волости Удомли и нескольких владельческих волостей в погостах Удомля и Молдино². В дополнение к ним публикуемая часть книги содержит описание ещё трёх волостей — Усть-реки, Глиненска и Видемера, принадлежавших в период новгородской независимости Марфе Борецкой, а после присоединения Новгорода к Москве перешедших в дворцовое владение. Исключительный интерес представляют содержащиеся в источнике сведения о ткацком крестьянском ремесле — его размерах, организации, способах изготовления полотен. Такого рода данные впервые встречаются в писцовых книгах. Изучение их позволяет сделать вывод о существовании в Бежецкой пятине в конце XV в. крупного центра крестьянского ткацкого ремесла, обслуживавшего вотчинное хозяйство Марфы Борецкой и с переходом под власть московского великого князя не только не утратившего своего значения, но ставшего начальной стадией развития дворцового ткацкого ремесла. Эти сведения позволяют более полно представить особенности хозяйственной жизни одной из крупнейших областей Новгородской земли конца XV в.

Источниковедческий анализ публикуемого документа позволяет установить, что он является продолжением (в списке XVII в.) писцовой книги дворцовых волостей Бежецкой пятины 1501 г. писца В. Г. Наумова. Это доказывается полным совпадением первых двадцати одного листа публикуемого документа с концом текста уже известной части книги. Разница состоит в написании в ряде случаев слова «коробья» вместо сокращённого «кор.» в ранне известной части книги и слова «копна» вместо «коп.» Книга письма В. Г. Наумова в своей известной до сих пор части хранится в коллекции новгородских писцовых книг Посольского приказа. Полностью её текст опубликован Археографической комиссией в 1910 г.³ По сравнению с уже известной частью книги публикуемая её часть является большей по объёму. В переводе на машинописный текст известная часть книги составляет 32 страницы, новая часть — 53. По внешнему виду новый документ представляет собой книгу в 4°, в кожаном переплете, на бумаге. Книга насчитывает 87 листов, писана скорописью XVII в. несколькими почерками. Она не имеет начала и начинается с середины фразы описания дохода с деревни Мартыново волости Кострица⁴. Листы в книге перепутаны: после листа 50 текст идет в следующем порядке: 59—66, 51—52 об., 54—54 об., 53—53 об., 56—56 об., 55—55 об., 57, 58—58 об., 67—68 об., 70, далее подряд до конца. Однако скрепа при этом не нарушается и закреп-

² НПК, т. VI, стб. 1—34; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. т. 1, с. 201—220.

³ НПК, т. VI, стб. 1—34. В этом издании книга датирована временем присылки её из Москвы в Новгород. Описание земель и составление книги следует отнести к более раннему времени.

⁴ В НПК, т. VI эта часть текста находится в столбике 24 на 25-й строке сверху.

ляет неправильное положение листов. Это говорит о том, что листы в тетрадах были перепутаны еще при составлении списка. Конец книги утрачен, текст обрывается на перечислении доходов с волости Видемер.

Сейчас мы можем только предполагать, каковы были первоначальный объем и содержание книги писца В. Г. Наумова. По всей вероятности, в его задачу входило описание дворцовых земель Бежецкой пятины, а также учет доходов великого князя с тех владений, где они были установлены, в частности с монастырских. Кроме вотчин Марфы Борецкой, полностью перешедших во владение великого князя, В. Г. Наумовым описаны также владения Покровского монастыря в Усть-реке, сохранившего по «новому письму» часть своих доходов, но обязанного платить оброк великому князю. В то же время владельческие земли и земли монастырей, сохранивших свои доходы неприкосновенными, описывались отдельно или самим В. Г. Наумовым, или другим писцом. Так, при описании пяти деревень, бывших в совместном владении Марфы Борецкой и Игнатия Леского, В. Г. Наумов описал только марфинскую часть деревень, перешедшую в дворцовое владение. Земли же Игнатия Леского были переданы новому владельцу. «А Игнатьевские половины люди и обжи писану у Гриди Бачьманова с его деревнями», — сообщает источник⁵. Подобную же запись мы находим и в другом месте: «А половина тое деревни—Антонова монастыря и тое половины люди и обжи писаны с онтоновскими деревнями»⁶. Во всяком случае, несомненно одно — описание проводилось в соответствии с характером земле-владения, и по Бежецкой пятине должны были существовать столь же обстоятельные писцовые книги, как и по другим новгородским пятинам.

Дату и место составления списка удастся достаточно точно определить по скрепе дьяка Рахманина Болдырева. Из биографических данных, приводимых С. Б. Веселовским о Р. Болдыреве, мы узнаем, что он 27 мая 1626 г. (134 г.) был пожалован в дьяки и назначен в Великий Новгород, где пробыл 5 лет (с 1626 по 1631 г.)⁷. По всей вероятности, одним из видов деятельности Р. Болдырева в Новгороде были составление списков с новгородских писцовых, платежных и других книг и отправка их в Поместный приказ в Москву. В грамоте 1627 г. (134 г.), адресованной в Новгород «к боярину и воеводе ко князю Ивану Ивановичу Одоевскому, да к дьяком к Григорию Волкову, да к Рахманину Болдыреву», содержится указание на присылку в Москву этих книг вместе с их росписью⁸. На одной из книг имеется запись: «141 году марта 20 платежные книги разных дозоров присланы из Великого Новгорода»⁹. Некоторые из книг за скрепами Грп-

⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 8556, л. 72.

⁶ Там же, л. 73.

⁷ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 61.

⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 12379, л. 1—2.

⁹ Там же, кн. 8555.

гория Волкова и Рахманина Болдырева сохранились в собрании книг Поместного приказа и до наших дней.

Исходя из приведенных данных, мы с уверенностью можем сказать, что список был составлен в Новгородской приказной палате между 1626—1631 гг. и вскоре был выслан в Москву, в Поместный приказ. В эти годы в Москву присылались ранние книги, грамоты и их росписи из многих других городов. Это объяснялось утратой в годы польской интервенции и вследствие пожара 1626 г. в Москве многих подлинных писцовых и других книг. Правительство Михаила Романова по мере раздачи земли в поместье и вотчинное владение оказалось перед необходимостью иметь точный учет земельных угодий. В одной из книг Поместного приказа мы встречаем подробную роспись писцовых, отказных, отдельных книг и царских грамот, присланных в 1627 г. из разных городов в Москву¹⁰.

Как уже отмечалось, список с писцовой книги дворцовых владений Бежецкой пятины конца XV в., составленный дьяком Р. Болдыревым, был выслан в 30-х годах в Поместный приказ, где сохранился до наших дней, хотя и в неполном виде. Подлинник продолжал какое-то время оставаться в Новгороде, а затем оказался в составе городских книг Посольского приказа. Изучение истории составления списка и дальнейшей судьбы как его, так и подлинной книги позволило выявить некоторые особенности состава трех собраний ЦГАДА, в которых хранятся в настоящее время древнейшие новгородские писцовые книги, — собрания собственно Поместного приказа, собрания Петербургской вотчинной конторы и собрания Посольского приказа. Несмотря на кажущуюся случайность подборки книг в этих собраниях, прослеживается некоторая закономерность их формирования. В составе Посольского приказа, точнее, Новгородской четверти, подведомственной ему, сохранились наиболее древние книги. Они поступили из Новгородской приказной палаты в конце 80-х годов XVII в. В 1687 г. по именному указу было предписано прислать из Новгорода в Москву в Приказ Новгородской четверти писцовые книги 7000—7090-х годов¹¹ (т. е. книги до 1582 г.). И действительно, в составе этой коллекции из 42 новгородских писцовых книг только 4 книги выходят за эти хронологические рамки. Следовательно, в Новгородской приказной палате в конце XVII в. остались книги, датированные временем после 1582 г. Сохранилась опись документов поместного стола Новгородской приказной палаты, составленная дьяком Иваном Ивановым в 1699—1701 гг., т. е. вскоре после отправления ранних книг в Москву¹². Изучение описи подтверждает предположение, что самые ранние новгородские писцовые книги по описи И. Иванова относятся к 1582—1585 гг. Эта оставшаяся часть архива Новгородской приказной палаты хранилась в Новгороде до 1737 г., до времени уч-

¹⁰ Там же, кн. 12379, л. 1—401.

¹¹ ПСЗ. СПб., 1830, т. II, с. 900.

¹² *Самоквасов Д. Я.* Указ. соч., т. 1, с. 46.

реждения в Петербурге Вотчинной конторы. В 1737 г. в нее были переданы ранние документы новгородских и псковских местных архивов.

* * *

Текст документа печатается по правилам публикации документов XV—XVII вв. Выносные буквы внесены в строку. После выносных, где звучит мягкость, поставлен «ь». Публикация воспроизводит текст без сокращений. Упоминаемые в тексте сокращения «дрв» заменены словом «деревня», «[в]» — «во дворе». В тех случаях, когда в тексте имеются опiski или пропуски букв, они восстанавливаются по аналогии с другими местами текста и заключаются в квадратные скобки.

л. 22 **Волость Усть-река Марфинская Исаковы в Покровском погосте у Коробожа озера на реце на Уве.**

На погосте:

во дворе Костко, во дворе Ивашко, во дворе Ивашко же, во дворе Федько, во дворе Сенко, во дворе Трофимко, во дворе Ивашко ж, во дворе Федько, во дворе Якуш, во дворе Тимоха, во дворе Стешко, во дворе Панкратко, во дворе Оксенко, во дворе Чюрилко, во дворе Марко, во дворе Кохно, во дворе Ивашко, во дворе Юрка, во дворе Дениско, во дворе Нефетко, во дворе Оверкийко, во дворе Обакумик, во дворе вдова Оленка, во дворе вдова Домна, во дворе Ивашко Мямло, во дворе Ивойлик, во дворе Овдейко, во дворе Офонаско, во дворе Васко, во дворе Смешко, во дворе Ермолка, // во дворе Якуш Пучков, во дворе Васко Черной, во дворе Федько, во дворе Мартын, во дворе Ивашко ж Жолна, во дворе Галахтпонко, во дворе Леша, во дворе Куземка, во дворе Смешко, во дворе Савка Дурень, во дворе Олексейко, во дворе Демитко, во дворе Влас, во дворе Ондрейко, во дворе Олексейко Шуин, во дворе Митя Шавков, во дворе Власко же, во дворе Куземка ж, во дворе Ивашко Черной, во дворе Окулинка вдова, во дворе Калинка, во дворе Левка Староста. Сеют пол-40 коробей, сена 50 копен, 10 обож. А доход старой с погощан: пряли шестьдесят пятков лну и три горсти лну, а лён имали с волости. Итого с них шло

л. 23

их пряжи и тканья шестьсот локот полотна. Да в ставных деревнях пого//стькие же пряжи ткали четыреста локот, а белили те полотна погощане же. А ныне делают по тому же, прядут и ткнут и белят. Да страдники делали двесте локот полотен, а пряжа шла с волости. А ныне те полотна делал Демитко Истоппник по тому же.

А ставных деревень к погосту тое волости:

Деревня Городцо: во дворе Степанко да сын его Куземка, во дворе Сенка да сын его Ондрейко. Сеют двенат-

цать коробей, сена // тритцать копен, четыре обжи. Доход старой: сто локот полотен, а лен имали с волости. А новой доход по тому же, да Демитку Истопнику, которому те полотна отдают, горсть лну. Деревня Конаново: во дворе Сптко, во дворе Селюха да Савка, во дворе Обакумик. Сеют девять коробей, сена дватцать копен, три обжи. Доход старой: пряли шесть горстей лну, да к тому доимали триста шестьдесят пасм пряжи у пого//щан да ткали сто локот полотен. А новой доход по тому же, прядут и ткут, да сверх Демитку лопатка боранья. Деревня Минцевское: во дворе Осишко, во дворе Дмитрок да сын его Сидорик, во дворе Костко. Сеют двенатцать коробей, сена пятьдесят копен, четыре обжи. Деревня Санникова Гора: во дворе Сенко, во дворе Микулка, во дворе Ивашко, во дворе Якимко. Сеют шесть коробей, сена сорок копен, две обжи. Деревня Симановское: во дворе Онтуш да сын его Якуш, во дворе Олферко да сын его // Михаль, да Кондратик. Сеют сем коробей, сена сорок копен. Деревня Остафьева Гора: во дворе Олешка, во дворе Онофрейко, во дворе вдова Оксеньица. Сеют семь коробей, сена тритцать копен, в обеих полпята обжи. И с трех деревень с Минцевского, да с Саншиковы Горы, да с Симановского доход старой: пряли з деревни по две горсти лну, а лен имали да ткали з деревни по сту локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому же, да сверх Демитку // Истопнику по лопатки бораньи. А з деревни с Остафьевы Горы старой доход: пряли четыре пятки лну, а ныне прядут по тому же. А отдают пряжу Демитку Истопнику, да сверх Демитку дают ковригу. Деревня Фалелеево: во дворе Офремко, во дворе Васко да Сенка, во дворе Ивашко, во дворе Калех, во дворе Исачко, во дворе Куземка, во дворе Ортемко, во дворе Оксенко. Сеют полтретьятцать * коробей, сена сорок копен, сем обиж. Доход старой: пряли тритцать горстей лну, а лен имали // у ключника; да к тому доимали пряжу да ткали триста локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому же, да сверх Демитку Истопнику три хлеба, три лопатки бораньи. Деревня Селиванково: во дворе Олексейко. Сеет две коробы, сена десять копен. Деревня Кольища: во дворе Фофанко да сын его Фешко. Сеет коробью, сена десять копен, в обеих обжа. А с Кальища им тянуть в треть. А доход старой с Селиванкова: ткали 100 локот полотен, а пряжу имали у ключника. А ныне ткут по тому ж, а пряжу емлют // у Демитка у Истопника, да сверх Демитку хлеб, лопатка боранья. А с Кальища старой доход: пряли 6 горстей лну, а имали лен у ключника. А ныне прядут по тому ж, а лен емлют у Демитка у Истопника. Деревня Оленкино: во дворе Филька да Савка, во дворе Гришка да Федько. Сеют 6 коро-

* Так в тексте.

- бей, сена 50 копен, три обжи. А доход старой: гривна, да пряли 6 горстей лну, да ткали 100 локот полотен, а лен имали у ключика. А ныне прядут и ткут по тому ж, а лен емлют у Демитка у Истопника. А ткут полотно во 18 пасм бердо. Деревня Босаево: во дворе Микитка да сын его Дешпица, во дворе Неронко. Сеют девять коробей, сена // три-тцать копен, полтретьи обжи. Доход старой: пряли два пятка лну, да к тому пряжи доимали да ткали сто локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому же, а лен емлют у Демитка у Истопника. Да свех того прядут две горсти лну. Деревня Иванково: во дворе Ефимко да сын его Ивашко, во дворе Офремко, во дворе Мосейко. Сеют шесть коробей, сена 15 копен, две обжи. Деревня Тепалово: во дворе Стенко, во дворе сын его // Яшко, да его ж дети Фомка да Федосейко. Сеют 8 кор.*, сена 50 копен, полтретьи обжи. И с тех дву деревень доход старой: пряли 6 горстей лну, да к тому ж пряжи доимали у ключника, да ткали по 100 локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому ж, а лен и пряжу емлют у Демидка у Истобника. Деревня Пелевинское: во дворе Сергейко, во дворе Ивашко. Сеют 3 кор., сена 15 копен, обжа. Доход старой: пряли 5 горстей лну, а лен имали у ключника волостной, да к тому пряжи доимали да ткали 50 локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому же, а лен и пряжу доимают у Демидка Истобника. Деревня Обернишню: во дворе Левковы люди старостины Шипуля да сын его Федосейко. Сеют 3 кор., сена 20 копен, обжа. Доход старой: пряли 6 горстей лну, а лен имали у ключника волостной, да к тому пряжи доимали да ткали 100 локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому ж, а лен емлют у Демидка Истобника и пряжу донимают. Деревня Клещово: во дворе Ивашко. Сеет 2 кор., сена 40 копен, обжа. Доход старой: пряли 5 горстей лну, а лен имали у ключника и пряж[у] доимали, // а ткали 100 локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому ж. Деревня Колуналово: во дворе Ивашко, во дворе Ивашко ж, во дворе Яхно да Офонаско да Смелко. Сеют пол-8 коробьи, сена 30 копен, полтретьи обжи. Доход старой: пряли 2 пятка лну, а лен имали у ключника и пряж[у] доимали у ключника, да ткали 100 локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому ж, а лен емлют у Демидка Истобника и пряжу доимают. Деревня Офримеево: во дворе Мосейко да сын его Фефилатко, во дворе Демешко. Сеют 9 кор., сена 30 копен, три обжи. Доход старой: пряли 6 горстей лну, а лен имали у ключника и пряж[у] к тому доимали, да ткали 100 локот полотен. А новой доход — пряжу прядут и ткут по тому ж, а лен емлют и пряжу доимают у Демидка Истобника. Деревня Ефифаново: во дворе Юрка, во дворе Олферко.

* Здесь и далее сокращено в тексте источника.

Сеют 6 коробей, сена 30 копен, две обжи. Деревня Тума-
шово: во дворе Юхно, во дворе Микитка да Олексейко да
Васко. Сеют 6 кор., сена 30 копен, две обжи. Доход старой
п с тех дву деревень: з деревни пряли по 2 пятка лну,
а лен имали у ключника и праж[у] доимали да ткали
по 100 локот полотен. А ныне прядут и ткут по тому ж,
а лен емлют и праж[у] доимают у Демидка Истобника. // л. 28
Деревня Менрянкино: во дворе Окулко, во дворе Панка.
Сеют 5 кор., сена 20 копен, полторы обжи. Доход старой:
пряли 6 пятков з горстью лну, а ткали 50 локот полотеп,
а лен нмали у ключника волостной. А ныне прядут и ткут
по тому ж, а лен емлют у Демидка Истобника. Деревня
Ермолино: во дворе Пархач, во дворе Матюк. Сеют пол-5
коробьи, сена пол-30 копен, полторы обжи. Доход старой:
пряли 2 пятка лну, а лен имали у ключника и праж[у]
отдавали ему. А новой доход — прядут по тому ж, а лен
емлют у Демидка Истобника и праж[у] отдают ему. Де-
ревня Михеево: во дворе Кондратик. Сеет 2 кор., сена
5 копен, положби. Доход старой: ткали 100 локот полотен,
а праж[у] имали у ключника. А новой доход — ткут по
тому ж, да сверх прядут 6 горстей лну, а лен емлют и праж[у]
к тому доимают у Демидка Истобника. Деревня Паства:
во дворе Гаврилка, во дворе Ермолка да Микитка. Сеют
6 кор., сена 20 копен, три обжи. Доход старой не шол, нова.

А тяглых деревень тое ж волости:

Деревня Каплино: во дворе Трофимко, во дворе Якушко,
во дворе Олешко. Сеют 12 кор., сена 50 копен, полчетверты
обжи. Доход старой — 4 гривны. Деревня Скуратово: // во л. 28
дворе Самуйлик, во дворе Фетько да Устинко да Гриша. об.
Сеют 9 кор., сена 20 копен, полтретьи обжи. Доход старой:
8 денег, четвертка пшеницы, 3 четвертки ржи, 3 четвертки
овса, полоть мяс[а], чаша масла, 3 горсти лну. Деревня
Лилуково: во дворе Васко, во дворе Омельяно, во дворе
Игнатик да Трофимко. Сеют 16 кор., сена 40 копен, пять
обжей. Доход старой: 2 гривны и 7 денег, четвертка пше-
ницы, 3 четвертки ржи, 3 четвертки овса, полоть мяс[а],
овчина, чаша масла, 5 горстей лну. А ныне лен дают
потому ж с тех трех деревень Скуратова и с Лилукова, а сверх
8 горстей лну да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход
дают оброк. Деревня Сычево: во дворе Лутко, во дворе сын
его Трофимко, во дворе Гридька да сын его Сенка. Сеют
10 кор., сена 50 копен, три обжи. Доход: 10 денег, 3 чет-
вертки ржи, 3 четвертки овса, четвертка пшеницы, 2 горсти
лну. А ныне лен дают по тому ж, а сверх 3 горсти лну да
горсть прядут. А за иной за старой доход дают оброк.
Деревня Нефедьево: во дворе Демидко, во дворе Онфимко,
во дворе Бориско да Стешко. Сеют 15 кор., сена пол-50 ко-
пен, полпяты обжи. Доход стар[ой] *: 16 денег, пол-2 чет-

* В тексте описка — старьи.

- л. 29 вертки пшеницы, 3 четки ржи, // коробья овса, пол-2 четки ячмени, полоть мяс[а], чаша масла. И за старой доход дают оброк, а сверх ныне дают 7 горстей лну, да горсть прядут. Деревня Федорова Гора: во дворе Куземка, во дворе Федько, во дворе Трофимко да Офоноско. Сеют 15 кор., сена 60 копен, полпята обжи. Доход старой: 2 гривны, полкор. пшенице, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса. А за старой доход дают ныне оброк, а сверх 8 горстей лну да горсть прядут. Деревня Михино: во дворе Фешко, во дворе Поташко, во дворе Гридька, во дворе Сидорик. Сеют 12 кор., сена 20 копен, 4 обжи. Доход старой: 2 гривны, четвер. пшенице, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, полоть мяса, полборана, куря, 5 горстей лну, чаша масла. А ныне дают лен по тому ж, а сверх 5 горстей лну да горсть прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Коростелево: во дворе Ивашко. Сеет 5 кор., сена 10 коп, полторы обжп. Доход старой не шол, пришел на пусто. А нового в оброк дает 3 гривны и 4 денги, 2 горсти лну, да горсть прядет. Деревня Дмитровское: во дворе Смешко, во дворе Михал да Якимко да Отлидко да Чюрилко. Сеют 11 кор., сена 30 копен, 4 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, // л. 29 об. полоть мяса, полборана, куря, чаша масла, 5 горстей лну. А ныне дают лен по тому ж, а сверх четьре горсти лну, да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Новинка: во дворе Перша да сын его Лучка, во дворе Харитон да сын его Васка да Юрка. Сеют 5 кор., сена 20 копен. Деревня Остров: во дворе Ивашко, во дворе Чюрилко. Сеют 4 кор., сена 10 копен, в обех три обжи. Доход старой с Новинке: гривна и 5 денег, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чет[и] овса, полполти мяса, куря, 10 яиц, 3 горсти лну. А новой доход: лен дают по тому ж, а сверх горсть лну, да 6 горстей прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А з деревни с Острова доход не идет, нова, седит на лготе. Деревня Закарачье: во дворе Костко, во дворе Ивашко, во дворе Еска, во дворе Лутко да Мануха, да Тишко, да Гридько. Сеют 6 кор., сена 30 копен, 3 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, полоть мяса, полборана, чаша масла, куря, 5 горстей лну. А ныне дают 2 горсти лну, да 3 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Кошелево: во дворе Лучка, во дворе Сидко. Сеют 3 кор., сена л. 30 15 копен, обжа. // Доход старой не шол, нова. А ныне нов[ой] доход с нее: горсть лну да горсть прядет. Деревня Матфеево: во дворе Савка, во дворе Куземка, во дворе Захарка да Обакумик. Сеют 16 кор., сена 50 коп., пол-6 обжп. Доход старой: 2 гривны и 2 денги, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полкор. пшеницы, полкор. ячмени, четь семани конопляного, куря, чаша масла, полоть мяса, 12 горстей лну. А ныне лен дают по тому ж, а сверх 2 горсти лну, да

3 горсти прядут. Деревня Дорохово: во дворе Максимко да сын его Степанко, во дворе Онтонко да Олешко, во дворе Ивашко да Харька. Сеют 12 кор., сена 60 коп. Деревня Симаново: во дворе Михаль, во дворе Исачко, во дворе Гридька, во дворе Нефедка. Сеют 12 кор., сена 60 коп. в обеих 9 обж. Доход старой с тех дву деревень: 11 гривен, кор. пшеницы, 3 кор. ржи, 3 кор. овса, сыр, полоть мис[а], овчина, чаша масла, 9 горстей лну, да 2 горсти пряли. А ныне лен и пряж[а] по тому ж, да к тому ж 6 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Тупи-ково: во дворе Ефимко да Омельялко, во дворе Прокопи да Михайко, во дворе Яшко да Поташко, во дворе Ивашко, во дворе Федько. Сеют 20 кор., сена 100 копен, 7 обж. Доход старой: пол-5 гривны, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полоть мяса, // полборана, овчина, чаша масла, куря, 8 горстей лну, да 2 горсти пряли. А ныне лен и пряж[а] по тому ж, а за иной за старой доход дают оброк. Деревня Гришаково: во дворе Олексейко, во дворе Михайко, во дворе Огафонко. Сеют 10 кор., сена 40 копен. пол-3 обжи. Доход старой: 4 гривны, пол-3 кор. ржи, пол-2 кор. овса, кор. пшенице, полоть мяс[а], полборана, четь хмелю, овчина, 10 горстей лну, 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Кропвино: во дворе Максимко, во дворе Харька. Сеют 7 кор., сена 30 коп., 2 обжи. Доход старой: гривна и 2 дельги, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полчети хмелю, полполти мяс[а], полборана, половчины, 2 горсти лну, да горсть пряли. А новой ныне: лен и пряж[а] по тому ж, да сверх к тому ж 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Плохово: во дворе Илейка, во дворе Фетько да Клишко. Сеют пол-6 коробы, сена 20 коп., пол-2 обжи. Доход старой: 7 де[нег], полполти мяс[а], полборана, овчина, четь пшенице, 3 чети ржи, 3 чети овса, полчети хмелю, 3 горсти лну, да горсть пряли. А ныне лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 4 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Погорелое: во дворе Ивашко да Куземка. Сеют 8 кор. // сена 30 коп., пол-3 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полполти мяс[а], половчины, 4 горсти лну, да горсть пряли. А ныне: лен и пряж[а] по тому ж, да сверх 4 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Лукпское: во дворе Гридька, во дворе Яшко, во дворе Заня, во дворе Ивашко, во дворе Тараско. Сеют в поле и на нивах 12 кор., сена 50 коп., 4 обжи. Доход старой: 3 гривны, полкоробы пшенице, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, четь хмелю, чаша масла, полоть мяс[а], овчина, 9 горстей лну, да горсть пряли. А ныне лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. Деревня Другое Лилуково: во дворе Максимко, во дворе

л. 30
об.

л. 31

Соня. Сеют 8 кор., сена 40 коп., 3 обжи. Доход старой: 12 денег, четь пшенице, 3 чети ржи, 3 чети овса, чаша масла, половчины, 4 горсти лну, да горсть пряли. А ныне лен и праж[а] по тому ж, да сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход с обеих деревень дают оброк. Деревня Нероново: во дворе Васько, во дворе Илейка. Сеют 6 кор., сена 20 коп., пол-2 обжи. Доход старой: 2 гривны, полкор. ржи, 3 чети овса, четь пшеницы, четь ячмени, 2 горсти лну. А ныне лен по тому ж, а сверх 2 горсти лну, да 2 горсти прядут. Деревня Сметанинское: во дворе Микифорик, во дворе Лука, во дворе Ивашко да Куземка, во дворе Лучка, во дворе Трофимко, во дворе Максимко да Микифорик. Сеют 11 кор., сена 60 коп., пол-4 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшенице, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, 11 горстей лну, 2 горсти пряли. А ныне лен // и праж[а] по тому ж, а сверх 3 горсти лну. А за иной за старой доход с тех дву деревень дают оброк. Деревня Костылево: во дворе Ярофейко, во дворе Олех, во дворе Мокейко, во дворе Платанко, во дворе Остах, во дворе Ондрейко. Сеют 23 кор., сена 200 коп., 8 обж. Доход старой: 8 гривен, кор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-3 кор. овса, четь хмелю, полоть мяс[а], овчина, куря, сыр, чаша масла, 14 горстей лну. А ныне лен по тому ж, да сверх 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Савинское: во дворе Васько, во дворе Федько да сын его Софонко, во дворе Фофаник. Сеют 7 кор., сена 30 коп. Деревня Бычиха: во дворе Филатко, во дворе Лаврок, во дворе Филица. Сеют пол-8 кор., сена 40 коп., в обеих 5 обж. Доход старой с обеих деревень: 3 гривны и 3 деньги, 3 четвер[ти] пшенице, 2 коробки ржи, 2 коробки овса, четь хмелю, чаша масла, сыр, куря, 7 горстей лну. А ныне лен и праж[а] по тому ж, а сверх 5 горстей лну, да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Пездиха: во дворе Левонко, во дворе Тимошка, во дворе Ишута, во дворе Даньша, во дворе Стехно. Сеют 10 кор., сена 40 коп., 3 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, кор. ржи, кор. овса, полоть мяс[а], полборана, овчина, 5 горстей лну. А ныне за тот за старой доход дают оброк, а сверх 4 горсти лну, да 2 горсти прядут. Деревня Логинново: во дворе Михал, во дворе Ондрейко. Сеют 5 кор., сена 20 коп., пол-2 обжи. // Доход старой: 2 гривны. А ныне нового сверх: 4 горсти лну, да горсть прядут. Деревня Пердухино: во дворе Саня, во дворе Гриня да сын его Гаврилко, во дворе Демпдко, во дворе Палька да сын его Гридька, во дворе Ивашко, во дворе Микифорик, во дворе Гаря, во дворе Яшко. Сеют 20 кор., сена 100 коп., 8 обж. Доход старой: 6 гривен без 2 денег, кор. пшенице, 2 кор. ржи, 2 кор. овса, полоть мяс[а], полборана, овчина, чаша масла, 18 горстей лну, да 6 горстей пряли. А ныне лен и праж[а]

по тому ж. а сверх 2 горсти. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Реплевское: во дворе Васко да сын его Мититка, во дворе вдова Олена да сын ее Палька, во дворе Мартюшка. Сеют 7 кор., сена 40 коп., пол-3 обжи. Доход старой: 5 гривен, 2 горсти лну, а новой — лен по тому ж и в оброк дает. Деревня Вошивцово: во дворе Иванко да Фомка, во дворе Остап, во дворе Ортюх да Сергейко. Сеют пол-8 кор., сена 40 коп., пол-3 обжи. Доход старой: гривна и 5 денег, полоть мяс[а], боран, чаша масла, овчина, куря, четь пшеницы, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, 6 горстей лну да 2 горсти пряли. А новой ныне — лен и прях[а] по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Филистовское: во дворе Исачко, во дворе Селюха да Гриша, во дворе Олешко, во дворе Фешко. Сеют 9 кор., сена 50 коп., 3 обжи. Доход старой не шол, была паства. А ныне нового с нее 9 горстей лну, да и в оброк дает с ыными с волостными деревнями. // Деревня Гололово: во дворе Остап, во дворе Трушко. Сеют 5 кор., сена 30 коп., пол-2 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшенице, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, 2 горсти лну. А ныне — лен по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Дудкино: во дворе Яшко, во дворе сын его Еремейко да Васько да Миккулка. Сеют 9 кор., сена 40 коп., 3 обжи. Доход старой: гривна, четь пшеницы, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, полполти мяса, куря, сыр, 10 яиц, овчина, 2 горсти лну да горсть пряли. А ныне лен и прях[а] по тому ж, а сверх — горсть лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Ханевское; во дворе Ивашко да Родивонко, во дворе Емельяно да Якушко. Сеют 5 кор., сена 30 коп., пол-3 обжи. Доход старой: гривна и 2 деньги, четь пшеницы, 3 чет[и] ржи, 3 чет[и] овса, полполти мяса, полборан[а], куря, сыр, 2 горсти лну да горсть пряли. А ныне лен и прях[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Королево*: во дворе Якуш, во дворе Дейко. Сеют 5 кор., сена 20 коп. Деревня Сенютино: во дворе Сенька кузнец да Офона, во дворе Созонка кузнец. Сеют 5 кор., сена 20 коп., в обeix 3 обжи. Доход старой с обeix деревень: 2 гривны и 2 деньги, полкор. пшенице, полкор. ржи, полкор. овса, полоть мяс[а], 2 куров, 2 сыра, 20 яиц, 4 горсти лну да 2 горсти пряли. А ныне лен и прях[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. // А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Нагадаево: во дворе Окулеп. во дворе Сидорик. Сеют 5 кор., сена 10 коп., пол-2 обжи. Доход с нее старой не шол, нова. А нового доход[а] горсть лну прядет, да и в оброк в волостными деревнями дает. Деревня Говняково: во дворе Андрейко, во дворе Иванко да Полуха. Сеют 8 кор., сена 30 коп., пол-3 обжи.

л. 32
об.

л. 33

* В тексте Королево.

Доход старой не шол, пришол на пусто. А новог[о] с ней доходу горсть лну, да 2 горсти прядут *. Деревня Вашнево: во дворе Омельяно да Окуль, во дворе Родивонко, во дворе Наумко да Сидко. Сеют в поле и на селище на Чюрикове 30 кор., сена 50 коп., 7 обож. Доход старой: пол-3 гривны, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полкор. пшенице, четь хмелю, полоть мяс[а], полборан[а], овчина, куря, 10 яиц, 9 горстей лну да горсть пряли. А ныне лен и пряж[а] по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Клино: во дворе Ивашко, во дворе Петрок да Самсонко. Сеют 10 кор., сена 40 коп., 3 обжи. Доход старой: 3 гривны без 3-х денег, 3 чет[и] пшенице, пол-3 кор. ржи, пол-3 кор. овса, полоть мяса, полборан[а], овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, четь хмелю, 6 горстей лну, да 2 горсти пряли. А ныне с нее лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 4 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Збоево: во дворе Савка, во дворе Самуха да Демка, во дворе Ивашко да Онанка. Сеют 15 кор., сена 20 коп. // 4 обжи. Доход старой: 6 гривен, а в оброк дает по тому ж, а сверх ныне 2 горсти лну прядут. Деревня Никонова Гора: во дворе Куземка, во дворе Андрейко, во дворе Сенка да Савка. Сеют 15 кор., сена 50 коп., пол-5 обжи. Доход старой: 10 гривен без 2 денег, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-3 кор. овса, четь хмелю, полоть [мяса], боран, чаш[а] масла, овчина, сыр, 7 горстей лну. А ныне лен по тому ж, а сверх 5 горстей, да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Щоркова Горка: во дворе Онанка, во дворе Нестерко да Ортемко. Сеют 12 кор., сена 60 коп., 4 обжи. Доход старой: пол-4 гривны, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, сыр, чаша масла, 6 горстей лну. А ныне лен по тому ж, а сверх 6 горстей лну, да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Осташево: во дворе Михал да Ермолка, во дворе Марко да Ивашко, во дворе Онкудинко, во дворе Данилко. Сеют 20 кор., сена 50 коп., 6 обож. Доход старой: 3 гривны и 10 денег, полкор. пшенице, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полоть мяс[а], полборана, овчина, четь хмелю, сыр, чаша масла, 6 горстей лну. А ныне новой доход — лен по тому ж, а сверх 3 горсти лну, да 2 горсти // прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Панино: во дворе Игнатик да сын его Ортюш, во дворе Куземка да сын его Андрейко. Сеют 12 кор., сена 40 коп., 4 обжи. Доход старой: 2 гривны и 11 денег, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, сыр, чаша масла, куря, 10 яиц, 5 горстей лну, да горсть пряли. А новой ныне доход: лен и пряж[а] по

^{л. 33}
^{об.}
^{л. 34}
В тексте описки — прянут.

тому ж, а сверх 5 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Спирово: во дворе Ивашко да Онфилоф, во дворе Ивашко ж да Нефедко. Сеют 12 кор., сена 30 коп., пол-4 обжи. Доход старой: пол-4 гривны, полкор. пшениц[ы], пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборан[а], овчина, сыр, чаша масла, курия, 10 яиц, половчины, 5 горстей лну, да горсть прядут. А новой ныне: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 4 горсти лну, да горсть прядут. А за старой доход дают оброк. Деревня Митрошкино: во дворе Родивонко, во дворе Обакумик, во дворе Гафонко. Сеют 9 кор., сена 40 коп., 3 обжи. Доход старой: 3 гривны с полуденгою, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чет[и] овса, полоть мяс[а], полборана, половчины, курия, сыр, 10 яиц, чаша масла, 4 горсти лну да 2 горсти прядут. А ныне новой доход — лен и пряж[а] по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Чюркиво: // во дворе Исачко да Федько, во дворе Малах да Лахно. Сеют 11 кор., сена 30 коп., пол-4 обжи. Доход старой: пол-4 гривны и 2 денги, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полкор. хмелю, курия, сыр, 10 яиц, полоть мяс[а], полборана, чаша масла, 12 горстей лну, да 3 горсти пряли, а сверх к тому 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Щетинипо: во дворе Данилко да Нестерик, во дворе Аристик да Онкудинко, во дворе Трофимко. Сеют 12 кор., сена 40 коп., 4 обжи. Доход старой: пол-4 гривны и 2 денги, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, кор. пшеницы, четь хмел[ю], полоть мяс[а], полборана, овчина, курия, сыр, чаш[а] масла, 7 горстей лну. А новой доход: лен по тому ж, а сверх 3 горсти лну, да горсть прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Тетерино: во дворе Яшко да сын его Миня, во дворе Мелюха да сын его Миня. Сеют 14 коробей, сена 50 копен, полпяты обжи. Доход старой: полтретьи гривны, четь пшеницы, три чертвер[ти] ржи, // 3 чет[и] овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, курия, чаша масла, 10 яиц, 2 горсти лну, да горсть прядут. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 6 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Дядькино: во дворе Етроха да сын его Максимко, во дворе Федько да Максимко, во дворе Федько ж да Симаник. Сеют 11 кор., сена 30 копен, пол-4 обжи. Деревня Онаньины: во дворе Федько, во дворе Карпик да Микитка. Сеют 9 кор., сена 30 коп., 3 обжи. Доход старой со обеих * деревень: 3 гривны и 4 денги, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, четь хмел[ю], 2 полти мяс[а], баран, овчина, 2 куров, 2 чаши масла, 10 яиц, 5 горстей лну, да 2 горсти прядут. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, // а сверх 6 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня

л. 34
об.

л. 35

л. 35
об.

* В тексте описки — овех.

- Трухинские: во дворе Наумко, во дворе Васько да Базарко. Сеют 9 кор., сена 30 коп.* Деревня Лядины: во дворе Яшко да Федько, во дворе Рошко да сын его Игнатик. Сеют 9 кор., сена 40 коп., в обеих 6 обиж. Доход старой с обеих деревень: пол-5 гривны без деньги, полкоробья пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 [кор.] овса, 2 полти мяс[а], боран, 2 куров, 2 чаши масла, 10 яиц, овчина, 4 горсти лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 7 горстей лну да горсть прядут. А за иной доход за старой
- л. 36 дают оброк. Деревня Пендель: во дворе Михал да // сын его Гриша, во дворе Лашко. Сеют 6 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. Доход старой: гривна, а новой доход дает в оброк деньгами ж. Деревня Турбино: во дворе Еня да Илейка, во дворе Дмитрок да Окулько, во дворе Зиновко. Сеют 12 кор., сена 40 копен, полчетверты обжи. Деревня Мостовское: во дворе Демидко да сын его Наумко, во дворе Сергейко да Смешко. Сеют 14 кор., сена 50 копен, пол-5 обжи. Доход старой с обеих деревень: пол-5 гривны без деньги, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, 2 полти мяса, боран, 2 куров, 2 чаши масла, овчина, 10 яиц, 6 горстей лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 18 горстей лну да 2 ж // горсти к тому
- л. 36 об. прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Плоское: во дворе Михал да Ивашко, во дворе Грихно да Омельяно, во дворе Матюк. Сеют 9 кор., сена 40 копен, 3 обжи. Деревня Вилачева Горка: во дворе Смешко, во дворе Гридька да Олех, во дворе Шешко. Сеют 12 кор., сена 30 копен, 4 обжи. Доход старой с обеих деревень: пол-5 гривны без деньги, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, 2 полти мяса, боран, 2 куров, овчина, 2 чаши масла, 10 яиц, 16 горстей лну, да 4 горсти лну пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 4 горсти лну. А за
- л. 37 иной за старой доход // дают оброк. Деревня Костяниково: во дворе Сергейко да Овсейко, во дворе Конаник да Якимко. Сеют 15 кор., сена 60 копен, 5 обиж. Доход старой: 3 гривны и 5 денег, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 4 горсти лну, да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 5 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Китово: во дворе Васко да Смешко, во дворе Терех да Гашко. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, пол-2 обжи. Доход старой не шол, нова. А нового доходу 3 горсти лну да горсть прядут, да в оброк тянет.
- л. 37 об. Деревня Зуевское: во дворе Ондрейко // да Чюрилко, во дворе Клишко да Федько. Сеют 10 коробей, сена 40 копен, 3 обжи. Доход старой не шол, пришел на пусто. А новой доход 8 горстей лну, да 2 горсти прядут, да и в оброк дает

* В тексте кор.

с волостью. Деревня Жолнино: во дворе Машко, во дворе Михно. Сеют 10 коробей, сена 40 конен, пол-5 обжи. Доход старой: 3 гривны, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 4 горсти лну, да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 6 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Шодомица: // во дворе Сысойко да Васко, во дворе Гаврилко да Фешко, л. 38 во дворе Гришка да Микулка, во дворе Мишак да Микифорик. Сеют 15 коробей, сена 60 копен, пол-6 обжи. Доход старой: пол-6 гривны, полкор. пшеницы, пол-2 кор. ржи, пол-2 кор. овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 7 горстей лну, да 4 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Кожакينو: во дворе Васко да сын его Осташ, во дворе Ивашко да Огафонко, во дворе Кондратко да Мосейко, во дворе Смешко. Сеют 11 коробей, сена 40 копен, пол-4 обжи. Доход // старой: пол-3 гривны, полкор. пшеницы, л. 38 пол-2 кор. ржи, пол-2 коробыи овса, полоть мяса, полборана, об. овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, четь хмелю, 12 горстей лну, да 3 горсти пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Вороново: во дворе Захарко да Нестерик, во дворе Июдка да Старко да Нестерик же. Сеют 10 коробей, сена 30 копен, 3 обжи. Доход старой: пол-3 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 12 горстей лну, да 3 горсти // пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх л. 39 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Кукишово: во дворе Гридька, Окулко да Софонко. Сеют 4 кор., сена 20 коп., обжа. Доход старой не шол, сел на пусто. А новой доход: 4 горсти лну, да 2 горсти лну прядут. Деревня Ташнево: во дворе Дмитрок да сын его Гридька, во дворе Самсонко да сын его Нефедко, во дворе Степанко. Сеют 9 коробей, сена 30 копен, 3 обжи. Доход старой: 2 гривны и 2 деньги, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчипа, л. 39 куря, чаша масла, 10 яиц, 4 горсти лну, да 2 // горсти прядут. об. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 6 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Турбина Гора: во дворе Офоласко староста да Васко да Ляшко, во дворе Терех. Сеют 13 кор., сена 60 копен, 4 обжи. Доход старой: пол-3 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 5 горстей лну. А новой доход: лен по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Давыдково: во дворе Олешко да Петрец, во дворе Онуфрейко. Сеют 6 кор., сена 20 копен, // л. 40

- 2 обжи. Доход старой: пол-2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 3 горсти лну, да горсть пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Смердье: во дворе Осташ да его дети, во дворе Куземка, во дворе Юрка, во дворе Дмитрок да сын его Игнатик, во дворе Ивашко да сын его Микитка. Сеют пол-30 коробей, сена 150 копен, 9 обеж. Доход старой: 4 гривны 4 де[ньги], коробья пшеницы, пол-3 кор. ржи, пол-3 кор. овса, полкор. хмелю, четь семени конопляного, // четь круп ячных, 2 куров, чаша масла, 20 яиц, полоть мяса, полборана, 14 горстей лну, да 2 горсти пряли, 2 овчины. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Полстищово: во дворе Микитка да сын его Онцыфорко, во дворе Трофимко, во дворе Яшко, во дворе Лашко, во дворе Онтонко. Сеют 15 коробей, сена 50 копен, пол-5 обжи. Доход старой: две гривны и 10 денег, полкор. пшеницы, иол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла // 10 яиц, 9 горстей лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 3 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Онтуфьевское: во дворе Савка, во дворе Омельяно, во дворе Филька, во дворе Степанко, во дворе Ермолка. Сеют пол-30 кор., сена под деревнею и на селище на Говнякове 100 копен, 7 обеж. Доход старой: 4 гривны и 4 де[ньги], коробья пшеницы, иол-3 коробьи ржи, иол-3 коробьи овса, четь семени конопляного, четь круп ячных, полкоробьи хмелю, полоть мяса, полборана, 2 куров, чаша масла, 20 яиц, 14 горстей лну да 2 горсти пряли. А новой доход: 12 горстей лну да 2 горсти прядут. // А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Рожново: во дворе Ерюха, во дворе Клишко, во дворе Сменко. Сеют 8 коробей, сена 40 копен, пол-3 обжи. Доход старой: пол-3 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, четь хмелю, 3 горсти лну да горсть пряли. А новой доход: лен [и] пряж[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Еловик: во дворе Игнатик, во дворе Офрюта, во дворе Парфенко да Гаврилко. Сеют 12 коробей, сена 40 копен, 4 обжи. Доход старой: // 3 гривны 3 де[ньги], 3 чети пшеницы, пол-3 коробьи ржи, полкоробьи овса, полоть мяс[а], боран, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, четь хмелю, 10 горстей лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Чючемля: во дворе Ефимко, во дворе Миня да Исачко, во дворе Ивашко. Сеют 12 коробей, сена 40 копен, 4 обжи. Доход старой: 2 гривны

3 деньги, иолкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 6 горстей лну да 3 горсти пряли. А новой // доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Ондрушино: во дворе Гридька, во дворе Обакумик. Сеют 5 коробей, сена 15 копен, пол-2 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 6 горстей лну да горсть пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной доход за старой дают оброк. Деревня Кобылья Паства: во дворе Гаврилко, во дворе Ивашко. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, 2 обжи. Доход // старой: гривна з деньгою, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полполти мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 6 горстей лну да горсть пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх горсть лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Махавцово: во дворе Олеха, во дворе Зенко, во дворе Михал да Дурко, во дворе Палка. Сеют 15 коробей, сена 60 копен, 5 обеж. Доход старой: 3 гривны, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 6 горстей лну да 2 горсти пряли. // А новой доход: лен и пряжа по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк, а сверх 6 горстей лну. Деревня Капустино: во дворе Куземка, во дворе Левка. Сеют 7 коробей, сена 20 копен, 2 обжи. Доход старой: иол-2 гривны з деньгою, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 3 горсти лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня На Ручью: во дворе Наумко, во дворе Иванко, во дворе Фофанко, во дворе Левонко. Сеют 8 коробей, сена 40 копен, пол-3 обжи. Доход старой: 2 гривны, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, // чаша масла, 10 яиц, 4 горсти лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 7 горстей лну. Деревня Чюрилова Гора: во дворе Олекса да сын его Максимко, во дворе Сенька да сын его Харитонко, во дворе Гридька да Гаврилко да Логиник. Сеют 10 коробей, сена 40 копен, 3 обжи. Доход старой: 2 гривны з деньгою, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 8 горстей лну да 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Плохово: во дворе Фатьянко да его сын Июдка, во дворе Микитка да сын его Яшко, во дворе Яшко ж, во дворе

л. 42
об.

л. 43

л. 43
об.

л. 44

- л. 44
об. Ивашко. Сеют 20 коробей, сена // 40 копен, 5 обож. Доход старой не шол, нова. А нового доходу: 10 горстей лну да 2 горсти прядут, а в оброк дает же с волостью. Деревня Костяпково ж: во дворе Чюпрок, во дворе Микифорик, во дворе Ивашко. Сеют 11 коробей, сена 40 копен, пол-4 обжи. Доход старой: пол-2 гривны и 3 деньги, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 3 горсти лну да горсть прядут. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 9 горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Крутица: во дворе Онтман да сын его Юрка, во дворе Ивашко, во дворе Корнпко. Сеют 16 коробей, сена 50 копен, // 5 обож. Доход старой: 3 гривны и 3 деньги, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 6 горстей лну да горсть прями. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 6 горстей лну да горсть прядут. Деревня Слезениха: во дворе Максимко, во дворе Стехно да зять его Миница, во дворе Гридька, во дворе Гридька ж, во дворе Матфейко. Сеют 23 коробьи, сена 80 копен, 6 обож. Доход старой: 3 гривны и 5 денег, полкоробьи пшеницы пол-3 коробьи ржи, пол-3 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 6 горстей лну да 2 горсти прями. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 7 // горстей лну. А за иной за старой доход дают оброк.
- л. 45
об. Деревня Нестерково: во дворе Мишко, во дворе Труфаник да Куземка. Сеют пол-4 коробьи, сена нет, обжа. Доход старой не шол, нова. А нового доходу: 2 горсти лну прядут, да и в оброк с волостными тянут. Деревня Платаново: во дворе Левка, во дворе Фих, во дворе Микитка да сын его Гридька, во дворе Пахомко да сын его Васко, во дворе Селиванко. Сеют 20 коробей, сена 20 копен, пол-5 обжи. Доход старой: 2 гривны и 2 деньги, коробья пшеницы, пол-3 коробьи ржи, пол-3 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, куря, чаша масла, 6 горстей лну да 2 горсти прями. А новой доход: // лен и пряжи по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк.
- л. 46
об. Деревня Олково: во дворе Ондрейко, во дворе Миша, во дворе Хер да Харитонко. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, 2 обжи. Доход старой не шел, жил в той деревне десятцкой. А повой доход: 3 горсти лну да горсть прядут, да в оброк с волостью дают. Деревня Дерягино: во дворе Окулько, во дворе Терех да Ивашко. Сеют пол-6 коробьи, сена 40 копен, 2 обжи. Доход старой: пол-3 гривны без деньги, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 4 [горсти] лну, да горсть прями. А новой доход: лен и пряжа по тому ж. А за иной за старой // доход дают оброк.

Деревня Кптово: во дворе Ивашко, во дворе Ульянко да Федоско. Сеют 9 коробей, сена 40 копен, 3 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 3 горсти [лну] да горсть пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Устряпово: во дворе Гришка, во дворе Олферко. Сеют 6 коробей, сена 40 копен, 2 обжи. Доход старой: 2 гривны оброком за все. А новой доход: 4 горсти лну да горсть прядут, а в оброк дают с волостью. Деревня Поддубье: во дворе Ивашко, // во дворе Куземка л. 47 да Якимко. Сеют 7 коробей, сена 20 копен, пол-3 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полоть мяса, овчина, полборана, чаша масла, 10 яиц, 2 горсти лну. А новой доход: лен по тому ж, да сверх к тому горсть лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Меглино: во дворе Ермолка да сын его Яшко, во дворе Савка, во дворе Трофимко. Сеют 9 коробей, сена 30 копен, пол-3 обжи. Доход старой: пол-3 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 5 горстей лну да горсть пряли. А новой доход: лен // и пряж[а] по тому ж. А за иной за л. 47
об. старой доход дают оброк. Деревня Кузицыно: во дворе Леша, во дворе Нестерик. Сеют 7 коробей, сена 30 копен, пол-3 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 3 горсти лну да горсть пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Шилово: во дворе Мосейко, во дворе сын его Дмитрок. Сеют 5 коробей, сена 20 копен, пол-2 обжи. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, // 3 чети ржи, 3 чети овса, полоть мяс[а], полборана, л. 48 овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 5 горстей лну. А новой доход: лен по тому ж да сверх к тому горсть лну прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Вахнино: во дворе Яхно, во дворе Петруша, во дворе Микитка, во дворе Стехно да сын его Иванко. Сеют 11 коробей, сена 40 копен, пол-4 обжи. Доход старой: пол-4 гривны з деньгою, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 2 горсти лну да горсть лну пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх 9 горсте[й] лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Вепрево: во дворе Олиско, во дворе Гришка. Сеют 4 коробьи, сена // 20 копен, обжа. Доход старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяс[а], л. 48
об. полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, 2 горсти лну да горсть пряли. А новой доход: лен и пряж[а] по тому ж, а сверх горсть лну. А за иной за старой доход дают оброк.

- Деревня Ушаково: во дворе Лучка, во дворе Карпик да Труфанко, во дворе Филиппко, во дворе Васко, во дворе Нестерко, во дворе Лунец. Сеют 18 коробей, сена 80 копен под деревнею и на пустоши на Овсяникове, 6 обож. Доход старой: 4 гривны 4 деньги, коробья пшеницы, пол-3 коробья ржи, пол-3 коробья овса, полкоробья хмелю, четь семени конопляного, четь круп ячных, 2 куров, чаша масла, 20 яиц,
- л. 49 полоть мяс[а], полборана, 14 горстей // лну да 2 горсти пряли, 2 овчины. А новой доход: лен 12 горстей да 4 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Федьково: во дворе Захарко, во дворе Ондрейко да Митрошка. Сеют 7 коробей, сена 30 копен, пол-3 обжи. Доход старой не шол, нова. А новой доход: 2 горсти лну да 2 горсти прядут. Деревня Черньцово: во дворе Куземка, во дворе Харька да Ивашко, во дворе Федько да Михно. Сеют 18 коробей, сена 50 копен, 6 обож. Доход старой не шол, пришол на пусто. А новой доход: 10 горстей лну, да 2 горсти прядут, а в оброк с волостью дает же. Деревня Глухово: во дворе Назарко, во дворе Ивашко. Сеют 6 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. Доход старой не шол, нова. А нового доходу: 2 горсти лну прядут, да и в оброк с волостью дают. // Деревня Зихново: во дворе Сидорик, во дворе Ивашко, во дворе Панфилко да Сергейко. Сеют 6 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. Доход старой не шол, нова. А нового доходу: 3 горсти лну прядут да и в оброк с волостью дают. Деревня Маслово Горка: во дворе Яшко, во дворе Исачко, во дворе Селюня да Ивашко. Сеют 9 коробей, сена 40 копен, 3 обжи. Доход старой не шол, пришли на пусто. А новой доход: 3 горсти лну прядут, да и в оброк с волостными дают. Деревня Колыгино: во дворе Мохнач, во дворе Пуминик да Трофимко. Сеют 5 коробей, сена 20 копен. Деревня Прошнево: во дворе Ивашко, во дворе Перхач. Сеют 6 коробей, сена 30 копен, в обеих пол 4 обжи. И з деревни с Колыгина доход старой: 2 гривны, // четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яиц, четь хмелю, 2 горсти лну, да горсть пряли. А новой доход: лен и пряжа по тому ж, а сверх горсть лну. А за иной за старой доход дают оброк. А з деревни с Прошнева доход старой не шол, нова. А нового доходу: горсть лну да 2 горсти прядут, да и в оброк с волостью дают. Деревня Фомкино: во дворе Флор, во дворе сын его Филистик, во дворе его ж сын Тараско. Сеют 5 коробей, сена 70 копен, пол-2 обжи. Доход старой не шол, нова. А нового доходу: 5 горстей лну, да 2 горсти прядут, да и в оброк с волостью дают. Деревня Бели: во дворе Самойлик, во дворе Степанко, во дворе Ивашко, во дворе Мишко. Сеют 11 кор., сена 50 копен, 4 обжи. Доход: 2 гривны // без деньги, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, полполти мяса, куря, 2 горсти лну да 2 горсти пряли.
- л. 50 об.

Деревня Сменово: во дворе Дмитрок, во дворе Захарко. Сеют 2 коробьи, сена 10 копен, обжа. Деревня Котово: во дворе Васько, во дворе Власко. Сеют 5 коробей, сена 30 копен, пол-2 обжи. И с тех дву деревень доход старой не шел, новы. А нового доходу: горсть лну да горсть прядут, да с волостными людьми в оброк дают. Деревня Поздехово: во дворе Савка, во дворе Микитка, во дворе Кошель, во дворе Аристик да Бориско, во дворе Олюта. Сеют 15 коробей, сена 60 копен, пол-5 обжи. Доход старой: пол-3 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яйц, 7 горстей лну да // 2 горсти пряли. А новой доход: лен и пряжа ^{л. 59} по тому ж, а сверх 2 горсти лну, да горсть прядут. А за иной за старой доход оброк дают. Деревня Фишино: во дворе Лашко, во дворе сын его Гридька. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, пол-2 обжи. Доход старой не шол, нова. Деревня Шапкино: во дворе Минька да сын его Онашка, во дворе Овсейко. Сеют 6 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. Доход старой: 3 гривны без 3-х денег, 2 горсти лну да горсть пряли. А новой доход: лен и праж[а] по тому ж. А за иной за старой доход дает оброк. Деревня Сергино: во дворе Игнатик, во дворе Максимко, во дворе Сенька да Остап, во дворе Захарко, во дворе Спирица, во дворе Яроша да Овсевко. Сеют 22 коробьи, сена 100 копен, семь обиж. Доход старой: // 3 гривны без 3-х денег, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, кура, чаша масла, 10 яйц, 7 горстей лну да 3 горсти прядут. А новой доход: лен и праж[а] по тому ж, а сверх 12 горстей лну да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Кузнецова Горка: во дворе Бориха, во дворе Гриша да Нестерик. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, 2 обжи. Деревня Калково: во дворе Куземка, во дворе Мишко да Ивашко. Сеют 6 коробей, сена 30 копен. 2 обжи. И с тех дву деревень доход старой не шол, // новы. А нового доходу: 3 горсти лну ^{л. 60} да 2 горсти прядут, а в оброк с волостью дают. Деревня Онкиповская: во дворе Леня, во дворе Юшко да Ондронко. Сеют 15 коробей, сена 50 копен, пять обиж. Доход старой: пол-4 гривны, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четь хмелю, полоть мяс[а], полборана, овчина, куря, чаша масла, 10 яйц, 7 горстей лну да горсть прядут, а сверх 2 горсти лну. А за иной за старой доход дают оброк. Деревня Оптиповская: во дворе Балмач да Микулка. Сеют 3 коробьи, сена 20 копен, обжа. Доход старой: пол-2 гривны за ключничей, за дружниково. А новой доход 2 горсти лну да горсть прядут. А за иной за старой // ^{л. 60} доход дают оброк. Деревня Панево: во дворе Дениско, во дворе Филька да сын его Олуня, во дворе Офонаско да Сергейко. Сеют 6 коробей, сена 40 копен, 2 обжи. Доход

старой: 2 гривны, четь пшеницы, 3 чети ржи, 3 чети овса, четь хмелю, полоть мяса, овчина, полборана *, курия, чаша масла, 10 яиц, 2 горсти лну да 2 горсти прядут. А новой доход: лен и пряж[a] по тому ж. А за иной ** доход дают оброк в Оленкине. Деревня Глинково: во дворе Оксенко, во дворе Филипко. Сеют 5 коробей, сена 15 копен, пол-2 обжи. Деревня Выскид: во дворе Олексейко, во дворе Овдокимко да Нефедко. Сеют 5 коробей, сена 20 копен, // пол-2 обжи. Деревня Лутково: во дворе Палька да Мосейко. Сеют 5 коробей, сена 20 копен. Деревня Калитино: во дворе Ивашко, во дворе Гридька да Сенька. Сеют 7 коробей, сена 30 копен, в обеих 4 обжи. Деревня Самуйлово: во дворе Ивашко. Сеют 3 коробьи, сена 20 копен, обжа. Деревня Офишкино: во дворе Фофанко. Сеет 3 коробьи, сена 20 копен, обжа. И с тех шти деревень доход старой: 5 гривен, коробья пшеницы, 6 горстей лну прядли, а лен имали у ключника.

Да в Уст-реки ж ключнича деревня Лвово: во дворе Якуш, Дедевов человек ключников, сеет на Дедева 14 коробей, сена 10 копен, четыре обжи. Доход старой с тое деревни не шол, // жил в ней ключник.

И всех деревень в Уст-реке по старому писму и с погостом и з ставными деревнями и с Оленкинскими и со льготными и с пустыми полтора ста и одна, а обеж у них триста и дватцать и три, а сох сто и восмсот без трети. А старого доходу с тое волости: деньгами семнатцать рублев и полторы гривны з деньгою, а хлеба поспом: тритцать и семь коробей и полторы четвертки пшеницы, сто и три коробьи без четвертки ржи, девяносто и три коробьи овса, коробья с полчетверткою ячмени, три четвертки круп яч-ных, три четвертки семени конопляног[о], тринатцать // коробей хмелю. А мелкого доходу: семьдесят и полсема полти мяса, тритцать и полшеста борана, семьдесят и одно курия, семьдесят чаш масла коровья, пятнатцать сыров***, полшеста ста яиц, шестьдесят и полчетверты овчины, две тысячи и девятьсот локот полотен, пятьсот и одна горсть лну, а лен шол в то ж белье. Да со всее волости шло пять яловиц. Да с Кострицы шло в Уст-реку ж семьсот локот полотен, а с Липны в Уст-реку ж шло с ключника сто локот полотна, а с Видемеря шло в Уст-реку сто ж локот полотен.

И всего с Уст-реки и с Оленинских деревень, и с Кострицы, и с Видемери, и с Липны // того белья шло три тысячи и восмсот локот полотен. А бердо ткали те полотна в четверик. А лен збирал с волости ключник и делать по них роздавал и белье у них имал, а белили тои все белье

* В тексте описка — полборана.

** Так в тексте, слово «старой» не написано.

*** В тексте описка — сысов.

погощане. А прями из горсти по пятнатцать пасм * больших, а в постав шло триста и полосмадесят пасм больших, а постав сто локот. А мотовилу мера старая — три лохти.

А ключничка доход с тяглых деревень со ста и з дву деревень: з деревни по полкоробьи ржи, по коробьи овса, по полукоробьи пшепицы, по полкоробьи ячмени, по ковреги, по сыру, по горсти лну. Итого пятьдесят и одна // коробья пшепицы, пятьдесят и одна коробья ржи, сто и две коробьи овса, сто и двое хлебов, сто и два сыра, сто и две горсти лну, пятьдесят и одна коробья ячмени. л. 63

А дружинникова и куничникова с тяглых же со ста и з дву [деревень]: з деревни по гривны з деньгою, по коробьи ржи, по полторе коробье овса, по полукоробье пшепицы, по полукоробьи ячмени, по две горсти лну. Итого: деньгами семь рублей з гривною и четыре деньги; сто и две коробьи ржи, полтора ста и три коробьи овса, пятьдесят и одна коробья пшепицы, пятьдесят и одна коробья ячмени, двести и четыре горсти лну.

А оброку давали за весь старой доход, // опричь белья и лну, пятьдесят рублей и полчетверта рубля и две гривны без деньги. л. 63
об.

Да с Уст-реки ж и с тех волосток давали три тысячи и двести локот полотен в широкое бердо восьмерик да семьдесят пятков лну.

И прибыло деревень три, а обеж полтора ста и полпяты.

И по новому писму в Уст-реке всех деревень и с погостом, и с став[ны]ми, и с Оленкинскими, и с ключничею деревнею полтора ста и четыре, а дворов в них четыре // ста и шездесят и девять, а людей в них шестьсот и дватцать и четыре человеки, а обеж у них чetyреста и семьдесят и полосьмы обжи, а сох полтора ста девять с полутретью сохи. А оброку на ту волость положено и за обежную дань з деревень опричь погоста тритцать рублей и полтора рубля и полчетверты гривны и полшесты деньги с четверетцою. л. 64

А мясного доходу: четыре яловицы, десять боровов, дватцать боранов. А мелкого доходу: дватцать гусей, двести сыров, двести куров, три тысячи яиц, три пуды масла коровья, пятнатцать коробей хмелю. // А деньгами за мясной и за мелкой доход и за хмель пол-6 рубля и 5 гривен и 3 деньги, а хлеба поспом восмдесят и восм коробей и полторы четвертки пшепицы, двести и четыре коробьи и три четвертки ржи, двести и сорок и шесть коробей овса, пятьдесят и три коробьи и полтретьи четвертки ячмени, десять коробей семяни конопляного, и хлеба всякого шестьсот и три коробьи без четвертки. А деньгами за хлеб 23 рубли и полпяты гривны без деньги. л. 64
об.

* В тексте описки — масм.

А озер в Уст-реке: Коробожо, Белое, Чючемле, Онего, л. 65 Ховле, Долгое, Мыльское, // Омшое, Болотное, Поздехово, Карасино, Бельницо. А рыба в тех озерах: щуки, лещи, судоки, окуни, лини *, сома **. А ловили те озера на Марфу, коли приедет в ту волость постояти, безурочно; а коли приедет, ино от нее приезжал полевщик в осенинах, да ловили на нее рыбу теми ж хрестьяны дни три, а иногда четыре. Да что ни уловят рыбы, и оне к ней возили в Новгород — те ж волостные хрестьяне. А оброку давали с озер за рыбную ловлю полтину. А по новому писму с тех озер великого князя оброку за рыбную ловлю рубль. //

л. 65 об. И всего оброку на ту волость положено и за обежную дань, и за посопной хлеб, и за мясо и за мелкой доход, и с озер за рыбную ловлю, — 60 рублей и полтора рубля и пять гривен двенадцать денег без четверетцы. И прибыло к старому оброку и с озер полчетверта рубля и две гривны з деньгю.

А дворетцкого пошлин с оброком с рубля по шти денег, итого полтора рубля и три гривны и пять денег с четью. А дьяку дворцовому с рубля по две деньги, итого полтина и гривна и полторы деньги. А трем ключникам городцким с рубля по три деньги, итого тринадцать гривен и полчетверты деньги. // А селскому ключнику дохода с тое волости: хлеба поспом тритцать и две коробыи пшеницы, тритцать и две коробыи ржи, 64 коробыи овса, а мелкого доходу сто и двадцатеро и осм хлебов, сто и дватцать и осм сырров, сто и дватцать и осм горстей лну.

А погощаном тое волости за оброк и за обежную дань и за то, что пашут на погосте пашню *** Марфинскую, ткати и белити четыре тысячи локот полотен, а пряхи имати у приказщика. И приказщику великого князя пряха имати с волостей: с Уст-реки с ставных деревень, и с тяглых, и с оленкинских, и с монастырских с нокровских, что в Уст-реке // да с Костриц, да и з Глинянца, и с Видемеря, и с Липны с обжи по дватцати и по два пасма больших без четверти пасма. Да из Деревские пятинны с Холовы имати им пряхи девятьсот пасма больших в то ж бельс. А с погощан с устьецких пряхи им не имати. А ткати им полотна бердо восмерик, а в постав давати четьреста и сорок пасм больших, а в постав сто локот. А пряхи им имать в старую меру — мотовило три локти. А лен имати на великого князя с тех волостей з дву **** обеж горсть лну, л. 51 итого семьдесят и пять пятков лну. //

А белья прибыло восмсот локот полотен. А лен и пряху и полотна на великого князя емлет Демитко Истобник, ве-

* В тексте мни.

** В тексте соша.

*** В тексте повторено — пашут.

**** В тексте з ву.

ликые княгини Софьин, Марффинской человек Исаковы, в Уст-реке и в Кострицах, и в Видемери, и в Липне и в Глинске. А доходу Демидку с Уст-реке с тяглых деревень со ста и з дватцати и с осми з деревни по деньзе, по четвертке овса, по горсти лну. Итого деньгами девять гривен и две деньги, тритцать и две коробы овса, сто и дватцать и восм горстей лну. Да с ставных деревень 5 хлебов, 6 лопаток бораньих, горсть лну. //

л. 51
об.

А ключница доходу новово с тяглых деревень со ста и з дватцати и с осми з деревень по четвертки пшеницы, по четвертки ржи, по четвертки ячмени, по полкоробы овса, по коврезе, по сыру, по горсти лну. Итого тритцать и две коробы пшеницы, тритцать и две коробы ржи, 60 и четыре коробы овса, сто и двадцатеро и осмеро хлебов, сто и дватцать и восм сыров, сто и дватцать и восм горстей лну. //

л. 52

Да в Уст-реке деревни Покровского монастыря.

Деревня Шутово: во дворе Лучка да Бориско, во дворе Мишко да Филка да Пашко. Сеют 11 коробей, сена 50 копен, полчетверты обжи. А дают на великого князя, опричь оброку денежно, горсть лну да 2 горсти прядут. А игумену покровскому гривну и четыре деньги, коробья ржи, пол-2 коробы овса, 2 сыра, 2 горсти лну. А дьякону покровскому ж четвертку ржи, четвертку овса, сыр, горсть лну. А дьячку церковному ж покровскому четвертка ржи, четвертка овса, сыр, горсть лну. Да чернцом Покровского же монастыря по 2 коробы ржи, да за сыры и за масло и за семя и за лен пять денег. Да ключнику великого князя устрет//цкому полкоробы ржи, полкоробы овса, ковригу, сыр, горсть лну.

л. 53
об.

Деревня Васково: во дворе Тимошка, во дворе Гришка. Сеют 5 коробей, сена 30 копен, пол-2 обжи. Деревня Море: во дворе Полутка, во дворе Панкратец. Сеют 9 коробей, сена 20 копен, 3 обжи. А дают с обеих деревень на великого князя, опричь денежно оброку, две горсти лну да две горсти лну прядут. А ключнику великого князя устретцкому полкоробы ржи, полкоробы овса, сыр, коврига, горсть лну. А игумену ж гривну и 4 де[ньги], коробья ржи, пол-2 коробы овса, сыр, 2 горсти лну. А дьякону и дьяку коробья ржи, коробья овса, 4 сыры, 4 горсти лну. А чернцом 2 коробы // ржи, 5 денег. Деревня Ильино: во дворе Гришка. Сеет 6 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. А дают на великого князя, опричь оброку денежного, горсть лну, да другую горсть прядут. А ключнику устретцкому четвертка ржи, четвертка пшеницы, четвертка ячмени, полкоробы овса, коврига, сыр, горсть лну. А игумену гривна, полкоробы ржи, полкоробы пшеницы, полторы коробы овса, 2 сыра, 2 горсти лну. А чернцом 2 коробы ржи, полкоробы пшеницы, коробья овса, 5 де[нег]. А дьякону и дьяку полкоробы ржи, полкоробы овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Ровное: во дворе Дмитрок, во дворе Ивашка. Сеют 6 коробей, сена 30 ко-

л. 54

- л. 54
об. пен, 2 обжи. А дают на // великого князя горсть лну да 2 горсти прядут. А ключнику четвертка ржи, четвертка пшеницы, четвертка ячмени, полкоробьи овса, ковригу, сыр, горсть лну. А игумену гривну и четыре деньги, полкоробьи ржи, полкоробьи пшеницы, пол-2 коробьи овса, два сыра, 2 горсти лну. А чернцом пол-3 коробьи ржи, полкоробьи пшеницы, коробья овса, 5 денег. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Прокопьево: во дворе Микулка, во дворе Федотко. Сеют 6 коробей, сена 20 копен. Деревня Петрихино: во дворе Якимко. Сеют 3 коробьи, сена 20 копен, в обеих три обжи.
- л. 53 А дают на великого князя с обеих // деревень полгорсти лну да две горсти прядут. А ключнику четвертка ржи, полкоробьи овса, четвертка пшеницы, четвертка ячмени, сыр, коврига, горсть лну. А игумену 12 денег, четвертка ржи, четвертка пшеницы, 3 четвертки овса, сыр, горсть лну. А чернцом пол-8 деньги, коробья ржи, четвертка пшеницы, полкоробьи овса. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Гаврилово: во дворе Тишко, во дворе Микитка. Сеют 5 коробей, сена 20 копен, пол-2 обжи. А дают на великого князя полгорсти лну да горсть прядут. А ключнику полчетвертки ржи, четвертка овса, полчетвертки пшеницы, полчетвертки ячмени, полковриги, полсыра, полгорсти лну. // А игумену девять денег, четвертка ржи, четвертка пшеницы, 3 четвертки овса, сыр, горсть лну. А чернцом полкоробьи ржи, четвертка пшеницы, полкоробьи овса, пол-3 деньги. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Погорелое: во дворе Селюха. Сеет 3 коробьи, сена 10 копен, обжа. А дают на великого князя полгорсти лну да горсть прядут. А ключнику полчети ржи, четвертка овса, полчетвертки пшеницы, полчетвертки ячмени, полковриги, полсыра, полгорсти лну. А игумену девять денег, четверть ржи, четверть пшеницы, 3 четверти овса, сыр, горсть лну.
- л. 56 А чернцом // коробья ржи, четвертка пшеницы, полкоробьи овса, пол-3 деньги. А дьякону и дьяку — полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Оверкеево: во дворе Онишка, во дворе Лучка да Ондрейко да Онфилловко. Сеют 7 коробей, сена 20 копен. Деревня Каршина Горка: во дворе Гришка, во дворе Ивонка. Сеют 9 коробей, сена 50 копен, в обеих пять обж. А дают с обеих деревень на великого князя 2 горсти лну да четыре горсти прядут. А ключнику полкоробьи ржи, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени, коробья овса, 2 хлеба, 2 сыра, 2 горсти лну. А игумену пол-3 гривны з деньгою, коробья ржи, коробья пшеницы, 3 коробьи овса, 4 сыры, 4 горсти лну. А чернцом // 4 коробьи ржи, 3 четвертки пшеницы, пол-2 коробьи овса, 10 денег. А дьякону и дьяку коробья ржи, коробья овса, 4 сыры, 4 горсти лну. Деревня Парамоново: во дворе Левко,

во дворе Климко да Ивашко да Гришка. Сеют 9 коробей, сена 60 копен, 3 обжи. Деревня Заболотье: во дворе Захарко, во дворе Гришка, да Климко. Сеют 8 коробей, сена 50 копен, пол-3 обжи. А дают с обеих деревень на великого князя 2 горсти лну да 4 горсти прядут. А ключнику полкоробьи ржи, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени, коробья овса, 2 хлеба, 2 сыра, 2 горсти лну. А игумену дают пол-3 гривны з деньгою, коробья ржи, коробья пшеницы, // ^{л. 55} 3 коробья овса, 4 сыры, 4 горсти лну. А черьцом 5 коробей ржи, коробья пшеницы, 2 коробья овса, 10 денег. А дьякону и дьяку коробья ржи, коробья овса, 4 сыры, 4 горсти лну. Деревня Пудово: во дворе Олех да сын его Захарко. Сеют 6 коробей, а сена 50 копен. Деревня Гоголево: во дворе Матвейко, во дворе Фомка. Сеют 5 коробей, сена 20 копен, в обеих пол-4 обжи. А дают с обеих деревень на великого князя пол-2 горсти лну да 2 горсти прядут. А ключнику полкоробьи ржи, пол-2 четвертки пшеницы, пол-2 четвертки ячмени, 3 четвертки овса, пол-2 ковриги, пол-2 сыра, пол-2 горсти лну. А игумену // гривна и 4 деньги, 3 четвертки ржи, 3 четвертки пшеницы, пол-2 коробья овса, 2 сыра, 2 горсти лну. А черьцом пол-3 коробьи ржи, полкоробьи пшеницы, коробья овса, гривна и 5 денег. А дьякону и дьяку коробья ржи, коробья овса, 4 сыры, 4 горсти лну. Деревня Гверстянец: во дворе Филька, во дворе Сысойко да Ондрейко. Сеют 5 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. А дают на великого князя полгорсти лну, а горсть прядут. А ключнику четвертка ржи, четвертка овса, полковриги, полгорсти лну. А игумену 9 денег, четвертка ржи, 3 четвертки овса, // сыр, горсть лну. ^{л. 57} А черьцом коробья ржи, 3 де[ньги]. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Ортюшино: во дворе Орешко, во дворе Петрок да Микулка. Сеют 6 коробей, сена 40 копен, 2 обжи. А дают на великого князя полгорсти лну да горсть прядут. А ключнику четвертка ржи, четвертка овса, полковриги, полсыра, полгорсти лну. А игумену 5 денег, четвертка ржи, полкоробьи овса, сыр, горсть лну. А черьцом коробья ржи, полкоробьи овса, 2 де[ньги]. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Столбово: во дворе Гришка, во дворе Калех, // во дворе Сенка да Еська да Ерофейко да Смешко. Сеют 9 коробей, сена сто копен, 3 обжи. А дают на великого князя горсть лну да 2 горсти прядут. А ключнику четвертка ржи, четвертка пшеницы, четвертка ячмени, полкоробьи овса, коврига, сыр, горсть лну. А игумену две гривны без дву денег, полкоробьи ржи, полкоробьи пшеницы, 2 коробья овса, 3 сыры, 3 горсти лну. А черьцом 6 коробей ржи, полкоробьи пшеницы, коробья овса, 5 де[нег]. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, горсть лну. Деревня Яковле: во дворе Сенка, // во дворе Лашко, во дворе Чюпро да сын его ^{л. 58}

Мишка. Сеют 6 коробей, сена 50 копен, 2 обжи. А дают на великого князя горсть лну да 2 горсти прядут. А ключнику полкоробьи ржи, полкоробьи овса, хлеб, сыр, горсть лну. А игумену гривна и 4 деньги, коробья ржи, пол-2 коробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. А чернцом пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, 5 денег. А дьякону и дьяку полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Жиделево: во дворе Онтошко да Онфилошко. Сеют 3 коробьи, сена пять копен, обжа. А дают на великого князя // полгорсти лну да горсть прядут. А ключнику четвертка ржи, четь овса, полковриги, полсыра, полгорсти лну. А игумену 9 денег, четвертка ржи, полкоробьи овса, сыр, горсть лну. А чернцом коробья ржи, 2 деньги. А дьякону и дьяку четвертка ржи, четвертка овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Погорелое: во дворе Олексейко. Сеет 2 коробьи, сена 5 копен, полбжи. Деревня Пархачево: во дворе Онцыфорик да Куземка Сеют 5 коробей, сена 15 копен, пол-2 обжи. А дают с обеих деревень на великого князя горсть лну да 2 горсти прядут. А ключнику полкоробьи ржи, полкоробьи овса, коврига, л. 67 горсть лну, // сыр. И игумену гривна и 2 деньги, четь ржи, полкоробьи овса. А чернцом 2 коробьи с четверткою ржи, четь пшеницы, 3 деньги. А дьякону и дьяку 3 чети ржи, 3 чети овса.

И по старому писму всех деревень Покровского монастыря осьмнатцать, а обеж тритцать и одна, а сох девять с третью.

А оброку на великого князя с тех деревень игумен покровской давал рубль. А крестьяне оброку великого князя давали с тех деревень семь гривен да семь коробей овса, да шестьнатцать горстей лну, да тритцать горстей прядут.

л. 68 об. А ключнику устретцкому дают полтредьги // коробьи с поллучетверткою пшеницы, полтредьги коробьи ячмени, полшесты коробьи ржи, восемь коробей овса, шеснатцать хлебов, шестьнатцать сыров, шестьнатцать горстей лну.

А приказчик устретцкой Демидко Истобник емлет с тех деревень, з деревни по горсти лну, дватцать и две горсти лну.

А игумен емлет с тех деревень на себя рубль и четыре гривны без деньги, 5 коробей пшеницы, 9 коробей ржи, полдругинатцаты коробьи овса, 29 сыров, 29 горстей лну.

л. 68 А чернцом Покровского монастыря дают * с тех же деревень — денег полсеми гривны и пол-3 деньги, 5 коробей без четверти пше//ницы, тритцать и пять коробей без четвертки ржи, 11 коробей овса.

А дьякону и дьяку Покровского монастыря дают с тех же деревень десять же коробей ржи, да 10 коробей овса, тритцать восемь сыров, тритцать и восемь горстей лну.

И прибыло деревень 4, а обеж полтредьгинатцаты.

* В тексте датос.

А по новому письму деревень Покровского монастыря 22, а дворов 39, а людей в них 56 человек, а обеж 40 и полчетверты, а сох пол-15.

А оброку великого князя на те деревни положено и за обежную дань два рубля и с ыгумновым рублем, да пошлины с оброком // дворетцкого п дьячие с рубля одиннатцать денег. Да им же давати на великого князя с обжи по дватцать и полутора пасма пряжи на белье, да по полугорсти лну, итого 20 и две горсти. А ключник устретцкой и приказчик устретцкой емлет доход по старени ж.

А игумен покровской и чернды, и дьякон, и дьяк с тех же деревень емлет полсемы гривны и полтретьи деньги и хлебной мелкой доход по старени.

Да в Уст-реке ж на погосте манастырек, а в нем церковь Покров святей богородицы, а игумен в том манастырке Аврамей. А церковных // дворов на погосте: во дворе дьякон Леонтей, во дворе дьяк церковной Демешка, а пашни у них нет.

Да в Уст-реке ж церковные деревни. Деревня Горка: во дворе Игнатко, игуменов сын да прикромник Ивашко. Сеют 5 коробей, сена 20 копен. Деревня Попово: во дворе покровской поп Александр. Сеет 6 коробей, сена 30 копен. Пашут землю церковную, в обжи не положены. //

В Глиненску дворцовые деревни Марфинские Исаковы в Любонском, в Никольском погосте.

Деревня Чапкино: во дворе Ивашко да Туша. Сеют 5 коробей, сена 20 копен. Деревня Липовица: во дворе Микитка да Ивашко. Сеют 4 коробьи, сена 20 копен, в обеих иолтретьи обжи. Доход старой с обеих: 7 денег, коробья ржи, коробья овса, четверть пшеницы, горсть лну. А ключнику * — четвер[ть] ржи, десять яиц, горсть лну. А ныне лен дают по старене. А за иной доход за старой дают оброк. А ключнику устретцкому дают четвер[ть] ржи, четвер[ть] овса, четвер[ть] пшеницы, 2 хлеба, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Выскидно: во дворе Овдокимко, во дворе Микитка. Сеют пол-3 коробьи, сена 20 копен, обжа. Деревня Припругово: // во дворе Захарко. Сеет пол-3 коробьи, сена 20 копен, обжа. Доход старой с обеих деревень с Выскидна и с Припругова не шол, сели ново. А ныне дают, опричь оброку денежного, 2 горсти лну. А ключнику устретцкому с обеих деревень — четвер[ть] ржи, четвер[ть] овса, четвер[ть] пшеницы, 2 хлебов, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Степаново: во дворе Онтонко, во дворе Мартюш, во дворе Олис да Ортюга, во дворе Изоня. Сеют 9 коробей, сена 30 копен, 3 обжи. Доход старой не шел, жил ключник. А ныне дают, опричь оброку денежного, горсть лну. А ключнику четвер[ть] ржи, четвер[ть] овса, четь пшеницы, 2 сыра, 2 горсти лну, 2 хлебов.

* В тексте описка — ключнику.

л. 71 Да воцчих // деревень Марфинских с Ыгнатьевскими Леского за Гридею за Бачьмановым. Деревня Пантюшино, половина ее Марфинская: во дворе Ондрейко. во дворе Куземка. Сеют 5 коробей, сена 10 копен, пол-2 обжи. Доход старой: 7 денег, четвер[ть] ржи, полкор. овса, четвер[ть] пшеницы, горсть лну. А ключнику полчетвер[ти] ржи, полче[ти] овса, коврига, сыр, горсть лну. А ныне лен дают по старине — горсть. А за иной за старой доход дают оброк. А ключнику устретцкому — старой ключнич доход. Деревня Онтонова Горка, половина ее Марфинская: во дворе Васко. Сеет две коробы, сена 10 копен, положби. Деревня Тимошкино, половина ее Марфинская: во дворе Олешко. Сеет 3 коробы, сена 20 копен, обжа. И с тех обеих // деревень доход старой не шел, сели ново, а ныне дают оброк. А ключнику устретцкому полчетвер[ти] ржи, полчетвер[ти] овса, полчетвер[ти] пшеницы, коврига, сыр, горсть лну. Деревня Кошелево, половина ее Марфинская: во дворе Марко, во дворе Ивашко. Сеют 3 кор., сена 20 копен, обжа. Доход старой: 7 денег, полкоробы ржи, 3 чертвер[ти] овса, четь пшеницы. А ныне дают за старой доход оброк. А ключнику устретцкому четвер[ть] ржи, четвер[ть] овса, четвер[ть] пшеницы. 2 хлеба, 2 сыра, 2 горсти лну. Деревня Мясово, половина ее Марфинская: во дворе Яшко, во дворе Федко. Сеют 5 коробей, // сена 20 копен, пол-2 обжи. Доход старой: 3 де[ньги], полкоробы ржи, полкоробы овса, горсть лну. А ключнику — полчетвер[ти] ржи, полчетвер[ти] овса, полчетвер[ти] пшеницы, коврига, сыр, горсть лну. А ныне лен дают по старени. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич * доход. А Игнатьевские половины люди и обжи писаны у Гриди у Бачманова с его деревнями. Да в Глинску ж деревни дворцовые ж, что были Дитреевские ж церковные з Даниславлю улицы из Нередского конца в Никольском же погосте. Деревня Грихново: во дворе Олферко да сын его Ивашко, во дворе Чюпреяно, во дворе Микифорик. Сеют 12 коробей, сена 60 копен, 4 обжи. Доход старой: гривна и 2 деньги, кор. ржи, кор. овса, полкоробы пшеницы, горсть лну. А ключнику четвер[ть] ржи, четвер[ть] овса, 2 хлеба, 2 сыра, 2 горсти лну. А ныне лен дают по старени — горсть. А за иной доход за старой дают оброк. А ключник устретцкой емлет ключнич* старой доход. Деревня Глиенец: во дворе Микитка, во дворе Фомка, во дворе Грихно, во дворе Смешко, во дворе Кохно да сын его Филипко, во дворе Тишко, во дворе Ивашко, во дворе Окулько, во дворе Яшко. Сеют под деревнею и на селище на Губине пол — 30 кор., сена 70 коп., 7 обеж. Доход старой: пол-2 гривны без деньги, 2 кор. без чет[и] ржи, 2 кор. без четвер[ти] овса, полкор. пшеницы, 2 горсти лну. А ключнику четвер[ть] овса, четь

* В тексте описки — ключнич.

ржи, четвер[ть] пшеницы, 2 сыра, 2 горсти лну. // А ныне лен дают по старине. А за иной доход за старой дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Орехово: во дворе Ивашко да сын его Власко. Сеют пол-3 кор., сена 20 коп., обжа. Деревня Зайцово: во дворе Спдко да Онтушко. Сеют 3 кор., сена пять коп., пол-2 обжи. Деревня Взвяд: во дворе Лева. Сеет 4 кор., сена 10 коп., обжа. Деревня Пупово: во дворе Мартюш. Сеют 6 кор., сена 5 коп., 2 обжи. Деревня Махново: во дворе Харло. Сеет 3 кор., сена 5 коп., обжа. И тех 5 деревень доход старой не шол*, если ново. А ныне дают 2 горсти лну, опричь оброку денежного. А ключнику устьретьцкому дают з деревни по полчетвер[ке] ржи, по полчетвер[ке] овса, по полчетверке пшеницы, по хлебу**, по сыру, по горсти лну. Деревня Лядцково: во дворе Харька, во дворе Сенька, во дворе Василь, во дворе Ларька да Михно. Сеют 8 кор., сена 10 коп., 3 обжи. Доход старой: 4 деньги, четвер[ть] пшеницы, кор. ржи, кор. овса. А ключнику четвер[ть] ржи, четвер[ть] овса, четвер[ть] пшеницы, 2 хлебов, 2 сыра, 2 горсти лну. А ныне дают горсть лну. За иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Бозыниха, вопчая, половина ее Григорьевская да Матвеевская Ивановых детей сына Леского, дворцовая: во дворе Наумко, во дворе Иванко, во дворе Яшко да Зешко. Сеют 6 кор., сена 40 коп., 2 обжи. А доход старой не // шел сели ново, а ныне дают оброк. А ключнику дают четь ржи, четверть овса, сыр, горсть лну. А половина тое деревни Онтонова монастыря, и тое половины люди и обжи писаны с онтоновскими деревнями.

л. 72
об.

л. 73

И по старому писму в Глиненцу всех деревень десять, а обеж 15, а сох 5. А старово доходу: пол-5 гривны з деньгою, а хлеба поспом 2 кор. пшеницы, 6 коробей ржи, пол-7 кор. овса, 6 горстей лну. А ключнича доходу: пол-3 четверти пшеницы, коробья с четь[ю] ржи, кор. овса, 6 хлебов, 8 сыров, 10 яиц, // 9 горстей лну.

л. 73
об.

А оброку великого князя давали за тот за старой доход рубль и шесть гривен, да одиннатцать горстей лну.

И прибыло деревень девять, а обеж дватцать с полуобежею. И по новому писму в Глиненску и з Дмитриевскими же и з Бобынихою с вопчими деревень девятнадцать, а дворов сорок и один, а людей в них пятьдесят человек, а обеж трицать п полшесты, а сох 12 бес полутрети. А оброку на те деревни положено п за обежную дань рубль и пол-3 гривны // з денгою. А мелкого доходу: 3 боровы, 10 боранов. 15 гусей, 30 куров, 300 яиц, 30 сыров, а деньгами за тот за мелкой доход полтина и пол-7 гривны и 3 деньги. А хлеба пос-

л. 74

* В тексте описка — хол.
** В тексте описка — глебу.

пом: 5 коробей пшеницы, 15 коробей ржи, 20 коробей овса, 5 коробей ячмени, коробья семени конопляного, кэробья гороху. И хлеба всякого 47 коробей, а денгами за тот хлеб рубль и 12 гривен без денги.

И всего оброку денгами и за обежную дань и за хлеб и за мясо и за мелкой доход пол-4 рубля и пол-6 гривны и 4 денги. // И прибыло к старому оброку рубль и 9 гривен и 6 денег. А дворецкого пошлин с рубля по 6 денег, итого гривна и 8 денег с полчетверетцею. А дьяку дворцовому с рубля по 2 денги, итого семь денег с четверетцею.

А ключником трем городцким с рубля по 3 денги, итого 11 денег с четверетцею. Да им же давать на великого князя с обжи по дватцати по полутора пасма пряжи на билье, да по полугорсти лну, итого осмнатцать // горстей.

А сельскому ключнику с тех деревень дохода хлеба попом 2 коробьи пшеницы да пол-2 чет[и], 3 коробьи ржи, 3 коробьи овса, а мелкого дохода 20 хлебов, 23 сыра, 23 горсти лну //

Волость Видемер Марфинская Исаковы жены в Никольском погосте.

На погосте церковь Никола святой, а дворов на погосте: во дворе Ивашко, сеет 2 коробьи, сена 10 копен, пол-обжи. Да ставная деревня Зайцово: во дворе Микитка, сеет 3 коробьи, сена 10 копен, обжа. Доход старой с погоста и з деревни и з Зайцова: пряли десять горстей лну, да к тому пряжи доимали с волости, а ткали сто локот полотна. А ныне лен прядут и пряжу доимают и ткут по старине. А ключнику — полкоробьи ржи, полкоробьи овса, четверть // пшеницы, четверть ячмени. Тос ж волости деревни тяглые. Деревня Доронино: во дворе Чюрилко, во дворе Спирика. Сеют 5 коробей, сена 30 копен, пол-2 обжи. Деревня Остров: во дворе Обросимко, во дворе Матвейко да Михал. Сеют 6 коробей, сена 30 копен. Деревня Галицино: во дворе Якимко. Сеет 3 коробьи, сена 20 копен, в обеих 3 обжи. Деревня Горка Куротково: во дворе Сысойко, во дворе Терешко. Сеют 5 коробей, сена 10 копен, пол-2 обжи. Деревня Лезгино: во дворе Ондрейко, во дворе Ивашко да Галица. Сеют 6 коробей, сена 10 копен, 2 обжи. Деревня Заделье: во дворе Китайко да Стешко. Сеют 3 коробьи, сена 15 копен, обжа. Деревня Шамово: во дворе Васко // да Гришка. Сеют 2 коробьи, сена 10 копен, пообжи. И с тех 7 деревень доход старой не шел, сели ново, а ныне дают оброк. Да з деревни ж по горсти лну, да по другой горсти прядут. А ключнику великого князя дают з деревни ж по полукоробьи ржи, по полукоробьи овса, по полчетвертки пшеницы, по полчетвертки ячмени, по денги, по полусыра, по полугорсти лну.

Деревня Чюрова Горка: во дворе Емельялко, во дворе Поташко да Агафонко. Сеют 8 коробей, сена 30 копен,

пол-3 обжи. Деревня Яковицово: во дворе Олех да сын его Гридька, во дворе Сысойко да сын его Ивашко, во дворе Фешко да Панко. Сеют // 9 коробей, сена 50 копен, 3 обжи, л. 77
 Деревня Сивцово: во дворе Игнатко да сын его Демидко, во дворе Юшко, во дворе Агафонко да сын его Агафонко. Сеют 8 коробей, сена 50 копен. Деревня Юркино: во дворе Гришка, во дворе Дорофейко. Сеют 7 коробей, сена 50 копен, в обеих 5 обеж. Деревня Щитово: во дворе Поташко, во дворе Олексейко да Якуш да Минка. Сеют 6 коробей, сена 50 копен. Деревня Панфилово: во дворе Ивашко, во дворе Мелешко да сын его Июдка да Нестерик. Сеют 5 коробей, сена 20 копен, в обеих 5 обеж. И с тех со 6 деревень доход старой: з деревни по 3 гривны без дву денег, по полукоробьи ржи, // по полукоробьи овса. А ключнику по коробьи ржи, л. 77
 по коробьи овса, по четвертки пшеницы, по четвертки ячмени, по 2 деньги, по сыру, по горсти лну. А ныне дают з деревни же по 2 горсти лну, да по 2 горсти прядут. А за иной старой доход дают оброк. А ключник * великого князя емлет ключнич старой доход. Деревня Минкино: во дворе Демешко да сын его Михал да Якимко. Сеют 7 коробей, сена 20 копен, две обжи. Деревня Исады: во дворе Трошко да Гришка. Сеют 5 коробей, сена 30 копен, пол-2 обжи. И с тех з дву деревень доход старой: з деревни по полу-2 гривны, л. 78
 по полукоробьи ржи, // по полукоробьи овса, по горсти лну, да по другой горсти пряли. А ключнику з деревни ж по коробьи ржи, по коробьи овса, по четвертки пшеницы, по 2 деньги, по сыру, по горсти лну. А ныне лен дают и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Нендино: во дворе Гаврилко да Филка. Сеют 3 коробыи, сена 10 копен, обжа. Доход старой: 8 денег, четь ржи, четь овса, горсть лну, да другую горсть пряли. А ключнику денга, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, полгорсти [лну], полсыра. А ныне лен дают и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключнику денга, // полкоробьи ржи, полкоробьи л. 78
 овса, полчетвертки пшеницы, полчетвертки ячмени, полсыра, полгорсти лну. Деревня Федюшино: во дворе Онашка да Микулка, во дворе Юшко да Ивашко. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, 2 обжи. Доход старой: две гривны, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, две горсти лну, да 2 горсти пряли. А ключнику 2 деньги, коробыя ржи, коробыя овса, сыр. горсть лну. А ныне дают лен и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключнику дают 2 деньги, коробыя ржи, коробыя овса, полчетвертки пшеницы, полчетвертки ячмени, полсыра, полгорсти лну. Деревня Рысово: во дворе Шешко, во дворе Куземка, // во дворе Мпшута да л. 79
 Офремко. Сеют 5 коробей, сена 30 копен. Деревня Калитино:

* В тексте ключнику.

- во дворе Иванец да Мартюша да Яхно. Сеют 5 коробей, сена 30 копен, в обеш 5 обеж. Доход старой с обеш деревень: 2 гривны и 2 денги, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, 2 горсти лну, да 3 горсти ж пряли. А ключнику 2 деньги, коробья ржи, коробья овса, сыр, горсть лну. А ныне дают с обеш деревень 2 горсти лну да 3 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключнику дают с обеш деревень 4 денги, 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени, 2 сыра, 2 горсти лну. // Деревня Медуничниково: во дворе Данилко да сын его Федько, во дворе Игнатко, во дворе Игнатко ж. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, пол-3 обжи. Доход старой: по[л]-3 гривны, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, горсть лну, да другую горсть пряли. Ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, сыр, горсть лну. А ныне лен дают и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. Деревня Гусево: во дворе Олфимко да Клиша. Сеют 5 коробей, сена нет. Деревня Миронегово: во дворе Васко да Захарко, во дворе Офонаско да Лучка да // Сенька. Сеют 5 коробей, сена нет, в обеш 5 обеж. Доход старой с обеш деревень: 2 гривны и 6 денег, коробья ржи, коробья овса, горсть лну да горсть пряли. А ключнику 4 денги, 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени, 2 сыра, 2 горсти лну. А ныне лен дают и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Бревново: во дворе Яшко, во дворе Ермолка, во дворе Игнатко, во дворе Ляхач. Сеют 9 коробей, сена 20 копен, 3 обжи. Доход старой: гривна, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, // четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне дают за старой доход оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Плещиха: во дворе Яшко, во дворе Ортюшко да Сенька. Сеют 6 коробей, сена 10 копен, 2 обжи. Доход старой: 9 денег, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, горсть лну, да другую горсть пряли. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне лен дают и прядут по старине, а сверх горсть лну да горсть ж прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня
- л. 79 об. Заделье ж: во дворе Ивашко, // во дворе Ивашко ж кузнец, во дворе Юрка. Сеют 8 коробей, сена 20 копен, пол-3 обжи. Доход старой: 3 гривны бес трех денег, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, горсть лну да другую горсть прядут. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четвер[ть] пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне лен дают и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой доход ключнич. Деревня Ямница:

во дворе Власко да сын его Гришка, во дворе Костко. Сеют 8 коробей, сена 30 копен, пол-3 обжи. Деревня Мельметово: во дворе Олферко да сын его Степан, во дворе Степанко. Сеют 8 коробей, сена 40 копен, пол-3 обжи, И с тех дву деревень доход ста//рой не шел, сели ново, а ныне дают ^{л. 81} об. оброк. Да з деревни по горсти лну, да по другой горсти прядут. А ключнику з деревни ж по 2 деньги, по коробьи ржи, по коробьи овса, по чет[и] пшеницы, по чет[и] ячмени, по сыру, по горсти лну. Деревня Чюрино: во дворе Парфенко, да [сын] его Яшко. Сеют 3 коробьи, сена 20 копен, обжа. Доход старой: гривна, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 деньги, коробья ржи, коробья овса, четвертка пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне дают горсть лну, да другую горсть прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Чурово: во дворе Зехно да сын его Сенка, во дворе Ивашко. Сеют 7 коробей, сена 30 копен, 2 обжи. Доход ста// ^{л. 82} рой: гривна, десять денег, да горсть лну, да горсть пряли, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне лен дают и прядут по старине. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Жирово: во дворе Костя, во дворе Фофаник да Ивашко. Сеют в поле и на нивах 5 коробей, сена 20 копен, пол-2 обжи. Доход старой: гривна, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четвер[ть] пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне дают 2 горсти лну да третью горсть прядут. А за иной за старой // доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Махново: во дворе Яшко, во дворе Ондрейко да Веля. Сеют 6 коробей, сена 50 копен, 2 обжи. Доход старой: гривна, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 деньги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне дают две горсти лну, да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Еваново: во дворе Ивашко, во дворе Ивашко ж. Сеют 5 коробей, сена 20 копен. Деревня Наволок: во дворе Мартьянко. Сеет 4 коробьи, сена 10 копен, в обейх 3 обжи. Доход старой с обейх деревень: гривна, // горсть лну, да другую ^{л. 83} горсть пряли. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне дают с обейх деревень лен и прядут по старине, а сверх горсть прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Язино: во дворе Чюрилко, во дворе Васко. Сеют 6 коробей, сена 20 копен, пол-3 обжи. Доход старой: гривна, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне

- дают горсть лну да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход.
- л. 83 об. Деревня Бо//ровское: во дворе Аристик, во дворе Ивашко. Сеют 6 коробей, сена 15 копен, 2 обжи. Деревня Другое Боровское: во дворе Мартьянко, во дворе Степаanko, во дворе Ивашко. Сеют 10 коробей, сена 10 копен, 3 обжи. Доход старой с обеих: гривна, полкоробьи ржи, полкоробьи овса. А ключнику 2 деньги, коробья ржи, коробья овса, четь пше- ницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. А ныне дают 2 горсти лну да 2 горсти прядут. А за иной за старой доход дают оброк. А ключник емлет старой ключнич доход. Деревня Климуха: во дворе Полуянко, во дворе Перша, во дворе Ульянко. Сеют 5 коробей, сена 15 копен. Деревня Кли- муха ж: во дворе Васко, во дворе Алексеико. Сеют 4 ко- робьи, // сена 10 копен, в обеих 3 обжи. Доход старой не шел, жили Марфинские слуги, а ныне дают с обеих деревень оброк. А ключнику 2 денги, коробья ржи, коробья овса, четь пшеницы, четь ячмени, сыр, горсть лну. Деревня Петуново: во дворе Фомка. Сеет коробью, сена 5 копен. Деревня Ше- лутково: во дворе Онфимко. Сеет полкоробьи, сена нет, в обеих обжа. Доход не идет, сели ново. Деревня Мутишино: во дворе Ивашко Дедевов сын, сеет 6 коробей, сена 10 ко- пен. Деревня Игнатъевское: во дворе Куземка да Васко.
- л. 81 об. Сеют 3 коробьи, сена 10 копен, в обеих пол-3 обжи. Доход // старой не шел, жил ключник.

И по старому писму в Видемере всех деревень и с пого- стом и со льготными деревнями и с ключничими тритцать и три, а обеж пятьдесят и шесть, а сох 9 без трети.

- А старого доходу: денгами полтретья * рубля и четыре гривны без дву денег, а хлеба поспом: одиннатцаг коробей с четверткою ржи, одиннатцаг коробей с четверткою овса, а мелкого доходу // тритцать горстей лну, да тринацать горстей прями. А ключнича доходу три гривны и пять денег, пять коробей пшеницы, двадцать и полчетверты коробьи ржи, дватцать и полчетверты коробьи овса, полпяты коробьи ячмени, дватцать и полчетверта сыра, дватцать и полчет- верты горсти лну.
- л. 85 А старого доходу: денгами полтретья * рубля и четыре гривны без дву денег, а хлеба поспом: одиннатцаг коробей с четверткою ржи, одиннатцаг коробей с четверткою овса, а мелкого доходу // тритцать горстей лну, да тринацать горстей прями. А ключнича доходу три гривны и пять денег, пять коробей пшеницы, двадцать и полчетверты коробьи ржи, дватцать и полчетверты коробьи овса, полпяты коробьи ячмени, дватцать и полчетверта сыра, дватцать и полчет- верты горсти лну.

А оброку великого князя давали за тот за старой доход два рубля и полторы гривны, да сорок горстей з горстью лну, да полпятадесят горстей прями; да за сокол два

- л. 85 об. рубля. //

И прибыло деревень одинпатцать, а обеж дватцать п пол- шесты.

И по новому писму всех деревень и с погостом и со льгот- ными сорок и четыре, а дворов восмдсаят и два, а людей в них сто и семнатцать человек, а обеж восмдсаят и пол- торы, а сох 27 с полутретью сохп.

* В тексте полтрея.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	
Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника	5
<i>Иванов Г. М.</i>	
О структуре источниковедческой критики	23
<i>Варшавчик М. А.</i>	
КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Большевистские публикации на страницах газеты «Киевское слово» в 1905 г.	39
<i>Сарбей В. Г.</i>	
«Открытое письмо» рабочих по поводу повести М. Горького «Мать»	65
<i>Розенгаль И. С.</i>	
К методике изучения «черных книг» капиталистических предприятий конца XIX—начала XX в.	80
<i>Ложкин В. В.</i>	
Источники о Московском «Рабочем союзе» (обзор и общая характеристика)	112
<i>Кугьев В. Ф.</i>	
К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний	134
<i>Голиков А. Г.</i>	
Источники для изучения мировоззрения пореформенного крестьянства	157
<i>Виноградов В. А.</i>	

Источниковедческие вопросы изучения судьбы дарственных
ников в России 177
Бурдина О. Н.

Об изучении наказов в законодательную Комиссию 1767 г. 192
Недосекин В. И.

Разрядные книги как источник истории пограничной обо-
роны Русского государства в конце XV — первой трети
XVII в. 206
Буганов В. И.

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ**

О тенденциях развития специальных исторических дис-
циплин. Историографический обзор за 1964—1978 гг. . . . 219
Соболева Н. А.

ПУБЛИКАЦИИ

Отрывок из Писцовой книги конца XV в. 238
Петрова Р. Г.

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ,
СБОРНИК СТАТЕЙ
1979**

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР*

Редактор издательства *Е. В. Рубцова*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *В. Д. Прилепская*
и *А. П. Гусева*
Корректоры *Ю. Л. Косорыгин, О. В. Лагорова*

ИБ № 18293

Сдано в набор 28.02.80.
Подписано к печати 21.07.80.
Т-12709. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 19,9
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 1252.
Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

готовится к печати:

ВОССТАНИЕ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ 1698 ГОДА

(Материалы следственного дела).

Сборник документов.

20 л. 2 р. 30 к.

В сборнике публикуются документы следственного дела о восстании московских стрельцов в 1698 г., освещающие причины и ход выступления стрельцов. В предваряющем обзоре даны сведения о составе основных дел розыска, а в комментариях — описание отдельных документов и дел, не вошедших в сборник.

Книга рассчитана на историков-специалистов, аспирантов, преподавателей вузов.

ОВЧИННИКОВ Р. В. МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ Е. И. ПУГАЧЕВА

(Источниковедческое исследование).

20 л., 2 р. 50 к.

Монография посвящена важной теме — источниковедческому исследованию повстанческой документации Крестьянской войны 1773—1775 гг. В работе впервые исследован весь комплекс манифестов и указов Пугачева. Значительное внимание уделено проблеме реконструкции утраченных рескриптов Пугачева.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ. ДОКУМЕНТЫ, Т. XVII

30 л., 3 р. 50 коп.

В настоящем документальном издании публикуются материалы Верховного уголовного суда над декабристами: манифесты, указы и рескрипты об учреждении суда, протоколы заседаний суда и его комиссий, полный текст приговора, вынесенного декабристам, официальная переписка. Подавляющее большинство документов издается впервые.

Издание рассчитано на специалистов — историков и преподавателей вузов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 335009 Ереван, ул. Туманяна, 31; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 253030 Киев, ул. Ленина, 42; 252030 Киев, ул. Пирогова, 2; 252142 Киев, проспект Вернадского, 79; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28; 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1; 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197110 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 192104 Ленинград, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2; 196034 Ленинград, В/О, 9-я линия, 16; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 142292 Пушкино Московской обл.; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10; 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.